

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСДИ

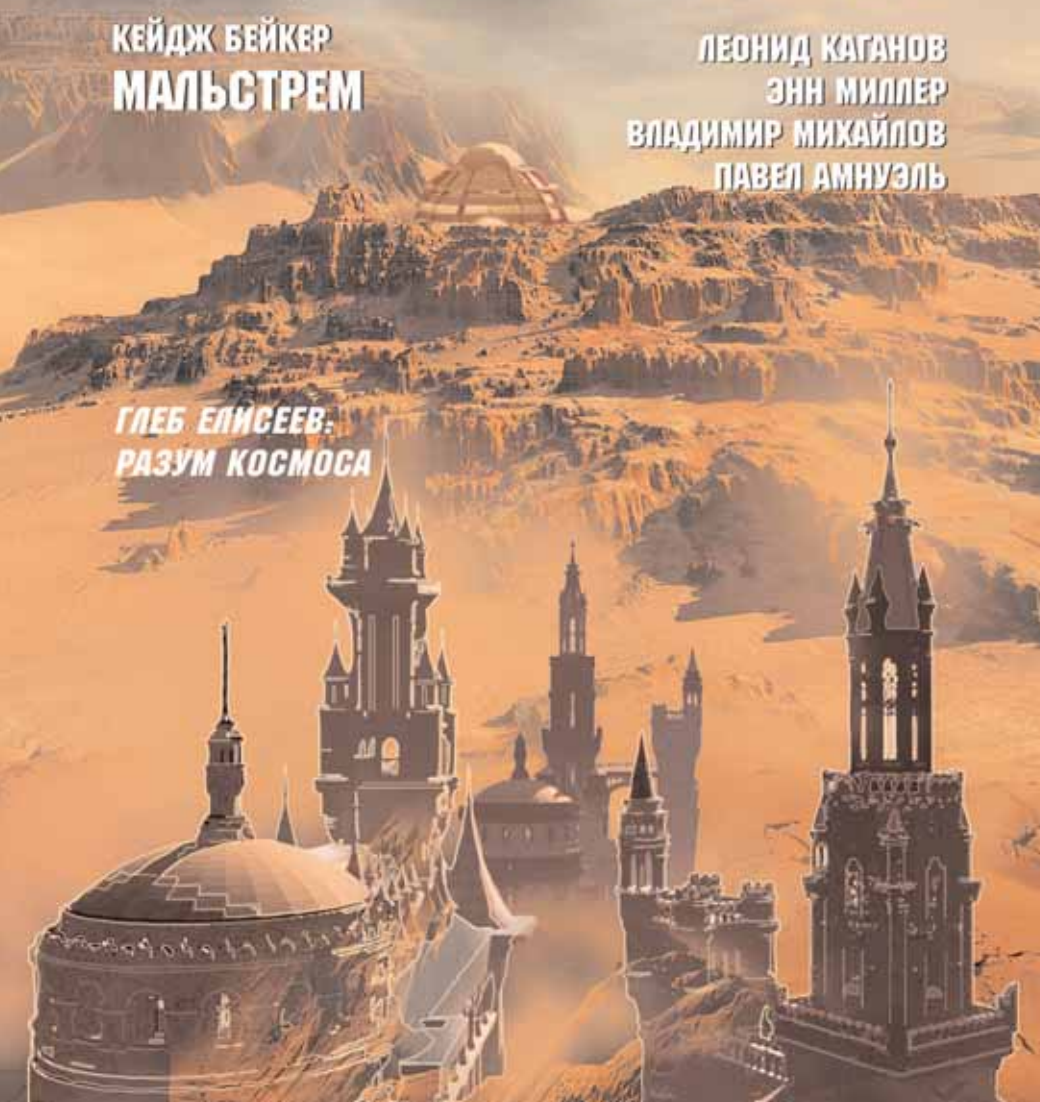
2' 2008

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 7311В, 4291В. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESDI.RU

КЕЙДЖ БЕЙКЕР
МАЛЬСТРЕМ

ЛЕОНИД КАГАНОВ
ЭНН МИЛЛЕР
ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ГЛЕБ ЕЛИСЕЕВ:
РАЗУМ КОСМОСА

Новая книга в серии

СТАРЫЙ
СЕРИИ
АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
МЕТЫ НА ПОРАЖЕНИЕ

Алексей Калугин

МЕТЫ НА ПОРАЖЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТ:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечатать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечатать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru
E-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8(49672)6-25-36,
8(496)270-73-59.

Отдел продаж услуг:
8(499)270-73-59.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «Если», 2008

49 Кейдж БЕЙКЕР

МАЛЬСТРЕМ

Вы уже знакомы с таверной «Королева Марса» и ее завсегдатаями.

121 Павел АМНУЭЛЬ

ДВОЕ

Сразу хотим успокоить читателя: это не эвреттика, но классическая «твердая» НФ на любимую автором тему.

3 Леонид КАГАНОВ

ЛЮДОЕД

Ужин сторел, зато развлеклись гости на полную катушку.

23 Энн МИЛЛЕР

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

...или Спасание Юлию Цезарю.

85 Алекс КАСМАН

КВАНТОВЫЕ СЛЕДСТВИЯ НЬЮТОНОВСКОЙ АЛХИМИИ

Выходит, Ньютон бился за металл?

187 Владимир МИХАЙЛОВ

ПОЛЕ БОЯ

Мала Галактика, развернуться негде! Поди найди незаселенную планету для исконной мужской забавы.

221 Грегори БЕНФОРД

ЧЕРВОТОЧИНА

Как отыскать выход, если не знаешь, был ли вход?

100 Аркадий ШУШПАНОВ

СПРОСИ У ПЫЛИ

Не очень скандальная экранизация скандального романа.

108 **Сергей МАКСИМОВ**
БЕСКОНЕЧНОЕ ШОУ

...или Телесериалы на марше.

118 **Сергей КУДРЯВЦЕВ**
ЛИДЕРЫ 2007

Доходы кинокомпаний растут, но зрителей в кинотеатрах не прибавляется.

102 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Все жанры — на экране: от мелодрамы до хоррора, от боевика до семейной сказки.

247 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**
И ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ

Да что там звезда! А как вам живая галактика?

261 **Сергей ШИКАРЕВ**
ОТГОЛОСКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Новая книга У.Гибсона поспела прямо к его юбилею. В следующем месяце писателю 60!

256 **РЕЦЕНЗИИ**

Можно спорить, есть ли кризис любимого жанра, нет ли... Однако скудость декабрьского фантастического рынка и его «однорядность» наводят на печальные мысли.

281 **КУРСОР**

Много о кино и кое-что кроме.

264 **Василий МИДЯНИН**
В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ — НА «ТИТАНИКЕ»

Комментатор подводит итог инспирированного им голосования и выглядит несколько озадаченным.

268 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

Эксперты тоже не удержались перед искушением поискать виновных... Правда, по просьбе редакции.

272 **Вл. ГАКОВ**
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБОВЬ

Интересно, найдется хотя бы один читатель, который ни разу не слышал о знаменитом «Законе Старджона»?

283 **ПЕРСОНАЛИИ**

С большинством авторов номера вы хорошо знакомы. Но есть и два новичка.

Л Е О Н И Д К А Г А Н О В

ЛЮДОЕД

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Даша стояла двадцать минут на платформе монорельса, распахнутой всем ветрам. Моросил отвратительный полуснег-полудожь, и, конечно, его со всех сторон задувало под бетонный козырек. Особенно мерзли голые ноги. Вагоны приползали и уползали каждую минуту, пассажиры вываливались толпой и давились у эскалаторов. Валерик все не появлялся, и мобик у него был отключен. Может, конечно, на заводе задержали после смены, но тогда мог бы и позвонить. Даша давно бы плюнула и ушла, но жалко было Пашку. Поэтому она ждала, переминалась с ноги на ногу, мерзла и куталась в плащ. Уже дважды к ней подходили какие-то типы и пытались познакомиться, но Даша послала их к черту. И когда совсем уже собралась уйти, появился Валерик. Вид у него был виноватый, но глаза горели. Успел уже набраться, что ли?

— Дашка, прости, — буркнул он. — Давно ждешь?

Водкой вроде не пахло. Наверное, надо было дать ему пощечину, но Даша была рада, что он наконец появился и можно уйти с этой замороженной площадки, и ничего не сказала. Повернулась и пошла. Валерик затопал следом.

— Неудачный день, — бубнил он ей в ухо, а толпа прижимала его к Дашиной спине. — У начальника цеха отпросился пораньше, поехал домой, ну это, переодеться. Из дому вышел — кредитку забыл. Хорошо вспомнил вовремя. За кредиткой вернулся, дверь запер — слышу, Батон дисплей включил. Ты в курсе, что это животное повадилось на пульте спать? Ну я снова открыл квартиру и — раз — ботинком ему по морде, чтоб знал! Глянул на экран — а по дисплею показывают...

Загромыхал и завыл очередной вагон, платформа затряслась под ногами, и на некоторое время голос Валерика потонул в шуме. Новый поток людей прижал его к Дашиной спине еще плотнее.

— ...и все там в шоке, короче, — снова донесся голос Валерика, когда вагон умчался. — Я сам в шоке был, думал шутка такая! Нет, ты прикинь! Двадцать первый век, вообще убиться. Стыдно за Россию. У нас смертная казнь отменена, ты не в курсе?

— Не в курсе, — сухо ответила Даша.

— Своими бы руками задушил мразь, честное слово! — с чувством прошипел Валерик.

— Да отвали, все ухо уже обслюнявил.

Валерик замолчал. По эскалатору ехали молча, Даша взяла его под руку, чтоб не упасть на каблуках, потому что пальцы ног уже ничего не чувствовали.

— Ты подарок придумал? — спросила она наконец.

Валерик помотал головой.

— Придумаем шас чего-нибудь, — пообещал он и похлопал себя по карману, словно проверяя, не забыл ли кредитку опять.

Они спустились в торговый центр. Даша сразу свернула к «Заповеднику нежных существ». Валерик запротестовал — он предлагал спуститься в «Электроникс». Но Даша эту штуку знала: стоит парню попасть в «Электроникс», и он будет час стоять с открытым ртом, рассматривая каждую батарейку.

— У него наглазников нет, — твердил Валерик. — Сто пудов — нет. Купим цветные наглазники, он, знаешь, как рад будет? Хорошие, стерео. Будет кино смотреть, он кино любит.

— Нет, — Даша топнула ногой. — Сначала за мясом. Мы приедем туда вообще к ночи, а люди голодные сидят.

— Сонька салат сделает, — неуверенно сказал Валерик. — И Пашка, наверное, что-нибудь выставит.

— Да уж я знаю, что он выставит. Без закуски.

— И чего, потом с продуктами таскаться за подарком по всем этажам?

— Потаскаешь, не развалишься.

И они пошли в «Заповедник». Прямо у входа, как обычно, стояли стеллажи с самой разной мелочевкой, не имеющей никакого отношения к мясу. Валерик, конечно, первым делом накидал в тележку бутылочку. Даша не удержалась, заглянула в косметическую секцию и разорилась на «Autumn style». Ну тот, который Дина Фаре рекламирует. Это подняло настроение. Хотя водка и шампунь в тележке смотрелись по-идиотски.

— На фига Пашке этот крем? — тупо спросил Валерик.

— Это мой шампунь. Не трогай руками.

— А... — Валерик неряшливо бросил тюбик в тележку, потеряв к нему всякий интерес.

— Сейчас я водку твою швырну! — разозлилась Даша. — Ты вообще знаешь, сколько этот тюбик стоит?

— Сколько?

Даше вдруг пришла в голову идея.

— Слушай, давай Пашке подарим хороший крем для бритья?

Валерик посмотрел на нее, как на больную.

— Хороший! — повторила Даша со значением. — Я выберу.

— Специалист по бритью! — фыркнул Валерик. — Да ты хоть раз в жизни брилась?

— Представь себе, раз в неделю.

— Ты? — изумился Валерик и даже опасливо отодвинулся, будто человек, который пять лет прожил с тайным трансвеститом.

— Ты в мой шкафчик никогда не заглядывал, женских журналов моды не читал? — Настала Дашина очередь посмотреть на него, как на идиота.

— А, в этом смысле, — неопределенно буркнул Валерик, успокаиваясь. — Ладно, пошли, нам мясо надо выбрать.

И они пошли в глубь «Заповедника нежных существ», где уже начинались мясные ряды. Здесь, среди открытых прилавков с замороженными брикетами, было ощутимо холоднее. Зато из-под самих прилавков тянуло горячим воздухом — он шел из решеток снизу, и чувствовать его озябшими ногами оказалось неожиданным наслаждением. Все-таки Даша здорово намерзлась на этой чертовой платформе, не заболеть бы.

— Уснула? — грубовато произнес над ухом Валерик. — Какое мясо брать? — Валерик растерянно осматривал ломящиеся холодильники.

— Я, что ли, обещала Пашке мяса нажарить? — возмутилась Даша. — Ты мужчина или нет? Уже мясо выбрать не можешь!

Валерик решительно расправил могучие плечи, зачем-то поправил кепку на голове и сунул Даше под нос какой-то мерзкий пакет.

— Страусятину возьмем? — спросил он.

— Только не страусятину, — Даша покачала головой. — Она жесткая, как каблук. И Сонька птицу не ест.

— Может, свинину? — предложил Валерик.

Даша поморщилась.

— Жирная, ну ее. И неинтересная.

— А если котика? — предложил Валерик.

— Ты что, обалдел совсем? — разозлилась Даша, отталкивая пакет с непонятными ломтиками. — Еще Батона предложи пожарить!

— Дура! — заорал Валерик. — Это морской котик! Морской!

— Не надо никакого морского котика, рыбой вонять будет.

— Это не рыба, — возразил Валерик.

— А кто же, по-твоему?

— Не знаю. Но не рыба, — твердо сказал Валерик. — Кажется, птица. Как пингвин, только крылья короче и ползает.

— Дурак, пингвин тоже рыба! — фыркнула Даша. — Он в северном море живет.

— Сама дура! — обиделся Валерик. — Он на берегу живет.

— Пингвина я ела, он рыбой пахнет. А еще раз назовешь дурой, получишь по морде!

— Молодые люди, — раздался сварливый голос, — а можно не орать?

— Да убейся, бабка! — сказали Даша с Валериком хором, и от неожиданности оба рассмеялись.

Бабка с проклятьями удалилась, волоча тележку. Даша отобрала у Валерика пакет и швырнула обратно в лоток.

— Ладно, — Валерик примирительно махнул рукой и двинул тележку дальше, — пойдем, там еще вон сколько... Смотри, мясо анаконды.

— Кто это?

— Кажется, змея.

— Змею не буду! И Сонька не будет.

— Сожрете как миленькие, — пообещал Валерик. — Под водочку — самое то.

— Не буду, сказала!

— Ладно, зайца будешь?

— Зайца жалко, — вздохнула Даша, — такой прикольный, пушистый.

— Дура, они же специально для еды выращенные!

— Все равно.

— Ладно, кенгуру не предлагаю. — Валерик бойко покатил тележку. — Кита не предлагаю, опять скажешь: рыба...

— Кит рыбой не пахнет, я ела.

— Возьмем? — Он резко остановил тележку.

— Не надо, кит жесткий.

— А дельфина?

— Дельфина не хочу, они умные.

— Кто умные? Дельфины? — он подбросил в ладони пакет.

— Да уж поумнее тебя.

— Слушай, — разозлился Валерик, со злостью швыряя пакет в заиндевевшую кучу, — пойди еще себе крем купи! Я возьму мясо сам. Только время теряем, а нам еще подарок искать.

— Покомандуй мне тут — время теряем! Я тебя час ждала на платформе, ничего?

— Ты мне теперь до смерти это вспоминать будешь... — пробурчал Валерик и покатил тележку дальше.

— Слон жесткий? — спросил он, вчитываясь в очередной ценник. — А, слона и нет вообще, кончился. Пятница, вечер. Жираф есть.

— Жираф невкусный.

— Бегемот?

— Жирный.

— Панда?

— Вонючая.

— Белый медведь?

— Медвежатина вся вонючая.

— Надо было идти в обычный мясной, где десять сортов, — басил Валерик. — А из «Заповедника» мы до утра не уйдем.

— Твои предложения?

— Возьмем корову.

— Говядину, — поправила Даша. — Я ее со школы не ем. Уже забыл, чем нас пичкали каждый день на завтрак, пока повариха не сменилась?

— Не помню. Но давай уже хоть что-то возьмем.

— Давай. Но только чтобы мясо было интересное. Все-таки день рождения у человека.

— Да тебе ж вообще ничего не нравится! — Валерик так энергично всплеснул руками, что из кармана его кожанки вывалился травматик и с грохотом ткнулся рукояткой в кафель пола. Валерик смутился и торопливо спрятал пистолет в карман, даже не осмотрев. Хотя, судя по звуку, рукоятка там треснула, а может, и ствол погнулся или чего там у них гнется.

— Нравится.

— Что?

— Мне нравится здесь ходить, — объяснила Даша. — Ногам тепло. Ты бы постоял в прозрачных колготках на платформе два часа — я бы на тебя посмотрела.

Валерик надул щеки и молча покатил тележку дальше.

— Рыба, — бубнил он, скользя взглядом по табличкам. — Акула, кефаль, пиранья, карп, ларт... латер... ла-ти-ме-ри-я. Блин, ботаники, язык сломаешь... Снова птица началась. Тетерев. По-моему, достойно. Тетерев.

— Птицу Сонька не ест. У нее диета.

— Тыфу, дура, и так ведь тощая... — поморщился Валерик. — Антилопа вот есть.

— Жесткая, — сказала Даша. — И полосатая.

— Полосатая? Да твое-то какое дело?

— Неприятно, когда еда полосатая.

Валерик только возмущенно фыркнул.

— Ладно, — сказал он. — Зубр вот есть. Бизон есть.

— Не хочу.

— Дашка, ты совсем зажралась! — вдруг взорвался Валерик, но вдруг прищурился, скулы его подергались и окаменели. Он зловеще прошипел: — Может, ты, как тот мужик, человечины хочешь? А?

— Какой мужик? — опешила Даша. — Ты чего несешь?

— А такой. Людоед. Про которого я тебе рассказывал.

— Рассказывал?

— Ну, пока ехали. Который человека жрать будет.

— Кто человека жрать будет?! — изумилась Даша.

— Кто-кто! Козел один! Собрался людей есть!

— Да ладно тебе, — Даша помотала головой, — какой-то дурак хвастается, а ты и поверил. А он, может, и не ел никого.

— Ел, — кивнул Валерик. — Он сам говорил, что ел, ест и будет есть. Клянусь! Я прямо обалдел, когда сказали.

— Его в тюрьму посадят. Или на этот... электрический стул за убийство.

Валерик покачал головой.

— Забыла, какая у нас страна? Никто его сажать не собирается. Все за ним бегают, интервью берут. Сенсация, блин!

— Да ну тебя к черту, — Даша фыркнула и пошла вперед, — не бывает такого, бред какой-то.

— Оленя будешь? — раздалось за спиной. — Северный, горный, карликовый...

— Да ничего я уже не буду, — огрызнулась Даша. — Умеешь ты на строение испортить...

Некоторое время они шли молча. Затем за спиной раздался жизнерадостный хохот. Даша обернулась.

— Рыба-пила! — Валерик радостно тыкал пальцем в пакет. — Вот чего надо! Пашке понравится! Рыба-пила, прикинь! Пила! Гы! Вся жизнь пила! Как Демина.

— А про Демина вообще помолчи, — одернула Даша.

Валерик сразу насторожился.

— А чего вдруг помолчи?

— У Демина рак желудка.

Наступила пауза, стало слышно, как вокруг тихо гудят холодильники, а вдалеке шаркают покупатели. Валерик потянулся к кепке, но снимать не стал, а только задумчиво почесал голову.

— Когда? — спросил Валерик.

— Позавчера. В госпиталь увезли на «скорой».

— То-то я думаю, чего он такой желтый ходит... — пробормотал Валерик. — Только во вторник с ним бухали...

— А я вам говорила: добухаетесь.

Валерик молчал и только растерянно двигал челюстью, стараясь осмыслить.

— То есть... — выдавил он наконец. — Я не понял, его что, сегодня не будет у Пашки?

— Ты совсем тупой! — взорвалась Даша. — Сказано тебе: рак желудка, на «скорой» увезли. Он сутки под капельницами лежал, ему пить вообще нельзя.

— Жалко Демина, — вздохнул Валерик. — Пил он, конечно, по-черному.

— Нечего было спаивать.

— Да кто его спаивал? — возмутился Валерик. — Он сам бухал с восьмого класса, забыла?

Даша ничего не ответила и пошла дальше. Они шли молча, справа и слева тянулись заиндевелые пакеты с мясом. Есть не хотелось совершенно.

— Подожди, — сказал вдруг Валерик. — Эквадорский тапир.

— Кто это?

— Не знаю. Но не рыба и не птица. Кажется, дикая свинья. Дикая, значит, не жирная.

— Ты ел?

— Нет еще.

Даша вздохнула.

— Бери уже, что хочешь. Он дорогой?

— Да они все в одну цену. Копейки.

В квартире Пашки орал дисплей — слышно было еще на лестнице. Кажется, там показывали футбол. Кухонный стол Пашка тащить поленился: посреди комнаты стояла тумба, накрытая пленкой, на ней — тарелка с хлебом, миска с салатом, огурчики и букет хризантем. Белые хризантемы наверняка Сонька ему подарила, она их обожает. Пашка, Игорь и Сонька сидели вокруг тумбы голодные, но уже успели поднять пару рюмок. Наглазники были торжественно вручены, хотя Даше показалось, что именинник отнесся к ним без особого восторга. Еще раз подняли тост за именинника, затем Даша и Валерик выпили штрафную, закусили какой-то непонятной колбасой, и Даша отправилась с Сонькой на кухню готовить праздничный ужин, потому что оторвать Валерика от дисплея невозможно, если там футбол.

Резать мясо оказалось совсем не женским занятием, особенно с Дашиным маникюром. Мясо было не то чтоб совсем замороженное, но такое: нажмешь — льдинки похрустывают и кровь течет. Пальцы отчаянно мерзли, Даша с Сонькой тихо, по-женски, матерились.

Наконец к ним из комнаты выполз сам именинник, уже изрядно набравшийся, опустился на пол перед плитой и принялся с лязгом

рыться в духовке, вынимая старые сковородки. Он ставил их на пол, а они все не кончались. Откуда у Пашки столько сковородок?

— С-сука, — твердил он хмуро, — вот с-с-сука.

Даша решила, что у них там кто-то гол забил не туда.

— Человечиной вздумал полакомиться, людоед, — продолжал Пашка. — Мясa кругом мало? Убивать таких надо сразу! Просто стрелять.

— Ты чего это? — удивилась Сонька.

— А чего, нет что ли? — обернулся Пашка. — В центре Москвы! Посреди XXI века! Людоед натуральный!

— Это там Валерик опять бредит? — нахмурилась Даша.

— А чего Валерик, если в новостях показывают, — огрызнулся Пашка.

Даша и Сонька переглянулись.

— Чего за людоед-то, рассказывай!

— Мужик, людоед, — с отвращением забубнил Пашка, продолжая разбирать духовку. — Завтра будет жрать человечину на Чистых прудах, в центре Москвы.

— Людей? Живых? — Сонька взвизгнула и опрокинула доску с нарезанным мясом. Кровавые ломти легли на пол с глухими шлепками.

Все кинулись их поднимать и мыть под краном. Пашка бурчал, мол, нечего намывать, обжарятся.

— Слушай... — Сонька наконец пришла в себя. — Ты скажи, он кого будет есть, людоед этот? Объясни по-человечески!

Пашка нехотя поднялся с корточек и поставил тазик на стол.

— Людоед, — объяснил он уныло. — Как его... Не важно, короче. Придумал, что теперь будет жрать людей. Сам будет жрать и других кормить. Откроет типа ресторан. Завтра.

— Ресторан?! — ахнули Даша с Сонькой.

— Ну! В центре Москвы. Первый в мире ресторан человечины. Заходи, кто хочешь, и жри человечину. Объясняет, что это теперь правильно. Типа полезно. И вообще красиво.

— Он что, больной? — тихо спросила Сонька.

— Да уж не здоровый, — сухо отозвался Пашка. — Журналисты носятся. Иностранцы обсуждают. Милиции вообще наплевать, похоже. Народ молчит. Вот ведь гниль... — Пашку перекосило от отвращения.

— Такого не может быть, — твердо сказала Сонька. — Так не бывает.

— Спорим? — Пашка вытянул руку. — Он будет жрать человечину. И его никто не остановит, спорим? Поехали завтра на Чистые пруды, вон и Валерик поедет.

— Тоже жрать человечину? — ахнула Сонька.

— Нет, — серьезно ответил Пашка и сжал кулаки. — Просто в глаза посмотреть этому зверю... В XXI веке!

Даша вымыла руки и вытерла грязноватым полотенцем. О маникюре оставалось забыть.

— Надо выпить, — подытожила Сонька, тряхнув белыми кудрями.

— Идите в комнату, пока они там всё не выпили, — буркнул Пашка. — Я сейчас приду, вот мясо в духовку поставлю.

Дверь в комнату была прикрыта, и с дисплея доносилась какая-то музыка, а не футбол. В комнате пахло перегаром и шла драка.

Тумба валялась на полу, салат из миски рассыпался по ковру, кругом валялись разбитые рюмки.

Игорь с перекошенным лицом душил Валерика, а тот колотил его головой о дощатый пол. Оба катались по полу и шипели.

— Доктор! — шипел Игорь, сжимая горло нависающего над ним пунцового Валерика. — Доктор, говорю!

— Экономист! — шипел Валерик, раз за разом приподнимая Игоря за воротник и глухо опуская затылком на ковер. — Доктор экономки. Понял? Понял?

Даша и Сонька бросились их разнимать, но ничего не вышло, Даша только ноготь сломала. Было ужасно больно и хотелось двинуть их табуреткой по башке. Обоих. Но тут на шум прибежал Пашка, и втроем удалось их растащить.

— Вы чего творите, упыри? — рявкнул Пашка, наваливаясь на Игоря.

Валерика держали Даша с Сонькой. Пашка дотянулся до пульта, и орущий дисплей разом погас.

— Валера тупой, — задыхаясь, выдавил Игорь в наступившей тишине. — Я ему говорю: доктор.

— За тупого ответит, — пообещал Валерик в пространство деревянным голосом и принялся шарить руками по своей рубашке, словно искал травматик, что остался в кармане куртки. — Баран неграмотный!

— Тихо! — снова рявкнул Пашка. — Вы чего сцепились-то?

— За людоеда поспорили, — хмуро объяснил Игорь.

— А чего спорить? — удивился Пашка. — Убивать их надо. А вы друг друга лупите.

— Пашка! — встрял Валерик, уже успокоившись. — Вот ты сам ему скажи! За что Боровиков нобелевку свою получил? Он же доктор-экономист!

— Козел! Экономистам нобелевку вообще не дают! — вскинулся Игорьь.

— Тебя не спросили, урод! — гаркнул Валерик. — Пашка, скажи ему!

— Да я помню, что ли... — Пашка призадумался. — Кажется, он врач какой-то.

— Врач! — Игорьь оттолкнул Пашку и вскочил, тыкая пальцем в лицо Валерику. — Я тебе сказал, врач!

— Руки убери! — заорал Валерик. — Руки убери, кому сказал!

Еле удалось снова их растащить.

— Больные прямо, — бурчала Сонька. — Кто вообще этот Боровиков-то?

— А это людоед и есть, — объяснил Пашка. — Про него сейчас в новостях передавали, что он какой-то доктор, нобелевский лауреат бывший. А какой — не сказали.

— Нобелевский? — изумилась Даша. — Тогда понятно, почему его не посадили еще, им все можно...

— Да не, просто у него денег до фига, — объяснил Валерик. — Он этот, промышленник большой.

— Ребята, ужас-то какой вообще, — Сонька всплеснула руками. — Да неужели его никто остановить не может? Это он на глазах милиции людей живых режет, они кричат, плачут...

— Да не живых, — объяснил Пашка. — Он не убивает, он донорские органы ест.

— Прекратите, меня сейчас стошнит! — завизжала Сонька.

— Все равно кошмар какой-то! — сказала Даша. — Даже не знаешь, что хуже.

— А чего! — с отвращением произнес Игорьь. — Он же врач, набрал ребер для борща и домой.

— Прекратите! — снова завизжала Сонька и обеими руками зажала рот.

— Не врач! — угрожающе прошипел Валерик. — Промышленник.

— И за что ему нобелевку дали, по-твоему? — вскинулся Игорьь.

— Вот за нее и дали, за промышленность.

— Дурак ты совсем — за промышленность. Сам понял, что сказал?

— А ну-ка повтори! Ты кого дураком назвал?

— Тихо, тихо! — Даша схватила Валерику за руку. — Давайте лучше в сети посмотрим. Пашка, у тебя клавиши к дисплею есть?

— Где-то должны быть, — неохотно отозвался Пашка, с сомнением поглядывая на шкаф и гору пыльных коробок. — Искать лень. Давайте лучше позвоним кому-нибудь знающему.

— Кому? — спросила Сонька.

Все задумались.

— Наши девчонки с работы не знают, — размышляла Дашка. — А из знакомых... Лариска у нас была в классе. То ли Цаплина, то ли Цыпина, помните? Она вроде после школы где-то на врача училась. Никто ее телефон не знает?

— Да не врач же он! — дернулся Валерик. — Сколько тебе повторять, дура!

— Тихо! — строго одернул Пашка, вынимая мобик. — У меня где-то контакт Максима есть, встретил недавно. Ну, лохматый такой, чернявый, на первой парте сидел. Он институт потом закончил, должен знать.

— Чернявый на первой парте — не Мишка разве? — спросила Сонька.

— Нет, Максим. — Пашка приложил мобик к уху и замер.

Все ждали.

— Алло! — крикнул Пашка. — Здоров, это Паша! Чего? Паша, говорю! Как какой? Вместе учились! Чего? Нет, в школе вместе учились! Во, то-то... Нет, не пьяный. Нет, ничего не случилось. Как полпервого? Да лан те... — Пашка удивленно оторвал мобик от уха и посмотрел на экранчик. — Точно, уже полпервого. А ты спишь что ли? Завтра ж суббота! Что? Ребенка уложили? У тебя ребенок? Двое? Ну ты даешь...

— Хорош болтать! — шикнул Игорь. — Спрашивай уже.

— Вот Игорь те привет передает, — сообщил Пашка. — А еще Валерик, Дашка и Сонька. У меня день рождения, прикинь! Ага, спасибо. Спасибо, ага. Я вообще-то по делу. Ты там сильно спишь или я коротенько? Скажи, мы тут поспорили, Боровиков нобелевку за что получил? Чего? Нет, не пьяный. Как не помнишь? Ты же в институте учился и все такое. Ну хоть примерно? Ладно, Максим, извини тогда... Миша? А, Миша, извини... — Пашка отключил мобик.

— Не знает? — спросила Сонька. — А еще в институте учился.

— Да он как-то вообще тупит, — поморщился Пашка. — Ну его в баню.

Мобик в его руке вдруг ожил и засвистел.

— Прикинь, вспомнил! — хихикнула Сонька.

— Тише вы! — шикнул Пашка, поднося мобик к уху. — Это Демин звонит!

И ушел на кухню, прикрыв дверь.

Все как по команде замолчали.

— Про Демина все в курсе? — тихо спросила Сонька.

Валерик и Игорь покивали.

— Я ему звонил утром, — пробурчал Игорь. — Ему теперь недели две. А может, месяц. Его же почти с того света вытащили. Еще сутки — и все. Считай, повезло.

— Ни фига себе повезло, — удивилась Даша, — месяц в госпитале лежать!

— Думаю, он раньше сбежит. Как капельницы снимут, так и сбежит. Демина не знаешь, что ли? Он и сегодня думал сбежать, но ему пить нельзя вообще. Так и сказал: чего, мол, буду сидеть с вами и не пить.

— Да, — кивнул Валерик. — Не пить — это он не может. Жаль, что его не будет сегодня.

С кухни вернулся Пашка.

— Демин всем привет передает, — сказал он. — Скучает там: уколы в задницу и дисплей в палате, вот и все радости. Кстати, объяснил, за что людоед нобелевку получил. Демин у нас теперь спец по этим делам.

— Ну?! — хором крикнули Игорь и Валерик.

— За лекарство от рака. Только это было сорок лет назад.

— Понял? — торжествуя повернулся Игорь. — Он доктор!

— Брехня, это, наверно, другой Боровиков! — возмутился Валерик. — Тот нобелевку двадцать лет назад получил, а не сорок!

— Подождите, — удивилась Даша, — а сколько ему сейчас?

— По дисплею — на вид семьдесят, — ответил Пашка.

— А-а-а, — разочарованно протянула Сонька. — Так чего ты хочешь, дедушка в маразме.

— Мне пофиг! — обозлился Пашка. — Пусть дерьмо свое ест, а не людей!

— Правильно! — взревел Валерик.

— Давайте выпьем за это, — подытожил Игорь.

Тем временем мясо сгорело. Есть угли никто не стал.

Несмотря на позднее субботнее утро, в монорельс набилось так много народу, что Дашу едва не расплющило об стенку, а Сонька даже взвизгнула где-то неподалеку. Валерик возвышался рядом, но его тоже сжали со всех сторон, и он не мог даже поднять бутылку с пивом, что держал в опущенной руке. Дашка видела отражение его лица в стекле — на этом лице читалось, как ему мутрно после вчерашнего, как мучительно хочется пива и как он зол на весь мир и на себя за то, что поехал. Пашки и Игоря нигде не было видно, но наверняка у них такие же лица.

В бок Даше больно упиралось что-то безумно жесткое из плаща висевшего рядом паренька, ей пришлось трижды пихнуть его локтем, прежде чем он понял, в чем дело, и повернулся. Повернулся он с лицом человека, готового убить, но, увидев Дашу, смягчился, плащ свой кое-как поправил, и давить перестало.

Наконец двери закрылись, вагон тронулся и понесся вперед. Даша смотрела в окно на плывущие внизу корпуса.

— А еще вегетарианцем притворялся столько лет! — раздавался сзади ворчливый старушечий голос. — Премию мира получал, движение против убийства животных возглавлял! А теперь все можно?

— Чего ты гонишь? — заворочался Валерик, силясь обернуться. — Он за экономнику получил.

— Умолкни, грамотный, бабка правильно сказала, — вступился незнакомый голос.

— Ты кого сейчас грамотным назвал? — угрожающе зарычал Валерик, но Даша больно его ущинула, чтоб прекратил, и Валерик неожиданно успокоился.

На Чистопрудной вся толпа вывалила из вагона и слилась с толпой перед эскалаторами. Народ давил со всех сторон, наступая на ноги. Даша потеряла и Валерика, и Соньку, и Пашку с Игорем. Толпа медленно пронесла ее по эскалатору, вынесла на мостовую и поволокла вдоль Чистопрудного бульвара — все медленней и медленней. Весь обзор закрывали спины — парни, девушки, пенсионеры. Все галдели. Было отвратительно, и жутко хотелось домой — в ванну, в ароматную пену, и спать.

— Чего стоим? Вперед давайте! — взревел над ухом кто-то и тихо пожаловался: — Сил нет, башка кружится.

— Демин?! — Даша попыталась повернуться. — И ты здесь?!

— Дашка! — радостно крикнул Демин. Выглядел он уже лучше, хотя худоба и желтые круги под глазами пока никуда не делись. — А Валерка здесь?

— Здесь где-то. А тебя уже выписали?

— Не, — Демин помотал головой. — Сам ушел до ужина, а вечером снова капельницы. Посмотреть хочу, как эту нелюдь ногами забьют. Только бы менты не мешали. Там их три фургона в оцеплении. Я с одним парой слов перекинулся, говорит, сам бы вломил, но приказ.

Толпа окончательно остановилась и теперь глухо гудела. Впереди маячили транспаранты, пустые с изнанки.

— Ничего не увидим отсюда, — пожаловалась Дашка, подпрыгнув. — Сроду такого не было, даже когда Дина Фаре в Москву приезжала.

— Услышим, — пообещал Демин. — Он собирался речь толкать про свое людоедство. С трибуны.

Дашка снова подпрыгнула, но никакой трибуны не увидела. Наконец над толпой пронесся женский голос, усиленный мощными динамиками:

— Дамы и господа! Всемирное общество охраны животных и международная продуктовая корпорация «Митлайф» объявляет об открытии первого в мире ресторана человеческого питания. Слово предоставляется учредителю фонда и директору корпорации, академику биологических наук, преподавателю Московского университета, лауреату двух нобелевских премий, доктору Ростиславу Владимировичу Боровикову!

Толпа взорвалась таким шумом, что сначала было неясно, это рев или аплодисменты. Даша снова подпрыгнула, но впереди лишь маячили головы, поднимался в холодном воздухе пар от человеческого дыхания и руки с мобиками.

Даша догадалась сделать то же самое: вытащила свой мобик, поставила камеру на максимальное увеличение и тоже подняла над головой. На экранчике замелькали плакаты, кепки, вскинутые руки, но наконец удалось нащупать правильную точку и разглядеть вдали сцену с микрофоном. К нему неторопливо шел седой старичок. Был он одет в старомодный свитер и шапку, какие носили в начале века. Дашка на всякий случай нажала на запись.

Старичок терпеливо подождал, пока утихнет шум. Возле него сутились два ассистента, поправляя микрофон на старомодной стойке. Наконец они удалились, и он заговорил. Хотя голос его по-стариковски слегка дребезжал, но в нем была неожиданная сила и уверенность. Говорил он бодро и складно, не торопясь и не запинаясь, словно всю жизнь только и делал, что говорил с трибун. Толпа затаила дыхание.

— Дамы и господа, барышни и судари, — говорил он, прижимая руку к груди. — Буду честен: не ожидал увидеть здесь столько собравшихся и особенно столько молодежи. Мне очень приятно. Спасибо вам, спасибо, что пришли. И заранее приношу извинения, что наш ресторан не сможет сегодня принять всех желающих...

Толпа возмущенно загудела.

— Простите, — снова повторил старичок. — Свое выступление я планировал на целый академический час. Но, учитывая количество собравшихся и неприятные погодные условия, постараюсь быть кратким. Как вы знаете, сегодня мы открываем первый в мире ресторан человеческого питания, — он сделал паузу, но толпа безмолв-

вовала. — Хотя термин «первый», как вы понимаете, достаточно условен. Поэтому для начала мы сделаем небольшой антропологический экскурс. Самые ранние цивилизации нашей планеты появились не более десяти тысяч лет назад. Хотя наш возраст, человека разумного, куда больше — он достигает ста тысяч лет.

— На себя глянь, развалина, — буркнул Демин, но на него защищали.

— Это если не брать в расчет наших человекоподобных предков, возраст которых исчисляется уже сотнями тысяч лет. Все эти тысячелетия, десятки тысяч лет человечество жило охотой, собирательством и, извините, людоедством.

Толпа загудела, но старик поднял ладонь, призывая к спокойствию.

— Не надо этого стыдиться! — продолжал он. — Недостойно для разумного человечества стыдиться своего прошлого. Конечно, людоедство было не единственным и даже не основным источником пищи. Скорее, форс-мажорным. Но жизненно необходимым при такой широте нашего вида. В условиях жесткой конкуренции разрозненных племен, в условиях хронического голода это был единственный способ выжить для наших предков. Образно говоря, все мы — потомки тех дикарей, которые в лютые морозные зимы во время стычек и межплеменных распрей не бросали тела убитых врагов на съедение зверям, а жарили на кострах, спасаясь сами и спасая своих детей от голодной смерти. Дикари, которые не делали такого никогда, не оставили потомков.

Толпа снова загудела, и снова профессору пришлось поднять руку, призывая к тишине.

— Существование первобытного каннибализма очевидно и никогда не являлось предметом научных дискуссий, — объяснил он. — Доказательства мы можем найти повсюду. На раскопках первобытных стоянок. В культурах диких племен, сохранившихся вплоть до прошлого века. Даже поведение людей во время голодоморов, блокад, побеги уголовников — все свидетельствует о том, что психика человеческого вида способна преодолеть табу, а организм — усвоить белок.

Он сделал паузу. Толпа слабо гудела.

— Сегодня речь именно об этом. Современная наука подтверждает и без того очевидный факт: состав и свойства человеческого белка наиболее полно соответствуют потребностям организма. Ведь родная ткань содержит оптимальное соотношение биологически активных элементов и наиболее полно отвечает пищевым потребностям. Более

того, по исследованиям разных независимых биологов, с которыми я согласен, метаболизм нашего пищеварения, сформировавшийся сто тысяч лет назад и не успевший измениться за такой короткий срок, несет в себе целый ряд характерных признаков, которые свидетельствуют о том, что рассчитан он был именно на переваривание белка себе подобных в качестве базового рациона.

Толпа снова зашумела, и профессор поднял руку.

— Это сложный вопрос, где до сих пор продолжаются дискуссии, — объяснил он. — Но вы можете ознакомиться с работами Стоуна и Ли, а также с исследованиями Шепетунника. Мы не будем вдаваться в полемику, был ли человеческий белок основным в рационе или всего лишь вспомогательным. Важно другое: единственная проблема, которая делает сегодня невозможным употребление человеческой ткани, — проблема чисто психологическая. Ведь людоедство являлось наивысшим символом агрессии.

Он откашлялся и продолжил с новой силой:

— К сожалению, природа людоедства свойственна именно человеку. Виды живых существ, населяющих нашу планету, привыкли конкурировать за пищевой ресурс с другими видами, но не со своим. Лишь человек разумный, внезапно оказавшись вне конкуренции, последние сто тысяч лет совершенствовался исключительно в истреблении своего вида. Сегодня, когда XXI век перевалил далеко за середину, когда закончились войны, когда забыт голод даже в Африке — не без помощи вашего...

— Какого нашего попкорна? — возмутился Демин. — Совсем в маразме.

— Вашего покорного слуги, он сказал, — шикнула на него Даша.

— Что это значит?

— Это такие старинные слова.

— И на фига?

— Отвали, дай послушать.

— ...когда повысился уровень жизни и сокращается преступность, мне больно, что многие люди все еще сохраняют этот врожденный рефлекс — рефлекс агрессии к ближнему. Этот рефлекс подавлен нашей культурой, но именно здесь вся беда: он не исчез, он лишь подавлен. Еще существует, но уже не осознается. Достаточно любой нестабильности, любого толчка, чтобы он вырвался наружу, и тогда окажется, что люди снова готовы рвать и убивать друг друга за кусок мяса, собственные интересы или во имя каких-то идеалов — как сотни лет назад. И делая это, пребывать в уверенности, что являются светочами культуры и носителями добра.

Старик снова откашлялся, помолчал, думая о чем-то своем, и продолжил с горечью:

— Изменить человеческую природу можно двумя путями. Первый путь радикальный: это вмешательство в геном. А точнее, говоря языком информатики, оптимизация генома. Пользуясь случаем, еще раз хочу поблагодарить своих коллег и учеников, с которыми мы оказались на пороге удивительных открытий. Открытий, которые могли подарить человечеству удивительную мощь души и тела. И я верю, что в будущем это обязательно произойдет! Но как вы, наверное, слышали, два месяца назад наш институт был расформирован специальной резолюцией ООН, исследования закрыты, а экспериментальная беречность нашей аспирантки прервана...

— Вот он на что окрысился! — произнес кто-то сзади.

— Второй путь, — продолжал профессор, — традиционен. Этим путем идет человечество последние две тысячи лет — медленный рост морали и культуры, подавление звериных инстинктов, борьба с чувством врага. Ведь двигателем любой агрессии является чувство врага. Враг в традиционном человеческом понимании — существо тебе подобное, но недостойное жизни. Его надо унижить, уничтожить и съесть. Наши предки это делали в прямом смысле, а сегодня врага чаще принято съесть в смысле финансовом или идеологическом. Но это не меняет сути! Я называю ненависть к чужой точке зрения интеллектуальным каннибализмом. И надеюсь, что сегодняшнее открытие ресторана человеческого питания в какой-то мере поможет культурному прогрессу — как эффективное средство преодоления комплекса каннибализма, живущего в каждом из нас. — Он помолчал и продолжил: — Со мной не согласны коллеги-медики, но я все-таки считаю, что главная удача моей жизни — не создание противоракового вируса и не производство органов для пересадки, а именно дешевая технология искусственного выращивания полноценной мясной ткани без убийства живых существ нашей планеты! Потому что это доказало: для того, чтобы жить, человечеству больше не нужно убивать. И сегодня я хочу поставить символическую точку, разрушив тысячелетнее табу: я утверждаю, что человеку больше не нужно убивать себе подобного, чтобы поесть запретного человеческого мяса. Я хочу, чтоб этот ресторан воспринимали не как очередную экзотическую кухню, а как символ отречения от вековых предрассудков, символ окончания эпохи зла и каннибализма. В меню ресторана — несколько блюд из человеческого мяса. Все это мясо выращивается на базе одной клетки, взятой из тела вашего покорного слуги. И дело даже не

в том, что человеческий белок ценен для питания. Вопрос, который я хочу решить этим необычным, признаюсь, предприятием, лежит исключительно в области этики. Ведь это мясо не мертвого врага, а живого друга. К которому вы испытываете не злобу и не жалость, а искреннюю благодарность за чувство сытости. Друга, которому вы несете не зло, а добро, в частности, финансовое. Хотя цены у нас вполне доступные, как вы сейчас убедитесь. Побывав в нашем ресторане, вы сможете рассказывать, что ели человечину, и никто — подчеркиваю, никто! — уже не заподозрит вас в том, что вы убийца, потому что такое даже не придет в голову! Настанет день, и само слово «убийство» исчезнет из языка людей... Вы знаете, я никогда не был религиозным, хотя считаю, что религия всегда была — или пыталась быть — основным носителем добра. И в сегодняшнем событии мне видятся библейские параллели. Заранее прошу меня извинить за некоторую излишнюю театральность, но мне бы хотелось закончить наше затянувшееся открытие именно так. Подобно искусителю, я предлагаю попробовать самый последний запретный плод, и верю, что это откроет новую эру в познании добра и зла. Но также я хочу процитировать высказывания человека, чье имя напрямую связано с идеями любви, милосердия и прощения врагов... — В руках у него вдруг появилась крохотная книжка, и он стал с выражением читать: — «Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, который я дам, есть плоть моя, которую я отдам за жизнь мира. Тогда иудеи стали спорить между собою, говоря: как он может дать нам есть плоть свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти сына человеческого и пить крови его, то не будете иметь в себе жизни. Ибо плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питье. Многие из учеников его, слыша то, говорили: какие странные слова! Кто может это слушать? Но Иисус, зная сам в себе, что ученики его ропщут на то, сказал им: это ли соблазняет вас?»

— Хватит! — раздался издали крик Валерика. — Гаси людоеда!

— Гаси людоеда! — взревела толпа и разом подалась вперед.

Дашку сдавили так, что стало невозможно дышать, мобик выпал из рук и скатился по чужим плечам под ноги, в ребрах хрустнуло, и по всей груди расплылась пульсирующая боль. Даша закричала, но уже не услышала собственного голоса сквозь громовой рев толпы и беспорядочную пальбу из травматиков.

журнал **АНТИКВАРИАТ**
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку
Достоверная информация
и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» — индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (495) 585-7316, тел./факс: (495) 642-9755.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9
Тел.: (495) 248-0576 (редакция), 585-7316
(отдел распространения), тел./факс: 642-9755
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

Э Н Н М И Л Л Е Р

ВЗГЛЯД

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

В ПРОШЛОЕ

Странные мысли порой одолевают книголюбов, опьяненных старинной кожей переплетов и пресыщенных изобилием слов на желтоватой бумаге. Стоит хотя бы двум библиофилам оказаться рядом, как они тут же начинают сравнивать фитцджеральдовского Ника с конрадовским Марлоу, или применять волновую теорию к парадоксам Зенона, или обзывать рекалесценцию* остывающего железа кратковременным сумасбродством, присущим кризису среднего возраста.

Я довольно долго был знаком с причудливыми выкладками одного такого знатока. Звали чудаковатого ученого Мортимер Фечнер. Я познакомился с ним три года назад на «Хольсоне», каковой прославился торговлей редкими и старинными рукописями. Конечно, аукционистам случалось продавать и Марка Твена, и Вермеера, но специализировалось заведение на восстановлении и хранении инкунабул и пергаментов, исполненных собственноручно такими светилами древности, как Тертуллиан** или Альберт***.

Как-то раз я пришел на аукцион с поручением приобрести первое издание Коперника «О вращении небесных сфер», опубликованное в 1543 году, когда сам Коперник пребывал на смертном одре. Эта чрезвычайно редкая книга заслуживала особого внимания, потому что числилась в списке библиотеки Кеплера****, и в ней на полях были собственноручные примечания и заметки владельца.

Начальную цену назначили в 600 тысяч долларов. Я присутствовал на аукционе как агент покупателя, который пожелал остаться неизвестным. Мне тогда было 23 года, и я полагал, что все на свете знаю. Два года я изучал предмет у самого Ларкина, великого человека, которого я разгадал много позже: он обладал толстой кожей репутации, оставаясь довольно-таки мелкой сущностью. Я привнес в наши с ним отношения искреннюю любовь к книгам и наивную веру, что коллекционеры тоже их любят. Он же снабдил меня деловым подходом к изучению и оценке предметов, а также придал моим манерам некоторый налет изысканности и искусственности.

Это был уже мой пятый аукцион.

* Рекалесценция (самонагревание) — явление повышения температуры железа при медленном охлаждении. (Здесь и далее прим. перев.)

** Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — после 200) — христианский теолог и писатель.

*** Альберт Великий (1193—1280) — философ, теолог, химик, биолог, астроном, исследователь и систематизатор различных наук.

**** Кеплер Иоганн (1571—1630) — австрийский математик и астроном. Развил теорию Коперника и открыл законы движения планет в Солнечной системе.

Как и остальные покупатели, я заблаговременно, еще неделю назад приходил сюда, чтобы осмотреть книгу. Я обратил внимание на дефект в букве «Н» в четырнадцатой строке двадцать пятой страницы и сравнил образец почерка Кеплера с заметками на полях. Изучил официальное свидетельство подлинности, выданное самым авторитетным экспертом по Кеплеру и Копернику. И у меня не зародилось ни капли сомнения, что книга и заметки — подлинник.

В день аукциона я оделся весьма тщательно. Ларкин учил меня, что для агента девять десятых успеха составляют умение привлечь внимание, подать товар (самого себя), а также талант выступления на публике. «Всегда надо, — наставлял он, — воплощать образ богатства, прозорливости и благоразумия, чувства собственного достоинства и абсолютного авторитета в своей области». Именно поэтому в моем гардеробе было два якобы повседневных костюма, сшитых на заказ. Каждый из них стоил столько же, сколько трехмесячная аренда моей мансарды. По случаю такого аукциона я выбрал сизо-серый костюм. И льняную рубашку с жемчужным отливом. Без галстука. С расстегнутой верхней пуговкой.

Я прибыл в «Хольсон» за десять минут до начала торгов. Согласно программе, «Вращение» поднесут к молотку по меньшей мере через час, но я взял за правило приходить пораньше, чтобы быть на виду у своих потенциальных клиентов. С собой я всегда имел миниатюрную коробочку для золотых визитных карточек и надеялся, что у меня появится возможность шелкнуть замочком и всучить хоть пару штук в какие-нибудь очень богатые ручки.

К моему удивлению, аукционный зал был переполнен, что лишило меня возможности выбирать, с кем сесть. Вместо того, чтобы сидеть в «нужной» компании, по соседству с дорогими костюмами и сверкающими драгоценностями, я оказался зажатым между молодой женщиной, работающей агентом первый год, и пожилым, довольно убого одетым джентльменом, от которого воняло трубочным табаком. Я уселся поудобнее и взглянул на женщину: помнится, ее звали Лизетта. Она была одета в серо-голубой костюм бизнес-леди с укороченной юбкой — очень стильно и очень женственно. В бриллиантовых серьгах сияли и переливались огоньки, когда она поворачивала голову.

— Привет, Сэм.

— Салют, Лизетта. Необычайно многолюдно для начала торгов, с чего бы это?

— Они подняли цену на дневники Кеттльмана. Я думала, ты знаешь... Всё утро обзванивали покупателей.

— У меня мобильник был отключен, — печально сказал я. Ни за что и никогда я не отключил бы телефон перед торгами, даже несмотря на свое отсутствие в списке особых клиентов, которых принято предупреждать о любых аукционных изменениях. И попасть в этот список я не мог. А она и подавно. Интересно, откуда она узнала?

— Скорее всего, Ришад собирается стать единственным претендентом на эти дневники и самолично прибудет торговаться. Сегодня днем он летит обратно в Египет, и программу из вежливости подстроили под его планы, — сообщила Лизетта.

Принц Ришад был коллекционером Дикого Запада, а точнее, всего, что хоть как-то связано с ковбоями. Один лишь его интерес взвинтил цену на дневники Кеттльмана, хотя непохоже, что кто-нибудь сможет переиграть Ришада. Я его даже не видел никогда. Осторожно и, как мне казалось, незаметно я оглядел зал: смогу ли узнать принца?

— Человек с красным галстуком, на две трети сзади справа, — прошептала Лизетта. И добавила, заметив мое замешательство: — Ладно тебе, все в порядке. Если бы я чего-нибудь не знала, то спросила бы у тебя.

Уверен, что не спросила бы. Весь смысл нашей игры в бизнес состоял в том, чтобы выказывать свою осведомленность, а значит, являться игроком.

Помощник аукциониста вышел на подиум. Он искусно и красиво связал лот номер 41 с его солидным прошлым, с самой историей. Он рассказал, что Питер Кеттльман был одним из старых владетельных баронов, имел 5000 акров плодородной земли и 3000 голов скота. Тем не менее существовало одно обстоятельство, которое отличало его от остальных землевладельцев. Он учился в Гарварде. Кеттльман обладал некоторыми литературными амбициями и, хотя ему так и не удалось опубликовать роман, поддерживал добрые отношения с такими людьми, как Оуэн Уистер, Зейн Грей и Гарольд Белл Райт*. Его журналы были полны пустых сплетен, праздных слухов о них и очерков о настоящей деревенской жизни.

Аукционист назначил стартовую цену в 25 тысяч долларов. Ришад, презрев правила аукционного этикета, тут же предложил 75 тысяч, и торг по этому лоту кончился. Пожилой джентльмен рядом со

* Уистер Оуэн (1860—1938) — американский писатель, автор вестернов. Грей Зейн (1872—1939) — американский писатель, автор приключенческих и фантастических романов о Диком Западе. Райт Гарольд Белл (1872—1944) — американский романист, фантаст и публицист.

мною тихонько рассмеялся, будто произошедшее оказалось великолепной шуткой, а я тем временем размышлял, как бы заполучить Рихарда в клиенты. Принц со всей своей свитой покинул зал, и аукционист объявил следующий лот.

Им оказалось полное собрание сочинений Б.М.Боуэр. Как объясняла программка, она была одной из первых, писавших в жанре вестерна, и одной из немногих, кто действительно жил на Диком Западе и в полной мере изобразил «притягательность Дикого Запада». Именно этот набор книг принадлежал самой Боуэр, и хотя ни одно из изданий не было первым, но заново переплетенные еще при жизни писательницы кожаные тома с золотым обрезом пребывали в прекрасном состоянии и смотрелись настоящим собранием.

Все это расписывалось в каталоге самыми яркими красками. Аукционист просто представил лот как «Пункт первый, набор вестернов, написанных Б.М.Боуэр. Собственность автора. 62 тома. Кожаный переплет». Столь малый интерес аукциониста к предмету и довольно сухое объявление позволили мне заключить, что книги составляли лишь часть некоего целого, большой контрактной сделки, в которую, возможно, входили и дневники Кеттльмана. Эту скуку надо было переждать, чтобы двинуться к более редким лотам.

Аукционист заявил начальную цену в 350 долларов. Старый джентльмен слева от меня кивнул, и я заметил, что аукционист на мгновение поколебался. Потом он подтвердил покупку.

— За триста пятьдесят долларов мистеру Мортимеру Фечнеру. Кто предложит 400?

Никто не предложил, и торги продолжились.

Пока добрались до «Вращения», прошло еще часа два. За это время Лизетта торговалась за инкунабулу гностического религиозно-философского труда эпохи Адриана и подлинник пергаментного письма Альберта Великого. И оба упустила в пользу покупателей, предложивших более высокую цену.

Старик, сидевший рядом со мной, больше не торговался, хотя с интересом наблюдал за процессом. Один раз он поднялся и вышел из зала, что я расценил как перекур, потому что, когда он возвратился, от него сильнее пахло табаком, а из нагрудного кармана торчала трубка.

Запах табака моментально перенес меня на ферму моего дяди. Я ездил туда каждое лето, пока мне не исполнилось восемнадцать, помогал пахать поле и убирать урожай. Тяжкий труд для мальчика, но после работы тетка выставляла на стол огромные блюда жареных цыплят, запеченной говядины, вареную кукурузу, картофельное пюре.

ре и пироги с крыжовником. Еда была настолько аппетитна и вкусна, что с тех пор навсегда определила мои представления о стряпне и служила для меня эталоном. По вечерам дядя читал вслух какую-нибудь книгу, завладевшую его воображением, и именно здесь началась моя любовь к чтению. Мы сидели на заднем крыльце, мухи жужжали вокруг лампы, поля погружались в бесплотные звуки ночи, а ты и я слушали Шекспира и Китса, Толстого и Кристофера Морли.

Наконец начались торги за Коперника. Вначале предложения поступали быстро: 600 тысяч, 650, 680... Когда цена поднялась до 700 тысяч долларов, остались только три претендента на лот: я, Лизетта и куратор музея астрофизики «Дедал». Я ощущал напряжение, исходившее от сидевшей рядом Лизетты — интересно, какой у нее лимит? Мой был в 900 тысяч. Я кивнул, соглашаясь поднять цену до 750 тысяч долларов, и она подняла руку, чтобы обозначить 775 тысяч. Я поднял до 800, и она заявила 805. Куратор музея предложил 815 тысяч, и я почувствовал, как Лизетта «сломалась». Остались лишь мы с «Дедалом». Я собирался уверенно выиграть этот лот. Поднял цену до 820, а куратор до 830. Я потянулся было вверх, чтобы поднять цену еще на 5 тысяч, но старик вдруг схватил меня за руку.

— Пусть забирает, — сказал он. — Вам это не нужно.

Я озадаченно посмотрел на него и в этот момент проиграл торг.

Молоток аукциониста со стуком опустился:

— Продано джентльмену из «Дедала».

— Как вы посмели! — зашипел я на старика. — Как вы посмели перебивать!

Старик лишь удивленно поднял брови.

Я так разозлился, что мои слова, вылетая, превращались в бессвязное ворчание. Я протолкался мимо него к проходу. Не самое лучшее решение — покинуть зал после проигрыша торга, но мне уже было наплевать.

Я вырвался на улицу и зашагал вперед, не глядя по сторонам: все равно куда, лишь бы убежать от своей бессмысленной злобы. Накрапывал дождь, и улицы были безлюдны, не считая нескольких промокших душ, спешащих к теплу и свету, хоть к какому-нибудь подобию комфорта. Автомобили с шумом проносились мимо, поднимая грязные фонтаны брызг. Я остановился на перекрестке у светофора. Сигнал отражался в луже дрожащим красным леденцом. Перед тем как свет переменялся, я повернул обратно в «Хольсон» — стремление к сухому месту преодолело мое озлобление.

Я вошел в ближайшую боковую дверь вместо главного подъезда, чтобы не обходить все здание по темной сырости, и оказался в кори-

доре для служащих. Стряхнул намокшее пальто и направился к аукционному залу, оставляя за собой цепочку маленьких лужиц. Завернув за угол, я увидел взволнованного аукциониста, который что-то настоятельно втолковывал лысому мужчине в черном костюме, и заключил, что в торгах объявлен перерыв.

— Да говорю вам, — кипел аукционист, — я очень тщательно проверил эти боуэрские книжки. Там ничего не было.

— Ну, вы что-то упустили. В ином случае Фечнер никогда бы... — лысый заметил меня. — Могу я вам чем-нибудь помочь, сэр? — бесстрастно, но с нажимом спросил он, как обращаются посетители музея к посетителям, пытающимся подобраться слишком близко к экспонату.

— Извините, вероятно, я ошибся дверью. Я собирался вернуться на аукцион.

— Позвольте мне проводить вас туда.

Лысый парень по-быстрому сопроводил меня обратно в зал, и я выбрал себе местечко в заднем ряду. До самого конца торгов я не мог прийти в себя от некоторого ошеломления. Фечнер уже ушел. Лизетта была все еще здесь, но милосердно игнорировала меня. Я был абсолютно уверен, что моей карьере пришел конец. И что больше никогда не появлюсь на этом аукционе.

На следующее утро я спал много дольше обычного. Я слышал будильник и шум душа из соседней квартиры, но лишь поплотнее завернулся в одеяло и погрузился в полусон. Наконец, когда двери жилого комплекса хлопнули положенное, проводив своих топочущих хозяев, а время будто бы замедлило ход, как бывает в пустых комнатах, я выкатился из кровати и добрался до телефона.

Моя клиентка схватила трубку после второго гудка:

— Итак, вы наконец-то соблаговолили доложить о проделанной работе.

— Мисс Арбакл, я могу все объяснить...

— Ни одно объяснение вас не оправдывает. Вы оставили торг, имея запас в 70 тысяч долларов. Вы больше не являетесь моим представителем. — И она бросила трубку.

Это было началом конца моей карьеры. Хотя мисс Арбакл давала мне указание хранить в тайне наши деловые отношения, вряд ли она остановится в «благородном» деле раскрытия моей некомпетентности и растрезвонит о провале своего агента своим друзьям. А те — своим.

Так и вышло. Мои постоянные клиенты, столь тщательно подобранные, все меня бросили. Мой наставник Ларкин не отвечал на мои звонки, а товарищи по бизнесу сильно конфузились при встрече.

Я разместил объявления о предоставлении своих услуг в нескольких разных газетах и журналах, а сам перешел на кукурузные хлопья и быстрорастворимые супы. В хорошие дни я рассылал резюме. В плохие дни я вспоминал всю свою жизнь, как раковый больной с неутешительным прогнозом. У меня и раньше бывали неудачи, но ни одна не заставляла задуматься о взлетах и падениях. Теперь же казалось, что, возможно, я уже не смогу добиться успеха. И буду чувствовать себя счастливым, если сумею получить работу продавца в обувном магазине.

Однако фортуна улыбнулась мне. Перемена в ее капризном характере произошла как раз в то утро, когда я решил посетить приют для бездомных, уже полагая его своим будущим обиталищем. Я читал «Таймс» и завтракал рисовыми хлопьями, залитыми холодной водой, когда мой взгляд остановился на заголовке «Фальсификатор нагрел «Дедала» на 830 тысяч баксов». Это привлекло мое внимание. Возможно, куратор музея, будучи человеком дотошным, решил провести тест, проверку чернил во «Вращении сфер», а в лаборатории, где делали анализ, нашли анатаз* в чернилах. Куратор требовал от аукциона возмещения убытков, а «Хольсон» отвечал, что подлинность книги официально удостоверена и они даже не могут себе представить, как авторитетнейший эксперт по Кеплеру игнорировал подобную аномалию.

Едва я успел закончить чтение статьи, как зазвонил телефон. Это был Ларкин.

— Дорогой мой мальчик, мне так жаль, что я не мог тебе перезвонить, поскольку только что вернулся в город. Но какой триумф с разгромом Кеплера! Как же, во имя всего мира, ты это узнал?

— Давайте просто скажем, что я знаю.

Я не собирался рассказывать моему бывшему наставнику, что от покупки вещи меня спасло лишь вмешательство Фечнера.

— Верно, верно, — мягко сказал Ларкин. — У каждого агента есть свои секреты. Ладно, мой мальчик, теперь у тебя полно клиентов, и ты сможешь сам назначать комиссионный процент. Я, знаешь ли, буду очень гордиться, если люди узнают, что ты некоторое время был у меня под крылом.

После этих слов мне следовало бросить трубку, но я этого не сделал. Я по-прежнему был в игре — делать связи, потакая тем, кто мог помочь мне вскарабкаться еще на одну ступеньку лестницы.

* Анатаз — одна из форм диоксида титана, минерал, который не использовался в составе чернил до XX века.

Один за другим мои бывшие клиенты вернулись. Все, кроме мисс Арбакл, которая, вероятно, чувствовала, что сожгла за собой мосты. Зато получил я больше. Я вдруг заделался лучшим в городе экспертом, моментально распознающим подделку, который может отделить приобретения с крепким инвестиционным будущим от вещей второго сорта, обреченных на провал.

В следующие полтора года я преуспевал. Делал деньги. Заводил знакомства. Я переехал из своей маленькой комнатухи в квартиру с высоким потолком и паркетным полом в престижном районе. Я даже приобрел для себя несколько вещей, в которые стоило инвестировать: маленькая статуэтка мальчика-дискобола из Помпеи и первое издание «Тамерлана» Эдгара По. Но как-то так получилось, что из моей работы ушла душа, и когда я бывал на коктейльных вечеринках, разговаривал с женщинами в дизайнерских нарядах и мужчинами в «ролексах», то размышлял, что никто из этих людей не подаст мне руку помощи в трудную минуту. Ни один из них не шевельнется, чтобы избавить меня от ночевки в картонной коробке под мостом. А потом задумался о том, помогу ли я кому-нибудь из них. Наверное, некоторым помог бы. Хочется верить.

Как-то раз я пораньше ушел с подобного сборища, чтобы прогуляться по городским улицам. Осенняя ночь пахла листьями и чуть подмерзшей землей. Я миновал круглосуточный продуктовый магазин и авторемонтную мастерскую, в которой машины смотрелись непонятными животными, дремлющими чудищами с неведомой силой. По пути я случайно наткнулся на обшарпанный книжный магазинчик, вроде бы еще открытый. Одно из тех утопленных в землю местечек, куда надо спуститься на несколько ступенек, чтобы добраться до двери. Оттуда падал рассеянный свет. Сквозь стекла я видел ряды книжных шкафов и чудом не падающих пирамид, сложенных из книг прямо на полу. Так по-домашнему, так располагающе, будто меня приглашали войти.

Я вошел, на двери звякнул маленький колокольчик, но никто не появился, чтобы встретить меня. Казалось, в магазине никого нет. Переходя от шкафа к шкафу, я узнавал и будто приветствовал старых друзей — «Илиаду», «Оды» Горация, «Большие надежды», «Сердце тьмы». Я открыл наугад засаленный томик Йетса и углубился в чтение любимых стихов. «Я встану и отправлюсь, отправлюсь к Иннисфри»*. Если б я только мог, думал я, потому что для меня Иннисфри

* *I will arise and go now, and go to Innisfree* — начало стихотворения У.Б.Йетса «Озерный остров Иннисфри».

был больше идеей, чем местом, и я не знал, как туда добраться. Я за-
сунул книгу под мышку и отправился разыскивать владельца. Пока я
шел в глубину магазина, до меня стали все громче доноситься голоса
из дальней комнаты.

Дверь была приоткрыта, но чтобы войти, мне пришлось толкнуть
ее локтем. В комнате находились трое: два пожилых джентльмена
и очень молодая женщина с ярко-голубыми волосами. Они сидели
в старых, ободранных до набивки креслах. Женщина, а скорее, моло-
дая девушка лет девятнадцати-двадцати, одетая в комбинезон и без-
размерную мужскую рубашку, обладала острыми, тонкими чертами
лица, какими эдвардианские художники неизменно наделяли лишь
сказочных фей и лесных эльфов. В одной из бровей топорщилось се-
ребряное колечко, а в нижней губе красовалась пуссета с блестящей
стеклянной каплей на шляпке.

Один джентльмен был облачен в джинсы и дешевую фланелевую
рубашку спортивного покроя, совершенно для него неподходящую.
Три «вечных» карандаша и ручка с золотым колпачком покоились
в нагрудном кармане с клапаном. Этот крепкий худощавый старик
с небольшой лысиной выглядел строгим, почти сердитым. На тем-
ном лице холодно блестели голубые глаза, которые в тот момент на-
пряженно уставились на меня, так что мне сделалось немного не по
себе.

Зато львиные черты лица и непослушную седую гриву другого
джентльмена я узнал немедленно. Это был мистер Фечнер, который
спас меня от покупки фальшивого «Вращения небесных сфер». Он
был в костюме, удивительно похожем на тот, что был на нем в «Холь-
соне», только чуть больше поношен и растрепан. Такое помятое, буд-
то не раз служившее пижамой одеяние часто встречается у филосо-
фов и поэтов.

При виде меня нелепая тройца замолчала.

— Извините, что перебиваю вашу беседу. Я только хотел узнать,
могу ли купить эту книгу?

Девушка с голубыми волосами взяла у меня томик.

— Что тут у вас? — бесцеремонно спросила она. — Ого, Йетс. От-
личный выбор. Что скажешь, мистер Феч? Баксов пять?

Фечнер посмотрел на меня:

— Мистер Мейсон с аукциона, не так ли?

Я кивнул.

— Считайте это подарком.

— Мистер Фечнер, я не могу выразить, как признателен вам за то,
что вы для меня сделали. Вся моя карьера могла...

Он замахал рукой:

— А, сущий пустяк, мне это совершенно ничего не стоило. Почему бы вам не присесть? — И он указал на темно-коричневое мягкое кресло, на котором высилась гора книг. — Просто снимите их на пол. Ариэль, познакомься с мистером Мейсоном. Мистер Мейсон, это Ариэль, а вот тот суровый джентльмен — Роджер Маккеффри.

— Зовите меня Сэм, — предложил я.

Реакция двух компаньонов Фечнера оказалась странно враждебной.

— Мило, — сказала Ариэль, резко откинувшись в кресле. — И кто ваш любимый автор?

Маккеффри принялся раздраженно уминать табак в трубке.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил он, хотя было понятно, что он намерен закурить в любом случае.

— Пожалуйста, — ответил я к его разочарованию и к явному удовольствию Фечнера. — Мой дядя курил «Боркум Риф», и запах трубочного табака всегда напоминает мне о летних каникулах, которые я проводил у него на ферме. А нравится мне Конрад, — сказал я, обращаясь к Ариэль. — А вам?

— Ну, сейчас это Ян Даллас, но все меняется. На прошлой неделе я всецело была поглощена Гербертом.

— Верно, — усмехнулся Фечнер, — тебе понравился его Зеленый Дворец с растрепанными книгами и памятниками. Неприступная библиотека есть и в «Книге незнакомцев»*. Я наблюдаю тут некую тенденцию.

— Теперь тебе бы надо почитать «Имя Розы», — заметил Маккеффри. — Вот интересно, какое утраченное и запретное знание содержится в старинных пыльных томах, что всегда так манит нас.

— Знаю, что вы имеете в виду, — сказал я. — Иногда я мечтаю найти тайный подвал в Александрийской библиотеке с отлично сохранившимися горами свитков древних рукописей, которые не смогли достать и разрушить никакие пожары...

Глаза Маккеффри сверкнули.

— Итак, если бы вы попали в такой забытый подвал, какую рукопись вы бы хотели найти больше всего на свете?

— Трудный выбор, конечно... Но, думаю, я бы взял переписку между Гефестионом, одним из генералов Александра Македонского,

* Даллас Ян (после принятия ислама — шейх Абделькадыр ас-Суфи, р. 1930) — автор «Книги незнакомцев» (1972), а также многочисленных трудов по исламу, суфизму и политике.

и Аристотелем, великим учителем Александра. Только представьте, что эти люди могли бы рассказать нам о человеке, которого оба любили: письма проследили бы императора от юноши с несравненными перспективами через закаленного и ожесточенного генерала до философа-скептика.

— А Эсхил? — спросил Фечнер, подавшись вперед. — Разве вы не взяли бы хоть одну из его утраченных пьес? Оригиналы, как вы знаете, были спрятаны в Александрии, когда Птолемей, один из первых ярых библиоманов, украл их у греков. Подумайте о том, что в ваших руках находится «Мемнон» или «Кабирия», вы открываете книгу — первый раз за семнадцать веков! — и с чувством читаете строки: «От богов, восседающих как-то там величаво, благодать исходит там как-то неистово...»

Вот так и началась моя первая дискуссия в маленькой компании книголюбов, которых вскоре я узнал достаточно, чтобы называть друзьями. Мы были эклектичной группой, которая держалась вместе только за счет своей увлеченности идеями. Маккефри, ведущий свою родословную от коренной американской и шотландской ветвей, оказался физиком на пенсии. Ариэль, одеждой и манерами старательно изображающая панка, работала на ферме, иногда переселяясь пожить в город. Фечнер, энциклопедист-самоучка, с жадным любопытством добывал свои знания обо всем из всего. Не было такого предмета, по которому он не мог бы поддержать разумный разговор или прочитать лекцию, если не как эксперт, то, по крайней мере, как знаток.

Я завел привычку проводить в книжном магазинчике два-три вечера в неделю. Фечнер всегда был на месте. Часто к нему присоединялись Ариэль и Маккефри. Постепенно я стал осознавать, что гораздо больше предпочитаю их компанию, чем любого из моих знакомых по аукциону и коллекционному бизнесу. Если бы я задумался об этом факте в те времена, то мог бы сказать, что с этой разношерстной троицей мне было комфортно, потому что они любили книги и выражали свои идеи для размышлений, а не для рыночных торгов. Если бы я задумался об этом в те времена, то понял бы, что мне не нравится тот торгаш, каким я стал.

В один из вечеров почти в самом начале нашего знакомства, застав Фечнера одного, я спросил его о покупке книг Боуэр. Рассказал ему, как наткнулся на двух аукционистов, обсуждавших это собрание и покупателя. Фечнер прошел к шкафу со своими личными, не для продажи, книгами и вытащил один том из боуэрского набора. Он молча повернул книгу корешком к себе, а ко мне — золоченым обре-

зом. Затем, держа страницы вместе, согнул их вбок. Я ахнул. Передо мной оказался в мельчайших деталях рисунок ковбоя; тот скачет на лошади во весь опор, преследуя молодого бычка, бегущего по прерии. Высоко над головой ковбоя вертится кольцо лассо, а его шляпа летит позади, сбита порывом ветра.

Обрезная живопись, одно из тех редких украшений книг, которые выявлялись лишь при сгибе книги, как только что показал мне Фечнер. Я мог лишь мечтать хотя бы подержать в руках такую, но ни одной не видел. Маленький рисунок был необычайно живой: энергичные линии буквально звенели в контурах лошади, устремленной вперед, в бешеном скачке быка, вырвавшегося на свободу.

— А кто художник? — спросил я.

— Рассел. Большой друг Боуэр, он сделал ей подарок — расписал каждый том собрания.

— И в «Хольсоне» этого не знали? Почему они не посмотрели?

— Гордыня, знаете ли. Они самонадеянно предположили, что этот набор не принесет никакого дохода. Ведь ясно, что это не первые издания, да и сама Боуэр не считается такой коллекционируемой, хотя, на мой взгляд, ее описания Дикого Запада гораздо более искренние, чем у Грея, Ламура или даже Уистера.

— И что вы с ними будете делать?

— Смотреть и радоваться, показывать друзьям. Ну а потом отдам какому-нибудь хорошему человеку.

— Отдам... — эхом отозвался я, думая об аукционных прибылях.

— Конечно, — улыбнулся Фечнер. — Хорошая книга, как хорошее вино, ее надо испить с друзьями.

В другой раз, когда подвернулся удобный случай, я спросил Фечнера, откуда он узнал о поддельном экземпляре «Вращения сфер», и он мне ответил, что Кеплер никогда не написал бы подобные комментарии на полях.

— Он так не думал, — сказал он просто. — Те комментарии — не его.

В будущем, когда всё изменилось, я бы поразился столь бережному и тщательному подходу к автору, позволившему Фечнеру так точно познать систему его мышления. Мне было бы интересно, уделял ли он такое же внимание своим знакомым. Если да, то мой действительно серьезный промах состоял в том, что я вообще едва знал этого замечательного человека.

Все остальные споры нашей группы носили гораздо более неприужденный характер. Я помню, мы обсуждали ряд книг, которые могли бы изменить историю: «Илиада», «Об общественном догово-

ре», «Хижина дяди Тома» и «Капитал» оказались в этой категории. Маккефри настаивал на регулярном представлении правильных прогрессивных идей обществу снова и снова, для того чтобы люди «пережили их и искренне приняли всем сердцем». В доказательство он разместил диссертации на тему гелиоцентрической Вселенной от Аристарха Самосского до Коперника и провел литературную линию от «Хижины дяди Тома» до «Сына Америки» и от «Странного фрукта» до «Убить пересмешника»*.

— Понадобились эти и многие другие книги, — печально проговорил он, — чтобы привести нас к более справедливому обществу, но идеала все еще не видно.

С другой стороны, Ариэль спорила, что только лишь глубокое понимание каждым сути происходящего способно пробить общественное сознание, которое может изменить мир.

— Обратите внимание на «Происхождение видов» Дарвина, — предложила она, — или теорию относительности Эйнштейна.

Позже я вспомнил, что весь этот разговор, давший мощный толчок к размышлениям и приведший к трагическим последствиям, спровоцировал именно Фечнер. Тот вечер мне запомнился крепко. Весь день шел такой сильный снег, что никакие лопаты и комбайны не могли с ним справиться. В сумерки многие люди уже оставили битву со снегом и ушли домой, я заметил только нескольких несломленных, старательно пробивающих дорожки в сугробах, пока я с трудом брел к магазинчику.

Ступеньки, ведущие вниз, исчезли, превратившись в снежный склон. Я ухватился за круглые перила и осторожно сполз вниз. Колокольчик на двери бешено звякнул, когда я ввалился в дверь, с трудом отвоеванную у снежного завала.

О, блаженный оазис тепла и света! Когда я скинул намокший шарф и снял куртку, то услышал в задней комнате взволнованный разговор.

— Но вы бы не захотели, — серьезно рассуждал Маккефри, — общаться им, что это из будущего.

— Почему нет? — спросила Ариэль. — Разве вы не пожелали бы узнать это, случись подобное с вами? Как круто это даст по мозгам!

Я пропустил следующую часть разговора, потому что наклонился

* «Странный фрукт» (1939) — знаковая песня, направленная на борьбу с расизмом, впервые представленная американской публике темнокожей певицей Билли Холидей (1915—1959). «Убить пересмешника» (1960) — роман американской писательницы Харпер Ли (р. 1926), получившей Пулитцеровскую премию.

стянуть галоши. Я учуял запах горячего вина, сдобренного специями, и был не прочь угоститься.

— Ага, — протянул Фечнер, когда я вошел в комнату. — Вот тот человек, который ответит на наш вопрос.

— Какой такой вопрос? — осведомился я, счастливо погружаясь в мягкое коричневое кресло, которое стало «моим» с тех самых пор, когда я освободил его от кучи книг. — Я понял, ребята, что вы тут уже некоторое время общаетесь. Потому как на ступеньки уже можно звать горнолыжников, и только мои следы смогут им немножко помешать.

Маккеффри широко повел своей кружкой с вином:

— *Tempus fugit**, когда веселишься.

По какой-то неизвестной причине Ариэль нашла это страшно забавным и так расхохоталась, что плеснула вино на рубашку. Взглянув на пятно, она удивленно поморгала по-совиному и торжественно произнесла:

— О, хорошо же, *hodie adsit, cras absit***. — И захохотала снова.

Я подозрительно посмотрел на вино, которое Фечнер протягивал мне:

— Что это вы, ребята, туда кладете?

— Успокойтесь, дети малые, — призвал Фечнер. — Надо задать вопрос.

Он и сам был в великолепном настроении, даже легкомыслен, он прямо-таки сиял изнутри, широко улыбался, и глаза искрились, когда он спросил меня:

— Если бы вы могли передать книгу, любую книгу, кому-нибудь, кто жил раньше, какую бы вы выбрали и кому бы отдали?

— Я бы передал биографию Христофора Колумба самому Колумбу, — сразу ответил я.

— А вы не боитесь, что измените историю? — спросила Ариэль. — Мы жуем эту проблему уже несколько часов.

— А почему бы ее не изменить? Что хорошего в нынешнем положении вещей? Если бы Колумб знал, что не найдет ни специй, ни шелков Востока, он бы никогда не отправился в странствие, тем более на запад. Он бы никогда не нашел Новый свет, и коренные американцы жили бы в мире.

— Но вы бы никогда не узнали, насколько изменили мир и изменили ли его вообще. Неоткуда было бы узнать. Не-ет, я бы выбрала

* *Время бежит (лат.).*

** *Сегодня приходит, завтра уходит (лат.).*

книжку несущественную, приятный пустячок для развлечения, — рассудительно сказала Ариэль. — Я бы дала «Винни-Пуха» Цезарю, когда он был маленьким мальчиком. Мне всегда хотелось встретиться с Цезарем, но только с ребенком, а не с генералом или диктатором. Интересно, каким он был малышом?

Я взглянул на Фечнера:

— А вы что решили?

— Я пока не определился, зато Маккефри готов ответить. Расскажите, Роджер, на чем вы остановились?

Выбивая старый пепел из трубки и наполняя ее новой порцией табака, Маккефри размеренно вещал:

— Поначалу я собирался сделать что-нибудь знаковое, типа передать «Новый завет» Иисусу или «Холодный дом» Марии Антуанетте, но потом я разделил беспокойство Ариэль, что слишком сильно изменю историю, и остановился на более простом и, несомненно, элегантном решении. Вы знаете, как я люблю греческую трагедию?

Я кивнул. Действительно, Маккефри заявлял, что Эсхил и Софокл были богами и никакой писатель до сих пор не написал ничего, сравнимого с их трудами.

— Значит, я бы дал Софоклу «Смерть продавца». Мне хотелось бы посмотреть, как он справится с нравственным падением маленького человека, вместо того чтобы рассказывать о великих людях.

Я тут же вспомнил царя Эдипа, его непоколебимую самонадеянность, твердую уверенность во власти над своей жизнью и судьбой, которая и привела его к гибели. И подумал о Вилли Ломане*, доверяющем системе и ее видимости, верящем, что жизнь, потраченная на служение — это нечто большее, чем просто потраченная жизнь. И задумался о своей собственной жизни, о том, как близко я подобрался к провалу и ни один из моих аукционных «друзей» не побеспокоился обо мне.

— Блестяще, — сказал я.

Именно в этот момент ужасный порыв ветра ударил в задрезавшие окна, и мы притихли, размышляя о пользе человека в своем мире и о том, как он может быть выброшен из него, когда его ценность иссякнет.

— Внимательнее надо быть, — повторил Фечнер слова жены Вилли Ломана.

После того вечера Маккефри оказался единственным из моих друзей, с которым я смог встретиться. И когда мы увиделись, я был

* Вилли Ломан — персонаж романа Артура Миллера «Смерть продавца» (1949).

абсолютно другой личностью. Не изменившимся под влиянием обстоятельств, когда жизнь круто ломается, переопределяя взгляды на мир, не переставшим стремиться к высоким целям и мечтам, как бывает, когда затянувшиеся тяжелые времена словно разъедают все душевные устремления... Нет, сама жизнь моя была вырезана из континуума.

Потому что мои друзья изменили историю. Ариэль и Фечнер. Они вернулись назад во времени и привели в движение некий порядок событий, которые, в свою очередь, изменили временную линию, а вместе с ней и все обстоятельства моей жизни.

Я не осознавал, что живу другую жизнь, до тех пор пока Маккефри не явился ко мне в офис. Когда он пришел, я уже был советником-консультантом Представительства Британии в округе Хопи-Навахо. Работа как работа, но я принимал как должное, что моя жизнь в дипломатическом корпусе так и будет течь спокойной рекой. Мне и в голову не приходило, что всё могло быть по-другому.

Однажды утром Маккефри буквально вытряхнул меня из обычного блаженного покоя и душевной удовлетворенности. Я как раз потягивал вторую чашечку травяного настоя и сочинял записку благодарного одобрения для Осеннего поэтического кружка, когда вошел мой секретарь Джонсон. Он казался немного взволнованным, что было крайне странно, потому как обыкновенно его настроение напоминало ровную поверхность спокойного пруда.

— Старейшина навахо хочет видеть вас, сэр. Я знаю, ему не назначено, но он пришел с трубкой, да и одет довольно странно, вот я и подумал...

— Конечно, — сказал я. — Вы, несомненно, правы, что сообщили мне. Впустите его.

Старейшина выглядел лет на 60—65. Он был одет в рубашку из какой-то грубой ткани, не поддающейся точному определению — похоже на лоскутное шитье из красных и черных квадратов. Из его нагрудного кармана торчала церемониальная трубка. Он казался слишком взволнованным для старейшины. Его коротко отрезанные волосы были уложены набок, он тяжело дышал и выглядел так, будто собирается наброситься на меня.

Я нервно кашлянул:

— Гм, Джонсон, можете идти. Может, вы принесете уважаемому... — я сделал паузу, но гость не заполнил ее, и я продолжил так мягко, как это только было возможно, — чашечку травяного настоя?

Некоторые старейшины никогда не раскрывали своего имени. Это могло как-то повлиять на их силу. Джонсон неохотно повер-

нулся к двери. Я знал, что он так же, как и я, охотно воспользовался бы возможностью послушать гостя, и мне не хотелось разочаровывать своего помощника. Но этот странный пожилой человек неуловимо заставил меня ощутить, что беседа должна остаться приватной.

— И... Джонсон, — тот остановился. — Никому об этом ни слова.

— Ну конечно, господин советник, — ответил мой секретарь со всей своей обычной любезностью. И ушел, тихонько закрыв за собой дверь.

В ту же секунду старейшина обошел стол и оказался передо мной. Он обнял меня медвежьей хваткой и вскричал:

— Сэм, как я рад, что ты до сих пор здесь!

Я был немного удивлен таким поведением, но старейшины имеют много причин для своих непонятных нам способов общения, поэтому я стоял в его объятиях и терпеливо ждал продолжения. Наконец он отступил, все еще крепко сжимая руками мои плечи. Он слегка встряхнул меня:

— Сэм, ты меня помнишь? Ты вообще что-нибудь помнишь?

Он напряженно смотрел на меня. Его глаза были необычного голубого цвета, и я заметил тревожный, беспокойный взгляд. Он казался немного знакомым, но я не мог вспомнить, где видел его раньше. Возможно, на конференции или на какой-нибудь церемонии? Потом вдруг я подумал, что знаю, зачем он пришел. Конечно, мы могли встречаться в Долине Духов. Если это правда, тогда я понемногу его вспомню. Старейшина встряхнул меня снова:

— Думай, парень, думай! Что тебе вчера снилось? Возможно, это показалось тебе сном...

И я вдруг вспомнил! Как будто у меня была амнезия, и вот вспыхнула в памяти долгая забытая жизнь, целая жизнь с эмоциями, ощущениями и страстями прожитых лет. Она возникла параллельно с этой жизнью... В одно и то же время я был и младшим советником из Британии, и агентом по приобретению редких антикварных рукописей. Воспоминания перемешивались: аукционные контракты дисгармонировали с переговорами со старейшинами хопи и навахо на тему оздоровительных примеров для подражания; в ежедневное методическое следование по пути внутренней Красоты врывались звуки уличного движения и надсадный гул лифтов в стальных колоннах. Я тяжело опустился на стул.

— Как это произошло, старейшина Маккефри? — Имя я вспомнил и, совершенно запутавшись, по привычке обращался к нему как к заслуживающему уважения и доверия пожилому человеку.

Маккефри отошел к другой стороне стола и уселся на краешек стула. Я заметил, что его руки немного дрожат, когда он взял трубку и принялся набивать ее табаком.

— Как много ты помнишь? — угрюмо спросил он.

— Не знаю, — задумался я. — Как-то всё запуталось... Откуда мне знать, что именно я забыл. Кажется, я любил книги, и вы тоже, и Фечнер, и Ариэль... Мы жили в местечке, очень далеко от Мира Духов. Место... — сказал я, медленно извлекая фразы из глубины другой жизни, — где не поют птицы. Я совсем не уверен... не думаю, что место было именно таким, каким я его помню, как мне кажется...

Маккефри кивнул:

— Скорее всего, у тебя происходит эффект наложения, как называл это дед Ариэль. Он предполагал, что если путешественник во времени заставляет историю меняться, человек, который жил в прошлом мире, забывает свою старую жизнь и будет помнить одну только новую, ежели его память не встряхнуть после исторического сдвига. Тогда получится, будто два конфликтующих слоя налагаются друг на друга, и совершенно разные контуры событий жизни и картины миров сливаются в подсознании субъекта. И бедняга пытается усвоить обе свои реальности одновременно.

Маккефри зажег трубку, и когда синие облака дыма поползли вверх, я вспомнил моего дядю и его ферму, и медленные спокойные вечера, которые мы проводили на крыльце, и благоговейную тишину, когда старейшины открывают церемонии призывания духов. В этот момент вошел Джонсон с подносом разных трав для заваривания. Он бросил недоуменный взгляд на Маккефри с трубкой в зубах и с вежливым спокойствием поставил поднос на стол.

— Э-э, если это всё, господа... — прошептал он и быстро покинул помещение.

— Что я такого сделал? — спросил Маккефри.

— Ваша трубка служит для призывания настоящих духов, — пояснил я.

— Ох ты, — сконфуженно сказал он и стал выбивать табак вместе с горящими угольками из трубки прямо на поднос.

Обыденность этого жеста была еще хуже. Я нерешительно огляделся вокруг.

— Но у вас же нет двойной памяти, не так ли? Я имею в виду, нет воспоминаний о нашем времени, моем времени... ну, где мы сейчас находимся, — поправился я, чувствуя себя очень несчастным. — У вас нет эффекта наложения.

— Нет. — Маккефри рассматривал угольки на подносе. — У меня память только о прошлой жизни. Думаю, это потому, что я был слишком близко к порталу, когда всё случилось. — Он оценивающе посмотрел на меня. — Ты быстро схватываешь, мы это всегда знали... — Он поднял чашку с отваром и отхлебнул: — Ах, добрый старый мятный чай. — Потом поудобнее уселся в кресле, обхватив чашку обеими руками, чтобы согреть ладони. — Боюсь, мы были с тобой не до конца честны, Сэм. Понимаешь, мы были не просто друзьями-филологами, обсуждающими книжки. Конечно, мы наслаждались беседами о книгах и ценили тебя как человека, вносящего свой интересный вклад в дискуссии, но наша группа была сформирована для совершенно иной задачи. — Маккефри вздохнул и продолжил: — Дедушка Ариэль, Питер Фечнер, был физиком, как и я, если ты помнишь, — он вопросительно поднял брови.

Я кивнул.

— Питер исчез около десяти лет назад. Никто никогда больше не видел его ни живым, ни мертвым. Когда наконец он был официально объявлен умершим, выяснилось, что Питер оставил все свое имущество внучке. Ариэль унаследовала дом, довольно большое количество громоздкой викторианской мебели и подвал, доверху набитый всякими машинами и приборами. Девочка понятия не имела ни об одном из этих аппаратов, ни тем более об их предназначении, но она нашла многочисленные тетради, исписанные рукой деда, с изложением функций каждого. Та «машинка», что заинтересовала ее больше всего, предположительно была временным порталом. Ариэль позвонила своему двоюродному деду Мортимеру Фечнеру и спросила его, что он об этом знает. Он не знал ничего и пообещал спросить меня.

Я, конечно, сказал Мортимеру, что путешествие во времени невозможно, что требуемая энергия для обеспечения подобного эффекта всегда будет выше уровня наших достижений. Тем не менее было любопытно посмотреть на аппарат и записи Фечнера. Питер Фечнер имел солидную репутацию в научном обществе. Я попросил Мортимера, чтобы Ариэль привезла устройство.

Ей потребовалось три дня, чтобы проехать через страну с этим аппаратом. Она загрузила его в кузов старого дедового грузовичка без всякой упаковки или защитного чехла. В то время я боялся, что она его повредила. Теперь я думаю, что так было бы лучше.

Я тщательно изучал тетради Питера Фечнера дни напролет и смог определить, что основой путешествия во времени было движение сквозь квантовые перегородки. Однако понять его теоретические вы-

кладки и тем более доказательства оказалось мне не по силам. Будто он писал на иностранном языке, а я лишь узнавал слово-другое на странице текста.

В конечном счете я решил, что портал надо испытать, поскольку Фечнер оставил четкие инструкции по использованию аппарата. Все, что надо было сделать, это поместить вещь внутрь и указать на панели управления время и место. Фечнер понял, что портал может отправить предмет куда угодно в прошлое, используя пространственно-временной континуум. Единственным его предостережением было пояснение, что отправленное имеет билет в один конец, потому что в прошлом портал еще не изобретен.

После долгих дискуссий Ариэль, Мортимер и я решили послать маленькую нефритовую статую Будды в девятый век на японский остров Хонсю. Мы предполагали, что если кто-нибудь на самом деле увидит появление статуи, то этот феномен для наблюдателя не станет противоречить его верованиям и общей картине мира. Никто из нас по-настоящему не верил, что портал сработает, но мы все равно обставили эксперимент как веселый праздник.

Мортимер купил бутылку шампанского, и мы выпили за здоровье каждого из нас и отдельно за деда Ариэль. Помнится, мне показалось, будто бедный Фечнер ожил, потому что Ариэль и Мортимер некоторое время не переставая рассказывали истории о ее вспыльчивом предке. Наконец, когда мы уже немножко опьянели от ярких воспоминаний и вина, Ариэль торжественно поместила нефритовую фигуру в портал. Я напечатал время «14:00, 5 марта 895 года» и указал «Хонсю, Япония». «Каковы точные координаты?» — вспыхнули на экране слова. Я не был готов указать точное место, хотя и смутно осознавал, что такие подробности необходимы. «Обратите внимание на предложенные точные координаты», — высветилась следующая надпись. Я обратил и выбрал первую попавшуюся пару цифр, установил задержку по времени на тридцать секунд и вышел из портала.

Не было ни звука, ни вспышки света. Вот статуэтка есть — и вот уже ничего нет. Теперь я был твердо убежден в том, что случилось с Питером Фечнером, и также совершенно уверен, что не последую за ним. Однако Мортимер и Ариэль не исключали возможности, что им захочется попробовать. Просто они еще не были готовы. Требуется определенная смелость, чтобы оставить свой дом и друзей, да и весь знакомый мир, когда знаешь, что никогда не вернешься обратно.

Маккефри вздохнул и затем продолжал, будто задача рассказать стала тяжким бременем, непосильным гнетущим грузом.

— Мы попробовали провести еще пару экспериментов, просто чтобы удостовериться. Мы послали один из этих снежных шаров, пресс-папье с падающим снегом внутри, на год назад в тот же книжный магазин. После тщательных поисков мы нашли его покрытым паутиной в углу чулана. Мы послали серебряный доллар со статуей Свободы на три месяца назад в квартиру Ариэль, и она обнаружила его в своем чертежном столе. Единственное, что по-настоящему беспокоило нас и заставляло снова и снова обсуждать, была перспектива материализоваться в стене или под землей. Но записки Фечнера утверждали, что программы, обеспечивающие безопасность, надежно защитят «пользователей» от подобных происшествий, и мы в конечном счете решили верить, что так оно и есть.

Маккефри с отсутствующим выражением лица вытащил трубку и снова начал набивать ее табаком. Поймав мой испуганный взгляд, он с сожалением убрал ее обратно в карман рубашки.

— Извини, — сказал он, — от старых привычек тяжело избавляться. Так вот, в то утро Ариэль и Мортимер намеревались предпринять решительный шаг — погружение в прошлое, и кажется, вместе с ними и я нечаянно предпринял столь же решительный шаг, только несколько иного плана. Перед тем как Мортимер и Ариэль отбыли, я часто вслух рассуждал о невероятной трудности жизни в чуждом современному человеку культурном пласте, но никогда и мысли не допускал, что именно я и окажусь в подобной ситуации, если действия в прошлом изменят мою настоящую жизнь. Мир, в котором мы сегодня живем, совсем не похож на мир вчерашний, и мне он не нравится. Ни чуточки. — Маккефри замолчал и судорожно вздохнул. — И поэтому я нуждаюсь в твоей помощи, Сэм. Ты мне нужен, друг мой, ты мне поможешь поменять историю обратно. Чтобы все снова стало как надо.

Маккефри выжидательно смотрел на меня, но я оказался способен сказать что-либо. Часть меня, принадлежавшая прежнему миру, досадовала на перемену истории и ругала совершивших это самонадеянных идиотов. Я считал этих людей своими друзьями, а они выбросили меня из самого значимого дела своей жизни. Линии моих жизней спутались в такой противоречивый узел воспоминаний, эмоций, мыслей и чувств, что было невероятно трудно подобрать хоть несколько внятных слов, чтобы с их помощью разругать его.

— Почему?.. — прохрипел я наконец.

— Почему мы тебе не сказали? — попытался помочь Маккефри.

Я кивнул. Вопрос не хуже любого другого.

— Потому что я тебе не доверял. Мортимер хотел тебе рассказать.

Он считал тебя чем-то вроде своего протеже, пытался убедить меня, что у тебя и голова, и душа, и сердце на месте. И Ариэль, конечно, рассказала бы тебе всё. Она всем подряд доверяет. Она не получала тяжелых ударов судьбы, как Мортимер или я, и ты ей очень нравился. Но я чувствовал, что так или иначе наша тайна может у тебя сорваться с языка, например, проболтаешься кому-нибудь из своих коллег. Опять же есть соблазн подложить какие-то вещицы в определенное местечко в прошлом, чтобы ты смог найти их и выставить на торги в нашем времени. Нет, я был уверен, что ты этого не сделаешь, но возможность все-таки оставалась...

Видимо, так чувствует себя пациент при шизофрении, когда две личности в голове борются за главенство. Часть меня хотела отлупить лысеющего старика, сидящего передо мной. Другая часть продолжала взволнованно талдычить о преданиях и традициях, о родовых обычаях и неписаных законах.

— Так чего же вы от меня хотите? — наконец-то сумел выговорить я.

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной, увидел, как работает портал, и стал моим дублером в случае, если мне не удастся вернуть нашу нормальную жизнь. Если ты окажешься очень близко к порталу, когда я отправлюсь в прошлое, ты будешь помнить, как все было, и поймешь, поменялось что-то или нет. Ты сможешь определить, получилось ли у меня что-нибудь.

— А в какое именно время отправились Ариэль и Мортимер?

— Ариэль последовала своему плану дать «Винни-Пуха», переведенного на латынь, малышу Цезарю. Не думаю, что это сильно повлияло на историю. Мортимеру больше понравилась твоя идея с Колумбом. Хотя он не собирался брать с собой книги. Он знал путь лучше, чем попытка изменить историю. Он просто хотел пойти и увидеть отходящие корабли, может, даже записаться в команду каким-нибудь помощником. Я полагаю, он что-то все-таки сделал с историей, потому что, судя по тем нескольким часам, которые я провел в этом мире, покорения Америки европейцами так и не произошло. Этой частью континента управляют коренные американцы, разве не так?

— Эти земли находятся под окружным протекторатом правящего собрания Хопи-Навахо, — ответил я.

— Я так и думал, — кивнул Маккеффри. — Так ты мне сможешь выправить историю?

— Понимаете, сейчас в моей голове полная неразбериха, вряд ли я в состоянии принимать какие-то разумные решения, но мне бы хоте-

лось посмотреть портал Ариэль. Он в книжном магазине? Разве он до сих пор...

— Да, существует. Портал находится внутри магазина, поэтому тот уцелел.

После этих слов Маккефри я почувствовал, что страстно желаю увидеть книжный магазин — пыльные шкафы и развалы книг. В это время дня свет будет падать во фронтальные окна и согреет полки с томами, хранящими рассказы о лодках и верблюдах, о путешественниках, которым не суждено вернуться домой.

Мы взяли скутер на воздушной подушке. Я предпочитал этот маленький, но элегантный аппарат более внушительным транспортным средствам, которые плыли так высоко над землей, что ничего толком не разглядеть. Пока мы маневрировали над степями, мои воспоминания из другого мира накладывали на них асфальт и многоэтажные строения поверх высоких волн травы, где мирно паслись антилопы.

— Забавно, — сказал Маккефри, — я мог бы поклясться, что только вчера мы умирали от зимнего холода.

— Да, я помню.

Я вспомнил летящий снег и ужимающий, подавляющий холод. И еще запах выхлопных газов, торопливую суету задерганных людей, стремящихся вырваться вперед или хотя бы не остаться позади. Я вспомнил бездомных и стариков, запертых в домах престарелых. Я вспомнил Вилли Ломана.

Маккефри посмотрел вдаль сквозь прозрачный купол аэроскутера.

— Теперь вы строите воздушные замки?

— Да, наши жилища помещаются в воздухе. Так мы не беспокоим поля.

Маккефри вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть:

— Но как вы поддерживаете здания в подвешенном состоянии? И как в таком случае работает эта штукавина, на которой мы едем? Здесь используется какой-то вид магнитного или антигравитационного поля?

— Не знаю, я не старейшина.

Когда я это сказал, мои противоречивые сущности, казалось, слились в единое целое. Передо мной человек из того времени, он не старейшина. Собрав всю свою память, подключив разум и упорядочив мысли, я наконец принял решение. Но требовалось обсудить это с Маккефри.

— Может, вы немного повремените отправляться в прошлое, — предложил я. — Попробуйте познакомиться с нашим миром. Здесь все совершенно по-другому.

— Нет, — нетерпеливо оборвал меня Маккефри. Потом он печально улыбнулся и сказал с сожалением: — Извини, у меня появилась навязчивая идея, что я должен вернуть мир на место, как было *только что*. Все очень сильно переменялось. Тебе не понять. Понадобилось чертовски много времени, чтобы найти тебя. Я почти отчаялся. И уже не надеялся, что когда-нибудь снова увижу знакомое лицо. — Он внезапно прервался, а затем решительно произнес: — Неправильно это — менять историю. Мы совершили большую ошибку, и мне предстоит ее исправить.

Я ему посочувствовал, но не собирался менять свое решение. Нравственная составляющая проблемы была слишком важна, чтобы с легкостью дернуть за рычаг, я ценил свой новый мир очень высоко и избрал тот путь, который считал верным. Я мягко остановил аэроскутер неподалеку от того места, где когда-то находился книжный магазинчик. Теперь его можно было разглядеть: он словно стоял на каменном постаменте, почти полностью укрытый высокими травами. Вне города, посреди степи он выглядел нелепо, но все равно от одного лишь вида магазинчика комок подкатил к горлу. Здесь осталось мое сердце, как в давно покинутом доме детства. Интересно, почему никто в этом мире не обнаружил его? Наверняка кто-нибудь нашел старый домик, но решил не беспокоить его.

Мы спустились по старым знакомым ступенькам. Когда Маккефри открыл дверь, звяканье колокольчика призвало ко мне волны воспоминаний. Войдя внутрь, старик извинился и на несколько минут ушел к шкафу в дальней комнате, и я стоял, глядя на древние книги, словно на старых друзей, которых любил и которые поддерживали меня. Я почувствовал укол сожаления. Здесь было так много томов, так много рассказов, которых никто, кроме нашей маленькой компании книголюбов, не узнает никогда.

Маккефри вернулся, наряженный в некое подобие одежды, которую носили во времена Колумба. Я не мог удержаться от улыбки при виде мужчины в колготках.

— Теперь я знаю, почему вы хотите вернуться туда. Вы скучаете по тогдашней моде.

Маккефри не выдал даже намека на улыбку, и я заметил, что он ужасно боится. По его мнению, он совершал героический поступок, пытаясь восстановить историю.

— Вы точно уверены, что не хотите остаться? — спросил я. — В этом мире не так уж и плохо.

— Нет, мне надо все восстановить, и в случае провала обещаю, что тоже попытаюсь сделать все, как надо.

— Не беспокойтесь, все будет как надо, — заверил я его.

Он помолчал, видимо, задумавшись, что именно я имел в виду, но потом махнул рукой. Мы спустились в подвал — там в центре комнаты стоял портал. Снаружи он походил на пышную гримерку какой-нибудь звезды 1960-х, но внутри он был сделан из неизвестного мне материала. Маккефри показал, как пользоваться панелью управления, чтобы установить время и место. И я вышел из аппарата. Маккефри с тоской посмотрел на меня, помахал на прощанье и произнес:

— Ладно, до свидания.

— До свидания, Маккефри.

И он исчез. Я немного подождал, поднялся в магазин и посмотрел в окно, чтобы определить, не произошли ли какие-то перемены, но их не было заметно. Я и не ожидал иного. В поле зрения не было никаких строений. Высокие травы по-прежнему сгибались на ветру. Антилопы по-прежнему паслись в отдалении. Я плотно закрыл окна и запер дверь подвала. Когда я выходил из магазина, я выбрал томик стихов Йетса (так как все мои книги исчезли, когда время изменилось) и «Винни-Пуха» Милна.

Потом я направил аэроскутер к озеру, которое очень любил, сразу за лугами Иа-Иа. Весь долгий день я просто сидел возле озера Пятачка. Я наблюдал, как ловит рыбу синяя цапля и немного почитал «Винни-Пуха» (как чудесно иметь под рукой эти поучительные истории, и не ждать общего собрания, чтобы послушать их). Но больше времени я просидел, вспоминая своих друзей из прежнего мира: Мортимера Фечнера с его неизбывной страстью к литературе, Ариэль с ее детским восторгом и любовью к Винни-Пуху, строгого Маккефри с его неизменной трубкой. Иногда я мысленно наблюдал, как Ариэль передает цикл о Винни-Пухе малышу Цезарю. В моем представлении она появлялась в большом зале, исполненном света, и фиамм в медной чаше напITYвал воздух кедровым ароматом. Порой я видел в мыслях Маккефри и Фечнера, стоящих на передней палубе корабля. Они курили трубки, пытливо глядявались вдаль и рассказывали друг другу разные истории. Мне нравилось думать, что Маккефри нашел Фечнера. Я знал, что если он нашел Фечнера, то все будет как надо.

Перевела с английского
Татьяна МУРИНА

К Е Й Д Ж Б Е Й К Е Р

МАЛЬСТРЕМ

Иллюстрация Игоря ТАРАЦКОВА

Мистер Мортон был богатым человеком. И ненавидел свое богатство.

Прежде всего, он не привык иметь деньги. Почти всю свою жизнь он провел в специализированном заведении, поскольку в десять лет получил диагноз «эксцентричный тип». Но когда Британской марсианской компании понадобились поселенцы на Красную планету, больница Уинкли для пациентов с неустойчивой психикой охотно предоставила для благородных целей колонизации чужих планет большинство своих подопечных, отличавшихся наиболее компенсированным поведением.

Мистеру Мортону путешествие на Марс понравилось. Впервые в жизни он даже получал скромное жалованье от БМК. И хотя считался оригиналом и чудачком, тем не менее обладал блестящими способностями в области дизайна и изготовления убежищ из бетона: факт, поражавший всякого, кто не видел бесконечных макетов деревень, выстроенных на всех столешницах десятой палаты, там, на Земле. Сознание того, что он сам зарабатывает на жизнь да еще вносит свою скромную лепту в преобразование пейзажа, значительно повышало его самооценку.

Когда экономический пузырь, способствующий процветанию БМК, лопнул, к предыдущему диагнозу мистера Мортона добавился еще один: «сокращенный», поскольку работу он потерял. Быть сокращенным оказалось почти так же плохо, как и слыть оригиналом. У него не имелось денег, чтобы купить билет до Земли, и он вполне мог стать нищим-попрошайкой, издыхающим от кислородного голодания и ночующим в Трубах, если бы не посчастливилось наняться официантом в таверну «Королева Марса». Здесь он был обеспечен если не жалованьем, то едой, крышей над головой и кислородом и оказался в обстановке, настолько напоминающей милую старую больницу Уинкли для психологически неустойчивых, что чувствовал себя почти как дома.

Но тут его хозяйке, именуемой посетителями Матушкой Гриффит, крупно повезло, в результате чего она стала самой богатой на планете женщиной. Прошайте, беззаботные дни бедности мистера Мортона! Матушка Гриффит поручила ему работу подрядчика и архитектора.

Теперь она владела всей горой Олимп и сдавала множество участков арендаторам, мечтающим построить на Марсе величественный новый город. «Ареко», огромная корпорация, владеющая ос-

тальной частью планеты, в спешном порядке изобретала законы, вводила налоги и пошлины, чтобы наиболее эффективно воспрепятствовать деятельности Матушки Гриффит. Но, финансируя фирму мистера Мортон, Матушка сумела ловко избежать нескольких миль красной тесьмы* и потери небольшого состояния в виде штрафов.

Обязанности мистера Мортон заключались в том, чтобы сидеть в чертежном терминале и проектировать здания, а иногда вставать и выходить Наружу, дабы взглянуть на строительную площадку, где рабочие, нанятые и управляемые Матушкой Гриффит, хлопотливо разливали в формы бетон цвета лососины.

Некоторое время мистер Мортон наслаждался состоянием своего банковского счета, а заодно и сознанием того, что теперь он может купить собственный скафандр для выходов Наружу. Чего стоила одна мысль о том, что больше ему никогда не придется мастерить воздушный фильтр из старого носка! Одежда для прогулок по внутренним помещениям шилась лучшими портными и отливалась всеми оттенками черного, как он и предпочитал. И какие запасы запрещенных книг предлагал литературный рынок человеку его экономического статуса!

И все же, чем больше времени он проводил в обществе господ По, Дюма, Верна, Кинга и Лавкрафта, тем быстрее росло в нем ощущение гнетущей меланхолии.

* * *

— Перестань ныть, — велела Матушка Гриффит. — Дьявол все поberi, парень! Богиня наградила тебя просто непристойным количеством наличных, а ты не можешь найти им иного применения, чем покупать заплесневелые древние слова. Учти, ты создаешь город собственными руками, пусть и в пикселях. Это власть! Это сила! Тебе хочется творчества, верно? Воздвигай здания, не щадя собственного воображения: карнизы, лепнина, пышные украшения, да хоть позолота! Плевать мне, как они выглядят!

Исполненный возмущения и обиженный до глубины души мистер Мортон ретировался в свой чертежный терминал, где спроектировал целый городской квартал в стиле неоготического рококо. Благодаря марсианскому тяготению он мог делать свои изысканные шпили

** В переносном смысле — судебных дел. Раньше судебные материалы в Англии и Америке перевязывались красной тесьмой. (Здесь и далее прим. перев.)*

и башни еще более парящими, изящными и сказочными. Несколько уравнений дали поразительные результаты. Поэтому сейчас он был почти счастлив, конструируя муниципальный мусорообрабатывающий завод небесной красоты.

И чуть повыше, там, где его горгульи будут встречать закаты и рассветы, поднимется... Центр искусств Эдгара Аллана По! Ошеломленный мистер Мортон оторвался от пульта оператора. Вот оно, достойное применение низменным богатствам!

Когда последние бетонные отливки заняли свое место, когда все сказочно дорогие интерьеры из черного ореха были переправлены с Земли и установлены, театр мистера Мортоня явил собой поразительное зрелище. Даже бритоголовые члены Марсианского сельскохозяйственного братства оделись для выхода и поднялись по склону, чтобы взглянуть на него.

Прежде всего, к бетону была добавлена краска, так что все здание выглядело пурпурно-фиолетовым. Большую часть мрачной наружной стороны здания, да и интерьера тоже, покрывали не только горгульи, но статуи великих поэтов и драматургов, цветочные медальоны, розетки, щиты, гербы и все виды идиотских украшений, на которые только оказалось способным воображение мистера Мортоня. На Земле все это рухнуло бы под влиянием силы тяготения и общественного мнения. Но здесь, на Марсе, этот символ чистого безумия сумел устоять.

Кроме того, внутри возвышалась настоящая старомодная сцена с кулисами. Полотнища черного бархата скрывали голопроекторы последних моделей, однако мистер Мортон надеялся редко использовать это массовое современное развлечение.

— Но именно этого и хотят люди, — досадливо бросила Матушка Гриффит.

— Только потому, что никогда не знали ничего лучшего! — воскликнул мистер Мортон. — Здесь, в отрыве от мировой культуры, я возрожу Театр как искусство.

Он посчитал наиболее уместным начать с древних греков, о чем и сообщил по секрету торговцу с «черного» рынка, снабжавшему его книгами. Неделю спустя этот незаменимый джентльмен доставил посылку, содержащую уцелевшие комедии Аристофана. Мистер Мортон проглотил их в один присест и пришел в ужас. Неужели до сих пор он неверно понимал истинное значение слова «вульгарность»?!

Но его растерянность быстро улетучилась. Мистер Мортон решил самолично создавать репертуар театра, а лучшего способа открыть

первый сезон, чем сделать инсценировки всех работ По, просто не придумаешь!

* * *

— Ты ставишь «Низвержение в Мальстрем»?! — завопила Матушка Гриффит. — Но там всего лишь два персонажа, да и те несутся в гигантскую черную дыру!

— Это медитация на тему величия и ужаса Природы! — сухо вато пояснил мистер Мортон.

— Но как, во имя неба, ты поставишь такую вещь?

— Я представлял себе декламацию.

— Ну да, публика будет стоять в проходах и вопить от восторга, — саркастически заметила Матушка Гриффит. — Послушайте, мистер Мортон, я не собираюсь задевать вашу тонкую творческую натуру и тому подобное, но не устроить ли для начала светозвуковое шоу, грандиозное зрелище? Ведь если все эти шахтеры и откатчики посчитают, что не получили настоящего развлечения за свои денежки, они вполне способны оторвать сиденья от кресел. Понимаешь, дружище, здесь фронтир...

Расстроенный мистер Мортон устремился прочь, но по зрелом размышлении решил, что полностью игнорировать визуальный аспект постановки, пожалуй, несколько рискованно. Он написал другой сценарий, где сам Мальстрем будет символически представлен в образе танцовщиков.

— Они хотят волнующего зрелища? — громко спросил он, перечитав сценарий. — Вот оно!

И как бы мистер Мортон ни боялся запятнать чистоту сценария участием людей-актеров, все же идея героев, созданных приборами, привлекала его еще меньше. Он решил провести кастинг.

* * *

Внутреннее пространство театра мистера Мортона, хотя и богато декорированное, немного уступало поражавшей воображение внешней части. Воздух на Марсе оставался в дефиците, и объем жилых помещений был невелик. Однако художник мечтал о камерности и не огорчился, что в зале можно было разместить всего тридцать человек. Теперь мистер Мортон сидел в последнем ряду, наблюдая, как из-за кулис выходит Мона Гриффит.

— Привет, мистер Мортон! — воскликнула Мона.

— Привет, Мона!

Мистер Мортон смущенно заерзал. Мона была младшей дочерью Матушки Гриффит. С собой она прихватила «Музыкальный ящик-3000» и, усевшись на пол, включила его. По залу понеслась пошленькая зазывная мелодия. Костяшки пальцев мистера Мортона побелели.

— Мона, надеюсь, ты не собираешься исполнять стриптиз? — осведомился он.

— Ну... собираюсь, — ответствовала Мона, принимаясь расстегивать воротник.

— Мона, ты знаешь, как к этому относится твоя мать, — принялся увещевать Мортон. Он и сам прекрасно знал, как относится к поведению дочери Матушка Гриффит. — В любом случае, я провожу отбор актеров для серьезной пьесы, а не... не для бурлеска!

— Но я уже совершеннолетняя, не так ли? — вызывающе бросила Мона. — И, кроме того, это не просто стриптиз. Очень интеллектуальное представление. Я читаю стихи, пока раздеваюсь, ясно?!

— Ради всего святого, пообещай, что не станешь раздеваться под монолог Гамлета! — взмолился мистер Мортон.

— Очень надо! Я декламирую жалобу генерала Клаара из «Войн дома Клаара», — объявила Мона. — И у меня полно искусственных ран самого ужасного вида и в самых неожиданных местах, чтобы создать ошеломляющий эффект. Так что всех будет... э... как это лучше выразиться... разбираться любопытство.

— Нет, не думаю, — покачал головой мистер Мортон.

Они услышали предупредительный сигнал, объявляющий, что воздушный шлюз открыт. Затем раздался тяжелый топот кованых сапог, приближавшийся к внутренней двери.

Бум!!!

Дверь распахнули пинком, и по проходу к тому месту, где стояла Мона, устремился человек в скафандре шахтера. На ходу он выхватил дезинтегратор и выстрелил в «Музыкальный ящик-3000», который немедленно смолк.

— Дерк! Ублюдок ты этакий! — взвизгнула Мона. Вошедший поднялся на сцену, даже не сняв маски. Мона яростно лягнула его в коленку, забывая, что на нем наголенники из ларлита, и тут же отпрянула, схватившись за ногу.

— Мой палец!

Ее жених поднял маску и злобно уставился на невесту.

— Ты обещала, что не сделаешь этого!

— Ты уничтожил мой музыкальный ящик!

— Надень маску. Мы едем домой! — объявил Дерк, рассеянно помахивая дезинтегратором.

— Но ты уничтожил мой музыкальный ящик!

— Следующий! — объявил мистер Мортон из-под сиденья.

Следующий претендент подождал, пока Дерк и Мона, шумно переругиваясь, удалятся, затем вышел из-за кулис.

— Э... привет, Альф, — промямлил мистер Мортон.

Альф был откатчиком. Откатчики вывозили товарные вагоны на Большую дорогу — размеченный булыжниками маршрут, проложенный по Внешним Пустошам к обоим полюсам. Смертность среди откатчиков была велика. Следовательно, большинство людей для этого занятия набиралось из больниц, потому что они менее живо представляли себе самую возможность гибели.

Альф был готов смело встретить приближение циклонов, подвижных дюн, зыбучих песков, летящих булыжников, терпеть голод и жажду, но сейчас, оглядывая пустые сиденья, стоял мокрый как мышь.

— Гм, — замылся он.

— Ты на прослушивание, Альф?

— Угу, — буркнул Альф, моргнув.

— И... мы принимали наши лекарства сегодня утром, верно, Альф?

— Угу.

— Итак, что ты хочешь мне показать, Альф?

— Гм, — выдавил Альф и, глубоко вздохнув, начал: — Сцена. Утренная гостиная в квартире Алреджона на Арф-Мун-стрит. Комната рашкошно уставлена. Из шошедней комнаты слышны звуки пинино. Лейн накраваит стол к чаю, и как только музыка смалкаит, Алреджон выгребаит из музкальной комнаты.

Алреджон: «Никак ты слышал, чо я тут играл, Лейн?»

Лейн: «Подумал, шо подслушвать невеж'во, сэр...»

— Альф, ради бога, что это?

Альф замолчал и снова моргнул.

— Пьеса.

— Какая пьеса.

— «Как важно быть серьезным», — на удивление правильно произнес Альф. — Оскара Уайльда.

Мистер Мортон вскочил.

— Где ты ее нашел?

Произведения Оскара Уайльда были заклеены ярлыком «Политически неблагонадежны», причем так давно, что вряд ли хоть какие-то экземпляры сохранились.

— Больница «Кэнери Уорф», — пояснил Альф.

Мистер Мортон недоуменно нахмурился. «Кэнери Уорф» была куда менее либеральным заведением, чем Уинксли. Но сейчас он предпочел забыть о классовых различиях и с деланным равнодушием поинтересовался:

— И что, в тамошней библиотеке есть «Как важно быть серьезным»?

— Не-а. Нашел под полом в чулане. Приставляете, здоровская старая книга из бамаги, и все такое. Часто читал ее, когда мне туды запирали. Зато помню все, что прочел.

Мистер Мортон почувствовал, как сердце глухо колотится о ребра.

— Ты помнишь всю пьесу?

— Ага! — ухмыльнулся Альф. — До слов: «Кады я выходила за лорда Брэнкелла, у меня не было никакова приданова. Аннако я и мысли не дапускала, что это моет послужить при... припятсвом. Потому, я думаю, что могу блааславить ваш брак». Панимайти, мне часто запирали.

— Ты обязательно должен когда-нибудь прочитать мне всю пьесу, Альф, — выдохнул мистер Мортон, ослепленный мысленными образами Эксклюзивной Мировой Премьеры.

— Канешна, — согласился Альф. — А я прошел праслушиване?

— Разумеется, — кивнул мистер Мортон, подумав, что Альфу всегда найдется работа: ну хоть полы подметать.

— Эй, вот за это спасибо! — воскликнул Альф и, широко улыбаясь, потопал к воздушному шлюзу.

— Следующий! — произнес мистер Мортон.

На сцене, заламывая руки, материализовалась женщина. При виде серебряной броши на ее груди, мистер Мортон вздохнул. Значит, это одна из сестер миссии Эфесской церкви, находившейся у подножья горы, на Базе Поселения.

— Здравствуйте, — промолвила она. — Я... только хотела спросить, познали ли вы бесконечное утешение Богини?

— Следующий! — крикнул мистер Мортон.

* * *

В конце концов мистер Мортон решил прибегнуть к помощи современной прессы и поместил объявление в «Вэрайети» (Издание Трех Миров): его изображение, записанное на голопроектор, серьезно смотрит в ближайшую камеру и размеренно произносит:

— Вы никогда не подумывали эмигрировать на Марс? Приключе-

ние ждет вас в новой компании, создающейся на Красной планете! Центр искусств Эдгара Аллана По ищет людей с опытом работы в театре, заинтересованных в участии в нашем великом поиске и стремящихся принести тайны нашего ремесла на красный, продуваемый ветрами фронтис Ареса.

Да, вы, кто так долго жаждал избежать унылой рутины жизни на Земле, можете найти свое истинное самовыражение здесь, среди диких и исполненных драматизма пейзажей нового мира. Посылайте запросы на мой электронный адрес прямо сегодня!

Адрес давался внизу экрана бегущей строкой. Мистер Мортон показал на него и впечатляюще понизил голос:

— Решитесь ли вы?

* * *

— Решимся ли мы не делать этого? — грустно вздохнула Мира, глядя на Криспина, спавшего так крепко, словно у них через месяц не кончался срок квартирной аренды, возобновить которую они не могли по причине отсутствия денег. Словно не они вот уже неделю питались одной цветной капустой. Словно не они получили извещение, что постановка «Питера Пэна» откладывается на неопределенное время, поскольку продюсер вышел из дела. Обещанная ей роль Питера сулила оплату аренды и последние три взноса за машину.

Криспин тоже был актером с озорным мальчишеским лицом и прекрасным голосом. Однако роли получал по большей части неподходящие. В результате неподражаемый Губка Боб, сорвав бурные аплодисменты в рождественской пантомиме, за роль доктора Но был припечатан театральным критиком «Таймс» как бездарность. Вот уже год он не работал.

Сегодня с утра надвигалась очередная катастрофа, по сравнению с которой все остальные проблемы казались ничтожными и вполне решаемыми.

Мира подошла ближе, схватила Криспина за ногу и легонько дернула.

— Бэби! Взгляни на это!

— А? Что?

Криспин в последний раз всхрипнул и сел. Она включила для него отрывок из «Вэрайети». Он уставился на дрожащего двойника мистера Мортонга, и постепенно в его глазах появился азартный блеск.

— Интересно, — протянул он.

— Это решило бы кучу проблем, — заметила Мира.

— Да! Да! Прежде всего, мы могли бы послать риэлтора ко всем чертям.

Криспин скользнул на край кровати и потянулся к брюкам.

— Я проходил генетическое сканирование в школе. А ты?

— Тоже.

— Значит, мы вполне можем лететь туда. Правда, нам трудновато придется.

— Уж не намного хуже, чем здесь.

Мира широким жестом обвела убогую комнатенку. Криспин огляделся и расплылся в улыбке.

— Я не против распрощаться с Землей. Это было бы совсем неплохо для нас обоих. — Его улыбка слегка померкла. — Впрочем, ты, наверное, не захочешь покидать родных?

— Ты спятил?! — вскричала Мира. — Я бы все отдала, чтобы жить на другом краю Солнечной системы! Только бы от них подальше!

— Тогда все в порядке!

Криспин натянул рубашку.

— Давай напишем тому парню.

— Но есть кое-что еще, — выдавила Мира. — Крис, ты помнишь ту ночь, когда мы пошли на вечеринку к Гупте?

— Хе-хе-хе, — прокудахтал Криспин, плотоядно щерясь.

Мира молчала.

Пауза длилась не меньше тридцати секунд, за которые он успел сообразить, в чем дело. Криспин побледнел. Глаза его наполнились слезами.

— О, нет, — пробормотал он. — То есть... о, бэби, как чудесно! Это только...

— Это чертово несчастье! — заплакала Мира. Криспин сел рядом и взял ее руки.

— Мы... мы что-нибудь придумаем. Я найду работу. И если смогу за пять лет выплатить штраф...

— Мы не сможем отдать штраф и за двадцать лет, — перебила Мира, сглотнув всхлип. — Я уже прикидывала. Когда мы выплатим последнюю часть, малыш уже начнет бриться.

— Дьявол! — пробормотал Криспин.

Мира попыталась взять себя в руки.

— Понимаешь, если мы эмигрируем на Марс, разрешение на воспроизводство не понадобится! — объяснила она.

— Правда? — обрадовался Криспин. — Правда, не понадобится? Там, наверху... тебе позволят их иметь?

Мира кивнула.

— Тогда решено!

Криспин выхватил дейстик из кармана пиджака.

— Где твой снимок? Мы оба пошлем запрос. Что нам терять?

* * *

Шесть недель спустя они выходили из шаттла в ангаре на Базе Поселения, немного пошатываясь на подгибающихся ногах.

— Может, стоит надеть воздушные маски? — плаксиво спросила Мира.

— Сама видишь, никто их не носит, — возразил Криспин. — Смотри, мы под куполом.

Он глубоко вздохнул, поморщился и поспешно натянул маску.

— Фу! Должно быть, утечка в канализации.

— Вовсе нет, — ухмыльнулся пилот шаттла. — Здесь всегда так пахнет. Просто в Трубах выращивают скот. Ничего, привыкнете.

Мира поспешно опустила маску и потянулась к руке Криспина:

— Пойдем отыщем багаж.

Они сделали несколько шагов и замерли, озадаченные, как и все вновь прибывшие, тяготением на Марсе.

— Здорово! — воскликнула Мира, балансируя на носочках. Криспин, смеясь, отпустил ее руку и побежал вперед, хищно пригнувшись, словно игрок к воображаемой баскетбольной корзине.

— Полагаю, это они, — сказал один из двух мужчин и направился к ним.

— О, господи, мы так выделяемся? — хихикнула Мира, но тут же удивленно раскрыла глаза.

Один из встречающих, очень высокий и очень худой, одетый во все черное, на голову водрузил старомодный объемный шлем, что делало его ужасно похожим на Джека Скеллингтона*.

Другой был квадратным и широкоплечим, с густой лохматой бородой. Маски на нем не было. Очевидно, ради такого случая он умылся, но не слишком тщательно: сажа лежала вокруг глаз, в каждой морщине, в каждой глубокой бороздке его больших рук, и это придавало ему вид театрального злодея.

— Все в порядке, — улыбаясь, заверил он с сильным пан-кельтским акцентом. — Мы все когда-то были иммигрантами.

— Мисс Сурейя, мистер Деламар, какая честь! — вскричал другой

* Герой мультфильма «Кошмар перед Рождеством».

джентльмен слегка приглушенным голосом и, схватив ладонь Миры обеими руками, нагнулся, чтобы поцеловать пальцы, но умудрился ударить ее лобовой частью шлема по костяшкам.

— О... пожалуйста, простите...

— Черт, Мортон, да снимите вы эту дурацкую штуку, — посоветовал бородач, глубоко вдыхая отравленный воздух, и продолжил: — Здесь совсем не так уж плохо. Во всяком случае, напоминает мне о прежних временах.

— Лично я этого вынести не могу, а значит, и они тоже, — возразил мистер Мортон, сочувственно подавшись вперед. — Там, куда мы едем, воздух гораздо свежее, хотя, должен признать, немного разрежен. Не могу выразить, какая это радость — приветствовать вас на Марсе, мисс Сурейя, мистер Деламар! Амадеус Рутвен Мортон, к вашим услугам, и могу я представить мистера Мориса Кочевелу? Позвольте нам взять ваши вещи!

— Да, пожалуйста, — попросила Мира.

— Думаю, они вон там, — вмешался Криспин и направился к багажному отделению в сопровождении мистера Кочевелу.

— На нас произвели огромное впечатление голографические снимки вашего театра, мистер Мортон, — похвалила Мира. — Когда прослушивание?

— О, вам оно ни к чему, — отмахнулся мистер Мортон. — Мы здесь получаем самые последние голофильмы! Все видели «Мистер Коркунов говорит «хелло»».

— Как мило!

«Мистер Коркунов» — детский голоспектакль, в котором Криспин играл эпизодическую роль медведя Брофи, пока шоу не закрыли.

— А вы, конечно, были одной из дочерей Спиты в «Веллингтонсквер», — продолжал мистер Мортон.

— Той, которая вышла замуж за миллионера и переехала в Монтану, — с сожалением вздохнула Мира. Ее роль вычеркнули из шоу после того, как она отказалась спать с режиссером.

— Да. Не могу и передать, как счастлив работать с истинными профессионалами! — захлебывался мистер Мортон. — Боюсь, наш маленький театр может считаться всего лишь любительским...

— Мира! Смотри! — завопил Криспин, балансируя с большим сундуком на одной руке. Мира подняла голову. Криспин перебросил сундук на другую руку с такой легкостью, словно тот был сделан из пемзы.

— Осторожнее! — запоздало вскрикнула Мира, вскинув руки, ког-

да Криспин боднул сундук головой, будто футбольный мяч, и, ойкнув, схватился за лоб.

— Да, сундук стал легче, но не мягче, — наставительно произнес Кочевелу. Поднял упавший сундук, вскинул на плечо еще один и повел вновь прибывших из ангара. И вот они впервые увидели Марс: купол поселка, обработанный песчаными бурями так, что стал почти непрозрачным, и порталы в Трубы, расходящиеся по разным направлениям. По одну сторону находилась Эфесская миссия, откуда доносился аромат курящихся благовоний, самым причудливым образом смешивавшийся с вонью метана.

— Так это и есть Марс, — пробормотала Мира, стараясь не выказать разочарования.

— О нет, дорогая, — возразил Кочевелу. — Это — не Марс.

Широко улыбаясь, он повел ее к переходному шлюзу.

— Маски на месте? Можете надеть шлемы. Мы выходим Наружу.

Он нацепил свою маску, из-под которой во все стороны забавно торчала борода, и, протянув им тяжелые скафандры, терпеливо подождал, пока они оденутся и застегнутся, после чего снова зашагал к переходному шлюзу. Молодые люди последовали за ним, крепко держась за руки.

— Вот он, Марс! — воскликнул Кочевелу.

Он свалил их сундуки в кузов хлипкого на вид транспортного устройства с надувными шинами и, повернувшись, обвел рукой безбрежную красную пустыню. Скалы, похожие на струпья засохшей крови, валуны мандаринового и кирпичного цветов, исхлестанные ветрами каменные шпильки и вершины, словно горы из карри. Вдалеке по равнине лениво клубились розовые вихри. Перед ними возвышался некрутой склон, который все поднимался, поднимался к небу, но выглядел вовсе не таким уж невозможно высоким, пока люди не увидели на горизонте скопление крошечных зданий.

Мира в жизни так не мерзла. Все казалось столь бескрайним, безмолвным и грубовато-прекрасным. И совсем не выглядело поверхностью иной планеты.

«Но ведь это не так, — подумала она. — Теперь мы марсиане. Это наш дом».

К тому времени как развалюха прогрохотала по склону горы и остановилась у скопления маленьких зданий, пейзаж показался Мире еще более ошеломляющим. Холод стоял такой, что терпеть дальше было невозможно, и поэтому гости с облегчением ввалились через

переходной шлюз в помещение, по контрасту казавшееся теплым и насыщенным паром, как сауна.

— Вот и они! — прогремел Кочевелу, поднимая маску. Криспин и Мира последовали его примеру. Они оказались под куполом, в темноте, пронизанной светом редких ламп, разбросанных по столам. Одна, горевшая чуть ярче, находилась над... над стойкой бара?

Да, именно! Здесь стоял густой запах прокисшего эля и жареного мяса, который везде считался бы невыносимым, но по сравнению с вонью Поселения казался приятным и даже каким-то домашним. Здесь собралась целая толпа, и взгляды всех присутствующих были устремлены на Криспина и Миру.

Вперед протолкалась немолодая леди крепкого телосложения.

— Добро пожаловать в «Королеву Марса», дорогие. Вы уже поселили гостей, мистер Мортон? Нет, еще бы! А, неважно! Мэри Гриффит, рада познакомиться. Манко, будь лапочкой, отнеси сумки в лучший закуток. Роуан, устрой их в кабинку. Садитесь, дорогие.

Вперед пробралась девушка с пишущим элементом и пластинкой.

— Пожалуйста... нельзя мне получить ваш автограф, мисс Сурейя?

— И мне тоже, — встрял мужчина, судя по виду шахтер или старатель, до такой степени покрытый красной пылью, что выглядел живой статуей. — И ваш, мистер Деламар.

— Мистер Деламар, мисс Сурейя, я из «Арес таймс», — объявил джентльмен с легким поклоном. — Можно попросить вас встать перед голокамерами? Чиринг Скузен, счастлив познакомиться... и я тут подумал... не дадите ли интервью, немного позже, конечно?

Мира искоса глянула на Криспина, который ответил торжествующей улыбкой. Значит, все будет хорошо!

* * *

И все было хорошо даже после первого визита Миры в клинику Базы Поселения, когда она узнала, что рождение ребенка на Марсе означает полную невозможность эмиграции в любую часть Вселенной, особенно на Землю, где ребенок, рожденный при марсианской силе тяготения, просто не выдержит земной, по крайней мере, покуда не станет взрослым, когда его можно будет приучить к тяжкому бремени собственного веса и земной тяжести.

Все было хорошо даже после того, как Кочевелу устроил им экскурсию по равнинам, и они увидели маленькие курганы из красных камней, насыпанные то там, то сям над телами умерших от удушья и переохлаждения старателей, вышедших Наружу, не имея ясного

представления об ожидавших их опасностях. Кочевелу провез их мимо разрушенного фундамента большого Эфесского храма, уничтоженного очередным ураганом, после чего добрые матушки были вынуждены выстроить здание поскромнее, в Поселении, хотя и невыносимо вонючем, но надежно защищенном куполом.

Все было хорошо даже после того, как они обнаружили, что многие соседи оказались бывшими пациентами больниц: шахтеры и старатели вовсе не выглядели людьми, способными нарушить общественное спокойствие. Чаще всего они вели себя вежливо и предупредительно и только иногда смеялись слишком громко или затевали драки в баре. Но вокруг не обнаружилось ни одного монитора общественного здоровья, показания которых позволяли надеть на буянов наручники и потащить в специальное заведение. Если хорошенько присмотреться, психи казались такими же нормальными людьми, как и все остальные.

Все было хорошо, потому что у Крипина и Миры были бесплатная еда и крыша над головой в одной из смешных маленьких мансард, прикрепленных, как ласточкино гнездо, к внутренней стенке купола «Королевы Марса». Более того, им обещали жилье получше, как только работники мистера Моргтона закончат новый многоквартирный дом, первый на Марсе!

Все было хорошо, потому что их интервью с мистером Скузенем появилось на первой странице «Арес таймс», и куда бы они ни пошли, с ними обращались как с членами королевской семьи.

Все было хорошо, потому что они скоро привыкли к смраду, и Мире становилось худо, только когда они отправлялись в Поселение. Кроме того, в хозяйственном магазине Матушки Гриффит продавались душистые фильтры для устранения запаха, которые можно было прилепить поверх воздушных масок, так что в носу стоял только аромат «Айленд спайс», «Берри попурри» или «Спринг боукей»*.

И все было хорошо, потому что, впервые шагая к Центру искусств Эдгара Аллана По, Мира взглянула на черные шпили, резко выделявшиеся на фоне фиолетового марсианского заката, и увидела над ними взмывающие в небо очертания купола, который строился для защиты нового города. Блестящая сталь отражала последние лучи солнца, крохотные голубые точки вспыхивали в тех местах, где на невозможной высоте работали сварщики в скафандрах. Мира глядела на эту красоту, и ей впервые показалось, что в животе шевельнулся ребенок.

* *Островные пряности, ягодная смесь, весенний букет (англ.).*

* * *

Мира уставилась на экран пластинки.

— «Как сказал старик, — громко прочитала она вслух, — я услышал громовой и постепенно усиливающийся звук».

— И тут следует твой выход, — заметил Криспин, приблизив лицо к примерному зеркалу.

— Собственно говоря, он, кажется, собирался записать этот отрывок, чтобы потом вставить звуковые эффекты, — вспомнила Мира. — Когда Приезжий продолжает: «Здесь водная ширь, изрезанная, изрубцованная тысячью встречных потоков, вдруг вздыбилась в неистовых судорогах, шипела, бурлила, свистела, закручивалась спиралью в бесчисленные гигантские воронки»*, и так далее, и тому подобное, я и еще две девушки ходим по кругу на заднем фоне с самым зловещим видом. И, полагаю, ты должен в ужасе тарашиться на нас.

— Ну, как я выгляжу?

Криспин повернулся к ней. Кроме белого парика и бороды он вставил фальшивую челюсть. Одарив Миру кривой, безумной улыбкой, он потер руки и захихикал, как сумасшедший.

— Может... немного переборщил, — заметила Мира как можно мягче.

— Нет-нет, видишь ли, старик спятил после того, что ему пришлось пережить, — возразил Криспин. — Нужно же внести какие-то комические штрихи, особенно, если история ничего, кроме тоски, не навевает. Нечто вроде психологической разрядки для публики.

Мира прикусила губу.

— Продолжаем, продолжаем, — потребовал Криспин. — Кто получил роль Приезжего?

— Мистер Скузен. Журналист.

— Прекрасно. Он, по крайней мере, умеет читать. Дальше.

— «Поверхность моря стала более гладкой, воронки одна за другой исчезли, но откуда-то появились громадные полосы пены, которых раньше совсем не было...» Знаешь, что бы я сделала на твоём месте? Поговорила бы с откатчиками. Они часто выходят Наружу. Матушка Гриффит рассказывала мне о совершенно кошмарных бурях.

— О да, как там их называют... «Малина» или что-то в этом роде,

* Здесь и далее приводятся цитаты из рассказа Э.По «Низвержение в Мальстрем» в переводе М.Богословской.

— кивнул Криспин. — Вроде той, что разрушила храм. Да, блестящая идея. Кто тот здоровяк, который играет моего брата на паруснике? Альф! Он здесь старожил. Куплю ему пива или что-нибудь еще. Продолжай, продолжай.

Мира подняла пластинку.

— «Внутренность... чудовищной воронки представляла собой блестящую, черную, как агат, водяную стену... которая бешено вращалась стремительными судорожными рывками и оглашала воздух таким душераздирающим воем — не то воплем, не то ревом, — какого даже могучий водопад Ниагары никогда не воссылал к небесам... Гора содрогалась до самого основания». Дальше Приезжий обращается к старику: «Это, конечно, и есть великий водоворот Мальстрем?» Теперь твоя реплика.

Криспин сцепил руки и визгливо расхохотался:

— «А! Я расскажу вам одну историю». Почему ты морщишься?

— Дорогой, так смеялся твой Губка Боб.

Криспин растянул губы в уродливой улыбке, эффект которой еще усиливали фальшивые челюсти.

— Вовсе нет. Этот еще безумнее.

Он снова рассмеялся.

— Нет, ты права. Прости.

И еще раз издал замогильный смешок.

— Нашел! Итак: «Я расскажу вам одну историю, которая убедит вас, что я кое-что знаю о Мальстреме!»

* * *

— Хочу поблагодарить вас за то, что пришли сегодня, — начал мистер Мортон, переплетая длинные белые пальцы. — Особенно наши звезды, которым пришлось — ха-ха — воистину пересечь небеса, чтобы засиять среди нас. Но я уверен, что каждый будет сверкать в своей, особой сфере, когда мы начнем наше путешествие к Настоящему искусству!

— Вау! — воскликнула Мона. Последовали вежливые аплодисменты.

— Наши звезды, конечно, в представлении не нуждаются, — продолжал мистер Мортон. — Но я хотел бы, чтобы остальные актеры по очереди вставали и называли свое имя. Почему бы не начать с левой стороны сцены? Первый ты, Альф.

— Роль — Эрин, — начал Альф. — Зовут Альф Чеппинг. Родился двадцать третьего апреля две тыщи восемьсят третьего года. Пациент

номер семьсот семьсят пять. Член Союза откатчиков номер шашнадцать.

— А... почему ты решил стать актером, Альф?

— Люблю пьесы, — коротко бросил Альф.

— Здорово! — воскликнул Криспин.

Вперед выступила Мона.

— Я Мона Гриффит. Помолвлена. Свадьба — в следующем году. Но я всегда хотела стать актрисой. Даже когда была маленькой, забиралась на стол и изображала голограмму. И я еще могу спеть песенку Перки Фьюжн. Хотите послушать?

Перки Фьюжн — вот мужчина,

Перки Фьюжн — молодчина,

Перки Фьюжн — свет в окошке,

Для своей, для милой крошки!

— Чудненько, — пробормотал мистер Мортон. — Как насчет следующего? Мисс Холи.

Он обращался к женщине, удивительно походившей на Жанну д'Арк, особенно бритой головой и горящим взглядом. Девушка встала.

— Эксин Холи. Прилетела на Марс со своим другом. Хотели построить тут лучший мир. Дружок оказался вонючим ублюдком. Я сказала, что сама построю свой вонючий лучший мир. Бросила его, и вот я здесь. Вполне разумно, по-моему.

— И вы пришли в театр, потому...

— Неплохой выход для накопившихся негативных эмоций, не считаете?

— Пре-красно, — выговорил мистер Мортон. — Теперь очередь Чиринга.

Подтянутый джентльмен поднялся и сверкнул белозубой улыбкой.

— Чиринг Скузен, ваш марсианский корреспондент. Снимаю документальный фильм о рождении театра на Марсе.

Он обвел рукой расставленные по залу голокамеры.

— Что, вне всякого сомнения, позволит ему завоевать очередную премию от Ассоциации журналистов Непала, — лукаво заметил мистер Мортон. — Конечно, мистер Скузен — еще одна наша знаменитость, мы давно его знаем.

— И я всегда втайне мечтал сыграть Эдгара Аллана По, — добавил Скузен.

— Теперь очередь дошла до Мориса, — объявил мистер Мортон, кивком показав на еще одного джентльмена. Тот встал и кивнул.

— Морис Кочевелу. Управляю «Гриффит Стилуоркс». Раньше немало играл в Национальном театре Кельтской Федерации. Подумал, что неплохо бы вернуться к старому увлечению. Кстати, я помолвлен с Матушкой Гриффит.

Кто-то хихикнул.

— Но так оно и есть, — жалобно подтвердил мистер Кочевелу.

— Ну, вот и все, — заключил мистер Мортон, и тут вскочил Криспин.

— Но мы тоже не исключение! Все должны представиться! — Он скованно вытянул руки: — Эй, мистер Коркунов! Привет! У меня было такое суматошное утро! — прорычал он, как настоящий медведь Брофи.

Мона хихикнула и заплодировала.

— И еще я хотел сказать, что Криспину Деламару не терпится начать работать с вами.

Он сел. Поднялась краснеющая Мира.

— Я Мира Сурейя и тоже рада работать с вами!

— И через шесть месяцев мы ожидаем ребенка! — добавил Криспин.

Мира смущенно закрыла лицо руками. Но, к ее удивлению, люди заплодировали. Она обвела взглядом смеющиеся лица. Все они были счастливы за нее!

* * *

— Да нет, тут никто ничего такого не думает, — завершила Матушка Гриффит, уводя их по коридору. — По крайней мере, никто не видит в этом ничего особенного. Говорят, на Земле больше не рожают детей. Да и неудивительно: с такими-то штрафами! Я родила своих в Кельтской Федерации, когда разрешения не требовалось. Теперь все иначе. Позор, скажу я вам! Не вернулась бы на Землю, даже если бы мне приплатили.

— А где люди достают... ну, там, одежду, мебель? — осведомился Криспин.

— И пеленки, — поддакнула Мира.

— Заказывают по каталогам. Или покупают в магазине на Базе Поселения. Не беспокойтесь. Через двадцать четыре недели мои мальчики достроят Торговый центр. Он будет огромным! Наконец-то товары первой необходимости будут продаваться по приемлемым ценам. Неплохая мысль, верно? А когда появится ваш следующий, все будет еще лучше.

— Следующий? — пролепетала Мира. Криспин пожал плечами.

— Вот мы и на месте, — гордо объявила Матушка Гриффит и потянула за рычаг. Огромная дверь с шипением отъехала в сторону и сложилась.

Их встретил поток прохладного свежего воздуха, совсем как на Земле. Они переступили порог и оказались на площадке, разделенной воздушным мостом с такой же площадкой на противоположной стороне. Позади с шипением закрылся портал.

— Гриффит Тауэрс!

— Блестяще! — воскликнул Криспин, подходя к перилам и глядя вниз.

Мира последовала его примеру, но тут же отпрянула. Десятью этажами ниже был открытый атриум с фонтаном и маленькими зелеными штучками, разбросанными вокруг. Над атриумом возвышался скромный купол, пропускавший дневной свет.

— Там, внизу, розовый сад, — довольно объявила Матушка Гриффит. — И деревья тоже, можете представить? Не пожалела никаких денег. Не терпится увидеть, что будет делать американская секвойя при нашем тяготении. Конечно, сейчас вид у нее не очень, но, дорогие, подождите несколько сезонов!

— О, нет, все очень мило, — поклялся Криспин, и Мира поборолла свой страх высоты, чтобы сделать вторую попытку.

Нужно признать, место выглядело совсем неплохо. Для строительства использовались бетонные отливки розовых и терракотовых оттенков, полы были из тесаного и полированного камня цвета бычьей крови. На всех балконах красовались затейливые перила кованого железа, с которых свисали корзинки, наверняка предназначенные для будущих растений. Возможно, ползучих, покрывающих перила этаж за этажом...

Но перед глазами Миры вдруг встал образ Мальстрема, беспощадного водоворота. Женщина отскочила и выдохнула:

— Гриффит Тауэрс, вы сказали? Значит, будут добавляться новые этажи?

— Богиня тебя благослови, нет, дорогая. Это слишком опасно, даже если мы достроим Большой купол. Но нельзя же было назвать стройку Гриффитовой ямой? Все будет выглядеть лучше, когда уберут строительный хлам, — пообещала Матушка. — Придется несколько месяцев потерпеть шум, но все закончат к тому времени, когда появится малыш. Зато ваша квартира готова. Идите смотрите.

Она повела их по площадке к двери, рядом с которой оказалось первое увиденное ими на Марсе окно: нечто вроде большого иллюминатора. Матушка Гриффит постучала по нему костяшками пальцев:

— Думали, что никогда не встретите ничего подобного? Тройной ферроперспекс. Даже если что-то случится с куполом, вам ничего не грозит. Разумеется, если не открывать чертову дверь, — жизнерадостно добавила она и нажала ладонью панель. Дверь открылась.

— Перед уходом необходимо запрограммировать ее на отпечатки ваших пальцев.

Они вошли в небольшую комнату с низким потолком и множеством встроенных полок, хотя точнее было бы сказать «вплавленных»: все было сделано из вездесущего розового, отполированного до блеска бетона — от развлекательной панели до опоясывающей помещенные скамьи. Нигде ни кусочка дерева. Несколько предметов мебелировки изготовлено из кованого железа. Дизайнеры честно пытались создать некое подобие уюта: на полу лежал большой восточный ковер, скамью устлала яркие подушки.

— Это гостиная, — объявила Матушка Гриффит. — Кухня и ванная вон там — да-да, настоящая отдельная ванная, с горячей водой и всеми прибабасами! Все по последнему слову! А это — спальни. Они смежные. Подумала, что из одной вы захотите сделать детскую. Смотрите скорее!

В каждой комнате вместо двери оказались переходные шлюзы. Они вошли в спальню и ахнули: кровать была заглублена в пол и стояла под отдельным прозрачным куполом.

— Опять же последнее слово, — гордо объявила Матушка Гриффит. — Если что-то случится, под маленьким куполом вы окажетесь в безопасности. Там имеется запас воздуха.

— Что-то случится? Но что может случиться? — встрепенулся Криспин.

— В наше время, пожалуй, ничего особенного, — отмахнулась Матушка Гриффит. — А как только закончат Большой купол, я вообще не жду особых катастроф. Если разразится очередная «Клубничка», буря все равно не сможет сравнить это место с землей: вот главное преимущество подземного строительства. Хотя на атриум может обрушиться пара валунов, так что лучше принять меры предосторожности. И вот уже пять лет, как нас миловал астероидный дождь, так что...

— Астероидный дождь?

— О, это бывает крайне редко, — поспешно заверила Матушка Гриффит. — Так что нечего тревожиться о подобных пустяках. К тому же сейчас строят десятки орбитальных платформ с лазерными пушками и базы на Фобосе и Деймосе. Умные парни начеку и готовы перевести все эти мерзкие штуки на другую траекторию, если только не удастся распылить их на мелкие частицы! Так всегда и бывает.

Нет, единственное настоящее неудобство — это пыль. Пыли здесь полно.

— Но, — пробормотала Мира, — предположим все-таки, что начался астероидный дождь и пробил купол атриума!

— Мы потеряем розовый сад, — вздохнула Матушка Гриффит. — И, полагаю, всякого, кто оказался достаточно глуп, чтобы выйти туда без маски, но это Эволюция-в-Действии, как мы обычно говорим. Поверьте, при закрытой двери вам ничто не грозит.

— Но мы же окажемся в ловушке! — воскликнул Криспин.

— Ничуть! В кухне есть задвижка, дверь открывается в технический лаз. Ведет прямо в «Королеву Марса», так что вы просто сядете за столик и выпьете по пинте пива, пока Команда по чрезвычайным ситуациям разбирается с обстановкой... А вы ожидали встретить в канализации инопланетян со стальными зубами? Ни одного не найдете, кроме разве парня в костюме Тарса Таркаса, который в День Барсума приносит подарки детям, — твердо объявила Матушка Гриффит. — А теперь пойдем поглядим на детскую.

* * *

Мира вместе с Эксин и Моной ожидала за сценой. На девушках были одинаковые черные трико. Им уже наскучило торчать без дела целые четверть часа. Напротив, на складных стульях, спокойно сидели Альф и Кочевелу, ожидая своего выхода.

— Не пойму, почему нам нельзя говорить вживую? — пожаловалась Мона. — Я постоянно упражняю голос и способна петь несколько вечеров подряд, да к тому же громко.

— Тогда он не смог бы вставить звуковые эффекты, — пояснила Эксин. — Так будет еще громче. Представляешь: пугающие, нечеловеческие звуки.

Мира неловко переступила с ноги на ногу. Трико было ей немного тесно. И, наверное, живот выпирает. Трудно думать о себе как о пугающей, нечеловеческой силе природы с ребенком внутри.

— Я слышала первый вариант, — вмешалась она. — Просто потря-

сающе. Там столько звуковых эффектов вперемешку с музыкой, и все искажено до неузнаваемости, а потом становятся слышны наши голоса на фоне отрывка из Филипа Гласса, и они кажутся совершенно неземными.

— Тогда, полагаю, все в порядке, — кивнула Мона. Эксин нетерпеливо топнула ногой и сделала мостик.

— Когда этот По собирается затащить свой зад в костюм? — буркнула она.

С правой стороны сцены вошел мистер Мортон и взмахнул руками.

— Простите! Простите все! Мистер Скузен готов. Прошу занимать места.

Мира сосредоточилась и вообразила себя несущей смерть богиней, созданием бури, стеной черной, как агат, воды, пожирающей все на своем пути... или астероидом, летящим через темную, холодную бесконечность космоса...

Но тут вошел мистер Скузен, загримированный под Эдгара Аллана По, и Мира ужаснулась при мысли о том, какое количество белого тона ему пришлось использовать. Однако манера держаться и большие, печальные, темные глаза создавали определенный образ. Он медленно подошел к своему месту, повернул маленькие гитлеровские усики в сторону публики и начал:

— «Будет вам чудить, — сказал мой проводник».

— Ваша реплика, мистер Деламар, — окликнул мистер Мортон.

Криспин в полном гриме выскочил на сцену, потирая руки:

— «Ведь я только затем и привел вас сюда, чтобы показать место того происшествия, о котором я говорил, потому что если хотите послушать эту историю, надо, чтобы вся картина была у вас перед глазами!» — прокудахтал он, подпрыгивая так высоко, что почти столкнулся с голокамерой.

Мира поежилась. Мистер Мортон поднес ко рту белые руки, словно желая заглушить досадливый вопль, но не издал ни звука. Мистер Скузен, явно растерянный, круто обернулся.

— «Гора, на вершине которой мы с вами сидим, называется Хмурый Хельсегген. Теперь поднимитесь немного повыше... и посмотрите вниз, вон туда, за полосу туманов под нами, в МО-О-ОРЕ», — взвыл Криспин.

Мона подавила смешок. Мистер Скузен откашлялся, не смея, по всей видимости, выразить неодобрение вслух, и заговорил:

— «Я посмотрел, и у меня потемнело в глазах... Нельзя даже и во-

образить себе более безотрадное, более мрачное зрелище. Направо и налево, насколько мог охватить глаз, тянулись гряды отвесных чудовищно черных нависших скал, словно заслоны мира. Их зловещая чернота казалась еще чернее из-за бурунов, которые, высоко вздыбливая свои белые страшные гребни, обрушивались на них с неумолчным ревом и воем».

Он говорил отчетливо спокойно и совершенно соответствующим тексту тоном.

Мистер Мортон забыл дать музыку, но помощник режиссера, жених Моны, который догадался поменяться с другим шахтером, чтобы приглядывать за возлюбленной, вовремя опомнился и включил звук.

Зловещие аккорды наполнили воздух: тревожные потоки фуги соль-минор Баха, служившие фоном для измененных электроникой голосов.

— Вау, это мы? — прошептала Мона.

— Звучит здорово! — удивилась Эксин.

— Леди, наш выход, — напомнила Мира, и они выпорхнули из-за кулис, мрачные и злобные, как три ведьмы в шотландской пьесе, и одновременно соблазнительные, как русалки в «Питере Пэне», и смертоносные, как Стражницы в «Шимту». Обнявшись, они встали в круг, и глаза Эксин беспокойно блеснули.

— Я кого-то убью, — произнесла она вполголоса.

— Это дух местности, — сказала Мира, стараясь держаться подале от нее.

Они кружили и кружили во все сгущавшемся молчании.

— Реплику! — попросил наконец Криспин.

— «Вы слышите что-нить? Не замечаете никкой перемены в воде?» — подсказал Альф.

— «Вы слышите что-нибудь? — повторил Криспин, подскакивая к мистеру Скузену и дергая его за рукав. — Не замечаете никакой перемены в воде?»

— Тьфу! — плюнула искренне возмущенная Мона. — Да он *ужасен!*

— О, дорогой мистер Деламар! — взмолился мистер Мортон. — Мистер Деламар, боюсь... это не совсем то, что я имел в виду.

— Простите? — переспросил Криспин, выпрямляясь. — О! Слишком развязно, не так ли? Придется немного сдержаться.

— Да, пожалуйста, — кивнул мистер Мортон. — Продолжайте. Ваша реплика, Чиринг.

Мистер Скузен набрал в грудь воздуха и начал:

— «Старик еще не успел договорить, как я услышал громкий, все нарастающий гул».

Мистер Мортон рассеянно махнул рукой, и Дерк прибавил звук. Мистер Скузен повысил голос.

— «Водная ширь, изрезанная, изрубцованная тысячью встречных потоков, вдруг вздыбилась в неистовых судорогах, шипела, бурлила, свистела, закручивалась спиралью в бесчисленные гигантские воронки и вихрем неслась на восток... Откуда-то появились громадные полосы пены, которых раньше совсем не было. Эти полосы разрастались, э... вбирая в себя... э-э-э...»

— «Вращенное движение осевших водворотов», — подсказал Альф.

— Спасибо. «Вращательное движение осевших водворотов, словно готовясь стать очагом нового, более обширного... Я смотрел на гладкую, блестящую, черную, как агат, водяную стену, которая бешено вращалась стремительными судорожными рывками и оглашала воздух таким душераздирающим воем, какого даже могучий водопад Ниагары никогда не посылает к небесам... Гора содрогалась до самого основания, и утес колебался».

Мистер Скузен глянул на Криспина.

— «Это, конечно, и есть, — воскликнул он, — великий водоворот Мальстрем?»

Криспин подался вперед и пропищал самым отвратительным фальцетом Губки Боба:

— «Я расскажу вам одну историю, которая убедит вас, что я-то кое-что знаю о Мальстреме. Ха-ха-ха!»

— О, боже милостивый, — ахнул мистер Мортон.

* * *

— Я не думал, что был настолько плох, — униженно пробормотал Криспин.

Они сидели вдвоем в своей современной кухне над кружками заваренного по-марсиански чая. На поверхности плавали желтые островки расплавленного масла. Но чай удивительно успокаивал нервы.

— Не совсем так, — утешила Мира. — Только, видишь ли... это не комедия, дорогой.

— Но вполне могла быть комедией, — возразил Криспин. — И я сумел бы сыграть так, чтобы все смеялись. Почему остальные не видят юмора в этой ситуации? Почему люди так невозмутимы? Ведь жизнь на самом деле вовсе не так уж серьезна.

— В отличие от искусства, — напомнила Мира. — И это очевидно.

— Тот здоровый парень, Альф, просто поразителен. Знаешь, мы потолковали с ним о его приключениях. Настоящий кошмар. Сколько же ему пришлось пережить! Но он выстоял, чтобы теперь рассказать мне обо всем. Слышала бы ты его: «Вот лежу я здесь, под кучей песка, и думаю: как, черт возьми, мне теперича узнать, выиграл «Арсенал» или нет, и с каким щётом? Вот я и рассудил, что неплохо бы раздобыть лопату или чего-то такое, только лопаты тама не было, поэтому я отдербанил тувалетное сиденье и стал им рыть».

Представляешь, у него ушел целый день на то, чтобы освободиться! — восторженно воскликнул Криспин. И он еще смеется над собственными бедами!

— Здорово ты его изобразил! В точности его выговор! — похвалила Мира.

— Эти люди живут на грани гибели, живут постоянно и умудряются относиться ко всему, как к шутке, — продолжал Криспин, складывая руки в подражание Матушке Гриффит, и хитро посмотрел на Миру.

— О, моя богиня, неужели такая мелочь, как астероидный дождь, барабаниющий по чертовой планете, способна потревожить тебя? Не обращайтесь ни на что внимания, дорогие, и заходите в «Королеву» на кружечку пивка! — подхватила Мира.

— Так почему Мортон не видит, насколько новаторским является мое истолкование пьесы? Публика захлебнется от смеха!

— Не знаю, — с сомнением протянула Мира. — Понимаешь, такое его видение. И это его театр. Кроме того, все эти люди были ужасно добры к нам.

— Полагаю, это означает, что я не могу отказаться от спектакля, — вздохнул Криспин, украдкой поглядывая на Миру, очевидно, в надежде, что ему *позволят* отказаться от спектакля.

— Не можешь, — твердо ответила Мира. — Не то что в прошлый раз, когда ты не пожелал играть в «Анне Карениной». Тогда мамочка одолжила нам денег на ремонт машины. И это не тот случай, как с шоу «Из хроник рейнджеров во времени», когда тетка упомянула тебя в завещании. И это не способ протянуть до того момента, пока один из нас подрядится на съемки рекламного ролика. Ты прав: уходить нельзя. Ни тебе, ни мне. Вспомни, почему мы оказались здесь.

— Знаю, — вздохнул Криспин, печально уставившись на Миру. — Жизнь наконец нас настигла и вот-вот засосет в водоворот. Теперь мне придется стать взрослым, верно?

— Взрослым? — рассмеялась Мира, хотя глаза шипало от слез. — Криспин, да ты в самом водовороте приключений, на чертовом Марсе! Живешь в квартире из «Звездных войн» под поверхностью чужой планеты! Наш малыш будет уверен, что у Санта-Клауса четыре руки и волчьи клыки. Думаешь, взросление — это так скучно?

Криспин стыдливо хихикнул.

— Нет-нет, все совсем не так! Если я — покоритель Марса, то непременно должен быть в скафандре, с космическим кораблем на заднем плане, а мой чисто выбритый подбородок упрямо выдвинут вперед...

Он вызывающе вскинул подбородок. И это было так смешно, что Мира невольно расхохоталась. Криспин вскочил на стол и принял гордую позу.

— И в каждом кулаке у меня по лучевому пистолету. Я стреляю, и инопланетные твари валятся штабелями — др-р-р! Ой! Умри, космическая шваль! Вперед, мои соратники! Это Звездный Командор Деламар! Проклятье тебе, землянин!

А к моей ноге льнет шикарная крошка, совсем голая, если не считать космических драгоценностей, стратегически расположенных в нужных местах. Крошку играет прекрасная и экзотичная Мира Сурейя!

Он гордо улыбнулся Мире.

— А она будет беременной?

— Ну, конечно! — заверил Криспин, спрыгивая вниз и целуя ее. — Нужно же как-то населять планету!

* * *

— Остались только стоячие места! — выдохнул мистер Мортон, нервно грызя ногти. — Взгляните! Только взгляните на них!

Кочевелу осторожно посмотрел в щель между полотнищами занавеса. В переднем ряду восседала Матушка Гриффит со сложенными на груди руками. По обе стороны от нее располагалась прислуга кабачка.

Позади, до самого последнего ряда, сгрудились шахтеры и откатчики. Некоторые успели умыться, причесаться и переодеться в лучшие костюмы для внутренних помещений, остальные только явились со смены и все еще оставались в скафандрах или шахтерских робах, с которых на фиолетовый ковер летела красная пыль.

— Хе! — воскликнул Кочевелу, отступая. Вынув из внутреннего кармана фляжку, он передал ее Мортону. Тот сделал глоток и закашлялся.

— Вот видишь, если бы ты продавал билеты, как я тебе советовал, мог бы сколотить небольшое состояние.

— Нет! На Земле эти бедняги никогда не получают доступа к вещам, считающимся там роскошью. Я не лишу их такого шанса здесь, на Марсе, — запротестовал мистер Мортон. — Все виды искусства должны быть бесплатными. Если бы только...

— Если бы только?

Кочевелу сунул фляжку в карман и уставился на друга. За сценой было темно, и напоминающий очертаниями палочку лакрицы силуэт мистера Мортоня различался весьма смутно. Неестественно бледное лицо, казалось, плавало над ним, как маска Трагедии.

— Если бы только все обходилось без участия человеческого фактора, — скорбно заявил он.

— А! Ты об этом земном таланте?

Кочевелу пожал плечами.

— Ну и что, даже если мальчишка — сущий кошмар. Этот сброд все равно лучшего не видел.

— Тут ты прав, — признал мистер Мортон. — Но я... я построил этот театр. И моя многолетняя мечта вот-вот должна исполниться. Я шел к этому всю жизнь. Пойми, Морис, я драматург. Мои актеры собрались, мой Храм искусств заполнен до отказа, и...

— И?

— Что если я разочаруюсь?

В глазах мистера Мортоня стояли слезы.

Кочевелу, поглаживая бороду, изумленно воззрился на мистера Мортоня.

— Так что же? — высказался он. — Ты не первый, с кем это случится, верно? И в конце концов, речь идет не о твоём счастье, а о том, чтобы дать им всем, здесь, на фронтире, нечто такое, что хотя бы на время отвлекло бы их мысли от смерти.

— Конечно, ты прав, — согласился мистер Мортон, вздыхая, — но это кошмар осуществленной мечты! Он должен продолжаться, не так ли? И никакого шанса взмахнуть волшебной палочкой и превратить мой театр обратно в фиолетовую пыль с неограниченными возможностями?

— Никакого, — подтвердил Кочевелу. — Шоу должно продолжаться, и ты сидишь в маленькой лодке, готовой вот-вот низвергнуться в водоворот. Будем надеяться, на дне найдется что-нибудь стоящее.

— Десять минут до начала, мистер Кочевелу, — предупредил Дерк.

— О, господи, — прошептал мистер Мортон и побежал было за кулисы, но тут же вспомнил, что должен произнести приветственную речь, и метнулся обратно. Кочевелу направился в маленькую гримерную, которую делил с Альфом. Альф старательно намазывал подбородок клеем, готовясь прилепить фальшивую бороду.

— Тебе стоило бы отрастить настоящую, — заметил Кочевелу, гордо взбивая свою бороду.

— Не могу, — уныло пожаловался Альф, глядя на него в зеркало. — Это из-за лекарств, которые мне скормили в больнице.

— Ты никогда не сможешь иметь бороду? — поежился Кочевелу.

— Да я особо не страдаю, — отмахнулся Альф, приклеивая фальшивую бороду. — Зато не щекотится.

— Ладно, — кивнул Кочевелу, хлопнув его по плечу. — Мы сейчас начинаем.

Мира неподвижно стояла за кулисами, копя в себе все отчаяние и гнев, на которые была способна. Эксин ходила крошечными кругами, бормоча: «Убей, убей, убей». Мона возилась с тростью, поправляла привязанные ленты, и, размахивая ею, любовалась цветными извивами.

— Эта мне не нравится, — прошептала она. — Можно обменять на твою?

Мира молча кивнула и отдала ей свою трость. Она устала. У Криспина был тяжелый случай сценической лихорадки перед спектаклем, и эту ночь он почти не спал. И хотя старался не будить ее, каждый раз, когда вставал или ложился, шипение воздушного замка немедленно возвращало ее к действительности и вселяло уверенность, что астероид летит прямо на Гриффит Тауэрс.

Жидкие аплодисменты в переднем ряду, мистер Мортон откашливается.

— Добро пожаловать, друзья. Мы открываем первый сезон в Центре искусств Эдгара Аллана По. Будущие поколения марсиан будут вспоминать вечер, когда муза Трагедии спустилась на нашу каменистую почву, и они, без сомнения...

* * *

Из гримерной вышел Криспин. Даже под гримом его лицо выглядело бледным и осунувшимся. В цветных огнях его фотореактивная борода и парик отливали черным, белым и снова черным. Он встал рядом с Чирингом и кивнул.

— Как там, в зале?

Чиринг поднял большие пальцы.

— Вот здорово, — с вымученной жизнерадостностью пробормотал Криспин и принялся подпрыгивать на носочках.

— Энергия, энергия, энергия, собирайся, а-а-а, и-и-и, у-у-у, о-о-о! Беги, беги, беги! Он сжал кулаки и принялся бегать на месте.

— Что вы делаете? — прошептал Чиринг.

— Заряжаюсь энергией, — пропыхтел Криспин, ускоряя шаг. — Верный способ унять нервы. Йо-хо-хо!

И он, как всегда, завершил упражнения балетным прыжком.

К несчастью, Криспин забыл о марсианской силе тяготения. Поэтому он взмыл в воздух и врезался лбом в прожектор с голубой подсветкой, который при столкновении с его черепом зазвенел, как гонг. Криспин без единого звука мешком рухнул на пол.

— Мистер Деламар! — в ужасе ахнул Чиринг, подбегая к упавшему.

— Что тут творится? — спросил Кочевелу, высунувшись из резной рамы, призванной символизировать рыбачью лодку. — Да он что, напился?

— Нет!

Чиринг упал на колени и безуспешно похлопал Криспина по щекам.

— О, нет, мистер Деламар. Только взгляните, он рассек голову... сколько крови...

— Что тут...

Из левых кулис появилась Мона, увидела Чиринга и сдавленно взвизгнула.

— В чем дело? — испуганно спросила Мира.

— Чиринг и твой муж подрались! Он сбил его с ног! — завопила Мона.

— Кто кого сбил с ног?

Мира пролетела по сцене в сопровождении Эксин, которая, подскочив к Чирингу, размахнулась и врезала бедняге наотмашь. Чиринг взвыл, пошатнулся и панически взмахнул руками.

— За что вы меня? Он сам ударился о прожектор!

— Крис! — вскрикнула Мира, вставая на колени рядом с неподвижным Криспином. — О, бэби... господа, кто-нибудь, вызовите «скорую»!

— Какую «скорую»? — удивился Кочевелу, вылезая из импровизированной лодки.

— Так из-за чего вы подрались? — допытывалась Мона у Чиринга.

— То есть как это — какую «скорую»? — в ужасе ахнула Мира.

— Вовсе мы не дрались! — безуспешно оправдывался Чиринг.

— Я хотел сказать, что у нас нет никакой «скорой», — пояснил Кочевелу и, тоже встав на колени, поднял веко Криспина. — Не волнуйтесь, мэ. Он сейчас придет в себя. В офисе Мортонна есть топчан. Мы положим его там, пока не протрезвеет.

— Но он не пьян!

— А спектакль? — напомнила Мона.

Все это время на заднем фоне звучала речь мистера Мортонна, которая постепенно стала затихать. Послышались нестройные аплодисменты, и на месте действия появился мистер Мортон.

— Какого дьявола тут творится?! — рявкнул он, но, увидев неподвижного окровавленного Криспина, вытаращил глаза.

— Он подпрыгнул, ударился головой и упал без сознания, а я не имею ко всему этому никакого отношения! — взорвался Чиринг, тыча пальцем в прожектор с голубой подсветкой. — Вот он, этот прожектор!

Из мистера Мортонна словно вышел весь воздух. Он бессильно повалился на колени.

— Ничего, дорогой, все обойдется, — утешил Кочевелу и, вытащив фляжку, сунул в онемевшую руку друга. — На-ка, выпей. А ты, Альф, помоги унести старого медведя Брофи в офис мистера Мортонна.

— Но спектакль! — возопила Мона.

— Да, — поддержала Эксин. — Что нам делать?

Лицо мистера Мортонна заливали слезы. Молча покачав головой, он поднес к губам фляжку.

— Альф знает роль! — вдруг воскликнула Мона. — Он знает все роли.

Все, включая самого Альфа, наградили ее уничтожающими взглядами. Из зала донесся отчетливый возглас:

— Ну? Так мы сегодня увидим что-нибудь?

— Похоже, сынок, придется играть тебе, — объявил Кочевелу и, нагнувшись над Криспином, оторвал фальшивую бороду. Но когда стянул парик, оказалось, что он полон крови. — О, черт! Вот, не ожидал...

Мира вскочила и угрожающе надвинулась на него.

— Мне все равно, как вы это сделаете, — прошипела она, — но вы немедленно доставите моего мужа в любую здешнюю больницу, прямо сейчас.

— Да, мэ, — пробормотал Кочевелу, отступая. Не успел никто

опомниться, как он сунул парик и бороду в руки Альфа, повернулся и умчался прочь так быстро, словно за ним гнались. Мира снова встала на колени рядом с Криспином, взяла из рук Эксин пачку бумажных салфеток и прижала к ране.

— Голова всегда сильно кровоточит, — ободряюще заметила Эксин. — Ничего страшного, уж поверь, я знаю.

— Эй, вы там! — прокричал кто-то из публики. — Нам что, сидеть здесь всю ночь?

— Я должен был предвидеть, что такое случится, — провозгласил трагически спокойный мистер Мортон. — Сейчас начнется скандал с дракой, я это предвижу!

— Нет! Шоу должно продолжаться, верно? — заявила Мона. — Давай, Альф! Смотрите, мистер Мортон, как славно он выглядит в бороде мистера Деламара! А вы можете нацепить его бороду и сыграть младшего брата, потому что у того нет реплик...

— Поднимайте чертов занавес! — крикнул кто-то из зрителей.

— Я немедленно выйду и станцюю для них! — самоотверженно заявила Мона.

— Черта с два, девочка моя! — отрезала Матушка Гриффит, протираясь за сцену в сопровождении Кочевелу, но при виде Криспина ахнула и всплеснула руками: — Богиня! Почему вы не отправили его в клинику, идиоты этакие?

Зрители дружно запели: «Почему мы ждем?» Матушка Гриффит повернулась и, раздвинув полотнища занавеса, высунула голову в зал.

— Заткнитесь вы все, тут у нас раненый! — завопила она. — Манко! Тек! Давайте сюда, помогите нам!

Усмиренные зрители мгновенно смолкли. Двое служащих Матушки Гриффит перелезли через рампу и появились за кулисами. Вскоре Криспин уже был перебинтован и привязан к стулу. На него надели маску и понесли по Трубе. Впереди вышагивала Матушка Гриффит.

— Интересно, из-за чего они подрались? — прошептал шахтер откатчику.

— Я слышал, эти голливудские типы — горячие штучки, — прошептал в ответ тот.

Суматоха и крики за занавесом постепенно смолкли. На несколько секунд занавес повис так безжизненно, словно его складки были вырезаны из камня. Потом он медленно поднялся, открыв Эдгара Аллана По, стоявшего на скале, на фоне задника, изображавшего

хмурое небо и почерневшее море. Герой был покрыт потом и выглядел жалким и испуганным. Умоляюще глядя в зал, бедняга начал:

— «Будет вам чудить, — сказал мой проводник».

Из-за кулис выступил старик, тяжеловесный гигант, весьма напоминавший оживший холм. В его глазах вспыхивал тревожный свет. В прядях белой бороды краснели капли крови.

Он глянул на По и спокойно произнес:

— «Ведь я для того и привел вас сюды, штобы показать место того прашествия, штобы вся картина была у вас перед глазами. Теперь подымитесь-ка повыше и гляньте вниз, вон туда, за полосу туманов под нами, в море».

Старик словно усох и съежился прямо на глазах изумленной публики. Облизнув потрескавшиеся губы, он продолжал:

— «Я посмотрел, и у меня потемнело в глазах; я увидел широкую гладь океана густого черного цвета... Нельзя даже и вообразить себе более безотрадное, более мрачное зрелище».

Мира, скорчившаяся на стуле, почувствовала, как Эксин вцепилась ей в плечо.

— Пойдем. Наша очередь, — позвала она.

Какая разница? Можно и пойти...

Мира машинально поднялась. *Шоу должно продолжаться.*

Вслед за остальными она вышла в потусторонний свет, под звуки потусторонней музыки, вкладывая в каждый шаг всю безнадежность, которая в этот момент ею владела. Мать-кошка, пытающаяся отыскать безопасное место, чтобы спокойно родить котят. Но безопасно-го места не находилось...

Ее и Криспина поглотил нарастающий прилив истории. Два эмигранта, такие же, как множество остальных, вынесены бесконечным течением жизни в полнейшую неизвестность. Некоторым, выброшенным на дальний берег, повезло стать основателями новых поколений... другие не пережили первой зимы, их имена забыты.

Шествуя по кругу, она глянула в зал и внезапно вернулась к реальности, увидев зачарованные, восхищенные лица. Похоже, все зрители увлеченно наблюдали за тем, как разворачивается действие. Многие подались вперед, сжимая подлокотники кресел.

Подумать только, они захвачены пьесой!

В этот момент Альф спустился со скалы в голубой круг света, и его борода и волосы потемнели. Возможно, такой сценический эффект ему нравился. А вот и хлипкое суденышко, которое толкают Кочевелу и мистер Мортон. О нет, только взгляните: фальшивая борода сби-

лась набок под самым подбородком мистера Мортон! Сейчас зрители начнут смеяться!

Но зрители почему-то молчали. Альф продолжал свою речь, не меняя интонаций, так что собравшимся приходилось напрягать слух, однако его произношение совсем не казалось им странным или комичным.

— «В тот же миг оглушительный грохот волн совершенно потонул в каком-то пронзительном вое, — представьте себе несколько тысяч парашутов, которые все сразу вместе гудят, выпуская пары. Мы очутились теперь в полосе пены, всегда окружавшей водоворот, и я подумал, что нас, конечно, сейчас швырнет в бездну, которую мы только смутно различали, потому что кружили над ней с невероятной быстротой. Шхуна наша как будто совсем не погружалась в воду, а скользила, как пузырь, по поверхности зыби.

...Лунные лучи, казалось, ощупывали самое дно пучины; но я по-прежнему не мог ничего различить, так как все было окутано густым туманом, а над ним висела сверкающая радуга...

Когда мы оторвались от верхнего пояса пены и очутились в бездне, нас сразу увлекло на очень большую глубину, но после этого мы спускались отнюдь не равномерно. Мы носились кругами, но не ровным, плавным движением, а стремительными рывками и толчками, которые то швыряли нас всего на какую-нибудь сотню футов, то заставляли лететь так, что мы сразу описывали чуть не полный круг».

И почему бы зрителям не увлечься? Это их история. Они слышат такие каждый день. Все пережили нечто подобное, здесь, на чужой земле. Безжалостные дюны, готовые похоронить вас, удушающие отходы, замораживающие человека до состояния ледяной статуи, бомбы, с ревом слетающие со звезд, чтобы вбить вас в сухую землю и превратить в изломанную куклу. Это Марс во всей своей привычной злобе и недоброжелательности, где всего одна небрежность, одна ошибка означает немедленную смерть, а в результате — высушенный холодом труп, который показывают ахающим туристам.

Мира скинула руки и стала танцевать. Остальные девушки кружились вместе с ней. Они были черными богинями, вестницами кошмара, они были Парками, невестами Смерти в этом безрадостном месте.

Не забывай, мы всегда стоим у тебя за плечом...

Зрители таранились на сцену с открытыми ртами. Они дружно подались вперед, когда первого, а затем и второго матроса потянуло вниз, увлекая в гибельные пучины.

Наконец на сцене остался только Альф. Его круглое лицо блестело от пота, в глазах был подлинный ужас пережитого, а голос понижился до хриплого полуночного шепота, который тем не менее был слышен во всех уголках зала.

— «Меня подобрала старые приятели и товарищи, но они не узнали меня, как нельзя узнать выходца с того света. Мои волосы, еще накануне черные, как смоль, стали, как сами видите, совершенно седыми... Я потом рассказал им всю эту историю. Но они не поверили мне. Теперь я рассказал ее вам».

За последними словами Альфа последовала полная тишина. Свет медленно погас.

Наконец раздались нерешительные хлопки, которые быстро переросли в громовую овацию. Зрители вскочили на ноги и восхищенно вопили. Дамы удивленно переглядывались. Мистер Мортон, почти не отрывавшийся от фляжки с самого момента ухода со сцены, поднял затаенные хмельной дымкой глаза.

— Господи боже! — промямлил он. — Им *понравилось!*

Он выпрямился во весь рост и едва не упал.

— Выходим на вызовы! Давайте быстрее! Все сюда! — крикнул он, размахивая руками. Мира поймала его пальцы и потянула за собой. В результате мистер Мортон оказался между Альфом и Кочевелу, близоруко моргая в свете рамы.

Мира сжимала ладони Моны и Эксин, чтобы удержаться на твердых ногах. Теперь зрители топали так энергично, что в воздухе стояла ржавая пыльная дымка. Лица людей заливали слезы, прокладывая черные или белые борозды сквозь красную пыль.

Кто-то проталкивался сквозь толпу. Матушка Гриффит добралась до первого ряда, что-то крича, стараясь перекрыть шум, но ее совсем не было слышно за лихорадочными воплями.

— Он в порядке, — прошептала она Мире одними губами и, чтобы та лучше поняла, сложила колючком большой и указательный пальцы, после чего, широко улыбнувшись, подмигнула. Мона обняла Миру. Эксин дружески хлопнула подругу по плечу. Немного больно, конечно, но Мира почти не заметила.

Потому что ее малыш танцевал.

* * *

Криспин сидел на больничной койке в дурацкой рубашке с медведжатами и пил сок из пакета. Голова была забинтована, но румянец уже вернулся на щеки.

— Знаешь, получился настоящий хит, потому что меня там не было, — с сожалением вздохнул он. — Вот уж повезло, так повезло! Это действительно подарок судьбы!

— О, дорогой, я знаю, что ты был бы великолепен, — заверила Мира, поправляя ему повязку.

— Нам сказали, что посещения разрешены! — объявила Мона, появляясь в палате вместе с Эксин. — Ты убежала, не успев получить подарки! Надеюсь, вам лучше, мистер Деламар? Смотрите, что Дерк для нас сделал. Ну не лапочка ли он? Целых три штуки!

Она приложила к себе широченный свитер, на груди которого красовалась машинная вышивка:

МАЛЬСТРОМЕТКИ.

— Правда, смешно? Только вот неизвестно, по какой причине все они вот такого размера: XXXL. Мой достигает колен, — пожаловалась Мона.

— Вот твои розы, — объявила Эксин, протягивая букет подруге. — Знаешь, сегодня вечером мне пять раз предлагали выйти замуж. Странно, не находишь?

— И знаете, что еще, мистер Деламар? — продолжала Мона. — Теперь мистер Мортон хочет поставить комедию и ждет только вашего выздоровления. Правда, здорово? Это какая-то потерянная или забытая пьеса о ком-то по имени Эрнест. Какого-то Оскара... Вальда. Кажется, мистер Мортон именно так его называл. Он как раз допивал третий бокал шампанского, так что я могла неверно понять.

— Комедия? — просветлел Криспин.

В коридоре прозвенел звонок.

— Черт, это означает, что часы посещения закончены, — расстроилась Мона. — Идем, Мира, мы проводим тебя домой. Спокойной ночи, мистер Деламар.

— Я приду с утра пораньше, — пообещала Мира, наклоняясь, чтобы поцеловать Криспина, и на прощанье вынула розу из своего букета и осторожно просунула в горлышко графина с водой.

Шагая по Трубе с Моной и Эксин, она вдруг поняла, что совершенно не замечает запаха метана. Зато как ярко сияют звезды там, в вышине, над недостроенным городом!

**Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА**

А Л Е К С К А С М А Н

КВАНТОВЫЕ СЛЕДСТВИЯ

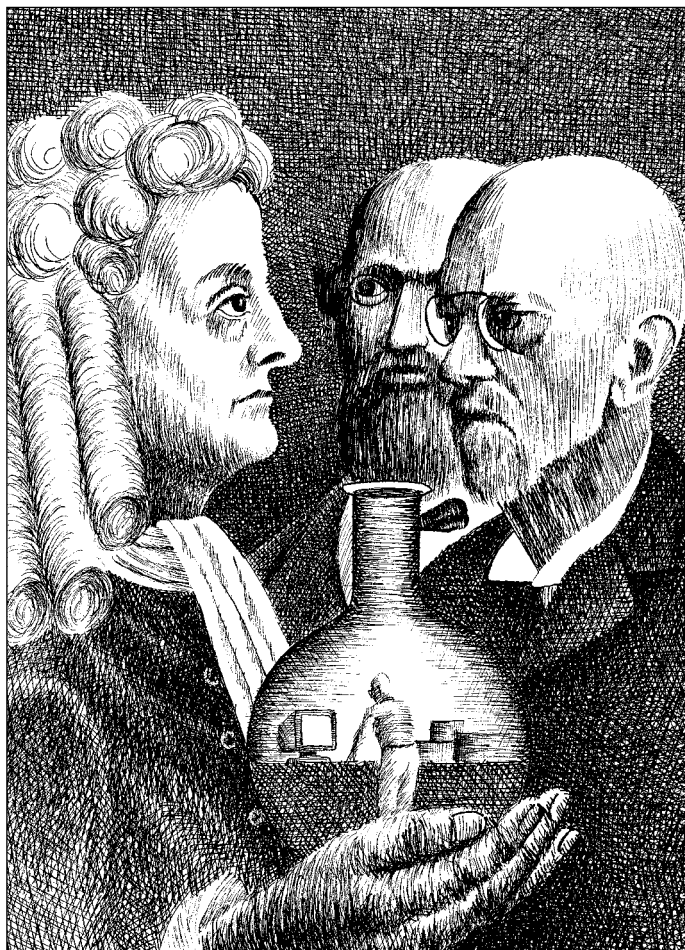

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

НЬУТОНОВСКОЙ АЛХИМИИ

Когда Рик сообщил мне хорошую новость, морщинки у него появились только возле левого глаза. Это плохой признак. Обычно «гусиные лапки» возле глаз становятся у него более заметны, когда он улыбается. Они его не старят, а лишь придают чрезвычайно довольный вид. Но иногда морщинки видны только возле одного глаза.

Это явление я наблюдал, пожалуй, раз двадцать за те четыре года, пока он был научным руководителем моей диссертации. И еще я помню несколько примеров этой односторонней улыбочки, замеченной в прошлом году, когда он читал курс «Вопросы современного анализа», на который я записался. Он был профессором курса статистики, а я посещал курс вольным слушателем. Опираясь на подобные наблюдения, я разработал теорию для объяснения этой «нарушенной симметрии»: когда Рик улыбается так, что морщинки у него появляются несимметрично, это всегда означает — он лжет.

Со временем теория обрела еще большую «доказательную базу». Я был вполне убежден, что морщинки справа означают, будто Рик хочет сказать нечто чрезвычайно положительное, но чувствует необходимость сдерживаться. Например, если один или два действительно одаренных студента его курса по статистике выскажут на лекции особо пронизательное замечание, то Рикуну хочется заявить: «Это фантастика! Вы талантливый молодой математик. Вы не думали о том, чтобы специализироваться по математике?» Но, опасаясь, что такие слова чрезмерно раздуют их тщеславие или заденут других студентов, он всего-навсего отметит: «Да, это правильно». Замечание подобного рода обычно сопровождается морщинками возле правого глаза, поэтому я горжусь тем, что заработал несколько правых морщинок, обсуждая с ним работу над моей диссертацией.

С другой стороны, иногда ему приходится улыбаться, когда он вовсе не желает этого делать. И если во время такой улыбки морщинки появляются только возле левого глаза, то и произносит он замечания вроде: «На факультете снова проголосовали за утверждение меня в должности профессора, начиная со следующего семестра» или «Несмотря на ваши низкие показатели, вы все еще можете получить хорошую оценку за этот курс, если станете заниматься упорно до самых экзаменов».

Поэтому я слегка встревожился, когда он сообщил мне о предложении доктора Штейна. На первый взгляд, новость действительно казалась отличной. Несмотря на невеликий рынок труда, особенно для

специалистов в моей области нестандартного анализа, я получил хотя бы одно настоящее предложение работы.

Да только у Рика, порадовавшего меня этой новостью, появились морщинки возле левого глаза.

— Что ты по этому поводу думаешь? — поинтересовался он, когда мы шли через кампус, осыпаемые метелью лепестков с цветущих вишен. — Это совпадает с твоими планами?

Можно подумать, у меня были планы! План у меня очень простой — получить степень и работу. Если мне дадут работу, то это совпадает с моими планами. Других предложений я не получал, поэтому размышлять особо не приходилось. А ведь мне уготовили не просто работу, но исследовательскую аспирантуру в математическом институте! К тому же, насколько я слышал, Энн Арбор не такое уж плохое местечко.

Так что повторно: новость вроде бы оказалась приятная, но из-за морщинок я встревожился.

И вообще было немного странно, что мне сделали предложение, хотя я не посылал никаких заявок. И, должен признаться, я никогда не слышал об Институте математического анализа и квантовой химии. Этот исследовательский центр, как выяснилось, не засветился в интернете. Вероятно, они делают для правительства настолько секретную работу, что по соображениям безопасности им даже не разрешено иметь сайт.

А возможно, однобокая улыбка Рика всего-навсего означала, что его опечалила мысль о моем скором отъезде.

И моя теория о причинах нарушения симметрии просто ошибочна.

Или же в моей жизни наступила полоса невезения.

Над всеми этими вероятностями я и размышлял, пока поезд вез меня в Энн Арбор. Я встал и принялся снимать с полки старый зеленый рюкзак, хотя поезд еще не остановился. Поэтому, когда сработали тормоза, объемистый рюкзак заставил меня потерять равновесие и навалиться на женщину, разговаривающую по мобильнику. Она прищурилась, как будто я попытался украсть ее сумочку, но при этом разговор по телефону продолжался, словно ничего не произошло.

Я все еще извинялся, когда мы вошли в здание вокзала, но нас отвлек некий человек, который подергал меня за рукав и робко спросил:

— Вы, случайно, не Игорь?

Еще раз подняв руку в попытке привлечь внимание женщины, которая направилась к туалету, продолжая болтать по телефону, я признал тщетность своих усилий и повернулся к человеку. Рюкзак при этом соскользнул с плеча и шмякнулся на пол с таким звуком, словно

таил в себе расчлененный труп, а не дешевую одежду и туалетные принадлежности.

— Да, — отозвался я, протягивая свободную руку, — а вы кто?

— Я доктор Штейн, из института.

Что ж, это меня впечатлило. Сам директор приехал на станцию, чтобы меня встретить. Многообещающее начало. И мое первое впечатление о нем тоже оказалось хорошим. Может, коричневая клетчатая рубашка не очень сочеталась с широкими брюками, но выглядел он приветливо. Более того, сам не знаю почему, но у меня сразу же возникло ощущение, что он гений.

— Зовите меня Фрэнк, — продолжил он, пожимая мою руку. — Вам помочь с багажом?

Я заподозрил, что рюкзак весит вдвое больше Фрэнка, поэтому сам отнес его к сверкающему универсалу «форд» модели 1972 года. Директор сел за руль, и мы тронулись.

Сперва мы посплетничали о Рике. Очевидно, они познакомились в аспирантуре и с тех пор почти не поддерживали отношения. Например, он не знал, что Рик женился на знаменитой специалистке в области теории чисел Лизе Рохан или что он неудачно покатался на водных лыжах и почти год просидел в инвалидном кресле.

И еще мы поговорили о моем имени — Игорь Стравинский. Все мои знакомые рано или поздно об этом спрашивают. Я начал обычную свою речь о том, что знаменитый композитор был моим дальним родственником, и родители, обожающие музыку, решили: назвать меня в его честь будет хорошей идеей.

Но тут я заметил дорожный знак с надписью, что мы въезжаем в город Ипсиланти, штат Мичиган, и начал задавать более уместные вопросы.

— Так вы меня сперва отвезете на квартиру? И я буду жить в Ипсиланти, а ездить в...

— Нет-нет, — радостно возразил он. — Ты будешь жить со мной в институте, который находится в Ипси. — Затем, увидев, что я немного запутался в географии, добавил: — Пусть тебя это не смущает, парень. Ты знаешь, что Мичиганский научно-исследовательский институт находится не в Беркли, а в Окленде?

Немного успокоенный, я продолжил расспросы:

— Знаете, я пробовал читать кое-какие материалы по квантовой химии. Была там одна прикольная статейка, в которой авторы пытались предсказать цвет золота сугубо математическими методами. Самое забавное: из-за того, что ядро золота такое тяжелое, расчеты получались

неверными, пока они не добавили кое-какие квантовые поправки... Это я еще как-то понял. Но если честно, в подробности я совершенно не врубился. Я не понимаю ни уравнения Шрёдингера, ни все эти теории о частицах. Насколько глубоко мне придется копать?

— Частицы? Не волнуйся, тебе они не понадобятся. С химией я могу справиться и сам. Ты будешь моим «наемным стрелком». Займись проблемами Римана—Гильберта, которые будут появляться в ходе работы.

— Да нет здесь никаких проблем Римана—Гильберта! Жаль, потому что тогда я бы хоть что-то понял. Так вы можете объяснить, как...

— Я же сказал, Игорь, на этот счет не беспокойся!

Наконец я задал вопрос, на который рассчитывал услышать простой ответ:

— А здесь живут все сотрудники института или только вы и я?

— Да, — ответил он, и возле его правого глаза появились морщинки. Возможно, они появились и возле левого, но я сидел справа и не мог этого увидеть.

— Извините, наверное, вы меня не расслышали. Я спросил: только мы с вами живем в институте или там живут все сотрудники?

— Я тебя услышал. А теперь докажи, что ты настолько умный, как мне говорил Рик. Объясни, почему я просто сказал: да.

Я быстро догадался, каков правильный ответ, но из-за потрясения промедлил, и Фрэнк принялся напевать себе под нос раздражающую музыку из последнего куплета «Опасности» Майкла Джексона. Он откровенно наслаждался ситуацией.

— Ладно, — зло процедил я. — Я все понял! Никакой это не институт, если в нем будем работать только вы и я.

— Зато ситуация гораздо лучше, чем на прошлой неделе. Количество сотрудников увеличилось вдвое! Неплохо, а? И все время становится лучше... Ага! Вот мы и приехали.

В последние минуты разговора я не обращал особого внимания на то, куда мы едем, и теперь с удивлением отметил, что мы оказались в жилом районе, явно знавшем лучшие времена. Дома большие, украшенные причудливыми деревянными финтифлюшками, с неплохо сохранившейся деревянной обшивкой, но все они серьезно нуждались в покраске, а трава, пробивающаяся из множества трещин, делала тротуар перед ними почти невидимым.

Дом, перед которым мы остановились, выглядел получше остальных, а сорняки перед входом даже были скошены, открывая ступеньки. Вероятно, за последние десять лет здание хотя бы раз красили. Воз-

ле ступенек крыльца виднелась табличка с надписью золотыми буквами на черном фоне: «Математический анализ/квантовая химия».

И все это отлично подтверждало мою теорию насчет улыбок Рика.

* * *

Моя область математической специализации — решение проблем Римана—Гильберта. Мне нравится представлять себя укротителем диких животных, но вместо того, чтобы заставлять львов прыгать через обруч, я предлагаю функциям с комплексными переменными прыгать на сфере Римана. Студенты, изучающие алгебру, привыкли видеть благовоспитанные функции: непрерывные и везде дифференцируемые. Но во многих приложениях нужны не только функции с разрывностью — а вам еще надо заставить их прыгать весьма специфическим образом в заранее предписанные места.

Суть в том, что бывает очень трудно заставить функции плясать так, как вам нужно, особенно когда движения этого танца становятся причудливыми. Если пользоваться методами, которые известны большинству математиков, то задача выглядит почти невозможной. Но мне повезло: Рик знает новейший математический приемчик — набор инструментов под названием «нестандартный анализ», который выдает числа бесконечно меньшие и бесконечно большие, чем обычные методы. Как выяснилось, их можно использовать как приманку, чтобы уговорить функции делать то, что нам нужно. Трудиться все равно приходится много, но это работа достаточно простая и гораздо менее опасная, чем укрощение львов!

Моя задача в основном и заключалась в применении этих методов для решения проблем Римана—Гильберта, которые подбрасывал Штейн. Ему приходилось тщательно описывать, какие прыжки нужны, в каком направлении и каковы граничные условия, создающие вокруг дикой функции клетку, чтобы она не сбежала после прыжка и всегда находилась под контролем.

Я занимался этим всего несколько дней, когда позвонил Рик. Он решил узнать, как у меня дела.

— Вроде ничего, — ответил я. — Проблема, над которой я работал вчера, была действительно крутой. Видели бы вы монодромию, которая у меня получилась! Сперва я даже не мог придумать, что с ней можно сделать, пока не использовал преобразование Мёбиуса, и все стало на свои места. Знаете это решение?

— Да, знаю. — Рик вздохнул и помолчал. — Штейн с тобой говорил... гм-м... о химии?

— Нет. Сказал, что об этом я могу не беспокоиться.

— Ясно. Ладно, держи меня в курсе.

Когда я положил трубку, мне пришлось вспоминать, где в последних расчетах я остановился. Они были практически завершены. Поэтому я закончил и добавил в конце записочку для Штейна:

Помните, в последней формуле вам пришлось представить матрицу прыжка как оператор в нестандартном Гильбертовом пространстве H . В таком случае, с помощью вашей кривой C мы можем получить ответ, использовав уравнение

$$X(y) = I - ScF(y) \int G(u)/(y-u) du$$

Даже не знаю, почему Рик так за меня тревожился. Постепенно я начал отлично проводить время. То, что я жил вместе с доктором Штейном в старом доме, могло показаться несколько необычным, но, поскольку ему было все равно, что я делал после работы, это совсем не походило на жизнь в доме с родителями, чего я поначалу опасался.

Во всяком случае, он вроде бы одобрял, чем я решил заниматься в свободное время, то есть проводить его в кампусе Мичиганского университета вместе со студентами-математиками. Я ходил на их коллоквиумы и семинары. Пил вместе с ними пиво в университетском клубе. И наслаждался ланчем-пикником на лужайке с одной студенткой, лелея надежду познакомиться с ней поближе.

Доктор Штейн, которого я так и не смог называть Фрэнком, хотел, чтобы я не терял связи с другими математиками. И еще, кажется, он надеялся через меня узнать, что о нем говорят. И я рассказывал. Я поведал ему, что его ранняя работа по математической физике анти-Деситтеровских пространств (что бы это ни означало) все еще на слуху, зато сам он приобрел репутацию чокнутого. И что факультет ищет способ, как бы от него избавиться, несмотря на утвержденный срок пребывания в должности. И что всем очень любопытно, чем мы с ним в институте занимаемся.

Поскольку он не взял с меня клятвы хранить молчание, я с чистой совестью трезвонил о наших изысканиях. И поведал своим приятелям в Энн Арборе, что доктор Штейн вовсе не самый чокнутый из всех, с кем мне доводилось встречаться. Что же касается работы, то я рассказал им, что он часто дает мне для решения довольно специфичные проблемы Римана—Гильберта. И всегда очень благожелателен, когда мне удастся найти решение относительно быстро. Но я понятия не имею, что он делает с моими решениями или как это связано с химией.

* * *

На нашем первом официальном свидании мы с Бекой пошли в «Мичиганский театр» смотреть «Как украсть миллион» с Одри Хепберн. Места у нас были прямо перед органом, и примерно на середине фильма ее колено слегка прижалось к моему, да так там и осталось.

Все шло отлично. Но потом, когда мы пили кофе, она снова начала расспрашивать меня о работе. Она задавала те же вопросы, что и на пикнике в прошлом месяце, и я выдал ей те же ответы. Я решил, что будет очень романтично спросить, почему меня должен волновать Франклин Штейн и его микроинститут, когда я могу думать только о ней. Она не ответила.

* * *

В следующий раз, когда доктор Штейн просматривал мое очередное решение, расспрашивая о деталях, я решил действовать.

— Выглядит неплохо, — говорил он. — Да, очень неплохо. Думаю, мы теперь уже совсем близки к нашей цели, парень. И уже скоро все увидят, что я, оказывается, не совсем чокнутый. Только один вопрос: эти ветви обрезаются после разветвления вдоль...

Я его почти не слушал, разглядывая через его плечо листок бумаги с текущими записями. Ниже результатов комплексного анализа я увидел записанное большими символами выражение:

$$ff O. + O(o/) \sim h + O(o^{\wedge})$$

«Это что, астрология?» — подумал я.

— А какова наша цель, Фрэнк? — почти выкрикнул я. До сих пор я ни разу не называл его по имени, поэтому он сразу понял, что я раздражен.

— Я скажу, сынок. — Он произнес это спокойно, что подчеркнуло мое возбуждение. — Ты умен и сможешь понять важность этой работы лучше, чем многие из прогрессоров. Но сперва ответь: ты уверен, что хочешь этого?

Проигнорировав его вежливый ответ, я продолжал выкрикивать то, о чем уже давно думал:

— Знаете, в колледже я прослушал курсы квантовой физики и химии. Прежде чем приехать сюда, я прочел несколько статей по квантовой химии. И никогда не встречал в них проблем Римана—Гильберта. Вы вообще хоть что-нибудь делаете с ответами, которые я вам даю, или просто уходите и возвращаетесь с новой проблемой? Может, я тут просто трачу время?

— Мы время зря не тратим. Мы здесь занимаемся чрезвычайно важной работой, Игорь. Немного истории поможет тебе это понять. — И он произнес низким, почти рококошущим голосом: — Через несколько сотен лет мечта Исаака Ньютона осуществляется. Складывая кусочки науки с осколочками этой теории, мы возрождаем величайшее достижение всех времен, которое умерло медленной и мучительной смертью из-за пренебрежения и непонимания.

Думаю, он бы еще долго декламировал, если бы я не прервал его ехидным вопросом:

— Что? Исаак Ньютон занимался квантовой химией?

— Фактически, да. Я считаю, что Исаак Ньютон изобрел квантовую химию. Конечно, сам он ее так не называл.

Я ждал продолжения, но, очевидно, настала моя очередь что-то сказать. Поэтому, выдержав паузу, я исполнил его желание и с нескрываемым скептицизмом осведомился:

— Хорошо, вы выиграли: как Ньютон ее называл?

— Алхимия!

* * *

Я поступил весьма грубо, просто хлопнув дверью и не сказав ни слова, но мне требовалось время, чтобы все это осмыслить.

Алхимия, да? Так вот чем мы занимаемся в институте — превращаем свинец в золото! Я бы здорово смутился, если бы об этом узнали мои друзья в университете. И подозреваю, это не очень-то хорошо смотрелось бы в моей биографии. Интересно, смогу ли я получить работу на факультете математики после того, как целый год занимался колдовством на пару с сумасшедшим?

Но, наверное, за это время я стал хоть немного доверять Штейну. К тому же он мне нравился. Поэтому я отправился не на вокзал, а в университетскую библиотеку.

Кое-что новое для себя я узнал. Например, Исаак Ньютон действительно занимался алхимией! (Одно очко в пользу Штейна.) А я настолько уважал математические открытия Ньютона, что не мог относиться к нему как к умалишенному. С другой стороны, все прочитанное лишь укрепило мое мнение, что алхимия — ранняя псевдонаука, основанная больше на желаниях, чем на научной строгости. Эксперты сходились в том, что те, кто верил в алхимию в семнадцатом веке, были немного чокнутыми, а любой, кто продолжает верить в нее сейчас, просто сумасшедший. (Значит, счет два-один не в пользу бедняги Штейна.)

В этот момент мне точно следовало бы вернуться в институт, собрать вещи и отправиться домой. Таков и был мой план, но я увидел свет в кабинете Штейна и тихо постучал в дверь.

Похоже, он предугадал мои намерения.

— Не уезжай сейчас, Игорь. Я... мы так близко! — взмолился он.

— Вы можете обойтись и без меня, доктор Штейн. Вы все равно не захотели бы видеть меня здесь, если я в это не верю, так? — Я подумал, что алхимия, подобно гомеопатии и паранормальным способностям, просто не будет работать, если рядом находится скептик.

— Без тебя я могу сделать почти все, и многие годы этим занимался. Но никогда не смогу понять тот нестандартный анализ, которым ты владеешь.

Мне это часто говорили, но я никогда не понимал — почему.

— Это же легко, — заверил я. — Надо лишь притвориться, что существуют реальные числа, которые бесконечно велики или бесконечно малы, а дальше делать обычные расчеты.

— Это легко для тебя! Это твой дар! Я буду чрезвычайно признателен, если ты поделишься со мной своим даром еще один, последний раз. Я действительно считаю, что цель достигнута. Реши эту проблему, и завтра я смогу тебе продемонстрировать, что я на правильном пути.

Жалость не входит в число моих добродетелей, и меня возмутило, что он сыграл на ней. Но его замысел сработал. Я не спал всю ночь, в последний раз выводя для своего наставника комплексные функции с нужными для него прыжками.

Наверное, я выглядел не лучшим образом, когда в половине седьмого утра припелся на кухню, где Штейн уже ждал меня с кофейником ароматного напитка. Пока я, роняя голову, жевал пончик, он попытался объяснить мне всю идею.

— Что сделал Ньютон, прежде чем обратился к алхимии? — риторически спросил он. — Вывел формулы, описывающие движение материи в поле гравитации, и пришел к пониманию волновой природы света. А затем совершил прыжок настолько большой, что никто из современников не смог его понять: все это объединил.

— Значит, по-вашему, он открыл теорию квантовой гравитации? — заметил я между глотками кофе. — Как раз то, что пытаются сделать современные физики?

— Да, но у него было огромное преимущество, потому что он не потратил зря сотни лет, веря во всякую чепуху.

— И что же это за чепуха? — осведомился я, подумав, что Штейн впервые начинает выглядеть настоящим психом, каким и называли его все мои друзья.

— Частицы, мальчик мой! Мысль о том, что материя состоит из частиц, есть ужасная ошибка, которую физики допустили давным-давно и за которую мы до сих пор расплачиваемся!

— Разумеется, материя состоит из частиц, — снисходительно подтвердил я, хотя отлично понимал, что мои ограниченные знания по физике, полученные в колледже, ничто по сравнению с его многолетним практическим опытом на передовых рубежах математической физики. — Полагаю, в этом никто не сомневается. Молекулы, атомы, электроны и протоны. Об этом я узнал в школе, а потом слышал о других частицах, вроде кварков и му-онов. Частицы — это непоколебимый факт, а не чушь.

— Ты хотел сказать «мюоны». Да, конечно. Я изучал стандартную модель атома. Я даже доказал теорему о суперсимметрии, которой теперь пользуются физики-ядерщики, что, впрочем, не означает, будто это точное описание реального мира. Я также учил, что Колумб открыл Америку, но к тому времени, когда ты пошел в школу, все уже знали: это не вполне соответствует истине... Ладно, давай попробуем иначе. Ты прослушал курс квантовой механики, так? Что в ней сказано о скорости и координатах частицы?

— Нельзя измерить одновременно и то, и другое.

— Да, но это еще не все. Даже физики подтвердят, что не только координаты и скорость частицы неизвестны, но у нее даже нет координат или скорости: их не измеришь.

— Да, кажется, я об этом слышал, — согласился я, начиная гадать, все ли физики сумасшедшие. — Но никогда не мог понять.

— А я подскажу тебе простое решение этой дилеммы: избавься от частиц. В конце концов, никаких частиц не существует, только волны. Частицы — всего лишь домысел нашего воображения, и как раз поэтому они обладают только теми свойствами, которые мы им приписываем. Вот что понял Исаак Ньютон, когда объединил свои знания о гравитации с результатами экспериментов со светом: все, что нас окружает, есть одна большая волна, которая покрывается рябью и движется под воздействием силы гравитации. Из-за воздействия гравитации может создаться впечатление, будто частицы существуют, но внешность бывает обманчива, верно?

Желая продемонстрировать свое последнее утверждение, он взял карандаш за кончик и принялся ловко покачивать его вверх и вниз.

Результат действительно выглядел так, словно он держит резиновую палочку, а не деревянный карандаш, и я невольно рассмеялся.

— Но если Ньютон об этом догадывался, — сказал я, почти начиная ему верить, — то почему никому не сказал?

— Он пытался! Именно в этом и заключается суть его флюксионов: это новое математическое обозначение волновой природы самой реальности. Если бы он владел твоим нестандартным анализом, то смог бы придать им четкую математическую форму, и коллеги поняли бы, о чем он хочет сказать. Но вышло так, что флюксионы приняли за жалкую попытку выкрутиться при определении производных, и ученые решили пойти по стопам Лейбница. Но ведь Ньютон говорил не просто о функциях и алгебре, речь шла об абсолютном и окончательном описании реальности. Вот в чем заключалась его алхимия.

— Ага, вот мы и до нее добрались! Какое это имеет отношение к алхимии?

— Да это же и есть алхимия! Сам посуди, современные ученые, верящие в частицы, даже не пытаются превратить свинец в золото. Как они смогут это сделать? Частицы — всегда частицы, неизменные по самой своей природе. Но предположим, что вместо свинца и золота имеются лишь различные структуры ряби на поверхности всемирной волны. Тогда, если оказать правильное воздействие, одну структуру можно превратить в другую. И я говорю не только о теоретической возможности. Я точно знаю, что для этого нужно сделать, и собираюсь это сделать!

— То есть вы действительно пытаетесь превратить свинец в золото? Да бросьте, даже если я и поверю, что вы это можете, разве нельзя найти более полезное применение для вашей новой науки?

— Конечно, конечно. Если сегодняшний эксперимент удастся, я займусь гораздо более масштабной задачей: созданием философского камня. Абсолютного, универсального вещества, не известного современной науке — квантовой суперпозиции резонансных структур всех элементов. Ньютон доказал его существование математически, но не смог придумать способ его получения. Все современные ему алхимики считали получение философского камня своей величайшей целью. Связанная с ним проблема Римана—Гильберта может оказаться настолько трудной, что даже тебе будет нелегко ее решить... но все это потом. Сегодня же нам надо превратить свинец в золото, потому что только так мы сможем привлечь внимание средств массовой информации.

— Что ж, тут я с вами, пожалуй, соглашусь, профессор Штейн. Если сегодняшний эксперимент окажется удачным и вы действительно

превратите свинец в золото, то завтра вы сможете пригласить сюда команду с телевидения и...

— Но они уже здесь! И сегодняшний эксперимент пройдет успешно. Как ты можешь в этом сомневаться? Ты ведь решил проблему последнего прыжка? В таком случае мы готовы!

Только сейчас я заметил яркий свет в гостиной. Когда я вошел в комнату следом за профессором и мои глаза привыкли к свету, я увидел нескольких репортеров и телеоператоров. Доктор Штейн подошел к компьютеру и начал вводить результаты моих ночных вычислений.

Высокий мужчина с огромной копной светло-каштановых волос и невероятно белыми зубами заговорил сразу, едва мы вошли:

— Я Том Кэннон, и я веду репортаж из дома профессора Франклина Штейна, профессора математики Мичиганского университета, который или гений, или законченный псих — в зависимости от того, во что вам хочется верить. Мы собрались здесь сегодня, потому что профессор Штейн утверждает, будто способен превратить свинец в золото методом старинной науки под названием «алхимия»...

Тем временем женщина азиатской внешности в короткой юбке бормотала в свой микрофон:

— Математический факультет отказался от комментариев, однако Питер Уоткинс, автор прошлогоднего бестселлера «Как планировать диету при похищении инопланетянами», настаивает, что метод профессора Штейна хорошо обоснован и обязательно даст впечатляющие результаты...

Но окончательно добили меня молодые внештатные репортеры местного кабельного канала, обсуждавшие меня и мою роль в сегодняшней впечатляющей демонстрации:

— По словам Штейна, Игорь Стравинский — не являющийся родственником знаменитого скрипача — сыграл ключевую роль в его исследованиях, решая проблемы Римана—Гильберта, то есть математические задачи про интегралы, типа тех, что попадались вам на уроках алгебры...

Пока я пытался спрятаться в дальнем углу, все взгляды (и камеры) устремились на доктора Штейна, начавшего свое большое шоу.

— Спасибо всем, кто пришел, чтобы стать свидетелем огромного рывка, совершенного человечеством в понимании Вселенной. — Тут он включил одну из тех жутковатых искрящихся машин, которые вы наверняка видели в старых ужастиках. Она стояла на кофейном столике, издавая жужжание и треск, когда искры поднимались по ней все выше

и выше, а затем неожиданно вернулись вниз. — Это путешествие началось давно, очень давно. Аль-хеми, подобно аль-джебре и даже аль-ко-голю, уходят корнями в тот период истории Аравии, когда здешние ученые были на переднем крае открытий. Но они знали о волновых явлениях недостаточно и не могли сделать надлежащие выводы. Поэтому это их великое открытие, подобно многим другим, затерялось во времени. Точно так же Исаак Ньютон, который наконец-то узнал достаточно, чтобы объединить главные идеи, не слишком хорошо разбирался в собственном изобретении, анализе бесконечно малых величин...

— Слушайте, док, — прервал его один из операторов, продемонстрировав, что, несмотря на притворную искренность, репортеры не испытывают к Штейну ни малейшего уважения. — У меня скоро пленка кончится. Вы можете взяться за дело и превратить свинец в золото, чтобы мы наконец-то смогли уехать?

Кое-кто из репортеров хихикнул, то ли при мысли, что они действительно могут увидеть превращение свинца в золото, то ли над грубым поведением оператора, но Штейн повел себя вежливо и эффективно. Он взял с кофейного столика серый металлический брусок и уронил его. Тот упал на пол с громким стуком.

— Это брусок свинца, — пояснил профессор. — А это генератор колебаний электромагнитного поля, — продолжил он, указывая на искрящую штукловину. — Я помещаю кусок свинца на эту вибрационную платформу, которая, как и генератор, управляется компьютером. Суть в том, что он заставляет брусок и электромагнитное поле вибрировать в соответствии с реальными и мнимыми частями найденного Игорем решения проблемы Римана—Гильберта, и поэтому...

Хотя я уже сидел в углу за креслом, при упоминании своего имени я попытался спрятаться еще дальше, надеясь, что Бека сегодня утром не смотрит телевизор. Но тут что-то начало происходить. Брусок стал очень быстро трястись, а искры заметались еще более хаотично. Затем само пространство словно искривилось, причем это искривление было заметно для взгляда. Пространственная рябь началась возле бруска, потом распространилась во всех направлениях, пройдя даже сквозь меня — очень странное было ощущение — и далее наружу сквозь стены.

Я был впечатлен! Выходит, профессор Штейн действительно знал, что делает. Во всяком случае, я так думал, пока не взглянул на него. Вид у него был весьма удивленный и озабоченный. Но вскоре он посмотрел на репортеров и улыбнулся, гордо демонстрируя вместо тусклого свинца блестящий брусок золота.

Репортеры на время утратили дар речи. Ожидаемого веселого репортажа о чуде-профессоре не получилось. Все в комнате, даже Штейн, только-только начали осознавать последствия того, что увидели. Но ощущение триумфа продлилось недолго.

Все началось с нескольких капель, но вскоре с люстры на нас уже лилась струя воды. На потолке угрожающе росли трещины.

Все бросились на улицу. И как раз вовремя — потолок рухнул, а через окно мы увидели, как гостиную заливают потоки воды.

То же происходило во всех домах вверх и вниз по улице. Мокрые люди выскакивали из домов, где их имущество заливало водой.

— Ничего не понимаю... — пробормотал Штейн. Негромко, но я услышал. Вид у него был жалкий, но я пребывал в отличном настроении, словно и в самом деле поучаствовал в чем-то стоящем.

— Трубы, доктор Штейн. В этих старых домах все еще остались свинцовые трубы, — пояснил я. — Вы превратили их в золотые, что в конечном итоге принесет домовладельцам солидную прибыль, но проблема в том, что прочность золота меньше, чем у свинца, и...

— Само собой, это мне известно, — огрызнулся он. — Но эксперимент должен был воздействовать только на брусок. А волне следовало рассеяться, не достигнув... если только... — На его лице отразились ужас и злость. Он схватил меня за плечи и спросил: — Решение последней проблемы... оно ведь было с компактным носителем?

— Ну... мне показалось, что такой прием работает не очень хорошо, — признался я, — поэтому на этот раз я использовал периодические граничные условия.

За его спиной я видел направляющуюся к нам разъяренную толпу, к которой уже присоединились репортеры местного канала. Насколько я мог судить, они не испытывали к нам благодарности за щедрый подарок в виде золотых канализационных труб.

— Смотря как на это взглянуть, — ответил он и улыбнулся, но морщинки появились только возле левого глаза. — Как по-твоему, какой эффект это окажет на весь мир, на технологию и на экономику, раз каждый атом свинца на планете теперь неожиданно превратился в золото?

**Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ**

© Alex Kasman. On the Quantum Theoretic Implications of Newton's Alchemy. 2007.

Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2007 году.

СТРОСИ У ТЫЛИ

В сказочном мире девочка отправляется на Север, чтобы расстроить планы коварной и прекрасной злодейки. Нет, это не «Снежная Королева». Семейный фильм вызывает протесты католиков. Нет, это не «Гарри Поттер». Путь в кинотеатры указывает «Золотой компас».

Создавая экранизацию первой книги трилогии Филипа Пуллмана «Темные начала», в New Line Cinema всячески подчеркивали преимущество этого проекта с «визитной карточкой» компании — кинотрилогией Питера Джексона. В рекламном ролике Кольцо Всевластья демонстративно превращалось в золотой компас. Один из центральных героев, бронированный медведь Йорек Бирниссон, в оригинале разговаривает голосом Йена «Гэндальфа» Маккеллена. В эпизоде появился Кристофер Ли.

Сценарист и постановщик Крис Уэйц, известный фривольной, но ультрапопулярной молодежной комедией «Американский пирог», был выбран, по слухам, из полусотни кандидатов. В результате Уэйц несколько раз покидал режиссерское кресло, мотивируя решение крайней сложностью задачи. И возвращался снова. А сложность была отнюдь не в освоении ста пятидесяти миллионов бюджета.

«Золотой компас» словно при-

зван был совместить визуальные наработки сразу двух поджанров: эпической фэнтези от New Line и бурно цветущей в последние годы подростковой фэнтези, где сериалом о Гарри Поттере задает планку студия-конкурент Warner Bros. Плюс налет «стимпанка», более характерного для аниме. Такой замах вполне отвечал эклектике текста Пуллмана. Однако мегазатратные подростковые сказки нового века часто снимаются в ключе, который не раз называли набором движущихся иллюстраций. В то же время «взрослое» направление допускает больший градус режиссерской свободы («Властелин Колец», «Звездная Пыль»). Уэйц, в основном, точно следует канонам «киноиллюстрации», почти дословно переносит фабулу на экран, хотя время от времени и переставляет события местами. Принципиальных отступлений от книги всего два.

Трилогию Пуллмана нередко называют богоборческим трактатом. Антиклерикальные выпады даже в первой, наименее острой, части

осознанные и яростные. В то же время это художественное произведение, и понимать его нужно, скорее, метафорически. Но как раз дети и подростки часто воспринимают книги буквально. Уэйц принял соломоново решение и большинство неполиткорректных моментов упрятал в подтекст, ясный только читавшим Пуллмана. Церкви в картине почти нет. Есть абстрактная тоталитарная организация Магистерийум, контролирующая все сферы жизни в альтернативной Англии: от науки до религии. Ее резиденция напоминает собор, но христианская символика отсутствует. Лишь самый неприятный персонаж носит имя фра Павел.

В «Золотом компасе» отсутствует и трагический книжный финал-перевертыш с его главным выводом о сущности загадочной субстанции под названием Пыль. Причем финал вырезан «по-живому», и действие обрывается на самом интересном месте. Этой удаленной сценой обещали открыть фильм-продолжение «Чудесный нож». Однако хлипкий бокс-офис — за две недели во внутреннем прокате ленты окупала всего около трети бюджета — поставил под сомнение съемки продолжения. Разве что мировые сборы как-то исправят ситуацию.

А посмотреть есть на что. Провалы в драматургии небезуспешно компенсируются спецэффектами и великолепным актерским составом. Невеликий хронометраж и густонаселенный образный мир не по-

мешали проявить мастерство Николь Кидман, Дэниелу Крэйгу и Сэму Эллиотту. А дебютантка Дакота Блю Ричардс (Лира) чувствует себя абсолютно свободно и перед камерой, и перед именитыми коллегами. Но внимание зрителя у живых актеров решительно отнимает одна из ключевых находок Пуллмана и мощнейшее выразительное средство — дэймоны, души героев в образе говорящих животных. Обаяние разношерстного зверья, дэймонов и панцербьернов, не снижает даже их отчетливо видимая «компьютерная» природа.

В «волшебном шкафу» политкорректности легко заводятся призрак. Картина вызвала резонанс не только у католиков, но и среди русскоязычных блоггеров. И неспроста: наемники-тартары носят казацкие шапки и говорят по-русски, а резиденция Магистерийума в Норвегии расписана православными ликами. Что за мешок с Пылью ударил создателей? Скорее всего, то самое «плутовство», как в одноименном фильме с Де Ниро («Что ты знаешь об албанцах? Кто им доверяет?»).

После всех «правок» фильм напоминает бронированного медведя, у которого отобрали броню и заставили выступать перед детьми на ярмарке. Или книгу, где вырвали все страницы, но сохранили обложку и картинки: понимай, как хочешь. Глазам — просторно, мыслям — тесно. Не потому ли хочется читать между строк?

Аркадий ШУШПАНОВ

МГЛА

(THE MIST)

Производство кинокомпании Darkwoods Productions.

Режиссер Фрэнк Дарабонт.

В ролях: Томас Джейн, Марсия Гей Харден, Лори Холден,

Андре Броэр, Тоби Джонс, Уильям Сэдлер, Крис Оуэн и др. 2 ч. 7 мин.

Очередной фильм Фрэнка Дарабонта заслуживает внимания хотя бы потому, что этот режиссер известен своими удачными экранизациями повестей одного из самых именитых писателей современности — Стивена Kinga. На счету режиссера «Побег из Шоушенка» (1994) и «Зеленая миля» (1999). На этот раз Дарабонт взялся экранизировать фантастическую повесть Kinga, известную у нас под названием «Туман» (прокатное название «Мгла» выбрали, очевидно, для того чтобы потенциальный кинозритель не перепутал новинку со старым классическим фильмом Джона Карпентера 1980 года «The Fog»). «Туман» Стивен King написал в том же 1980 году. В повести эксплуатируется довольно распространенный сюжет: сильная буря вызывает аварию на секретном военном объекте, после чего начинается нашествие кровожадных чудовищ из иного мира или измерения. Свидетелями нашествия становятся местные жители, наши современники, оказавшиеся запертыми в стенах супермаркета. Они не понимают, что происходит. Они ждут реакции властей, помощи, но извне, из загадочного тумана приходят только страшолудные монстры.

Дарабонт почти не отошел от исходного текста. С трепетом, на грани преклонения, он воспроизвел повесть Стивена Kinga эпизод за эпизодом: от разрушительной бури до заключительной сцены бегства из супермаркета. Бюджет в 17 миллионов долларов невелик для Голливуда, однако спецэффекты сделаны на хорошем уровне, мастерски поддерживается нарастающее напряжение, а некоторые «туманные» твари способны напугать даже искушенного зрителя.

Однако есть еще одно — финал. Его Дарабонт изменил в пользу неожиданной и запредельно жесткой концовки. И неуловимым образом эта концовка поменяла пафос, заложенный в сюжете повести. Оказалось, что спасутся не те, кто предпочел покинуть хлипкое убежище, стремясь найти нормальных людей в кошмарном мире, а как раз те, кто остался дожидаться помощи. Хотелось бы верить, что высшая правда на стороне Стивена Kinga, а не Фрэнка Дарабонта — ведь писатель все-таки оставлял здравомыслящим право на надежду.

Антон Первушин

30 ДНЕЙ НОЧИ

(30 DAYS OF NIGHT)

Производство компаний Ghost House Pictures
и Dark Horse Entertainment, 2007.

Режиссер Дэвид Слэйд.

В ролях: Джош Харнетт, Мелисса Джордж, Дэнни Хьюстон,
Бен Фостер и др. 1 ч. 56 мин.

Каждую зиму миленький городок Бэрроу (штат Аляска) погружается на месяц во тьму. Что и говорить, идеальное время и место для появления разной нечисти, например, кровососущей. Солнце не светит, городок отрезан от внешнего мира, мобильные телефоны сожжены, собаки убиты. Пей кровь — не хочу. А с бравым местным шерифом (Джош Харнетт) и его бывшей подружкой (Мелисса Джордж) как-нибудь разберемся.

Кузница современных киноужасов — компания Ghost House Pictures — в очередной раз решила пощекотать нервы зрителям, взяв за основу мрачный комикс. И, наверное, именно первоисточник явился главной причиной провала. Причем именно художественной неудачи, а не только хоррор-части: к отсутствию саспенса в таких картинах все уже давно привыкли. Как часто бывает во время подобных экранизаций, многие моменты остаются за кадром — там, на ярких страничках. Откуда появились вампиры? Почему в этот год, а не в другой? И что их пробудило? И как они нашли приспешника среди людей? За два часа экранного времени никто так и не ответил на эти вопросы, но при этом зрителя снова кормили штампами вроде: «Перестань, вампиров не существует».

Можно было бы простить невнятность повествования, если бы фильм подарил хотя бы секунду напряжения. Но его, к сожалению, нет. Как нет и «нового слова» о вампирах. У создателей фильма получились обыкновенные современные кровососы, которых — как повелось в новом веке — не взять на испуг ни распятием, ни осиновым колом. Кстати, никто из героев даже и не думал брызгать на них святой водой и размахивать перед их окровавленными рожками крестами. А вдруг помогло бы?

Дэвид Слэйд снял фильм-ожидание, и ожидание это не оправдалось. Каждый раз, когда градус действия заметно повышается и кажется, что еще мгновение, и станет страшно, режиссер по неизвестной причине немедленно гасит напряжение, переключаясь на другую сцену.

Степан Кайманов

МАРСИАНСКИЙ РЕБЕНОК

(MARTIAN CHILD)

Производство компании New Line Cinema, 2007.

Режиссер Менно Мейджес.

В ролях: Джон Кьюсак, Бобби Коулман, Аманда Питт, Джоан Кьюсак и др. 1 ч. 48 мин.

Российским читателям фантастики Дэвид Герролд знаком прежде всего как автор издававшегося у нас цикла романов о войне с Хтором. Любителем кино писатель известен сценариями отдельных серий «Стар Трека», «Скользящих», «Сумеречной зоны», «Вавилон-5». Для англоязычных читателей визитной карточкой Дэвида Герролда стала короткая повесть «Марсианский ребенок»: в 1994—1995 годах это произведение завоевало все самые престижные литературные премии — «Хьюго», «Небьюлу», «Локус».

Главным героем повести является... писатель-фантаст Дэвид Герролд. Правда, здесь он Дэвид Гордон (Джон Кьюсак). После смерти жены он решает усыновить какого-нибудь ребенка. Его выбор весьма необычен: шестилетний Деннис (Бобби Коулман) считает, что прибыл с Марса с некоей миссией, боится солнечных лучей, днем живет в картонной коробке и, чтобы не улететь, носит утяжеляющий пояс. Мальчик совершенно не адаптирован в обществе, уже несколько семей отказалось от него. Проницательный любитель фантастики тут же смекнет: мальчишка на самом деле с Марса. Ан нет, даже несмотря на некоторые фокусы в стиле детей-индиго, совершенно непонятно, так ли все обстоит на самом деле. Впрочем, фильм (и повесть) совсем не о том. Центральной становится проблема взаимопонимания людей. А ведь каждый ребенок по-своему «инопланетянин», и, заставляя его «быть как все», можно сломать личность.

Любителям эффектного «мегаблокбастерного» кино этот фильм смотреть не рекомендуется. Поклонники же неглупой мелодрамы останутся довольны. В главных ролях задействованы голливудские звезды «средней руки», что, пожалуй, способно спасти фильм от финансового краха, практически неизбежно висящего «дамочловым мечом» над картинами такого рода.

При всех формальных жанровых признаках «Марсианский ребенок» — вещь, скорее, автобиографическая. Дэвид Герролд в 1992 году сам усыновил восьмилетнего мальчишку Шона и знаком с проблемами взаимопонимания взрослого и ребенка не понаслышке.

Тимофей Озеров

ВНУТРЕННЯЯ ИМПЕРИЯ

(INLAND EMPIRE)

Производство StudioCanal (Франция) и Camerimage (США), 2007. Режиссер Дэвид Линч.

В ролях: Лора Дерн, Джереми Айронз, Джастин Теру, Гарри Дин Стэнтон. 2 ч. 52 мин.

Отношения американского режиссера Дэвида Линча с фантастическим жанром всегда складывались неординарно. С одной стороны, то, что снимает Линч, невозможно назвать реализмом: почти во всех его картинах нам показывают что-то невероятное, небывалое. С другой стороны, за редкими исключениями («Дюна», «Твин Пикс»), это и фантастикой-то трудно считать — настолько запутанным и вызывающе алогичным выглядит киноповествование. Единственное, в чем зритель может быть уверен после просмотра, так это в том, что наша реальность зыбка, переменчива, чревата сюрпризами, «совы — не то, чем они кажутся».

Новейшая картина Линча «ВНУТРЕННЯЯ ИМПЕРИЯ» (режиссер настаивает, чтобы название писали прописными буквами, — только не спрашивайте почему) ожидаемым образом балансирует на грани фантастики и сюрреализма. Все начинается как рассказ о съемках некоей криминально-любовной истории. Потом оказывается, что это уже вторая попытка снять подобный фильм, а в первый раз случилась какая-то трагедия. Затем зритель узнает, что в основе сценария — легенда польского цыгана, а над фильмом тяготее цыганское проклятие. Через некоторое время на экране творится уже подлинный бедлам — с временными петлями, перемещениями в пространстве, внезапной сменой стилей (нам начинают показывать ту же историю, как если бы ее снимали в Польше в 1930-е). Добавим линчевский рваный монтаж (кадры из будущего перемешаны с кадрами из прошлого) и его же фирменный «черный вигвам», который в этой картине населен людьми-кроликами довольно жуткого вида, — и представление о «ВНУТРЕННЕЙ ИМПЕРИИ» будет более-менее полным...

Рецензент, однако, вовсе не собирается обвинять режиссера в плутовстве, как, может быть, подумали некоторые. Этот пафосный трехчасовой киносалат обретает стройность и ясность, если на минуточку включить собственное воображение. Скажем, если допустить, что речь идет о параллельных реальностях, «ключик» к которым находится в голове персонажа... Да, подобной гипотезы в ленте нет, ее надо придумать самому. Но кто сказал, что недосказанность — это недостаток?

Александр Ройфе

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СОЛДАТЫ

(UNIVERSAL SOLDIERS)

Производство компаний The Asylum и The Global Asylum, 2007.

Режиссер Грифф Фест.

В ролях: Кристен Куинтралл, Дарио Дек, Джейсон С. Грэй, Джастин Джонс, Рэнди Малки, Ноэль Турман, Анджела Виталий и др.
1 ч. 22 мин.

В рейтинге самых отвратительных фильмов — пополнение!

Такое событие нельзя пропустить — оказывается, есть еще режиссеры, которым не дают покоя лавры Уве Болла. Вот он, новый апостол — актер малобюджетного кино Грифф Фест. Его лента, наглейшим образом использующая брэнд «универсального солдата», способна безоговорочно взять приз за самое безобразное сочетание режиссерской, операторской и актерской работ. Монтаж — ниже всякой критики. Сюжета как такового нет совсем. Полуторачасовое действие — невероятно растянутый по времени римейк двухминутного перемещения группы морпехов по пересеченной местности.

О сюжетной линии приходится догадываться по отдельным репликам персонажей — едва успевающим открыть рот, перед тем как быть уничтоженными самыми несуразными способами. На некоем острове, в некоей лаборатории, некие ученые на основе трупов спецназовцев создают новых сверхсолдат. По три механизированных супервоина вырвались на свободу, предварительно уничтожив почти всех сотрудников лаборатории, чтобы затем с методичностью метронома ухайдакивать оставшихся. А убиваемые персонажи (героями их назвать язык не поворачивается) на протяжении всего фильма бегают и орут, бессильно пытаясь добраться до главного компьютера. Убиваются они как картонные человечки и ведут себя подобно неуравновешенным психам на природе.

Столь тупых андроидов зритель не видел никогда. В целом, видео ролевых игр «по мотивам», снятые на камеры miniDV, куда более профессиональны.

Винегрет из «У холмов есть глаза» и оригинального «Универсального солдата» с «Терминатором», «Судьей Дреддом», «Робокопом» и «Хищником». По три минуты от каждого оказались самыми узнаваемыми моментами, снятыми, вероятно, для того чтобы хоть как-то удержать редких зрителей у экрана.

Вячеслав Яшин

ПЁС С НАМИ

(UNDERDOG)

Производство компаний Walt Disney Pictures и Spyglass Entertainment, 2007.

Режиссер Фредерик Дю Шо.

В ролях: Джеймс Белуши, Алекс Нойбергер, Джейсон Ли, Питер Динклэдж. 1 ч. 24 мин.

Крутой коп Джеймс Белуши и полицейский пес искореняют преступность на улицах родного города. Что это — очередное продолжение «Собачьей работы»? Харизматичный персонаж в развевающемся плаще рассекает воздух над головами, сея недоумение: это птица? это самолет?... Это — «Супермен»? Пилюли, одна из которых открывает невиданные возможности, а другая снова превращает в простого обывателя... «Матрица»? Нет, новая комедия от студии Диснея «Пёс с нами».

После очередной оплошности пес-неудачник (именно так, кстати — «неудачник, аутсайдер» — переводится оригинальное название картины) уходит из полиции и попадает в лабораторию безумного доктора Саймона Барсинистера. Катастрофа, которой обернулось его участие в эксперименте, не только уничтожила лабораторию, но и подарила псу сверхспособности: отныне он невероятно силен, умеет летать и говорить. Первая же победа над уличными грабителями убеждает, что призвание бывшей ищейки — бороться со злом, скрывая до поры свою сверхъестественную сущность под маской доброй и ласковой, но не очень умной псины.

Вряд ли можно было найти режиссера, способного справиться с превращением в кинофильм культового мультсериала шестидесятых лучше, чем бельгиец Фредерик Дю Шо. Фильмография этого режиссера невелика, однако в ней нашлось место и замечательному полнометражному мультфильму «Волшебный меч», и картине о животных «Бешеные скачки» (по собственному сценарию). Прекрасное владение языками анимации и игрового кино позволило режиссеру легко перевести историю суперсобаки с одного на другой, сохранив пародийную интонацию и сумев избежать назидательности, столь раздражающей в фильмах для семейного просмотра.

Совет: обязательно досмотрите титры до конца: «неудачные» дубли фильма и залихватский рэп в исполнении актера и музыканта Кайла Мэсси — это несколько дополнительных минут здорового смеха.

Сергей Цветков

БЕСКОНЕЧНОЕ ШОУ

Долгое время максимальное использование специфических возможностей НФ оставалось прерогативой прежде всего кинофантастики. Однако развитие компьютерных технологий, значительно удешевивших спецэффекты, появление технических новшеств (например, «телевидения высокого разрешения») и готовность финансировать дорогостоящие проекты со стороны телекомпаний подняли фантастические телесериалы на новый уровень.

Старты — каждый вечер

Ярким примером «новой волны» фантастических сериалов сегодня является «Боевой крейсер «Галактика» (Battlestar Galactica) — один из наиболее успешных и популярных проектов. Действие разворачивается в космосе, наследуя славные традиции известных произведений Джина Родденберри сотоварищи. Такая наследственность объясняется весьма просто: «Боевой крейсер «Галактика» является своеобразным римейком одноименного сериала, вышедшего в конце семидесятых годов прошлого века. Однако отличия от предшественника существенны. Они касаются и сюжетной линии, и спецэффектов, соответствующих по качеству фантастическим фильмам «средней руки», и, главное — общей атмосфере, ставшей куда как более

мрачной и реалистичной. Уже трехчасовой «пилот», предваряющий сериал, задал тон происходящему, рассказав о столкновении с сайлонами (кибернетическими организмами, некогда созданными людьми) не как о приключении с оптимистическим финалом в духе «Звездного пути», но о жесткой военной истории. Еще более бруталным повествование становится, когда начинается рассказ о попытке спасения на крейсере «Галактика» немногочисленных выживших после сайлонского блиц-крига и об оккупации одной из двенадцати колоний Кобола — Каприки. Отошел римейк и от некоторой прямолинейности оригинала, введя дополнительную сюжетную интригу, связанную с пребыванием среди людей замаскированных агентов сайлонов. История выживания

человечества, сражений в космосе и на оккупированной планете, растянувшаяся вот уже на три сезона и несколько промежуточных серий, скоро должна закончиться, если верить создателям. Впрочем, последние уже вынашивают замысел сериала-приквела, в котором будет рассказано о жизни в двенадцати колониях до атаки сайлонов.

Еще одна космическая история рассказывается в сериале «Светлячок», заслужившем статус культового среди фанатов. Успех цикла обусловлен прежде всего переносом культуры, реалий, сюжетов и типажей Дикого Запада в иные звездные системы — ход прямолинейный и не сказать, чтобы новаторский. Достаточно вспомнить Хану Соло и его корабль «Тысячелетний сокол». Действие происходит после масштабной войны, и хотя понятие Севера и Юга для космических сражений неприменимо, создатели сериала недвусмысленно отсылают именно к этому периоду истории.

Солдат, воевавший на стороне проигравших, собирает команду на корабль «Светлячок», и с ней путешествует с планеты на планету, зарабатывая деньги или экспроприируя экспроприаторов, а также, где возможно, оказывая сопротивление новому порядку, злу и несправедливости. Как и подobaет межзвездной версии благородных ковбоев. Классические

сюжеты, пусть и разыгранные в новых декорациях, а также запоминающиеся члены команды «Светлячка» не убергли сериал от закрытия. Но напор огромного количества фанатов оказался столь велик, что создателю сериала Джосу Уэдону позволили завершить историю полнометражным фильмом «Миссия «Серени-ти», аккуратно подводящем итоги всех сюжетных линий, но в качестве отдельного произведения никакого интереса не представляющим и для не смотревших сериал малопонятным.

Любопытно, как изменялся со временем посыл наиболее популярных сериалов, действие которых происходит в межзвездных просторах. Так, на смену лентам, проникнутым жизнеутверждающим пафосом, романтикой освоения космоса и верой в сотрудничество различных цивилизаций, ведущим зрителей туда, где не ступала нога человека (ярким примером является «Звездный путь»), пришли сериалы, представляющие космос ареной столкновения интересов рас, подчас не скрывающих своей враждебности друг к другу («Вавилон-5» Джозефа Майкла Стражински). Ныне же основной темой является даже не соперничество, а противостояние, причем вооруженное. Как говорится, налицо тенденция. И характерная не только для космических пространств.

Извне

Мини-сериал (всего-то десять серий) «Похищенные» (Taken, 2002), спродюсированный Стивеном Спилбергом, рассказывал о людях, украденных инопланетянами. Тема Контакта является магистральной в творчестве Спилберга, ей посвящен фильм «Ближние контакты третьего рода». И сериал — своеобразный перепев «Ближних контактов» — расширяет действие во времени и пространстве. Герои сериала — несколько поколений семей, чьи судьбы тесно переплелись после известной катастрофы НЛО над Розуэллом 2 июня 1947 года. С этой точки отсчета и до наших дней одни преследуют пострадавших от похищения, другие скрываются и стараются вернуться к нормальной жизни. «Похищенные» пусть и не продолжают напрямую сюжеты фильмов самого Спилберга, но вполне наследуют тематику и даже моральные оценки начального периода его творчества, последовательно и однозначно выступая на стороне семей, против вмешательства и насилия со стороны государства (стоит напомнить, что этому посвящен первый фильм режиссера «Шугарлендский экспресс»). Кроме того, замысел сериала позволяет показать жизнь простых американцев на протяжении нескольких поколений и предаться ностальгии по ушедшим време-

нам. На фоне торжества семейных ценностей (а вот плохие парни одновременно и плохие семьянины, если это подходящий эпитет, например, для женоубийцы) и связи поколений закономерно, что конфликт между военными и гражданами завершается в пользу последних, а инопланетяне оказываются благодушными и высокоразвитыми созданиями, желающими людям и человечеству только добра. Сериал стал своего рода квинтэссенцией первых фильмов Спилберга и проникнут их атмосферой. И одновременно выглядит прощальным поклоном режиссера, так как следующие его картины отошли от однозначности моральных оценок и заметно помрачнели. Достаточно вспомнить «Войну миров», чтобы заметить, как поменялись роли военных, гражданских и инопланетных участников. К слову, исполнительница главной роли в сериале юная Дакота Фэннинг переключалась и в «Войну миров», сыграв в фильме дочь главного героя.

Значительно меньше похищенных фигурирует в сериале «4400». Сюжетная завязка заключается в возвращении людей, в разное время исчезнувших из жизни и теперь вернувшихся со сверхвозможностями. Проект, ставший одной из редких продюсерских удач компании Фрэнсиса Форда Coppoly «American Zoetrope», ос-

нован на смешении известных и достаточно традиционных элементов. Сериал начинается с эпизодов, в которых речь идет о расследовании парой спецagentов (разумеется, разнополых) загадочных происшествий, связанных с кем-либо из четырех тысяч четырехсот возвращенных. Однако затем сюжет сворачивает с дороги, проложенной и исхоженной «Секретными материалами», выгодно отличаясь от последних не столько изначальной посылкой (на сей раз в деле замешаны не инопланетяне, а наши далекие потомки, старающиеся предотвратить ужасную катастрофу), сколько большей связанностью серий, последовательно, практически не отвлекаясь на вставные эпизоды, рассказывающих одну историю, а также обращением к семейным ценностям (пусть и не столь прямолинейном, как в «Похищенных»). По мере развития повествования появляются и предсказатели будущего, и уникальные целители, и ребенок с мессианскими способностями, и секта с неопределенными целями. Такая конструкция оказалась на удивление жизнеспособной и просуществовала к настоящему моменту вот уже четыре сезона. К последнему сезону фильм несколько сдал, но подобная продолжительность свойственна многим.

В один год с «Похищенными» вышел еще один сериал, рассказы-

вающий об инопланетянах и заговорах — «Одиссея-5» (Odyssey-5). В центре повествования пятеро астронавтов, оказавшихся случайными свидетелями гибели нашей планеты. Они были спасены таинственным существом, которое отправило их на несколько лет в прошлое — предотвратить катастрофу. Пилотная серия установила высокую планку: запоминающиеся персонажи (роль командира экипажа Чака Таггарта исполнил Питер Уэллер, он же выступил в качестве режиссера нескольких эпизодов), удачные диалоги, нетривиальная интрига — все давало основания надеяться на появление новой интересной научно-фантастической ленты. Тем более, что продюсером «Одиссеи» был Мэнни Кото, причастный к созданию «Звездного пути» и сериала «24». К сожалению, эти надежды остались нереализованными. После нескольких первых серий, в которых команда астронавтов отправилась по следам таинственного проекта «Левиафан», виновного в гибели Земли, единая нить повествования расплетается на малосвязанные сюжеты с явным стремлением превратиться из «горизонтального» цикла, рассказывающего цельную историю, в «вертикальный», объединяющий самостоятельные эпизоды. И герои, и сценаристы, казалось, забыли о необходимости спасения родной планеты, увлекшись игрой в «секретные материа-

лы». И запоздалая попытка вернуть истории связанность и динамизм, увы, была пресечена в самом ее начале — из-за падения рейтинга проект был закрыт. Причем, как говорится, «на самом интересном месте» — после обнаружения космического артефакта, вокруг которого сплетался клубок правительственных и инопланетных заговоров.

Еще одно столкновение с загадочными пришельцами, также обернувшееся неудачей (не общечеловеческой, а телевизионной), описывается в сериале «Предел» (Threshold). На этот раз все прямолинейно и традиционно: команда, собранная из ученых всех мастей, во главе с отважной предводительницей (ее роль исполнила Карла Гуджино, наиболее известная по своим ролям в фильмах «Дети-шпионы») расследует случаи контактов враждебного свойства, выявляя стоящую за ними силу и ее намерения. Попытка привнести в фильмы элементы науки себя не оправдала, драматургия и сюжет были, в общем-то, банальны, и неудивительно, что цикл быстро свернули. И если несостоявшийся финал «Одиссеи» вызывает интерес, то о закрытии «Предела» жалеть совершенно не стоит.

Сверхъестественное рядом

Любопытный пример научного (насколько это возможно для

телевидения) фантастического телесериала — «Поверхность» (Surface). Его создатели обратили внимание не на космические дали или потусторонние миры, а на океанские глубины, скрывающие, по их мнению, не известных современной науке существ. Впрочем, появление этих существ (одно из которых было найдено и воспитывалось подростком) оказывается лишь предвестником грандиозных природных катаклизмов, с красочного представления коих начинается каждый эпизод сериала. «Поверхность» была показана по одному из федеральных телеканалов — что интересно, без последней серии, в которой морские пучины скрыли не только свои порождения, но и значительную часть суши.

Однако создатели сериалов снимают покровы тайны не только с морских обитателей. В центре внимания «Эврики» (Eureka) — закрытый от посторонних глаз городок, где живут и работают великие умы и большие ученые, разгадывая научные загадки на благо своей страны. Своеобразный вариант «шарашки» на американский манер. Действие сдобрено детективным сюжетом и предназначено для семейного просмотра, а скорее, даже для зрителей младшего и среднего школьного возраста. Любопытен фильм прежде всего своим отношением к науке и фантастическим изобре-

тениям, характерным для Золотого века американской фантастики, а именно верой во всемогущество науки. На сегодняшний день такое отношение выглядит, конечно, милым архаизмом, что и адресует цикл прежде всего подрастающему поколению. Сама идея подобного города отражает не современное «состояние умов», а представление о будущем, каким оно виделось в пятидесятые годы прошлого века.

Более соответствует настоящим умонастроениям другой город — в одноименном фильме «Иерихон» (Jericho), — ставший местом действия цикла, рассказывающего о горожанах, выживших после настоящей или мнимой ядерной войны. Идея получила достойное воплощение, однако сериал остался без завершения, хотя периодически и появляются слухи о выпуске последнего эпизода, раскрывающего все сюжетные тайны.

Вообще, маленькие провинциальные города с трудно определяемым местонахождением — одно из излюбленных мест, где разворачивается действие сериалов. Один из таких городков с говорящим названием Смолвилль стал малой родиной для Кларка Кента, более известного под своим звучным псевдонимом.

«Тайны Смолвилля» (Smallville) рассказывают о молодых годах и первых свершениях Супермена. Стоит отметить, что в этом (и ему по-

добных) сериале фантастика отступает на второй план, фильмы живописуют школьные будни и проблемы сверхспособного подростка. По такой же схеме выстроен, например, сериал «Kyle XY», главный герой которого — подросток, родства не помнящий, но обладающий многими сверхчеловеческими умениями.

Сразу несколько героев, наделенных кто способностью путешествовать во времени, кто даром левитации, кто умением мгновенно заживлять раны, объединились в популярной ленте «Герои» (Heroes). А недавно к этой череде супергероев добавилась «Бионическая женщина» (Bionic Woman).

Чужие хроники

Широко распространенная коммерческая практика полной выработки золотых жил, связанных с успешными кинопроектами, проявилась не только в выпуске сувенирной продукции, но и в попытках — разной степени успешности — перевода блокбастеров в телеформат. Из числа последних заметных проектов такого рода стоит упомянуть пилот саги «Хроники Сары Коннор» (The Sarah Connor Chronicles), замечательной еще одной попыткой «вливать новую струю» в классическую дилогию Камерона. Пилотная серия описывает школьные годы Джона Коннора, но по сравнению с «Тайнами Смолвилля» подходит к делу более

решительно. В качестве защитника Коннора выступает девушка-терминатор; игры с путешествиями во времени становятся более изощренными, и количество перестрелок скорее соответствует полноценному фильму, нежели сериалу.

Также стоит упомянуть пилот сериала по мотивам цикла о мире Реки Филипа Хосе Фармера, оказавшийся на удивление беспомощным и, к сожалению, не получивший развития. Хотя к его созданию приложил руку Алекс Пройас — режиссер потрясающих картин «Темный город» и «Я, робот».

Помимо оригинальных переложений в телевизионный формат идей, сюжетов и персонажей блокбастеров основой для сериалов становились и литературные источники. Здесь прежде всего необходимо упомянуть небольшой по количеству серий проект «Мастера научной фантастики» (Masters of science fiction), в рамках которого были экранизированы рассказы Роберта Хайнлайна, Харлана Эллисона, Джона Кессела и Говарда Фэста — авторов, отечественному любителю фантастики известных. Помимо четырех вышедших в эфир теленовелл, еще две экранизации предназначены для выпуска сразу на видео.

Карнавал мертвецов

Распространенная тема борьбы Добра и Зла, сил Света и Тьмы

находит оригинальное воплощение в еще одном достойном упоминания телесериале — «Карнавал». Проект лишен легковесности многих своих собратьев. Его действие происходит в Соединенных Штатах в годы Великой Депрессии, и безрадостная, тяжелая атмосфера того времени отлично передана создателями. В эту атмосферу органично вписался блуждающий цирк с карликами, уродцами и другими существами печального облика. Не осталась обойденной вниманием и тематика карт Таро, вносящая еще одно дополнительное измерение. Хорошо передает настроение проекта и тот факт, что антагонистом главного героя, обладающего паранормальными способностями и использующего их на благо людей, выступает священник. Впрочем, диспозиция сил в этом сериале выясняется не сразу. Цикл, насыщенный символами и густо замешанный на мрачных настроениях Великой Депрессии, продержался два сезона и, несмотря на наличие преданных поклонников, был закрыт — по официальной формулировке «из-за высокой стоимости производства».

Еще один заметный проект, рассказывающий о традиционном противостоянии, — «Сверхъестественное». Создатели саги не стали проявлять оригинальность в выборе главных героев и использовали традиционную схему, оп-

ределив на роли борцов с отбросами потустороннего мира напарников — братьев Винчестеров. Их похождения представлены с мягким юмором и сдобрены ностальгическим саундтреком из хитов старого доброго рока вроде AC/DC. Вызывающие симпатию персонажи, ненавязчивые шутки и отсутствие псевдосерьезных философских проблем в веселом и рисковом деле уничтожения злобных призраков, вампиров и вервольфов обеспечили сериалу заслуженную популярность.

Взгляд с другой стороны потустороннего мира предложили зрителям создатели фильма «Мертвые, как я» (Dead Like Me), главная героиня которого — мертвая девочка с непростой судьбой. Задачей юной героини является сбор человеческих душ. Весь пропитанный черным юмором (к слову, смерть девочки приняла от сиденья туалета безвременно утопшей станции «Мир») сериал рассказывает о простых и сложных радостях жизни. Продолжают тему «Мертвые до востребования» (Pushing Daisies) от одного из создателей «Мертвых, как я». Теперь в центре сюжета молодой человек, способный оживлять покойников (с соблюдением ряда условий, одно из которых — не прикасаться к ожившим), и его незадачливая усопшая девушка. Наследственность налицо. Не случайно еще одним продюсером сериала стал

известный любитель черного юмора Барри Зонненфельд.

В эфире

Ряд любопытных проектов значительно выиграл в результате появления в качестве телесериала, а некоторые и вовсе только таким образом могли быть реализованы. Оптимальным телевизионный формат оказался для многосерийного телефильма «Новый день» (Day Break). Идея картины заключается в повторении в различных вариациях одного дня из жизни чернокожего полицейского. В этот день ему предстоит, руководствуясь все новыми знаниями, раскрыть преступление и спасти собственную жизнь. Совмещение компьютерного квеста и идеи из «Дня Сурка» оказалось удачным. По мере развития технологий такие сюжеты могут стать основой для интерактивного телевидения. Хотя сегодня телезритель способен выразить свое мнение в различных ток-шоу и игровых проектах, можно не сомневаться: принцип интерактивности проникнет и в художественные проекты, что для сериалов станет закономерным развитием. К слову, фантасты уже давно разработали эту тему — интересующихся отсылаю, например, к рассказу Алана Дина Фостера «А что они будут делать дальше?».

Стоит упомянуть сериал «24», вот уже несколько лет с успехом демонстрирующийся в Америке

и рассказывающий о противостоянии специального агента Джека Бауэра (его роль исполняет Кифер Сазерленд, любителям фантастики знакомый, прежде всего, по уже упоминавшемуся фильму «Темный город») негодням всех возможных мастей, порывающихся то убить американского президента, то взорвать в Лос-Анджелесе атомную бомбу... С каждым новым сезоном время действия сериала все больше отдаляется от нашего и моделирует возможные военные и геополитические конфликты ближайшего будущего, напоминая этим техно-триллеры наподобие романов Тома Клэнси.

Отчасти востребованности сериала способствовало время его появления — первый эфир состоялся спустя всего два месяца после террористического акта 11 сентября 2001 года. Впрочем, очевидная идеологическая подоплека (к слову, не помешавшая продемонстрировать первый сезон цикла по одному из отечественных федеральных телеканалов) сыграла второстепенную роль в заслуженном успехе проекта. К его основным достоинствам следует отнести непрерывное действие, развивающееся столь быстро, что очевидные сценарные огрехи остаются незамеченными, законченную в рамках сезона историю и, главное, формат, выбранный его создателями. По их замыслу вся

история от начала и до конца занимает ровно 24 часа, причем экранный хронометраж соответствует реальному времени, и каждая из 24 серий сезона (вместе с предусмотрительно учтенными рекламными вставками) длится один час. Это новшество создает много трудностей сценаристам и усиливает эффект погружения для зрителей. Еще одной отличительной особенностью фильма является и непривычно высокий для телевидения уровень насилия, которого не избегают ни противники главного героя, ни он сам (чего стоит сцена, в которой Бауэр хладнокровно отрубает руку своему напарнику — разумеется, из лучших побуждений).

Пожалуй, самым нашумевшим и грандиозным фантастическим телепроектом является «Остаться в живых» (Lost). История пассажиров авиалайнера, выживших в катастрофе и оказавшихся на таинственном острове, вместила в себя множество жанров и сюжетных линий. Свыше десятка персонажей, у каждого из которых есть за плечами свой «скелет в шкафу» — благодатное поле для работы сценариста. Ограничив место действия саги пространством острова, создатели смело обратились к прошлому персонажей, что позволило привнести в фильм и любовные, и криминальные нотки. Переплетая судьбы героев, связывая прошлое и настоя-

щее, сериал подводит к мысли, что его лейтмотивом является возмездие и воздаяние. Действительно, поступки и последствия играют важную роль. Однако главной загадкой («макгаффином» в терминологии Альфреда Хичкока) остается загадка самого острова с его странными существами, подземными бункерами, научными лабораториями. Поддерживая интригу, каждый сезон заканчивается намеком на раскрытие истинного положения дел, а следующий подбрасывает новые головоломки. Предполагаемые варианты разгадки находятся в широком диапазоне от традиционного варианта, что все происходящее является грезами одного из персонажей (имеет под собой основания, так как события подчас развиваются сообразно логике сновидений), до версий о вмешательстве инопланетян или уникальном живом организме, каковым является остров. По уверениям сценаристов, у них есть рациональное объяснение всему происходящему на острове, однако верить в это с трудом. Кто знает, не затруднениями ли в поисках этого самого рационального объяснения и стремлением отсрочить неизбежный разоблачающий финал вызвана недавняя забастовка сценаристов?

Так или иначе «Lost» является красноречивым образчиком дорогостоящего (известно, что съем-

ки только эпизода авиакатастрофы обошлись в весьма значительную сумму) фантастического сериала.

Финальный отчет

С учетом все возрастающей популярности телепроектов и усиливающейся конкуренции телевизионных сетей США закономерным будет увеличение финансирования производства сериалов. И вот что интересно. Именно среди фантастических фильмов с наибольшей вероятностью следует ожидать качественного рывка вперед. Ведь если для ситкомов, традиционных «мыльных» сериалов из жизни подростков и семейных династий, а также различных медицинских историй, увеличение производственных бюджетов скажется прежде всего на повышении актерских ставок и оплате других участников творческого процесса и слабо повлияет на качество производимого продукта, то для циклов фантастических это приведет к увеличению зрелищности, которая, как ни крути, является их неотъемлемой составляющей. Значит, можно надеяться на то, что в ближайшем будущем нас ждет еще немало интересных фантастических проектов, в том числе и способных составить достойную конкуренцию прокатной кинофантастике.

Сергей МАКСИМОВ

ЛИДЕРЫ 2007

Предлагаем вашему вниманию рейтинг самых кассовых фантастических фильмов прошлого года.

Прошедший 2007 год оказался более или менее удачным для жанрового кинематографа: немало фильмов преодолело кассовый рубеж в \$25 млн. Впрочем, из-за роста цен на билеты посещаемость таких лент не превышает даже четырех миллионов зрителей... Но следовало бы отметить и тот факт, что сразу четыре картины превзошли трехсотмиллионную отметку сборов в прокате США, а пятая, «Гарри Поттер и орден Феникса», почти приблизилась к ней. Однако, если внимательно разобраться, зрительский успех этих фильмов колеблется в пределах 40—50 млн человек. При сравнении с результатами посещения в прошлые десятилетия выяснится, что нынешнего «Человека-Паука 3» посмотрели 49,7 млн, как и «Близкие контакты третьего вида» Стивена Спилберга. Даже «День Независимости» имел 11 лет назад почти семидесятимиллионную аудиторию. Чего уж говорить о «Звездных войнах» и «Инопланетянине», которые покорили рубеж в 100 млн зрителей!

В 2007 году оказалась более плотной группа картин, собравших в американском прокате от 50 до 100 млн долларов. Но в то же время бросается в глаза отсутствие в списке лент в пределах от 100 до 200 млн — при том, что бюджеты фильмов стремительно росли. Если и на анимационный «Шрек Третий» было потрачено \$160 млн, а «Пираты Карибского моря: На краю света» вообще поднялись к сумме \$300 млн, то скоро следует, по всей видимости, ждать штурма полумиллиардной отметки по затратам на производство. Последняя из упомянутых картин хотя бы окупилась более чем в три раза в мировом прокате, а вот показатели «Золотого компаса» следует считать провальными. В «минусе» также остались высокобюджетные ленты «Дитя человеческое» и «Эван Всемогущий». Зато предпочтительнее результаты не столь уж дорогих мистических триллеров: «1408», «Предчувствие», «Лабиринт Фавна» и «Посланники». Они смогли превзойти собственные бюджеты в 4—5 раз.

В нижеследующем перечне знаком * помечены ленты, вышедшие под занавес 2006 года. Фильмы, прокат которых еще продолжается, помечены знаком **. Данные по картинам 2007 года приведены по состоянию на 16 декабря.

1. «Человек-Паук 3: Враг в отражении» (Spider-Man 3), фантастический комикс Сэма Рейми, бюджет — \$258 млн, кассовые сборы в США —

\$336,5 млн, посещаемость в США — 49,7 млн зрителей, кассовые сборы в мире — **\$890,9 млн**.

2. «Шрек Третий» (Shrek the Third), анимационная фантазия Криса Миллера, \$160 млн, **\$321 млн**, 47,4 млн зрителей, **\$794,95 млн**.

3. «Трансформеры» (Transformers), фантастический комикс Майкла Бэя, \$150 млн, **\$319,1 млн**, 47,1 млн зрителей, **\$704,2 млн**.

4. «Пираты Карибского моря: На краю света» (Pirates of the Caribbean: At World's End), приключенческая фантазия Гора Вербински, \$300 млн, **\$309,4 млн**, 45,7 млн зрителей, **\$961 млн**.

5. «Гарри Поттер и орден Феникса» (Harry Potter and the Order of the Phoenix), фэнтези-фильм Дэвида Йетса, \$150 млн, **\$292 млн**, 43,1 млн зрителей, **\$938,45 млн**.

6. «Ночь в музее» (Night at the Museum), фэнтези-комедия Шона Лева, \$110 млн, **\$250,9 млн**, 37,55 млн зрителей, **\$573,6 млн**.*

7. «Фантастическая четверка 2: Вторжение серебряного серфера» (Fantastic Four: Rise of the Silver Surfer), фантастический комикс Тима Стори, \$130 млн, **\$131,9 млн**, 19,5 млн зрителей, **\$288,3 млн**.

8. «Призрачный гонщик» (Ghost Rider), фэнтезийно-приключенческий триллер Марка Стивена Джонсона, \$110 млн, **\$115,8 млн**, 17,1 млн зрителей, **\$228,7 млн**.

9. «Эван Всемогущий» (Evan Almighty), фэнтези-комедия Тома Шэдика, \$175 млн, **\$100,3 млн**, 14,8 млн зрителей, **\$173,05 млн**.

10. «В гости к Робинсонам» (Meet the Robinsons), анимационная фантазия Стивена Дж. Андерсона, **\$97,8 млн**, 14,45 млн зрителей, **\$159,5 млн**.

11. «Зачарованная» (Enchanted), анимационно-игровой фильм Кевина Лимы для семейного просмотра, **\$91,8 млн** (прогноз — **\$112 млн**), **\$128,3 млн**.**

12. «Мост в Терабитию» (Bridge to Terabithia), подростковая фэнтези-драма Габора Чупо, **\$82,3 млн**, 12,15 млн зрителей, **\$133,7 млн**.

13. «Беовульф» (Beowulf), приключенческая фэнтези Роберта Земекиса, \$150 млн, **\$79,3 млн** (прогноз — **\$90 млн**), **\$179,3 млн**.**

14. «Я — легенда» (I Am Legend), фантастический триллер Фрэнсиса Лоренса, **\$77,2 млн** (прогноз — **\$200 млн**), **\$97 млн**.**

15. «Эрагон» (Eragon), фэнтезийно-приключенческий фильм Стивена Фангмайера для семейного просмотра, \$100 млн, **\$75 млн**, 11,3 млн зрителей, **\$249,35 млн**.*

16. «1408» (1408), мистический триллер Микаэла Хафстрома, \$25 млн, **\$72 млн**, 10,6 млн зрителей, **\$118 млн**.

17. «Фред Клаус, брат Санты»/«Фред Клаус» (Fred Claus), фэнтезий-

ная комедия Дэвида Добкина для семейного просмотра, **\$68,9 млн** (прогноз — **\$80 млн**), \$87,3 млн.**

18. «Черепашки-ниндзя» (TMNT), анимационная лента Кевина Манро, \$34 млн, **\$54,15 млн**, 8 млн зрителей, \$94,6 млн.

19. «Обитель зла 3»/«Обитель зла: Вымирание» (Resident Evil: Extinction), фантастический триллер Рассела Малкехи, \$45 млн, **\$50,65 млн**, 7,5 млн зрителей, \$146,2 млн.

20. «Предчувствие» (Premonition), мистический триллер Меннана Япо, \$20 млн, **\$47,85 млн**, 7,1 млн зрителей, \$83,95 млн.

21. «Пес с нами»/«Жертва эксперимента» (Underdog), фантастическая комедия Фредерика Дю Чау для семейного просмотра, **\$43,8 млн**, 6,5 млн зрителей, \$60 млн.

22. «Золотой компас» (The Golden Compass), фэнтезийно-приключенческий фильм Криса Уэйца для семейного просмотра, \$180 млн, **\$40,8 млн** (прогноз — **\$68 млн**), \$91,7 млн.**

23. «Звездная Пыль» (Stardust), фэнтезийная мелодрама Мэтью Вона, \$70 млн, **\$38,4 млн**, 5,7 млн зрителей, \$134,35 млн.

24. «Лабиринт Фавна» (El laberinto del fauno), Мексика—Испания—США, фэнтезийный триллер Гильермо Дель Торо, \$19 млн, **\$37,6 млн**, 5,55 млн зрителей, \$83,2 млн.*

25. «Посланники» (The Messengers), мистический триллер Дэнни Пана и Оксиды Пана, \$16 млн, **\$35,4 млн**, 5,2 млн зрителей, \$54,9 млн.

26. «Дитя человеческое» (Children of Men), фантастический триллер Альфонсо Куарона, \$77 млн, **\$35,3 млн**, 5,2 млн зрителей, \$69,2 млн.*

27. «Роковое число 23»/«Номер 23» (Number 23), мистический триллер Джоэла Шумахера, \$30 млн, **\$35,2 млн**, 5,2 млн зрителей, \$76,7 млн.

28. «Лавка чудес»/«Лавка чудес мистера Магориума» (Mr. Magorium's Wonder Emporium), фэнтезийная комедия Зэка Хелма для семейного просмотра, **\$30,1 млн** (прогноз — **\$34 млн**), \$34,35 млн.**

29. «28 недель спустя» (28 Weeks Later), Великобритания—Испания, фантастический триллер Хуана Карлоса Фреснадильо, \$18 млн, **\$28,6 млн**, 4,2 млн зрителей, \$62,8 млн.

30. «Жатва» (The Reaping), мистический триллер Стивена Хопкинса, **\$25,1 млн**, 3,7 млн зрителей, \$62,8 млн.

31. «Грайндхаус» (Grindhouse), постмодернистская диалогия Квентина Тарантино и Роберта Родригеса, \$67 млн, **\$25 млн**, 3,7 млн зрителей.

32. «Мгла» (The Mist), мистический фильм Фрэнка Дарабонта, \$18 млн, **\$24,9 млн** (прогноз — **\$28 млн**), \$27,6 млн.**

Сергей КУДРЯВЦЕВ

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ДВОЕ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Я хотел рассказать о любви. А получилось... Не знаю. О любви тоже, конечно. Тетя Женя очень любила Николая Геннадьевича. Они прожили вместе тридцать лет, невозможно прожить так долго с человеком, которого не любишь.

В последний раз мне довелось видеть их вместе в день рождения Николая Геннадьевича. Я приехал с подарком — конечно, с книгой, других подарков он не признавал. Но и к книгам относился по-своему: за всю жизнь не прочитал ни одного романа, так говорила тетя Женя, и я верю. Дома у них были художественные книги — классика, в основном, кое-что из современных авторов, но это читала тетя Женя, а в шкафу Николая Геннадьевича стояли книги только по специальности и вообще по всяким наукам, да еще энциклопедии.

Из гостей были только мы с Лизой и два странных типа, коллеги Николая Геннадьевича из Астрономического института. Говорили они весь вечер только о космологических флуктуациях и так увлеклись, что к бокалам не притронулись. Мы с Лизой и тетей Женей тихо выпили за здоровье — по очереди за здоровье всех и каждого. Да, я о любви... Если бы вы видели, как тетя Женя смотрела на мужа, и как он гладил ее руку, когда она меняла перед ним тарелки, и как он неожиданно притянул ее к себе, прижался головой к животу и сказал: «Женечка»... У вас бы тоже не осталось сомнений. И вообще, как бы они выдержали друг друга столько времени, если бы не любовь? Характер у Николая Геннадьевича не сахар, а у тети Жени... Лучше промолчу.

Моя проблема в том, что разбираться в случившемся я могу только до какого-то предела — с одной стороны, физматшкола, что ни говори, дала мне приличное среднее образование, но, с другой стороны, армия, а потом работа сделали все, чтобы это образование из меня выбить... Ладно, не это главное. И так понятно.

* * *

Наверное, я опять не о том. Начать надо не с дня рождения, а со звонка, раздавшегося часов в семь утра, когда я стоял под душем и потому не мог сразу ответить. Звонила тетя Женя. Это было настолько необычно, что я перезвонил ей, даже не одевшись.

— Юра, Юра! — голос в трубке звучал взволнованно, но тетя Женя всегда разговаривала так, будто происходит что-то из ряда вон, и потому в первое мгновение я воспринял ее слова довольно спокойно — пока до меня не дошел смысл. — Юра, Коля пропал, я не знаю, что де-

лать! В милиции говорят, нужно подождать. Я не понимаю, чего ждать! Ты должен помочь, я совсем одна, Косте звонить боюсь, что он может оттуда...

Костя был сыном тети Жени и Николая Геннадьевича. В позапрошлом году он окончил химический факультет МГУ, поехал стажироваться в какой-то германский университет, там познакомился с аспиранткой из Швеции, а дальше понятно: парочка едет в Стокгольм, к родителям Ингрид, Костю принимают в аспирантуру Королевского университета, свадьбу они не устраивают, живут просто так, сейчас это принято. Домой Костя прилетал месяца три назад, побыл пару дней и улетел, мы с ним и не виделись.

— Погодите, тетя Женя, — сказал я, вытряхнув из ушей воду и обмотав голову полотенцем. — Что значит — пропал? Он не ночевал дома?

— Нет, конечно! — возмущенно воскликнула тетя Женя, будто ее муж приходил домой ночевать не чаще раза в неделю. — Вчера в одиннадцать утра он поехал в аэропорт. Там они собирались, я не провожала, потому что была на семинаре, докладывала о кривой блеска Аш Тэ Козерога. Но я не беспокоилась, потому что в «Домодедово» он поехал на такси, а там его должны были встретить Олег с Коноваловым. Самолет в половине третьего. Я ему позвонила после семинара, но связи уже не было. «Абонент недоступен». Как это «недоступен»? Я позвонила Олегу, а он сказал, что Коля так и не появился. Олег ему тоже на мобильный все время звонил, и что делать, он не знает. В общем, они улетели, а где Коля, неизвестно. В милиции говорят, должно пройти двадцать четыре часа, может, он объявится. Я им уже сто раз...

— Стоп, — прервал я словесный поток, — вы хотите сказать, что с Николаем Геннадьевичем нет связи уже... — я посмотрел на часы, — двадцать часов?

— Я хочу сказать, с ним что-то случилось ужасное, а милиция даже пальцем не шевелит! Ты можешь приехать? Я с ума схожу...

— Буду через час, — сказал я, совершенно в тот момент не представляя, чем я, собственно, мог помочь в поисках.

Я одевался, а тетя Женя что-то продолжала говорить, голос ее из трубки был слышен даже в спальне. Вышла Лиза в легком халатике и спросила, что происходит.

— Понятия не имею, — сказал я. — У тети Жени истерика, уверяет, что Николай Геннадьевич пропал. Я к ней сейчас съезжу.

— Оттуда на работу?

— Конечно. Игорька в садик отвези сама, хорошо?

Добрался я за сорок минут.

* * *

Наверняка тетя Женя не спала ночь — вид у нее был... Я впервые подумал тогда, что ей уже больше пятидесяти и что Николай Геннадьевич тоже далеко не юноша.

— Пожалуйста, тетя Женя, — сказал я, — давайте с самого начала и по порядку.

С самого начала и по порядку — после того как я расположил происходившие события в нужной последовательности — дело выглядело так.

Первого августа в Сибири должно наблюдаться полное солнечное затмение, и потому в Новосибирск отправилась экспедиция «солнечников», к которой Николай Геннадьевич примкнул — решил тряхнуть стариной, вспомнил, видимо, как в молодости объездил все республики бывшего Союза. Тетя Женя мужа отговаривала: куда ему в его нынешнем состоянии, но Коновалов, начальник экспедиции, убедил ее, что все совершенно безопасно, а для пошатнувшегося здоровья Николая Геннадьевича даже полезно — свежий воздух, природа... От Новосибирска они далеко отъезжать не собираются, наблюдательный пункт устроят сразу за городом, в Павино. В общем, уговорил. Сначала предполагалось, что за Н.Г. заедет Олег Перминов по дороге в аэропорт, но Н.Г. уперся: сам, мол, доеду на такси. Вещей у него действительно было немного — все поместились в рюкзак, погода стоит теплая, все-таки середина лета. Такси приехало вовремя, тетя Женя лично погрузила мужа с рюкзаком, переговорила по мобильному с Коноваловым («Не беспокойтесь, Евгения Алексеевна, встретим») и, когда машина отъехала, отправилась на семинар, который невозможно было пропустить, потому что тема важная, и ожидалось, что будут коллеги из ИКИ и ФИАНа. По дороге в институт тетя Женя несколько раз звонила мужу на мобильный, все было в порядке. Во время семинара телефон пришлось выключить, а после того как закончилась дискуссия, она вышла в коридор, позвонила — тогда-то автоответчик впервые и объявил ей, что абонент недоступен.

Экспедиция улетела без Черепанова, тетя Женя принялась звонить в милицию, но дежурный ей объяснил, что в таких случаях надлежит явиться в отделение по месту жительства и оставить заявление. Но делать это следует не ранее чем через двадцать четыре часа, после... а вы говорите, и трех часов не прошло? Да объявится ваш муж. Может, машина в пробку попала, в мобильном батарейка села...

— Я звонила во все больницы, даже в Онкологический центр на Каширке! — сказала тетя Женя. — Нет его нигде. А в морги я звонить не собираюсь, что там Коле делать?

Действительно. В морги позвонил я сам, выйдя в магазин за сигаретами. Тетя Женя не выносила табачный дым, и при ней я, конечно, не курил никогда, но как повод выйти из квартиры... Телефоны у меня были записаны в память мобилы еще с того времени, как я служил участковым. Недолго это продолжалось, да и вспоминать о тех месяцах не люблю, но вот хоть какая-то польза. То есть никакой пользы на самом деле, потому что в столичные морги не поступало тело с документами на имя Черепанова Николая Геннадьевича. И слава Богу.

— Вот что, тетя Женя, — решительно сказал я. — Я займусь поисками, надеюсь, что все будет в порядке (и тени такой надежды у меня не было), а вы езжайте на работу. Так будет лучше, отвлечетесь, да и мне спокойнее.

— Ты что, сдурел? — взвилась тетя Женя. — Какая работа? Думаешь, я могу чем-то заниматься?

Я не стал дальше слушать и, отойдя к окну, принялся обзванивать столичные таксопарки, в промежутках между звонками пытаюсь пробиться по известному мне номеру в дежурную часть аэропорта «Домодедово». Звонил, а сам думал о том, насколько все это безнадежно. Можно потратить неделю, причем совершенно без толку, тогда как из любой ментовки... Господи, как не хотелось опять слышать голоса Корнеева или Толстолобова, как не хотелось! В трех таксопарках над моими вопросами посмеялись, в четвертом бросили трубку, не дослушав, в дежурной части «Домодедово» все время было занято.

— Ну что? — спросила меня тетя Женя, когда я на какое-то время перестал нажимать на кнопки и задавать стандартные вопросы. — Что тебе сказали?

Я подумал, что она все-таки героиня — целый час сидела на диване, не проронив ни слова и только тоскливо глядя на меня. Это было настолько не похоже на тетю Женю...

— Попробую иначе, — пробормотал я и, преодолевая нежелание пальцев набирать знакомый номер, нажал несколько цифр. Если трубку снимет майор Корнеев...

— Старший лейтенант Толстолобов, — произнес низкий голос. Слава Богу, хоть тут повезло.

— Жора, — сказал я. — Это Юрий. Корецкий.

— Слушаю тебя, Юра, — спокойно сказал Толстолобов, будто после нашей последней встречи прошли не два года, а два дня, и будто звонил я, как обычно, чтобы доложить о состоянии дел на вверенном мне участке.

— Ну... — я не нашелся, честно говоря, с чего начать. — Как дела-то?

— Хорошо, — отозвался Толстолобов. — Надеюсь, и у тебя нормально.

— Да, — согласился я.

— Но что-то случилось, — констатировал старший лейтенант. — Я прав?

— Да, — сказал я. — Пропал человек. Уже почти сутки.

— На нашей территории? — перебил меня Толстолобов.

— Нет. По дороге в «Домоделово».

— Это отделение... Погоди, адрес у него какой?

— Проспект Вернадского, тридцать шесть, строение три.

— Территория Костомарова.

— Тетя Женя там уже была — еще вчера. Жора, ты знаешь процедуру, а время идет!

— Это твой родственник, что ли? — догадался наконец Толстолобов. — Так бы сразу и сказал.

— За мной должок, — быстро сказал я.

— Само собой. Говори данные.

Я сказал. Тетя Женя порывалась что-то вставить, но я остановил ее жестом: не надо мешать, сами разберемся.

— Больницы, морги... — начал Толстолобов.

— Исключи. Я все обзвонил.

— Ладно, я свяжусь с Костомаровым и с ребятами из ГИБДД. Твой номер я вижу. Жди, перезвоню.

— Может, нам подъехать? — спросил я, поскольку тетя Женя подавала мне вполне определенные знаки.

— Пока не надо, — сказал Толстолобов. — Послушай, у тебя пенсия идет, есть вообще какие-нибудь отчисления?

Я не сразу понял, о чем он спрашивает, и на мгновение помедлил с ответом.

— Пенсия? Да, есть программа. А что, ты хочешь...

— Нет, спрашиваю просто так, — быстро сказал Толстолобов. — В общем, жди.

— Ну что? — спросила тетя Женя.

— Сейчас займутся.

— И даже заявления не надо?

— Потом напишете, задним числом, — сказал я. — Некогда сейчас.

— Колю найдут? — спросила тетя Женя.

Ответ предпологался только утвердительный, и я ответил:

— Конечно.

Мы сидели с тетей Женей на кухне и пили кофе. Мобила лежала между нами посреди стола.

— Твой знакомый что-то не звонит, — сказала тетя Женя. — Может, ты ему сам позвонишь?

Я, собственно, так и собирался, но в это время затренькала мобила. Номер, с которого звонили, был скрыт — наверняка Жора.

— Слушаю, — сказал я.

— Юра? — я не узнал голоса, все-таки мы два года не разговаривали. — Это Стас. Ты просил кое-что для тебя выяснить...

Стас Ламин, конечно. Два года назад он был простым опером, работал «на земле», неужели так и остался в прежней должности? Наверное. Парень он исполнительный, но не более того. Похоже, Жора увидел вошедшего случайно в кабинет Ламина, подумал, что есть на кого скинуть...

— Да-да, — торопливо сказал я.

— Ну, слушай, — Стас то ли бумаги перелистывал, то ли деньги считал. — В Новосибирск твой Черепанов не вылетел — ни тем рейсом, понятно, ни следующими. Там было еще два вчера и один сегодня утром.

— Так, — сказал я, чтобы поставить точку, иначе Стас начал бы расписывать, как ему удалось получить эту информацию.

— Вот, — протянул он и опять что-то перелистнул. — В больницы и морги я звонить не стал, ты это уже...

— Да-да, — сказал я. — Дальше.

— Вот, — повторил он. Черт, доберется он наконец до сути? Я же не его начальник, чтобы докладывать, глядя в листок. Почувствовав, должно быть, мое нетерпение, Стас сказал: — А полетел твой Черепанов в Питер, вот что. Из «Шереметьева-первого». Рейсом семьсот двенадцать в шестнадцать сорок. Вчера, стало быть. Живой и здоровый.

Пока я переваривал эту неожиданную информацию, Стас наслаждался произведенным эффектом.

— Усек? — продолжал он. — Мне, понимаешь, пришло в голову проверить все вылетающие вчера рейсы. В наш компьютерный век... Поисковая система...

— Спасибо, Стас, век буду благодарен, — сказал я и отключил связь.

Тетя Женя спросила:

— Жив?

— Жив, — подтвердил я, и тогда она заплакала. Казалось, ее ничто больше не волновало. Жив — и слава Богу. А где, что, почему — какая разница? Такое же выражение лица было у нее три года назад, когда я приехал в приемный покой Склифа. Она сидела на длинной скамье, смотрела в пространство невидящим взглядом и тихо плакала. Ей

только что сообщили: муж ее жив. Ранение, конечно, серьезное, но не смертельное, сейчас его оперируют, это займет несколько часов, но операцию проводит лучший нейрохирург города, так что все будет в порядке.

Это ей так сказали: все будет в порядке, а мне потом, после операции, объяснили, что травма оказалась все-таки слишком тяжелой, чтобы гарантировать полное выздоровление. Жить Черепанов, конечно, будет, но сможет ли работать? Как вы сказали — астрофизик? Ученый, ему головой думать надо, а тут...

В ту ночь Николай Геннадьевич возвращался домой из института последним автобусом. Тетя Женя ждала его в половине первого, как обычно, но даже и в час ключ в двери так и не повернулся. Мобильником Н.Г. тогда еще не обзавелся, тетя Женя собралась побежать к остановке и обнаружила мужа в подъезде. Николай Геннадьевич лежал ничком, под головой расплывалось черное пятно. Сознание тетя Женя потеряла лишь после того, как доставила мужа на «скорой» в Склиф. Ее-то быстро привели в чувство, а с Николаем Геннадьевичем возились всю ночь, а потом еще два месяца, пока он не стал сообщать, на каком свете оказался.

Пропал кейс, в котором Н.Г. тащил домой распечатки расчетов. Кто-то проследовал за ним от остановки, думал, наверное, что в кейсе деньги, в подъезде двинул Николая Геннадьевича по голове...

Преступника, конечно, не нашли. Никаких следов. Никаких свидетелей. Всяк. Н.Г. выкарабкался, и даже на работу вернулся, и даже спорил с коллегами так же азартно, как прежде, но, по словам тети Жени, был уже совсем не тот. Его мучили головные боли, временами он забывал что-то очень существенное, и в экспедицию тетя Женя отпустила мужа, потому что Коновалов клятвенно заверил: прослежу, мол, за каждым шагом. Единственным неотслеженным участком была дорога от дома в аэропорт, но там-то что могло случиться?

Неужели по пути Николаю Геннадьевичу пришла какая-то мысль... Что-то он вдруг забыл или, наоборот, о чем-то вспомнил?

Господи. Питер, надо же...

— Где он? — спросила тетя Женя. — Куда ехать?

* * *

В Санкт-Петербург мы выехали утренним поездом. На ночные билетов не было, не помогли ни мои «корочки» («Охранная фирма, и что?»), ни полста баксов, сунутых в паспорт. Телефон по-прежнему отвечал, что абонент недоступен. В компании мобильной связи мне

объяснили: аппарат отключен, сигналов не посылает, так что определить местоположение абонента возможным не представляется. На фирме я обрисовал ситуацию, и меня отпустили без разговоров, а Лиза... В общем, она тоже все поняла.

Днем, после разговора со Стасом, я сам сбегал в отделение, и у меня заявление все же приняли, даже пообещали связаться с питерскими коллегами, но я вполне представлял, как это будет происходить и чем закончится. Надежнее было отправиться в Питер самому, о чем я сказал тете Жене. Она сразу принялась собираться, я и отговаривать не стал — бесполезно. Не объяснишь же ей, что в поисках она будет только обузой.

Мы стояли с тетей Женей в коридоре у окна, и я расспрашивал ее о том, какие мысли могли появиться в голове Николая Геннадьевича.

О своем Коленьке тетя Женя могла говорить часами. Я слушал молча и среди слов пытался обнаружить какие-нибудь намеки, что помогло бы понять поступок Николая Геннадьевича. У меня не было теперь сомнений в том, что ничего страшного с ним не случилось. Никто его, естественно, не похитил, он сам все спланировал, сам решил и сам сделал. Я в этом удостоверился еще дома — задал тете Жене прямой вопрос и получил прямой ответ.

«Тетя Женя, — спросил я, — почему все-таки никто из членов экспедиции не заехал за Николаем Геннадьевичем? Ведь они знали, что он, мягко говоря, не в лучшей форме».

«Господи, Юра, Коновалов настаивал на этом! — воскликнула тетя Женя. — В аэропорт с утра поехал институтский микроавтобус с оборудованием. Миша уговаривал Колю поехать с ними: заедем, мол, и все будет в порядке. А Коля уперся. Поеду на такси — и все. «Что я вам, старик немощный? А рюкзак вообще легкий». Они ему одно — он другое. Я бы обязательно с ним поехала, но семинар...»

«Николай Геннадьевич знал, конечно, о семинаре».

«Он мой доклад и в план поставил».

«Значит...»

Я не стал продолжать, тетя Женя прекрасно ухватила мысль:

«Ты хочешь сказать, что Коля это заранее спланировал?»

Получалось, что так, но я не стал продолжать разговор, который мог вывести нас неизвестно в какие прерии и пампасы. Я и по дороге в Питер старался не задавать вопросов, которые могли быть тете Жене неприятны, но слушал ее очень внимательно.

— ...А в позапрошлом году, — говорила тетя Женя, провожая взглядом проплывавшие мимо окна деревья, — как его назначили редактором журнала, он вообще перестал телевизор смотреть. Раньше

хоть новости, а теперь говорил: «Надо еще три статьи прочитать, в статьях мысли есть иногда, а в этом ящике мыслей давно не наблюдается». А мне хотелось, ну, ты понимаешь, невозможно жить, когда только наука и ничего, кроме науки. Мы раньше с Колей часто в кино ходили. Все премьеры смотрели, особенно любили кинотеатр «Мир». Помню, мы там «Конец Вечности» смотрели по Азимову, наш фильм, не американский. Мне не понравилось, а Коля так радовался! К нам гость приезжал из Баку, мы вместе ходили. Коля потом Мураду объяснял, что в фильме очень важная вещь сказана — про минимальное воздействие. Переставил предмет с полки на полку, и история пошла по другому пути. Мурад спорил: мол, минимальное воздействие потому и минимально, что после него все быстро возвращается на круги своя. История — штука очень инерционная, как авианосец. У Азимова тоже об этом сказано, но Коля романа не читал. Когда Мурад уехал, Коля еще долго про минимальное воздействие вспоминал. Он тогда работал над моделями поздних стадий расширения, ну, как тебе объяснить... Космологи набросились на ранние стадии, первые минуты после Большого взрыва, теория инфляции... Линде тогда еще молодой был, но с Андреем Коля никогда не спорил. Ранние стадии Колю не интересовали: там, мол, слишком много предположений. Он занимался поздними временами, а тут важно знать, какая у Вселенной средняя плотность. Если больше предела, то тяготение в конце концов остановит расширение, и мир начнет сжиматься, а если плотность меньше предела, то расширение получится бесконечным, и материя рассеется... через сто миллиардов лет.

— Нам бы до восьмидесяти дожить, — пробормотал я.

— Что? Да, конечно. Вот, а по тогдашним наблюдениям средняя плотность во Вселенной получалась очень близкой к пределу. Коля тогда ездил в КраО, сам кое-что измерял, но очень тогда его эта идея азимовская вдохновила насчет минимального воздействия. Это как с критической плотностью: чуть больше, чуть меньше, и получаются совсем разные Вселенные.

— Ага, — сказал я.

— Сейчас, — сказала тетя Женя, — все это кажется романтикой. Тогда все выглядело просто. Потом обнаружили темное вещество, потом еще темную энергию, и плотность оказалась на самом деле раз в сто больше, чем тогда получалось.

О чем-то ей эти слова напомнили — тетя Женя неожиданно прижалась лбом к стеклу, губы ее мелко задрожали, нужно было что-то сказать или сделать, чтобы отвлечь ее от ненужных мыслей, и я предложил пойти в вагон-ресторан выпить кофе.

Кофе оказался отличным. И настроение у меня стало лучше, потому что на мой мобильный позвонил из Питера Боря Немиров, с которым мы когда-то учились на милицейских курсах, и сказал, что данные о Черепанове разосланы по всем отделениям, по больницам, вокзалам и в аэропорт «Пулково». Если кто-нибудь видел там прилетевшего из Москвы человека, похожего на Н.Г., то, надо полагать, сообщит, куда следует.

Пока я разговаривал с Немировым, кто-то позвонил и тете Жене. Слушала она, по-моему, невнимательно, то и дело отводила аппарат от уха, думая о своем, но когда разговор закончился, я заметил в ее глазах если не радость, то ощущение чего-то обнадеживающего.

— Это Мирон, — сказала она. Мироню называли Антона Мирошниченко, академика, директора Астрономического института. Для всех он был Антоном Анатольевичем, большим человеком, а для тети Жени и Николая Геннадьевича — просто Мироню, потому что учились они на одном курсе, вместе ходили в походы и ездили в экспедиции. Карьера у всех сложилась по-разному, в начальники ни Н.Г., ни тем более тетя Женя никогда не стремились, а Мирон поднимался быстро, и, по словам тети Жени, в этом была жизненная справедливость, какой не так уж много в нашем мире.

— Мирон говорит, — сказала тетя Женя, — что подключил к поискам питерских коллег. Если Коля поехал в Питер, то наверняка с какой-то идеей. Хочет с кем-то обсудить. Логично?

— Логично, — пробормотал я, ничего логичного в этом странном предположении не увидев. Допустим, возникла у Н.Г. идея, которую он решил обсудить с питерским коллегой. Что он сделал бы прежде всего? Естественно, позвонил товарищу и для начала обсудил идею по телефону. Разговор кто-нибудь да слышал бы. Логично? Даже если никто ничего не слышал, какой смысл делать вид, что едешь в один аэропорт, а сам... Что за тайны мадридского двора? Если бы Н.Г. не к коллеге в Питер собрался, а к любовнице... Нет, и тогда его поведение нельзя было назвать логичным. Должен же был понимать, какой поднимется переполох. Да и откуда у Н.Г. любовница, тем более в Питере, где он в последние годы не был ни разу? При такой супруге, какой была тетя Женя, иметь любовницу — чистое самоубийство. Ревнивый характер тети Жени мне прекрасно известен, года четыре назад был случай... Долго описывать, да и не люблю я перемывать косточки... в общем, скандал был страшный. Не знаю, сколько посуды тетя Женя перебила, а потом оказалось, что ни причины, ни даже сколько-нибудь убедительного повода для такой экспрессии не было в помине — с кем-то Н.Г. слишком долго разговари-

вал, а потом еще и домой заезжал... за книгами, естественно, за чем еще?

Если за дело взялся Мирон, то при его энергии наверняка все питерские астрофизики уже были опрошены с пристрастием. А Немиров, понятно, не только в больницах шурувал, но и морги не обошел вниманием. Зачем же мы едем в Питер, что мы там сможем сделать такого, чего уже не было сделано?

Странная картинка мне представилась вдруг: ходим мы с поезда, а на перроне стоит, прислонившись к столбу, Николай Геннадьевич со своим рюкзаком, смотрит на нас и спрашивает задумчиво: «Это что за остановка, Бологое или Поповка?»

А если у него отшибло память? Могло случиться? Могло. Запросто.

— Нас в Питере встретит Костя Крымов, — сказала тетя Женя. — Это завлаб по внегалактической астрономии, старый наш знакомый. Мирон ему передал...

— Вот и хорошо, — сказал я. — Пока мы едем, Николай Геннадьевич сам объявится.

— И пусть объяснит, что за секретность, — сказала тетя Женя, и по ее тону легко было понять, что сумеречное беспокойство о муже начинает уступать место столь же сумеречной и неоправданной ревности. Мысль о любовнице, похоже, пришла наконец и ей в голову.

— Раньше, — продолжала она, — он так не поступил бы. Позвонил бы или записку оставил. А после того случая... У него бывают провалы в памяти. Правда... Почему он выключил телефон?

Путный ответ ей в голову не приходил. Она молча водила пальцем по скатерти, рисуя, по-моему, график какой-то сложной функции. Может, это была функция их отношений: по горизонтали ее постоянная любовь к Коле, а по вертикали взлеты и падения, взлеты и падения...

— Если у него возникла идея, — осторожно сказал я, — то к кому в Питере он бы прежде всего обратился? И еще: если раньше, уезжая, он писал записки, то теперь мог оставить сообщение или электронное письмо.

— Я ждала, когда ты об этом спросишь, — сказала тетя Женя. — Все-таки из тебя пока еще плохой сыщик. Ты не просчитываешь все варианты.

— Спасибо, — пробормотал я.

— У нас, — продолжала она, — есть общий ящик для электронной почты. Адрес и пароли знаем только мы с Колей. Я проверяла: там пусто.

— Когда вы проверяли в последний раз?

— Перед тем как мы поехали на вокзал.

В это время Н.Г. давно был в Питере. Действительно, сто раз мог отправить сообщение, если хотел. И если мог.

— А вдруг, — сказал я, — он послал сообщение не на этот адрес, а на какой-то другой?

— Я и об этом думала, — вздохнула тетя Женя. — У меня есть свой адрес, институтский, но там тоже ничего.

— А на собственную почту Николай Геннадьевич мог его отправить?

— Зачем? — удивилась тетя Женя. — Если он хотел что-то сообщить мне, зачем бы он стал писать себе самому?

— Не знаю. По забывчивости.

— Юрик, — печально сказала тетя Женя. — Коля в последнее время сильно сдал, конечно, но не до такой же степени, чтобы посылать себе самому письма, которые должна прочитать я.

— Ну да, — согласился я. — Просто подумал... Может, себе он что-то напоминал. Можно проверить. А вдруг?

— Юрик, — сказала тетя Женя. — Это невозможно. Я не знаю пароль к Колиной почте. А он не знает мой пароль. У каждого человека должно быть личное пространство. Мне никогда в голову не приходило подглядывать, что Коля писал.

Это онахватила, конечно. Уж я-то знал, какой ревнивой становилась тетя Женя, едва ей приходила в голову идея о том, что ее Коленка что-то скрывает. Мне не очень-то верилось, будто она никогда не пыталась посмотреть, что получает Николай Геннадьевич на свою личную почту.

— Жаль, — сказал я. — Там можно было бы найти какие-то указания. Может, все-таки вспомните...

— Нет, — отрезала тетя Женя, и я понял: так оно и есть. «Нет» было сказано с таким сожалением... Она действительно не знала пароля, а если бы знала, то еще вчера и без моего напоминания вскрыла бы все, что возможно, а дома наверняка и вскрыла: хранившиеся в ящиках письма мужа, все его конспекты, просмотрела все бумажки...

Поезд начал сбавлять ход, за окном побежали заводские корпуса попеременно с жилыми домами, до Питера оставалось полчаса.

* * *

Я провел утро с Григорием Ароновичем Новинским — это был коллега Николая Геннадьевича, он тоже много лет занимался внегалактической астрономией, когда-то написал с Черепановым две статьи. Мне повезло, Новинский оказался отличным программистом,

и уже на третьей минуте разговора я спросил, есть ли возможность прочитать почту Черепанова.

— В принципе, можно, — почесав подбородок, сказал Новинский. — Обычно пароли бывают не такими уж сложными. Правда, некоторые используют генератор случайных чисел и букв, тогда безнадега...

— По-моему, — сказал я, — тетя Женя... Евгения Алексеевна, кажется, не знает пароль. А если бы и знала, то не сказала.

— Почему? — удивился Новинский. — Если есть шанс выяснить...

— Она считает, что нет такого шанса.

Новинский посмотрел на меня внимательно.

— Вы полагаете, — медленно произнес он, — что Евгения Алексеевна знает или догадывается, куда поехал Николай Геннадьевич?

— Нет, — вздохнул я. — Не все так просто. Конечно, она не знает. Но какие-то предположения у нее есть. И делиться ими она не собирается. Может, она все же прочитала мужнину почту, нашла что-то...

— Любовница? — с видимым равнодушием спросил Новинский.

— Ну что вы! Нет, не думаю.

— Так мы будем пробовать?

— Конечно!

Я не знаю, какие методы он использовал. Видимо, пытался обойти систему почтовой защиты. У хакеров свои приемчики, которыми они не готовы делиться, вот и Новинский придумал глупый предлог, чтобы удалить меня подальше, занять чем-то, пока он будет возиться с кодами. Пришлось мне ехать через весь город в Институт астрономии, отвозить коллеге Новинского какой-то пакет. Коллега, выполняя, скорее всего, наказ Новинского, переданный по телефону, потащил меня обедать в институтскую столовую, где попытался отравить недосолённым борщом, надеясь, видимо, что остаток дня я проведу в приемном покое больницы. Не на такого напал — приходилось мне пробовать гадости покруче. К тому же я чувствовал себя обязанным находиться в хорошей форме, потому что каждые полчаса звонила тетя Женя и справлялась о новостях. И Лиза звонила, ей почему-то казалось, что Питер — действительно бандитская столица России и что здесь на каждом шагу (особенно на Литейном) можно схлопотать по уху или того хуже.

— Приезжайте, почему вы так долго? — сказал Новинский, позвонив часа в три, будто и не он отослал меня с глаз долой. Собственно, я все равно уже ехал обратно. Войдя в кабинет, я обнаружил там и тетю Женю, сидевшую перед монитором. Новинский, развалившийся с книгой в руках в старом кожаном кресле (возможно, в нем сидел

когда-то Белопольский, а может, даже сам Отто Струве), сказал, предваряя мои вопросы:

— Не так это оказалось сложно, как я думал вначале. Я сразу позвал Евгению Алексеевну, потому что... Там все отрывочно, записки самому себе, вроде дневника.

Тетя Женя оглянулась, увидела наконец меня и сказала:

— Нет его в Питере. Что ему здесь делать? Зря мы сюда притащились. Коля нам всем головы заморочил. Не приезжал он в Питер. Нет. Нет.

Она так бы и повторяла «нет, нет», если бы я не напомнил:

— Но ведь билет он купил и в самолет сел. Это точно. Паспортный контроль...

— Нет, — еще раз сказала тетя Женя, отодвинулась от экрана и обхватила руками плечи. Нервы у нее были на пределе, и если у нее начнется истерика, то всё, никому с этим не справиться. С истериками тети Жени мог управляться только Николай Геннадьевич, я присутствовал однажды... Не помню, что тогда произошло, точнее, я просто не понял, причина показалась мне достаточно мелкой: кто-то на семинаре прошелся по методике наблюдений... что-то в таком роде. Тетя Женя дотерпела до дома, я тогда зашел... почему же? Нет, тоже не помню, да и неважно — в общем, я там оказался, когда тетя Женя тихо вошла в квартиру, тихо положила на стол сумочку, вроде все было нормально, но Николай Геннадьевич лучше знал свою жену, он к ней подошел, обнял за плечи, и тут началось... Не хочу описывать. И вспоминать не хочу.

Когда тетя Женя тихо отодвинулась от экрана, обхватила плечи... как тогда... я подумал, что она делает это специально, чтобы ее Коля, где бы он в этот момент ни находился...

Глупо, да. Тетя Женя тихонько заплакала, Новинский кивнул мне: вы, мол, посмотрите текст, а с ней я попробую справиться. Ладно, пусть пробует. Я взял стул, сел перед экраном, за моей спиной Григорий Аронович что-то бормотал, а тетя Женя резко и коротко отвечала, но предметами не бросалась. Уже хорошо.

Последнее по времени письмо было трехдневной давности.

Разумеется, это проверяемо. Более того, существует единственный способ проверки недостаточно аргументированных гипотез. Вопрос о достаточной или недостаточной аргументации является в данном случае ключевым, но критерии выбора нужно разработать отдельно. Один из критериев: аргументация достаточна, если из представленных аргументов возможно конструирование эксперимента или наблюдения...

Какое все это имеет отношение... Обычная теоретическая тягомотина. Что-то о недостоверных гипотезах? У Н.Г. возникла идея, для проверки которой он и отправился вместо Новосибирска в Питер? Об этом мы думали, но о чем гипотеза-то?

Я вызвал предыдущее письмо — за два дня до поездки.

Не забыть:

Бритвенные принадлежности.

Зубную щетку и так далее.

Рубашки две — обязательно синюю байковую.

Пуловер.

Кроссовки, на размер больше...

Я перешелкнул еще одну дату и оказался в письме, написанном за неделю до отъезда.

Давление надо пересчитать, число получается несуразно приемлемым. В принципе, давление может и не играть критической роли, но...

Фраза была не закончена. И дальше:

Принцип минимального воздействия тоже нуждается в переформулировании. Точность формулировки — главное...

Опять брошенная на полпути фраза.

— Юрик, — сказала за моей спиной тетя Женя. — Не теряй времени, Юрик. Это пустое, я же вижу. Не приезжал он в Питер. Он всем нам головы задурил.

Я набрал номер Немирова и спросил, мысленно сложив пальцы крестиком:

— Боря, скажи, вы, конечно, проверяли, покупал ли Черепанов в тот день билет на какой-нибудь улетавший рейс?

— На улетавший? — удивился Немиров. — Зачем ему улетавший? Разнарядка была: искать человека, прибывшего в Питер...

— Проверяли или нет?

— Ну, — сказал Немиров, помолчав, — это, в принципе, не в моей компетенции. Я в городском УВД работаю, ты знаешь.

— Значит, не проверяли, — заключил я. — Можешь оперативно это сделать? Я перезвоню.

По правде говоря, мысль казалась в тот момент нелепой — какой смысл лететь в Питер, чтобы сразу отправиться куда-то еще?

А если Николай Геннадьевич с самого начала хотел полететь куда-то еще, но туда не было прямого рейса, только через Санкт-Петербург — с пересадкой? Тогда он в Москве и купил бы билет до пункта А с пересадкой в Питере, какие проблемы? А если билетов из Питера до пункта А не было? И что это за пункт такой, если судить по направле-

нию? Прибалтика? Туда нужна виза. Может, в Карелию: Петрозаводск, Мурманск? Там нет астрофизиков, а к кому еще мог направиться Н.Г. так целеустремленно?

— Что он сказал, Юрик? — тронула меня за плечо тетя Женя.

— Будут проверять. Не понимаю, почему мы об этом с самого начала не подумали!

— Я думала... — пробормотала тетя Женя. — Но мне казалось, это сразу проверили... Давай поедем в аэропорт, Юрик. Пожалуйста. Я не могу тут сидеть...

Мы хотели поймать такси, но подвернулся частник, который, услышав, что нам нужно в аэропорт, запросил столько, что за эти деньги можно было съездить в Москву и обратно. Тетя Женя села рядом с водителем, сказала по-гагарински: «Поехали», — и мне ничего не оставалось, как плюхнуться на заднее сиденье.

Мобила затренькала, когда мы подъезжали к аэровокзалу.

— Юра? — сказал Немиров. — Ты был прав. Он улетел в тот же день.

— Куда? — нетерпеливо спросил я. Неужели Н.Г. успел обзавестись визой и улетел в Прибалтику?

— В Петропавловск-Камчатский, — сообщил Немиров.

* * *

— Как у вас с деньгами? — спросил Борис, приехав в аэропорт через час после нас. Билетов на ближайший рейс в Петропавловск в кассе не было, и я позвонил Немирову: пусть поможет.

Хороший вопрос. Мой бюджет не был рассчитан на такие перелеты — потом еще и обратно лететь. Я посмотрел на тетю Женю: похоже, ее не интересовало, во сколько обойдутся билеты.

— Можно полететь сегодня? — только и спросила она.

— Да, рейс в восемнадцать пятьдесят, — сказал Немиров. — В Петропавловске будете завтра днем по местному времени. Но я спрашивал...

— У меня есть деньги, — сказала тетя Женя. — На два билета хватит. Юра, не возражай!

Я и не возражал, у меня точно таких денег не было. А откуда они были у Н.Г.? Он вроде в экспедицию собирался, а там командировочные, билеты за счет института, и вообще...

* * *

— Тетя Женя, — сказал я, когда мы заняли места в самолете, — сколько денег могло быть у Николая Геннадьевича? Он снял со счета? Взял карточку? Какой у него кредит?

— Счета в банке у нас нет, Юра. — Она улыбнулась, увидев мое недоумение. — Ну да, современные люди, научные работники... а деньги хранили дома, в столе, кто угодно мог взять, если узнает. Ну, взял бы. Не такая крупная сумма... Но... После того как в девяносто восьмом рухнул банк, где мы держали все сбережения... В общем, мы остались без копейки, даже до зарплаты не хватило. Заняли у Ефремовых, так было неудобно, Господи... В общем, Коля решил, что надежнее держать дома. Половину в рублях, половину в долларах.

— Много он забрал?

— Не все, конечно. Понимал, наверное, что я поеду следом. Взял чуть меньше половины.

— Вы это сразу обнаружили?

— Нет. Я была в панике, Юра. Думала, что Колю ограбили и убили. А когда ты узнал, что он в Питере... Тогда — да. Я сразу проверила.

— Почему же не сказали?

— Тогда бы его не искали.

Вымотанная питерскими приключениями тетя Женя заснула на моем плече, и мне ничего не оставалось, как размышлять над тем, что уже было известно.

Если бы я лучше разбирался в астрофизике...

Впрочем, то, что я успел прочитать, не имело к астрофизике отношения — во всяком случае, прямого. Последняя запись была о каком-то принципе минимального воздействия. Есть в космологии похожий принцип? Этого я не знал, конечно. Собственно... откуда ему там быть? Минимальное воздействие — это когда делаешь мелкую работу (перекладываешь ящик на другую полку), а в результате меняется мир. Минимальное воздействие может быть каким угодно и на что угодно. Не так уж я был необразован, чтобы не знать о неравновесных системах, о работах Пригожина, о точках бифуркации, где достаточно ничтожного воздействия... При чем здесь Петропавловск? Что-то я упустил, был какой-то момент в биографии Николая Геннадьевича... я ведь знаю... я точно знаю...

— Юра, — сказала над моим ухом тетя Женя. — Проснись, ужин дают. Поешь, тебе надо.

— А вам?

— Я не буду, — отрезала она и отвернулась к окну.

Настаивать было бесполезно. Я вспомнил свою бабушку... не знаю, почему воспоминание вдруг ярко вспыхнуло, хотя я не думал об этом уже несколько лет. Мои бабушка с дедом (по материнской линии) жили в трех кварталах от нас, городок небольшой, мы с мамой

каждый день их навешали. Когда мне было пятнадцать, дед неожиданно упал во дворе и умер несколько часов спустя, не приходя в сознание. Тогда только я и узнал, что было ему восемьдесят три года, и бабушке столько же. После похорон мама взяла бабушку к нам, отдала ей свою комнату, а сама спала в гостиной. После смерти деда бабушка прожила четыре месяца и ушла во сне, но не это мне сейчас вспомнилось. Все время, с утра до вечера, она повторяла одно и то же: «Я ем и сплю, а Миша лежит в земле», «Я хожу и ем, а Миша лежит в земле»...

Почему тетя Женя напомнила мне сейчас мою бабу Лару?

— В последнее время... — начал я разговор, когда бортпроводница убрала поднос. От чая тетя Женя не отказалась, а я взял кофе и подумал, что сейчас самое время задать вопросы, которые могли и не иметь никакого смысла. — В последнее время Николай Геннадьевич занимался другими проблемами, не только космологическими?

— Он всегда занимался другими проблемами, — сказала тетя Женя. Она хотела поговорить, но говорить могла сейчас только о Коле, и потому я рассчитывал на обстоятельные ответы. — Вся жизнь он состоял в каких-нибудь комитетах и коллегиях. Помню, в семьдесят девятом Сюняев позвал Колю в оргкомитет. Они устраивали советско-американскую конференцию по рентгеновской астрофизике. Я тогда беременная Костей была, чувствовала себя ужасно, а надо было на работу ходить... Они все хорошо организовали, и я как раз родить успела. Костя появился за три месяца до конференции, я с ним на заседания ходила, представляешь? Американцы на это нормально реагировали, а наши почему-то косились... Так я к чему? Они обсуждали ранние стадии, рентгеновское излучение квазаров, и Коля вдруг выдал... Ну, типа того, что рентген от квазаров может быть модулирован высокой частотой, даже более высокой, чем радио от пульсаров. А мы этого не обнаруживаем просто потому, что не ставим на спутники приборы с нужным разрешением во времени. Коле, конечно, сказали (наши, кстати; американцы к идее отнеслись вполне лояльно), что это глупость, не может квазар так излучать, нет физической причины. Коля уперся, как всегда, и стал на ходу выдумывать гипотезы. Помню, как на него Черепашук посмотрел, когда Коля сказал, что короткопериодический рентген может излучать разумная плазма в квазарах. Мол, почему бы плазме при больших плотностях не самоорганизоваться в потенциально разумные системы? Коля еще и на фантастический рассказ сослался... не помню автора. В общем, американцы головами покивали, мол, любопытная идея насчет модуляции, надо обдумать. А наши очень... К нему потом Ефремов подошел: ты, мол, что,

с ума сошел, тут серьезная конференция! А Чертков, он тогда в институте парторгом был, прямо сказал: ты это брось, не позорь передовую советскую науку завиральными идеями. У тебя когда защита докторской? Так имей в виду...

Я об этой истории не слышал. Впрочем, я многого о Николае Геннадьевиче не слышал. Знал, что докторскую он защитил с блеском в восемьдесят первом. Значит...

— Хорошее было тогда время все-таки, — продолжала тетя Женя. — Мы были молодые. Какие Коля работы делал! Магнитная аккреция, никто до него... Да, я хотела сказать о процессе самоорганизации в плазме. Коля статью все-таки написал и мне показал. На том все и кончилось. Потому что... Ну, невозможно было это опубликовать.

— В чем идея-то? — осторожно спросил я.

— В двух словах... О возможности зарождения жизни на космологически ранних стадиях в неустойчивых плазменных сгустках. Еще до образования галактик, сразу после того, как первые сверхновые выбросили в пространство много тяжелых атомов. Я уже не помню деталей, столько лет прошло. Плазменные сгустки могут стать разумными, а потом, когда идет сжатие и образуются звездные системы, процесс самоподдерживается. Плазма остывает, становится плотнее, и это стимулирует эволюцию... Совершенно дикая идея. Никто такую статью, естественно, не опубликовал бы, а репутацию Коля себе загубил бы до конца жизни.

— Интересно, — пробормотал я. — Плазменная жизнь? Я читал что-то такое у Лема.

— Да! — воскликнула тетя Женя. — Вспомнила! Конечно, Лем!

— И у Кларка было что-то похожее, — показал я свою осведомленность.

— Не знаю, — засомневалась тетя Женя. — Кларк? Не помню.

— «Из солнечного чрева», — сказал я. — Давно читал, но запомнилось. Красивая идея: жизнь внутри Солнца.

— Может быть, — с неожиданным равнодушием сказала тетя Женя. — Коля фантастикой не увлекался, я не думаю, что он Лема читал, а Кларка и подавно... В общем, статью он, по-моему, просто порвал.

— Жалко, — сказал я.

— С каких пор тебя интересует, какими научными проблемами занимался Коля? — удивилась тетя Женя.

— Так ведь, — сказал я, — он не по общественным делам полетел на Камчатку?

— Конечно. Мы с тобой в последние часы не говорили толком, столько суматохи... Ты прав, Юра.

— Прав... в чем?

— Какая-то идея ему в башку втемяшилась, — тихо произнесла тетя Женья, так тихо, что я едва расслышал. — С тех пор как мы в Питер полетели, я все время думаю — какая?

— К каким-то выводам вы пришли, верно?

— Да, — сказала тетя Женья, помолчав.

— Вы знаете, где Николай Геннадьевич?

— Не знаю, Юра.

— Но какая у него идея...

— Догадываюсь.

— Расскажите. Может, я не пойму, но две головы...

— Две головы не всегда лучше одной. У тебя может сложиться превратное мнение. И тогда ты мне не помогать будешь, а только мешать.

Я промолчал. Тетя Женья начала говорить, и я знал, что на этих словах она не остановится. А подгонять ее бесполезно. Захочет — скажет.

— Когда Коля вышел из больницы, — произнесла тетя Женья минут через пять, я уже решил было, что она будет молчать до конца полета, — у него действительно было плохо с памятью. Забывал, что делал вчера, зато помнил в мельчайших деталях все, что происходило двадцать лет назад. Наташа Липунова посоветовала сходить к гомеопату, был один известный. Говорят, многим помог. Как же его фамилия? Сама забывать стала. Неважно. Короче, выписал он Коле какие-то шарики, принимать надо было по системе, сколько-то синих, сколько-то зеленых, сколько-то красных, все по часам. А Коля его расспрашивал о научных основах гомеопатии. А тот радовался, что может рассказать о своей науке. Тоже был человек увлеченный. Когда мы возвращались, Коля сказал: вот, мол, классическое подтверждение тому, о чем я все время думаю. «О чем это?» — спросила я. «О минимальном воздействии, — сказал он. — О бифуркациях. О том, с какой полки на какую нужно переложить ящик».

— Бифуркации, — сказал я. — Это когда стоишь перед выбором и не можешь решиться. Можно поступить так, но можно иначе. А от выбора зависит, как будешь жить дальше.

— Примерно.

— При чем здесь...

— Гомеопат?

— Нет, тут я понял. Минимальное воздействие, и ты принимаешь решение, которое нужно. Не тебе нужно, а тому, кто на тебя этими гомеопатическими средствами воздействовал.

Тетя Женя неожиданно оттолкнула мою руку, отодвинулась в кресле и посмотрела на меня... Странно посмотрела — то ли я сморозил глупость, то ли, наоборот, сказал гениальное, чего она от меня совсем не ожидала.

— Я что-то не то сказал?

— Наоборот, — ответила тетя Женя. — Именно то. Даже я не сразу поняла ход его мыслей, а ты ухватил. Странно.

Тетя Женя не могла представить, что кто-то способен понять ход мыслей ее мужа лучше и правильнее, чем она сама.

— Коля сказал... не помню точно, но смысл был такой: не станет он глотать эти шарики, потому что не хочет, чтобы его мозг выполнял указания этого... не могу вспомнить фамилию.

— Шандарин, — сказал я.

— Да! Ты-то откуда знаешь? — удивилась тетя Женя.

— Элементарно, Ватсон, — пробормотал я. — Рекламу Шандарина по ящику показывали так часто, что не запомнить было невозможно.

— Вот видишь, — сказала тетя Женя, — а я и не знала про рекламу. Я только наших слушала, из института, кто у него лечился. Коля почему-то решил, что гомеопат выписывает шарики не только для того, чтобы лечить, но и для того — может, даже в большей степени, — чтобы навязать пациенту свою волю.

— Зачем? — не понял я, хотя сам же высказал эту идею.

— Не знаю. Я решила, что у Коли... ну...

— Да, понимаю, — быстро сказал я, чтобы тете Жене не пришлось заканчивать неприятную для нее фразу.

— Я тогда очень внимательно смотрела все, что он записывал. На бумажках, в тетрадях, в компьютере, кому какие письма писал... Наверное, это нехорошо, но я должна была знать, о чем он думал, чего хотел. Мы мало разговаривали, после болезни Коля стал молчаливым. Раньше он был не такой, и меня это очень беспокоило.

— То есть, — уточнил я, — пароли вы уже давно знаете.

— Конечно. Коля их, кстати, дважды менял. Но он не придумывал сложных паролей, так что мне хватило пары дней...

— И вы все читали.

— Все.

— Хорошо, — сказал я. — И — ничего?

— Ты имеешь в виду его последнее решение? Ничего. Он писал о подготовке экспедиции, как он рад поездке, хотел проветриться... Я потому его и отпустила, что по записям видела: Коля вполне адекватен, на рожон лезть не собирается, а отдых на свежем воздухе ему и врачи все время советовали.

— И все-таки...

— Да, — печально сказала тетя Женя. — Он всех провел. И меня. Догадался, наверное, что я все читаю.

Мог догадаться, конечно. Наверняка догадался. Ведь о записной книжке, которую «расколос» Новинский, тетя Женя не знала. Или?..

— Вернемся, — вздохнул я. — О чем он на самом деле думал? Чего хотел? При чем здесь минимальные воздействия и разноцветные таблетки?

— Таблетки точно ни при чем, — сказала тетя Женя. — А гомеопатия... влияние очень малых в энергетическом смысле явлений на глобальные процессы... Это его очень занимало, гомеопат просто подтолкнул. Это было через полгода после того, как Коля вышел из больницы... Он стал ходить на семинары в Институт физики Земли. Первый раз пошел, когда выступал Джонстон. Это американец, работает в подкомитете ООН, занимается проблемами глобального потепления. Приезжал в Москву и прочитал пару лекций, одну в каком-то подмосковном НИИ, другую в ИФЗ. Коля пошел, и я, конечно, тоже увязалась. Честно говоря, мне лекция не понравилась, политики было больше, чем науки. Он доказывал, что в глобальном потеплении виноваты исключительно техногенные факторы. И если, мол, Киотский протокол не подпишут все страны... Ну, что я тебе буду голову забивать этой ерундой? До сих пор никто не доказал, что именно промышленные выбросы создают парниковый эффект... Колю совсем не то в этой лекции интересовало. Он спросил у Джонстона: «Не предполагает ли уважаемый докладчик, что, уменьшив выбросы, человечество начнет влиять на природу еще сильнее?» Джонстон удивился: «Вы, видимо, плохо поняли, ведь причина именно в том, что...» Коля его оборвал не очень вежливо. «Я-то, — говорит, — все понял, а вы не понимаете вопроса. Объясняю. Равновесие в природе столь неустойчиво, что для прохождения бифуркации природной системе необходимо чрезвычайно малое воздействие. Наше техногенное влияние гораздо мощнее, и потому точка бифуркации смещается». Джонстон опять не уразумел, чего от него хотят.

— А вы? — вырвалось у меня.

— Я-то поняла, — спокойно сказала тетя Женя. — Я читала Колины записки... Кстати, на вопрос Джонстон ответил стандартной фразой: мол, с загрязнением природы надо бороться делами и очень быстро, иначе будущее поколение... и так далее.

Девушка-бортпроводница прошла мимо нас, наклонилась и спросила:

— Вам что-нибудь нужно? Все в порядке? Мы скоро начнем снижение.

Промежуточная посадка у нас была в Хабаровске. Я посмотрел на часы: мы летели уже почти семь часов, в иллюминаторах была ночь, а в Москве только наступил вечер. Лиза забрала Игорьку из сада...

* * *

Когда самолет сел, началась обычная толчея. Пассажиров погнали в здание аэровокзала, кто-то забыл ручную кладь и рвался обратно против движения, на дворе, оказывается, шел дождь, выгрузили нас не в «кишку», а по трапу, и пока мы с тетей Женей добежали до автобуса, то не вымокли, конечно (дождь был не таким уж сильным), но ощущения были не очень приятными. В зале ожидания, куда нас запустили, сидячих мест оказалось меньше, чем нужно, многие остались стоять, кто-то пошел ругаться с авиакомпанией... В общем, обычные бытовые неприятности, без которых не обходится ни одно воздушное путешествие. Нам с тетей Женей достались два кресла в углу, и мы сидели тихо. Тетя Женя закрыла глаза, но не спала, конечно, просто отгородилась от мира. Я воспользовался случаем: во-первых, набрал на мобильнике номер Н.Г. («абонент недоступен»), потом позвонил Лизе. Она, понятно, сказала: не беспокойся, дома порядок, надеюсь, мол, что Николай Геннадьевич найдется. Позвонил я и Жоре (в Москве расследование прекратили, когда стало известно, что Н.Г. в Петропавловске), и Новинскому в Питер.

«Я еще немного повозился с письмами Черепанова, есть кое-какие соображения, сброшу на ваш мейл, вы сможете прочитать».

«Спасибо, — сказал я, — прочитаю в Петропавловске. Надеюсь, найду там компьютер или интернет-кафе... Есть что-нибудь важное, то, что может помочь?»

«Не знаю, как насчет помочь, — сказал Григорий Аронович, — но общий знаменатель... Я хочу сказать, что Черепанов интересовался в последние годы многими вещами, даже странно, совсем не по его специальности, но есть общее...»

«Минимальное воздействие на неустойчивые системы», — сказал я.

«Так вы уже?... Замечательно, тогда вам будет понятнее то, что я перешлю».

— Что он сказал? — спросила тетя Женя, когда я закрыл крышечку телефона. — Этот, из Питера. Про минимальные воздействия?

— Перешлет на мой адрес, — сказал я. — Если бы здесь было интернет-кафе, можно было бы...

— Нет здесь ничего, — сказала тетя Женя. — Даже кофе нормального.

Кофе в буфете действительно оказался бурдой — даже странно для такого большого аэропорта. К счастью, часа через полтора объявили посадку. Тетя Женя спала на ходу, я провел ее в самолет, усадил в кресло, и она заснула, так что продолжение разговора пришлось отложить. Сам я тоже устал, но думал, что уснуть не смогу, однако, открыв глаза, понял: проспал завтрак.

* * *

Я прошел в туалет, умылся, мысли вроде бы прояснились, и потому, вернувшись, я не удивился, что тетя Женя продолжила наш разговор, будто он и не прерывался на несколько часов.

— Кое-что я все-таки поняла из его недоговорок и из того, что читала.

— Что-то, связанное с минимальными воздействиями?

— И с глобальным потеплением, — сказала тетя Женя.

По-моему, мы думали о разных вещах. Я — о том, что Н.Г. отправился куда-то в неизвестное, чтобы проверить (как?) свою идею, странным образом связанную с минимальными воздействиями на физические системы, в том числе на нашу атмосферу. И он лишь выглядел неадекватным в своем поведении, а на самом деле все четко продумал и в солнечную экспедицию записался для того лишь, чтобы иметь «отмазку». Неужели его «минимальное воздействие» было таким мизерным, что он мог сам... что? И воздействие это нужно было произвести в конкретном месте на планете, куда Николай Геннадьевич и направился. С пустыми руками?

Я смотрел на тетю Женю и пытался представить, о чем думала она. Она лучше меня знала своего мужа, но сейчас — мне так казалось — представляла его поступок в неверном свете. Полагала, что им движет болезнь. Он что-то придумал, но до конца не довел. Нельзя было его отпускать, нельзя. Она винила себя, я видел это по ее поджатым губам, по сцепленным пальцам, по взгляду, направленному в никуда.

— Наверное, это была его идефикс, — почти не разжимая губ, сказала тетя Женя.

Я не стал спорить. В рассуждениях своих я дошел до определенной точки и очень боялся двинуться дальше, боялся свернуть в неверную сторону. Может, я уже и сейчас предполагал совсем не то и двигался совсем не туда — тогда тем более не следовало разгоняться.

Я закрыл глаза и ждал, когда скажут, что пора пристегнуть ремни.

Самолет ударился колесами о землю, побежал, тормозя двигателями, по посадочной полосе, и я обнаружил вдруг, что пристегнут, но не

мог вспомнить, сам сделал это или, может, меня пристегнула тетя Женя. Или бортпроводница?

— Только бы нас встретили, — сказала тетя Женя.

* * *

Нас встретили. Более того: нас проводили в аэропортовское отделение милиции, накормили бутербродами и ввели в курс дела, будто мы были милицейскими начальниками из столицы. Докладывал майор, фамилию которого я не запомнил, да она и не имела значения, поскольку больше мы этого майора не видели, у него и без нас дел хватало.

Зная о том, что случилось в Питере, здесь, конечно, прежде всего проверили все вылетевшие на материк рейсы, потом все, еще не вылетевшие, но на которые уже продавались билеты — чуть ли не на месяц вперед, что совсем уж не имело смысла. Н.Г.Черепанова в списках пассажиров не оказалось. Проверили таксистов, дежуривших у аэровокзала. Никто не возил в город человека, по описанию похожего на Н.Г. Он мог взять частника, но частники, обычно возившие людей из аэропорта в город, были милиции известны. Их тоже опросили — без толку. Еще были, конечно, рейсовые автобусы, но здесь вообще полная безнадёга. Попробуй углядеть в толпе пожилого мужчину, ничем не выделяющегося среди прибывающих на Камчатку туристов.

Начали проверять выезжавшие из города машины: может, Н.Г. отправился куда-то дальше... неизвестно куда. На север — к вулканам? На юг — в сторону Курил? Может, на запад, но — зачем?

Изложив результат расследования, майор отправился по своим делам, оставив нас на попечение сержанта, которому велено было доставить нас в гостиницу, где нам забронировали два номера.

— Вам надо отдохнуть, поспите немного, — сказал я тете Жене.

— Я не засну, — ответила она, но тут же, прикорнувшись на краешке кровати, закрыла глаза. Я и сам валился с ног: перелет, разница во времени, в Москве сейчас раннее утро...

Я спустился на первый этаж и с наслаждением закурил. Стоял у входа в гостиницу, подставив лицо не очень-то жаркому солнцу, и соображал: где в этом городе, больше похожем на большую деревню, можно найти компьютер. Не к майору же обращаться. Наверняка есть в гостинице, у дежурного, я видел, но вряд ли он разрешит.

— Пройдите в интернет-кафе, — ответил на мой вопрос портье, лицом похожий на Фернанделя. — Это за углом, направо.

В кафе оказалось шумно и душно, за столиками говорили о походе к Авачинской сопке, единственный компьютер стоял в углу и, к сча-

тью, был не занят. Минут десять я не мог войти в почту: ни в Черепановскую, ни в свою собственную. Но, к счастью, «Эксплорер» вывел меня наконец в почту Николая Геннадьевича.

Входящих писем было огромное количество, каких только фамилий я там не увидел! Исходящих оказалось гораздо меньше: возможно, Николай Геннадьевич большую часть своих писем не сохранял. А может, он не на всякое письмо отвечал, что, конечно, было не очень вежливо, но, учитывая его занятость и болезнь...

Нужное (нужное ли?) письмо я нашел минут через сорок, когда уже отчаялся что бы то ни было обнаружить. Письмо было от 18 января нынешнего года. Давно, вообще-то. Слишком, пожалуй, давно, чтобы...

План.

Вступление. Роль глобального потепления в изменении биоструктуры планеты. Роль промышленного фактора в глобальном потеплении. Общие соображения.

1. Существует ли глобальное потепление? Доказательства. Аргументы против. Кривые роста.

2. Минимально оцениваемое воздействие. Расчеты моделей по ссылкам.

3. Основная гипотеза. Лечение. Гомеопатия. История болезни.

4. Вторичная гипотеза. Вмешательство в лечение. Изменение истории болезни.

5. Начальные условия при решении обратной задачи. Аналогия с обратными задачами астрофизики.

6. Физические условия Его существования — начальные условия. Его ли? Может, Ее? Он? Она? Или — Оно? Неважно.

Заключение. Оно и человечество. Плюсы и минусы.

Личное.

Возможность эксперимента (решающего наблюдения).

Оценка опасности и вероятности.

Сказать Жене???

Три знака вопроса. Сказать — о чем? Это был план статьи? Почему после января не оказалось ни одного письма на эту тему?

Что означает странная фраза «Физические условия Его существования — начальные условия. Его ли? Может, Ее?». Н.Г. — неверующий. Я бы даже сказал — воинствующий атеист. Как-то слышал я обрывок разговора... Тетя Женья при мне на что-то обиделась и крикнула из кухни Николаю Геннадьевичу, читавшему газету: «Бог тебе этого не простит!» Н.Г. швырнул газету на пол и крикнул в ответ: «Какой Бог? Который якобы Вселенную создал? Или который якобы запове-

ди придумал? Или который позволил моего деда с семьей в лагере сгноить?» Тетя Женя ничего не ответила, дискуссия о Боге на том и закончилась.

О ком шла речь в «Плане»?

Мобила затренькала, номер звонившего был скрыт, и я почему-то подумал, что это Жора Толстолобов из Москвы.

— Это Бартенев, — сказал хриплый голос, принадлежавший, видимо, молоденькому капитану, который, когда мы уезжали из милиции в гостиницу, сказал, что будет с нами на связи. — С кем я говорю?

— Юрий Корецкий, — назвал я. — Есть что-то?

— Да, мы кое-что обнаружили.

Кое-что. Не человека, значит, а информацию.

— Опросив большую часть сотрудников аэропорта, — обстоятельно продолжал капитан, — удалось найти человека, видевшего, как пассажир, похожий на Черепанова, выходил из здания и садился в машину.

— Почему же он только сейчас...

— Стечение обстоятельств. Это один из уборщиков, работавших на привокзальной площади. Его смена закончилась, он уехал домой, вчера у него был выходной, а сегодня вышел на работу.

— Понятно. Что он сказал?

— Капшеев — это фамилия служащего — видел, как из здания аэровокзала вышли двое, одного он опознал по фотографии как Черепанова Николая Геннадьевича.

— Двое, — повторил я. Это действительно было важно.

— Они прошли к автостоянке и сели в коричневые «жигули», девятку. Рюкзак, по описанию соответствующий оперативке, положили в багажник, после чего покинули территорию аэропорта, но направились не в сторону города, а по северо-западному шоссе. Этим объясняется, почему не удалось ничего обнаружить в городе и на выезде. Мы предполагали...

— На северо-запад... — злостно прервал я капитана. — Это куда?

— В сторону Моховой и Елизово. Но, возможно, они отправились дальше, к вулканам. Все посты ГИБДД в том направлении оповещены. Естественно, вы понимаете, насколько усложнен поиск. Прошло почти двое суток, за это время они могли проехать сотни километров.

— Зачем? — вырвалось у меня.

— Ну, это вам лучше знать. Сейчас проверяются машины марки «жигули» соответствующего цвета, принадлежащие жителям Петропавловска и окрестностей. К сожалению, Капшеев не обратил внимания на номер, что существенно усложняет розыскные мероприятия.

— Почему уборщик вообще обратил на них внимание? — спросил я.
 — Считаете, было бы лучше, если бы не обратил? — неожиданно обиделся капитан.

— Нет, — объяснил я. — Если обратил, значит, было на что.

— Капшеев обратил на них внимание потому, что все, выходявшие из здания, говорили о погоде, о том, сколько стоит доехать до города, ну, в общем, как обычно. А эти двое очень громко рассуждали о каком-то запахе, от которого, как выразился, по словам Капшеева, ваш родственник, человечеству настанет полный кирдык.

— Запах? — удивился я.

Относительно кирдыка... да, это лежало в русле моих рассуждений, но запаха... При чем здесь запах?

— Они говорили что-нибудь еще? — спросил я.

— Говорили. Капшеев удивился — ну, про запах и кирдык — и слушал внимательно, даже пошел за ними к стоянке... Собственно, потому он и увидел, в какую машину они садились. Но расстояние было немаленькое, так что расслышал он отдельные слова, причем половину не понял и потому воспроизвести не смог.

— А те, что понял?

— Немного — «южный склон», и еще тот, второй, воскликнул: «Не дай Бог, если вылечится, тогда действительно кранты!» Капшеев подумал, что это врачи, торопятся к больному, но почему «не дай Бог, если вылечится»? Странно, да?

— Спасибо, что позвонили, — сказал я. — Что теперь делать будем?

— Ну, — ворчливо, с сознанием собственной значимости произнес капитан, — вы ничего делать не будете, отдыхайте и ждите, я вам позвоню. Все возможное уже делается. К вам просьба: может, вы или жена пропавшего знаете его спутника.

— Я не знаю.

— Может, жена знает, это сразу сузит круг поисков. Мой телефон у вас есть, звоните сразу.

* * *

— Нашли? — спросила тетя Женя странным голосом, когда я, постучав и услышав «да!», вошел в комнату: она сидела на кровати, обхватив шею ладонями обеих рук.

Я присел рядом на краешек кровати и пересказал все, что услышал от капитана.

— Вы знаете, может быть... какой-то знакомый Николая Геннадьевича, который живет поблизости? Они говорили о науке — значит, он может быть и астрономом. Или геофизиком.

Тетя Женя отрицательно качала головой. Нет, нет, нет... Не знала она никого, к кому Коля мог бы направиться с такими конспиративными предосторожностями.

— Вам надо хорошо отдохнуть, — сказал я. — Скорее всего, утром что-нибудь все-таки выяснится, и нужно будет ехать.

— Да, — сказала тетя Женя. Она сосредоточенно думала о чем-то и не собиралась, похоже, делиться своими мыслями. Может, мы думали об одном и том же?

Вряд ли.

— Хотите поесть? — сказал я. — За углом неплохое кафе, там есть и интернет...

— Не хочу я есть. Ты проверил почту? Есть что-то... Нет, конечно. Ты прав, Юра, надо отдохнуть. Иди, я еще полежу.

Ей надо было и поесть что-нибудь, но спорить с тетей Женей я не решался.

Я пошел к себе, в соседний номер, который был так мал, что даже прикроватная тумбочка не вместились, а дверцы встроенного шкафа, если их открыть, упирались в кровать.

Я набрал номер Новинского, в Питере было утро, и ответил он сразу, будто ждал моего звонка.

— Нашелся? — спросил Григорий Аронович, и я очень коротко (время — деньги) рассказал о таинственном незнакомце.

— Как в плохом триллере, — буркнул Новинский и добавил: — Послушайте, Юрий, если мы будем разговаривать по мобильному, вы скоро разоритесь. Там есть интернет?

Народу в кафе прибавилось, шума — тоже, я боялся, что на этот раз компьютер окажется занят, но мне опять повезло. Туристам, похоже, было не до мировой паутины, они пили пиво (на стене висела табличка: «Приносить и распивать крепкие спиртные напитки запрещено») и пели песни о «лаве, текущей по нашей душе». Странные слова, но, наверное, в них был не понятый мною смысл.

Подключился, и через минуту внизу экрана побежали буквы. Разговор наш с Новинским перешел к конкретным вопросам. Я переслал ему обнаруженную записку Николая Геннадьевича, и Григорий Аронович, понятно, тоже отверг мысль, что речь шла о Боге. Она, Он... Конечно, живое существо. При чем здесь, однако, глобальное потепление, гомеопатия, история болезни? Как это связать? Проще всего — никак не связывать. Н.Г. болеет, в последние месяцы болезни приняла странную форму. Нужно посоветоваться с психiatрами, а не с астрофизиками или климатологами. Скорее всего, коллеги Н.Г. так и думают. Возможно, так думает даже тетя Женя. Но мне во всем, что делал

Николай Геннадьевич, чудилась железная логика, которую мы пока не понимали. И каждое слово в его письмах стояло на месте. Если он написал «гомеопатия» рядом с «глобальным потеплением», значит...

«Юрий, — поехала строчка от Новинского, — невозможно, чтобы Черепанов не подготовил текста статьи. Он не ввязался бы в эту авантюру, если бы не получил окончательного, с его точки зрения, ответа. Нужно найти текст. Вы уверены, что текста нет в его домашнем компьютере? Он мог не посылать статью в сеть, хранить на жестком или на лазерном диске, вы все проверили?»

«Нет, конечно».

«Вы можете попросить сделать это кого-нибудь из московских коллег Черепанова?»

«Я — нет, Евгения Алексеевна может. Но толку от этого не будет: компьютер в квартире на Вернадского, ключ у Евгении Алексеевны (и у самого Николая Геннадьевича, конечно). Как попасть в квартиру? Взламывать дверь?»

«Да, не годится. Может, в компьютере на работе?»

«Я скажу Евгении Алексеевне. Свяжемся с кем-нибудь из его отдела, я этих людей не знаю, но электронные адреса есть в почте Николая Геннадьевича, я их вижу».

«Время идет, — напомнил Новинский. — Попробуйте прямо сейчас».

Я попробовал. Составил и послал по двадцати шести адресам письмо с просьбой при первой же возможности поискать в компьютерах лаборатории внегалактической астрономии документы с такими ключевыми словами...

Я не ждал ответа раньше утра, но получил почти сразу, не прошло и десяти минут. Писал Михаил Уваров, аспирант Н.Г.

«Я нашел несколько документов, — было в письме. — Не уверен, что именно это Вам нужно, пересылаю, смотрите сами».

«Получилось!» — написал я Новинскому и получил в ответ изображение улыбающейся рожицы.

«Перешлите и мне, — попросил он, — подумаем вместе, у меня есть кое-какие соображения, но я не уверен, что они достаточно разумные, чтобы быть верными».

Фраза показалась двусмысленной, учитывая обстоятельства, но я оставил свое мнение при себе, отослал четыре текста, присланных из Москвы, и вывел на экран первый из них, сразу посмотрев на дату создания и последнего редактирования документа. Файл был создан 4 января нынешнего года (прошло почти семь месяцев), а редактирован в последний раз 23 июля. За двое суток до отлета!

Полагаю, что этот текст будет обнаружен в моих файлах уже после того, как эксперимент завершится. Я не знаю, каким окажется результат. Если бы знал, не было бы смысла в эксперименте. Если я не присутствую при чтении, значит, для меня лично эксперимент закончился неудачно. Хотя... Что означает, в данном случае, удача? Не хочу обсуждать это. Моя судьба... Нет, о собственной судьбе — в документе 3. Здесь — обоснование и начальные условия.

Я переключился на документ номер 3. Сейчас судьба Николая Геннадьевича была важнее его научных измышлений и экспериментов.

Женечка, ты читаешь эти строки — значит, меня нет рядом с тобой. Значит, я не вернулся, прости меня за то, что я ушел так неожиданно, так для тебя поспешно. Прости, я не рассказывал о том, что занимало меня целых двадцать лет. Как сейчас подумую, это кажется невозможным даже мне самому: двадцать лет держать в себе. Ты, конечно, о чем-то догадывалась, знаю я твою интуицию, но знаю также и твой характер. Если бы я тебе все рассказал, наша жизнь стала бы кошмаром. Ты бы меня переубеждала, ты бы доказывала, что все это чепуха, ты бы сделала все, чтобы я не занимался глупостями, как ты в семьдесят шестом все сделала, чтобы я не поехал работать на шестиметровом. А сейчас ты точно не допустила бы, чтобы я тратил свои силы, которых и так немного, на работу, которую никогда не покажу никому и никогда не опубликую, даже если полностью прав. Потому что, если я прав, это и без меня узнают, и какая тогда разница, кто был первым? А если я не прав, то, скорее всего, не вернусь. Я уже не тот, каким был в молодости, и с собой мне придется взять только самое необходимое...

Как многословно! Когда он наконец перейдет к сути?

...И еще я ничего не мог тебе сказать, потому что до сих пор люблю тебя. Да ты это и так знаешь, и я знаю, что ты меня любишь тоже. Так вот, ради нашей любви я делаю то, что делаю. Ради нашей любви и нашего Кости. Я ему, кстати, отправлю три письма из этих четырех. На всякий случай. Попрошу, чтобы не читал, но он парень любопытный и прочитает, конечно, но не будет рассказывать по тем же соображениям, по которым не рассказываю я...

Вот еще упущение! Почему никто не подумал, что информация может быть у Константина Николаевича? Только потому, что он далеко?

...я люблю тебя, Женечка, ты себе не представляешь...

Зачем я это читаю? Покажу тете Жене, пусть сама решает, надо ли связываться с Костей.

Я вернулся к первому документу.

Обоснование.

О том, что технологии могут оказывать влияние на климат, я прочитал в фантастическом рассказе. Было это в семьдесят восьмом году, и писали тогда не о глобальном потеплении, конечно, а о том, что человек своими действиями портит экологию. Портит, да, не такая уж это была новость даже тридцать лет назад. Помню, критики упрекали писателей-фантастов в том, что, предсказав кучу всякого, от атомной бомбы до лазера, они прошли мимо экологической катастрофы. Но для меня тот рассказ стал откровением. Я не читаю худлит, ты знаешь. Пустая трата времени. Человек может прочитать за всю жизнь определенное число книг и успеть в своем деле определенные вещи, и потому книги — разве это не очевидно? — должны быть книгами по профессии и по смежным тоже. Худлит — для воспитания нравственности, но для чего тогда родители? Рассказ тот я бы читать не стал, но так получилось — летел в Алма-Ату на совещание, взял с собой только что вышедшее переиздание «Теоретической астрофизики» Соболева и случайно положил книгу не в портфель, а в багаж. Так что же, три часа надо было думать? Мне в самолете не очень думается, привык читать. Там оказался журнал в кармашке впереди стоявшего кресла, «Знание—сила». Я проглядел статьи, была и по астрономии, очень поверхностная, перечисление имен и дат, никакой внутренней логики. А в конце номера был рассказ. Я прочел его по инерции, не сразу поняв, что это не научно-популярная статья. Рассказ поразил. Какой-нибудь знаток фантастики сказал бы, что там не было ничего нового, но для меня это было ново...

Как опять многословно! Я знал Николая Геннадьевича как человека, говорящего обычно самую суть и не отвлекающегося на мелочи. А тут... «Растекаешься мысию по древу»...

Или это я «растекаешься», а Н.Г., напротив, был, как обычно, точен, и я просто не усваивал половины смысла?

...Итак, метод объединения. «Солярис» Лема и «Когда Земля вскрикнула» Конан Дойла. Вообще-то автор не точен. Он наверняка пользовался идеями Лема и Конан Дойла, но прямое их объединение привело бы к совсем другому существу.

Если бы я изначально знал, что это всего лишь рассказ и фантазия, то... не знаю... Возможно, закрыл бы журнал с сожалением о потраченном времени. Но я читал это, как научную популяризацию очень интересной биофизической идеи. И по инерции продолжал думать, пока самолет не приземлился в Алма-Ате. Конечно, не моя это область, но когда начинаешь над чем-то размышлять серьезно, то не разделяешь, твоя это специальность или...

Он перейдет к делу наконец?

Гипотеза: жизнь на планете зарождается не в океане. Жизнь зарождается в воздухе, поскольку именно в воздухе распространяются электрические разряды, именно в воздухе рассеяны вещества, необходимые для возникновения жизни. Правда, воздух в тысячу раз менее плотен, чем вода, и, соответственно, вероятность, по идее, меньше, но в тысячу ли раз? Во-первых, плотность нижних слоев атмосферы четыре миллиарда лет назад была гораздо выше нынешней, и никто не может точно сказать, какой была эта плотность. Знакомая ситуация — как со средней плотностью вещества во Вселенной. Вдвое больше, вдвое меньше...

Можно рассчитать. Когда я вышел из самолета, то был почему-то уверен, что это легко рассчитать, и любой биолог может это сделать. «Любого биолога» я нашел в тот же вечер — это был Л.Т. с кафедры биологии в университете. Меня с ним познакомил К. Умный человек — Л.Т. и наверняка хорошо осведомленный в своей области. Мне он прямо сказал: чепуха, дорогой коллега. Реникса. Во-первых, это не рассчитаешь, поскольку ни одна ЭВМ не имеет нужного быстродействия. Во-вторых, ни один биолог не возьмется составить алгоритм, потому что каждый шаг будет содержать минимум несколько параметров, наукой еще не установленных окончательно.

Что значит — окончательно? Я не спросил, но мне это слово никогда не нравилось. В астрофизике ничего и никогда не было установлено окончательно. Даже всеми признанная теория Большого взрыва — не окончательна. Но мы все равно считаем модели и движемся вперед в понимании космологических процессов, а если когда-нибудь окажется, что модели строились на неверном основании, то у нас уже будет достаточно разработанных версий, чтобы относительно безболезненно перейти к иной парадигме и строить здание не заново, а из уже имеющих кирпичей...

Дальше:

Обоснование: физико-химические условия в атмосфере Земли через несколько десятков миллионов лет после образования планеты. Жизнь могла зародиться именно в то время...

Я прочитал еще десятка три фантастических рассказов, но ни в одном не нашел развития этой идеи, что свидетельствует об авторской неадекватности. В науке такое невозможно: ясно высказанная и подкрепленная достаточно серьезными расчетами гипотеза обязательно будет рассмотрена с разных сторон десятком или сотней авторов. И все выводы будут сделаны. Литература глупо разбазаривает собственный научно-исследовательский потенциал.

Подумать только: у такой блестящей идеи не нашлось ни одного последователя! Сам автор не подумал разрабатывать собственную идею. Я нашел три его более поздних рассказа — они оказались совсем на другую тему. Остальные фантасты тоже не кинулись исследовать это поле. Каждый, как наседка, выкладывал яичко и кудахтал над ним...

Вот новость: лет двадцать назад Н.Г. все-таки читал фантастику! Похоже, что и тетя Женя не знала, иначе этот эпизод из жизни ее любимого Коленки был бы всем известен.

«По-моему, — написал я Новинскому, — идея, над которой работал Н.Г., заключалась в том, что на Земле жизнь зародилась не в океане, а в атмосфере. Я не понял, какая здесь космологическая аналогия. И не понимаю, при чем здесь минимальное воздействие, гомеопатия. Возможно, это не имеет отношения к поездке Н.Г. По-моему, мы не там ищем».

Ответ был коротким: «Там».

И еще через минуту: «Связь с космологией очевидна».

Я послал в ответ несколько вопросительных знаков: кому-то эта связь, возможно, и была очевидна, только не мне. Самое странное, что я уже в тот момент прекрасно знал, в чем дело, какова идея, и даже путь Н.Г. мог бы проследить вполне определенно. Я все это знал подсознательно, но еще не верил. Знание мое оставалось невосстребованным, и я смотрел на строки на экране, как пресловутый солдат на вошь.

Вопросительные знаки остались без ответа — появилась иконка «абонент не в сети». Что-то сбилось...

Последний абзац письма оказался таким:

Переформулировать антропный принцип.

Жизнь на Земле.

Атмосфера.

Флора и кислород.

Болезнь.

Лечение.

Гомеопатия.

Человек?

Кто мы? Для чего? Что должны делать? Будем ли? Нужен ответ.

И разговор должен быть прямым.

Понимание?

Да.

Что — да? Понимание — чего? Или кого? «Разговор должен быть прямым». С кем?

Мысли путались, сейчас поспать бы — проснувшись, я все пойму. Если Н.Г. этот текст написал, значит, его можно понять. И я понимаю, но мне нужно только понять, что именно я понимаю в этих словах.

— Простите, — сказала девушка-официантка, — заканчивайте, пожалуйста. Мы закрываемся.

* * *

Я приоткрыл окно, закурил и растянулся на постели, скинув туфли. Лежал и смотрел в потолок. Я не спал, но на потолке что-то происходило, и я смотрел это, как кино, сначала плоское, а потом объемное. Комната стала экраном, на котором или, точнее, в котором я видел, как все на самом деле происходило здесь, на Земле, три или четыре миллиарда лет назад. И еще почему-то видел — вторым планом, будто нарисованную на марле картинку: Н.Г. выходит из здания аэровокзала, к нему подходит мужчина, немолодой, пожалуй, такого же возраста, как Н.Г., они обнимаются, говорят друг другу что-то ободряющее, слов не слышно, да и видно плохо. Тот, второй, забирает у Н.Г. рюкзак и несет к стоянке, бросает в багажник машины. Они садятся и едут. Вокруг удивительно красивые голубые горы, высокие ели и пихты, покрытые зеленью поляны, сопки...

— Юра, проснись, я только что говорила с Колей! Слышишь? Ну что же ты не просыпаешься?

Кто-то изо всей силы шлепнул меня ладонью по щеке и задел нос... больно...

Я открыл глаза и увидел над собой лицо тети Жени — такое же заspanное, как, наверное, мое. Волосы в беспорядке, и оттого тетя Женя выглядела очень старой, ей можно было дать все семьдесят.

Я опустил ноги с кровати, и тетя Женя села рядом.

— Ты меня понял? — сказала она. — Я только что говорила с Колей.

Комната перестала вращаться.

— Где он? — спросил я, прикидывая, кому звонить в первую очередь, и смогут ли в милиции дать нам машину, чтобы доехать до голубых гор... черт, какие еще голубые горы?

— Не знаю, — сказала тетя Женя. — Он не сказал, но с ним все в порядке, и он не врет, я слышала по голосу. Он очень доволен, потому что, говорит, все идет как нужно, как рассчитано.

— Что идет? — спросил я. — Откуда он звонил? Давайте я наберу его номер и поговорим...

— Бесплезно, — сказала тетя Женя. — Колин мобильник отключен. Звонил он с телефона Старыгина. Только этот телефон сейчас тоже отключен.

— Старыгин? — переспросил я. — Это кто такой?

— Я о нем даже не подумала, — сказала тетя Женя. — Старыгин. Олег. Не помню отчества. Мы учились вместе. Когда были на четвертом курсе, ездили в астроклиматическую экспедицию на Саяны. Господи, как там было красиво! Я совсем о нем забыла. Сейчас вспоминаю: после четвертого курса он перевелся на геофизику, была романтическая история, то есть мне так казалось... А по распределению попал на какую-то геофизическую станцию.

— Тетя Женя, — сказал я, надевая туфли и завязывая шнурки, — где они?

— Я спала, но когда зазвонил мобильный, сразу проснулась, схватила телефон. Думала, это Коля, но номер был незнакомый, а голос чужой. Он сказал: «Здравствуй, Женя, не сердись, что на «ты», мы ведь сто лет знакомы, то есть были знакомы сто лет назад, ты должна помнить. Это Старыгин, Олег».

«Да, — сказала я. — Олег. Помню, конечно».

«Извини, времени мало, я дам телефон Коле, он тебе сам объяснит».

Я закричала «Коля!» и услышала его голос.

«Что ты кричишь, в самом деле, — сказал он. — Ты где? Дома?»

«Я в Петропавловске, — сказала я, — а ты где, старый дурак?»

«В Петропавловске? Уже? — удивился Коля. — Слушай, Женечка, у меня все в порядке, все в полном порядке и по плану, как я... как мы с Олегом рассчитали. Сейчас я у него, выйду утром, и мне нужны еще сутки... А потом вы нас найдете. Но не сегодня. Сегодня еще рано, я тебе звоню, чтобы ты не беспокоилась».

«Не беспокоилась?!» — кажется, я начала что-то кричать, но Коля меня не слушал и говорил, и мне пришлось замолчать, иначе я не услышала бы, что он сказал.

«Я думаю, — сказал он, — все должно получиться. До свиданья, Женечка. Не волнуйся, все будет хорошо».

— Номер? — спросил я.

— Вот, — тетя Женя передала мне свою мобилу, и я вытащил из памяти номер аппарата, с которого был сделан последний звонок. Нажал кнопку возврата разговора.

Конечно: «Абонент недоступен, оставьте сообщение».

Я набрал номер Бартенева. Капитан отозвался мгновенно, будто ждал звонка.

Я передал телефон тете Жене, Бартнев задавал вопросы, она отвечала, я прислушивался к разговору, но думал о другом. Н.Г. сказал «все в порядке», значит, так оно и есть. Но куда-то он собрался. «И мне нужны еще сутки». Для чего?

Поговорив с капитаном, тетя Женя протянула мне телефон, и я задал необходимые в таком случае вопросы: может ли Бартнев выяснить, где живет Старыгин (это его машина была в аэропорту, и это с ним уехал Н.Г.), где он находился, когда звонил тете Жене. И если это будет сделано, могут ли местные органы правопорядка предоставить нам транспорт, чтобы добраться до места?

— Конечно, — перебил меня капитан. — Черепанов в розыске, так что, если надо будет послать машину, то без проблем.

— Даже если... — я сделал паузу. — Если в район вулканов? Я в географии не силен, не знаю, далеко ли отсюда...

— Попробую выяснить и это, — неожиданно сухим тоном сказал Бартнев. — Сами никаких действий не предпринимайте, ждите моего звонка в гостинице. Попробуйте звонить по номерам Старыгина и Черепанова. Если удастся связаться, немедленно сообщайте мне. Понятно?

Понятно, конечно. И, наверное, разумно. Но сидеть сложа руки... За себя я еще мог ручаться, но как заставить тетю Женю «никаких действий не предпринимать», когда она только что говорила с мужем и знает, что он где-то неподалеку?

— Ну? — спросила она. — Что он сказал? Что они собираются делать?

Я объяснил и предложил спуститься в холл: может, хотя уже и поздно, где-нибудь работает буфет и там есть кофе?

— Кофе я тебе сделаю здесь, — отрезала тетя Женя. — А потом мы найдем Олега и поедem к нему.

— Как мы его найдем? — возразил я. — Милиция сейчас его ищет...

— У них свои методы, — сказала тетя Женя и передала мне записную книжку, открытую на странице с буквой М. — Свяжись с Мироним. Пошли эсэмэс, дешевле будет.

Я послал сообщение, и уже через минуту звякнул ответный сигнал. «Где вы сейчас? Как Е.А.? Нашли Н.Г.? Нужна помощь?»

Я сообщил о нашем местонахождении и задал вопрос, который повторяла мне над ухом тетя Женя:

«Что Вам известно об Олеге Старыгине, учившемся с Вами на курсе?»

Последовала минутная задержка. Тетя Женя вцепилась обеими руками мне в плечи, ощущение было таким, будто на меня села хищная

птица, готовая вонзить острый клюв мне в темечко, если я не смогу сделать того, что нужно, сейчас, немедленно...

«Старыгин работает у нас по совместительству. Отдел земного магнетизма. Живет в Дальнем, 70 км от П., станция Института геофизики РАН, занимается исследованием магнитных полей вулканов».

«Каких?»

«Кизимен. У ИГ станция в 4 км от турбазы Тумрок».

«Скорее всего, — написал я, — Н.Г. собирается подняться на вулкан. Завтра утром. Понимает, что позже его могут остановить».

«Остановить, — написал Мирошниченко, — его могут в любой момент, свяжусь с директором ИГ, он отдаст распоряжение».

«Не нужно», — написал я.

Почему? Конечно, его надо остановить. Если Старыгин сам этого не понимает, если Н.Г. ничего не сказал старому другу о своем самочувствии, надо его предупредить... Похоже, Старыгин собирается отпустить Н.Г. одного. Вероятно, считает, что это безопасно. Возможно, геофизики поднимаются на сопку каждый день и не видят в этом ничего экстраординарного. Н.Г. нужно остановить. Но я написал «нет» и готов был повторить.

«Н.Г. знает, что делает, — набирал я. — Но нам с Е.А. необходимо быть на базе ИГ как можно быстрее. Это можно организовать? Есть в П. машина института?»

«Выясню, — коротко ответил Мирошниченко. — Ждите».

— Ты правильно сделал, — пробормотала тетя Женя. — Ты молодец, Юра, ты все сделал правильно.

Звонок. Я не сразу понял, что звонит моя мобила — тетя Женя раньше меня схватила лежавший на тумбочке аппарат.

— Да, — сказала она. — Это... да.

Она слушала молча, поджав губы и переводя взгляд с предмета на предмет, будто не могла сосредоточиться ни на разговоре, ни на окружающей нас реальности.

— Это капитан? — спросил я, но тетя Женя даже не посмотрела в мою сторону.

— Хорошо, — сказала она. — Мы подождем. Только... Это быстро?

Наверное, ей сказали «да», потому что на ее лице появилось умиротворенное выражение, тетя Женя всхлипнула — кажется, неожиданно для себя самой — и аккуратно положила телефон на столик.

— Кто? — спросил я. — И что?

— Мирон, — сказала тетя Женя. — Они поехали вчера на базу у Кизимена. С континента привезли оборудование, которое надо было переправить...

— Мирон выяснил это за десять минут? — недоверчиво сказал я.
 — Ну да. Позвонил, видимо, начальнику Камчатского отделения.
 — А тот все помнит наизусть, — продолжал сомневаться я. Зачем? Ну, знал начальник все заранее, это очевидно. Не мог Старыгин без его ведома привезти на базу хоть старого, хоть нового знакомого. Старыгин везет известного астрофизика. Столичному космологу интересно, как выглядит вблизи знаменитый камчатский вулкан.

Все они продумали заранее — Н.Г. и Старыгин. Договаривались не по телефону — тетя Женя знала бы, она сама проверяла и оплачивала счета. Они не общались по электронной почте — то есть не общались по известному мне адресу Николая Геннадьевича. Ну и что? Н.Г. открыл адрес, скажем, на Яндекс или Рамблере, да где угодно, есть десятки возможностей, в том числе самых неожиданных, и никакой эксперт никогда...

Почему тогда записки, которые я прочитал, лежали там, где их можно было легко найти? Теперь я это понимал, пожалуй. Николай Геннадьевич не хотел, чтобы мы с тетей Женей (впрочем, думал он наверняка только о своей Женечке, а не о том, что я стану помогать ей в поисках) долго блуждали в потемках. Записки и рассчитаны были на то, что тетя Женя прочитает их первой, поймет все, как надо...

Она действительно поняла?

— Ты действительно понял? — спросила она.

— Насчет разума планеты? — спросил я.

— Два старых дурака, — пробормотала тетя Женя. — Подожди, я до тебя доберусь!

Она имела в виду Старыгина или своего мужа?

Телефон опять запиликал, мы оба потянулись к трубке, но тетя Женя, естественно, меня опередила. Впрочем, капитан говорил так громко, что я все слышал.

— Не разбудил? — поинтересовался он.

— Вы думаете, я могу спать? — агрессивно удивилась тетя Женя.

— Старыгин увез вашего мужа на базу геофизиков у вулкана Кизи-мен. У них своя вертушка.

— Вертолет? — переспросила тетя Женя, и лицо ее окаменело. Вертолеты она ненавидела. Эти штуки слишком часто падали. Как-то она при мне сказала Николаю Геннадьевичу, глядя на экран телевизора: «Ни за что не полечу на вертолете. Видишь, как они бьются?» На что Н.Г. ответил: «Глупости. Пешком опаснее — водители несутся, как угорелые».

— Вертушка туда летит час с минутами, — гнул свою линию капитан. — Я выяснил: рано утром геофизики прилетят в Моховую, что-то им нужно забрать. Это недалеко за городом, так что, если хотите...

— Хотим, — немедленно отозвалась тетя Женя.

— Хорошо. Тогда будьте готовы к семи часам, за вами заедет машина.

— Да.

— Значит, в семь, — сказал капитан и отключил связь, не попрощавшись.

— Если ты догадался, — помолчав, сказала наконец тетя Женя, — просвети меня. Время есть. Молчать не могу. Говори, пожалуйста.

Мне тоже надо было выговориться — может, я вообще все неправильно понял, и тетя Женя права, когда думает, что у ее Коли не прошли остаточные явления после той страшной ночи.

— Минимальное воздействие, — сказал я. — В космологии это тоже очень важная вещь. Я читал о реликтовом излучении... Вроде реликтовое излучение совершенно равномерно по всему небу, да? И вдруг обнаружились очень маленькие отклонения. На тысячные доли процента...

— Десятитысячные, — поправила тетя Женя.

— Тем более. И оказалось, из-за таких микроскопических отклонений приходится менять всю теорию Большого взрыва.

— Не всю, положим, — недовольно сказала тетя Женя, — но в теории инфляции...

— И о семинаре вы рассказывали, когда американец приезжал, а Николай Геннадьевич задал вопрос. Это с тех пор он говорил, что потерять научную репутацию можно мгновенно, а чтобы восстановить, бывает, и жизни не хватает?

— Да, — сказала тетя Женя. — Репутация, авторитет — для Коли вещи, наверное, не самые главные в жизни, но без них в науке делать нечего.

— Да... Хочу сказать, что, мне показалось, Николая Геннадьевича всегда занимали любые малые влияния. Малые магнитные поля в потоках вещества... Малые флуктуации в магнитных полях пульсаров... Минимальные отклонения от средней плотности во Вселенной...

— Ты хорошо изучил Колины работы, — сказала тетя Женя с уважением. — Я и не подозревала.

— Нет, — признался я, — не изучал я его работы. Посмотрел заголовки, сопоставил... С гомеопатией этой, извините.

— Да чего там, — пробормотала тетя Женя. — Коля и к гомеопату согласился пойти, потому что...

— Понимаю, — перебил я. — Когда Николай Геннадьевич пришел к идее, что жизнь может зародиться в космическом пространстве? Ну, в газе? Межзвездном, межгалактическом...

— Это не Колина идея, — сказала тетя Женя. — Гипотеза панспермии. Викрамасинг. Пятидесятые годы. Жизнь могла зародиться в межзвездных облаках, когда галактики были молодые, стало взрываться первое поколение звезд. Миллиарды сверхновых, огромное количество тяжелых элементов, и все это ушло в облака...

— Вот-вот, — подхватил я. — Именно тогда возникла жизнь во Вселенной. В космосе. В туманностях. А потом эти молекулы попали на Землю.

— Да, — сказала тетя Женя. — Четыре миллиарда лет назад. Земля была молодая, горячая, атмосфера совсем не похожа на нынешнюю, никакого кислорода. Зато много меркаптанов, тиолов, аминов, эфиров...

— Так вы с Николаем Геннадьевичем это все-таки обсуждали? — вырвалось у меня.

Тетя Женя посмотрела на меня удивленно:

— Конечно.

— Тогда почему же вы... — я не знал, как точнее сформулировать, чтобы не обидеть ее.

— Мы это давно обсуждали, — грустно сказала тетя Женя и отвернулась к окну. — Еще в конце восьмидесятых.

— И тогда Николай Геннадьевич уже говорил о живой атмосфере?

— Конечно. Химический состав воздуха четыре миллиарда лет назад был очень близок к составу межзвездной среды. А плотность гораздо больше — в сотни миллиардов раз больше, чем в пространстве. Но все равно в атмосфере «живые» молекулы возникнуть не могли, а в облаках — да, потому что облака освещались голубыми гигантами с нужным распределением облучающих фотонов, а Солнце — желтый карлик, и его энергии недостаточно.

— Ага, — я щелкнул пальцами от нетерпения, хотелось самому закончить рассуждение, убедиться, что я был прав. — В земной атмосфере сама по себе жизнь появиться не могла, но достаточно было небольшого числа молекул из межзвездного пространства попасть в готовую для оплодотворения среду... Минимальное воздействие, да? Как катализатор в химической реакции.

— Это и был катализатор, — пробормотала тетя Женя. — Без всяких «как». Точнее, здесь правильнее говорить об автокатализе.

— Ну да, я в химии ничего не понимаю... В общем, вся атмосфера Земли миллиарда четыре лет назад стала живой, верно? Огромная —

по сравнению с межзвездными облаками — плотность. Очень быстрое распространение живых молекул. Сто миллионов лет для них ерунда, не время. Может, это заняло миллиард лет или даже два.

— Больше, наверное, — сказала тетя Женья.

— И что же это было? — у меня разыгралась фантазия, я представил, как над покрытой вулканами Землей несутся багровые тучи, и ветры дуют, как хочется этому огромному, единственному, невидимому существу. Океан лемовского Соляриса, только не жидкий, а газообразный, и такой же по-своему мудрый, способный осознать себя.

— Солярис, — сказал я.

Тетя Женья кивнула.

— Да, похоже.

— Николай Геннадьевич читал Лема?

Тетя Женья покачала головой.

— Разве что в тайне от меня, — сказала она. — Дома у нас, конечно, есть Лем. В семидесятых выходила книжка в издательстве «Мир», там было два романа — «Солярис» и «Эдем». Не помню уже, где я купила. В магазинах фантастики было не достать... Кажется, в институте на какой-то конференции в фойе продавали. Когда Коля сказал о разумной атмосфере, я ему посоветовала прочитать «Солярис». Он поглядел на обложку, что-то ему не понравилось, и он читать не стал. «Там о чем? — спросил. — О физико-химических свойствах или о мучениях главного героя, который не может решить семейные проблемы?» «В основном, о мучениях героя, конечно, — сказала я, — это же художественная литература». «Да ну», — сказал Коля и поставил книжку на место.

— Так и не прочитал? За столько лет?

— Не прочитал. А в кино мы ходили. Был фестиваль фильмов Тарковского, уже после его смерти, кажется, в «Октябре». И я Колю вытащила.

— Конечно, ему не понравилось, — буркнул я.

— Нет. Особенно когда в ведре с краской изображали океан. Коля начал смеяться так громко, что я с ним прямо в зале поругалась... Нет, не понравилось.

— Почему Николай Геннадьевич это не опубликовал? — спросил я. — Хорошо, не в научном журнале. Есть популярные, «Знание—сила», например.

— Ну да, — иронически сказала тетя Женья. — Серьезный ученый публикует в несерьезном журнале свои бредовые идеи... Кстати, не думаю, что там взяли бы. Для них важнее всего авторитеты. Коля —

авторитет в космологии. В космогонии — нет. Это все равно как если бы он написал фантастику.

— Ну и написал бы! — воскликнул я. — Разве известные ученые не писали фантастику? Обручев, «Плутония», до сих пор помню. А Ефремов! Азимов, Хойл! Хойл был известным астрофизиком, я читал его «Черное облако» и «Андромеду» — классно написано! И идеи такие...

— Фантастические, — перебила меня тетя Женя. — В «Плутонии» идея совсем не научная. Ефремов... не помню, он, кажется, только один или два рассказа написал вполне научные, а остальное — фантастика. Читать интересно, но никто не скажет, что анамезом действительно может быть топливом для звездолетов. Хойл, говоришь? Разумное межзвездное облако. Очень близкая идея, ты прав, но этот роман как-то прошел мимо меня. А мимо Коли — подавно. Хойл мог себе позволить... К тому же Хойл не относился к этой идее серьезно. Игра ума. А у Коли это... Он уверен был... В середине восьмидесятых он точно был уверен, что так все и происходило на самом деле. Четыре миллиарда лет назад у Земли была плотная и разумная атмосфера. Ветры дули, как надо. И вулканы взрывались, потому что это нужно было ей. Из вулканов поступали необходимые ей для физиологии газы.

— Вспомнил сейчас Ефремова, «Сердце Змеи». Фторные люди. Кислород для фторных организмов — гибель. И если четыре миллиарда лет назад атмосфера Земли стала разумной, как океан Соляриса, то самым важным для нее было поддержание химического баланса, верно? Кислород для нее — как для нас отравление угарным газом. Я пытаюсь представить... Вулканы, да... Ей нужны были вулканы. Это химия, это хорошо. А космос? Нужен был ей космос?

— Какая разница, — нетерпеливо сказала тетя Женя. — При чем здесь космос?

— Ни при чем, — согласился я. — И органическая жизнь на планете, все эти трилобиты, цианобактерии... что там было в первобытном океане?

— Никто не знает! — отмахнулась тетя Женя. — Тот период — одни предположения.

— Но почему она сразу не уничтожила протожизнь? Цианобактерии, которые начали вырабатывать кислород... У нее было достаточно времени, миллиард лет. А потом, наверное, стало поздно? Растения захватили землю, и кислорода стало слишком много. Она уже не могла справиться, для нее это, как для нас рак. Почему она сразу не уничтожила к чертям собачьим эти новообразования?

— Вот-вот, — сказала тетя Женя. — Я тоже Коле об этом говорила.

— Тогда вы должны знать то, чего я так и не понял. Не смог связать. Гомеопатию и всемирное потепление.

— Лечение. Ты сам только что сказал: для нее жизнь, связанная с кислородом, — как раковая опухоль. Смертельная болезнь.

— Но послушайте! — я никогда не говорил с тетей Женей таким тоном. Я всегда подбирал выражения, потому что боялся обидеть, а сейчас забыл об этом.

Я и усидеть на месте не мог, вскочил и принялся ходить по комнате от окна к шкафу, натываясь на мебель. Тетя Женя подобрала ноги, чтобы я не наступил, смотрела на меня с испугом, не с обидой, и я распался, совсем уже не контролируя свои рассуждения. Все, о чем я думал еще в Питере, о чем говорил с Новинским и что казалось мне слишком фантастическим, чтобы произносить вслух.

— Послушайте! Кто лечит рак гомеопатическими средствами? Надо прикончить разом! Цианобактерии? Растения? Она же управляет вулканической деятельностью! Так напустила бы тысячу вулканов! Могла и миллион. Любая цианобактерия погибла бы! Навсегда! Это глупо!

— Если бы она убила цианобактерии, на Земле не возникла бы органическая жизнь. Наша жизнь. Нас бы тут не было.

— И что? Вы хотите сказать, что она заботилась о будущей цивилизации? Разве вы думаете о том, как спасти колонию поселившихся в вашем организме вирусов, когда принимаете ударную дозу антибиотика?

— Может, у нее были свои соображения. Может, не рассчитала, а потом оказалось поздно.

— Поздно! Фантазии какие-то! Она погибла? Нет же! Пробовала бороться с болезнью?

— Но ведь и человек... — сказала тетя Женя, перебирая пальцами материю юбки. — Когда не помогает традиционная медицина, мы цепляемся за соломинку. Обращаемся к гомеопатам, к народным целителям, к гуру всяким...

— К народным целителям, Господи!

— Коля говорил, что она пробовала разные способы. То, что было в ее власти. Случались периоды, когда органическая жизнь почти погибала, но потом...

— Слишком живучи оказались?

— Похоже.

— Ладно, — сказал я. — Все это недоказуемо. Игра воображения.

— И все это, — сказала тетя Женя, подняв на меня внимательный взгляд, — я сто раз говорила Коле.

— Погодите, — прервал я тетю Женю. Мне нужно было закончить мысль самому. Я должен был поставить точку, не потому, что хотел доказать себе, какой я умный и понятливый, а чтобы понять наконец что делает Н.Г. на Камчатке и что станем делать завтра мы с тетей Женей. Все-таки странно она себя вела — ночи не спала, пока мы не нашли Н.Г., готова была на все, только бы скорее его увидеть, а сейчас, когда через несколько часов за нами прилетит вертушка... Я на ее месте каждую минуту звонил бы в поселок! Пусть ночь, но я бы все равно пытался. Заставил бы притащить к телефону ее Колю, сказал бы ему пару теплых слов, и он тут же помчался бы собирать вещи, потому что если тетя Женя говорит «я тебя жду», то...

А она тихо сидела на кровати, перебирала пальцами материю, смотрела в пол, изредка поднимала на меня взгляд — внимательный и... спокойный. Ей было достаточно сознания, что Коля нашелся.

Я слишком хорошо знал тетю Женю, чтобы не понимать: она знает то, чего не знаю я. И это знание придает ей сил, спокойствия, уверенности. В чем?

— Погодите, — повторил я, — за миллиарды лет кислородная оболочка...

— Азотно-кислородная, — механически поправила меня тетя Женя.

— Да... вытеснила Ее... ну, эту... в глубину планеты, в воздушные карманы под землей, в вулканические каналы. Она живет сейчас там, болеет и мечтает, чтобы все вернулось. Когда появились люди... Наверное, Она решила, что это и вовсе Ее конец: разумный человек не позволит, чтобы атмосфера...

Тетя Женя хмыкнула.

— Она, может, и не понимала сначала, что у человека есть разум, — говорил я. — Мы тоже не понимаем, есть ли разум у дельфинов или собак. А впрочем, что такое человек? В масштабах планеты? В Ее масштабах? Что человек? Мелочь. Что он может? Она долго обращала на человека внимания. Но когда началась промышленная революция... Или нет, позже: когда начали вырубать леса, строить химические заводы. По сравнению с общей энергией атмосферы, хотя бы с энергией, заключенной в электрических полях, или в энергии движущихся воздушных масс, вся наша промышленность — тьфу! Но ровно такое же тьфу, как гомеопатия! Понемногу, постепенно... Что для Нее сто или тысяча лет? Опять же — тьфу. Как Она считает время? Может, время для Нее вообще не существует? Знаете, что я скажу? Может, Она все заранее рассчитала? Я имею в виду — появление человечества. Кто знает, когда и как появились люди? Может, это Она...

Рассчитала, что человек рано или поздно начнет переделывать природу, причем именно так, как нужно Ей! Пока люди занимались скотоводством и земледелием, все для Нее шло не так, как нужно. Может, Она даже хотела избавиться от человечества и начать все заново? Устроила Всемирный потоп... И еще я читал: как-то от человечества осталась горстка дикарей в Африке, и вся эволюция началась заново.

— Спокойнее, Юра, — сказала тетя Женя. — Что-то тебя заносит.

— Ну, хорошо. Когда началась промышленная революция, Она поняла, что отсчет времени пошел. И действительно, мы, как молекулы лекарства, которых мало в растворе, но ведь действуют! Капля камень точит... Знаете, — мне пришла в голову идея, возможно, совсем сумасшедшая, но меня, как сказала тетя Женя, занесло, и я не мог остановиться: — Может, цель существования человечества в том и состоит, чтобы вылечить Землю? Вернуть атмосферу в то изначальное состояние, в каком она была четыре миллиарда лет назад. Мы — гомеопатическое лекарство для нашей планеты. Мы только воображаем, что человек — венец творения. А на самом деле мы гомеопатическая таблетка. А больная — Она. Невидимая... Она нами управляет, подталкивает...

— Хватит, — сказала тетя Женя. — Это уже какая-то теория заговора. Тебе бы с Колей поговорить. У него все гораздо более стройно и без фантастики. Гомеопатия — да. Лечение. Цель существования человечества, которую не то чтобы никто понять не хочет — никто об этом даже не задумывается. Но почему ты решил, что Она нами управляет? Как? Это же только воздух. Тяжелый душливый воздух, наполненный испарениями, которые для человека смертельны. Как Она может нами управлять? О чем ты?

— Это вы так Николаю Геннадьевичу говорили? — догадался я.

Тетя Женя встала, поправила юбку.

— Устала, — сказала она. — И рано вставать. Пойду посплю. Ты тоже поспи.

— Не усну, — сказал я.

— Твое дело. Полежи. А я попробую уснуть. Здесь хороший воздух.

— Хотите отдохнуть после Кизимена? — догадался я. — И правда, может, задержимся здесь на неделю? Природа замечательная. И Николаю Геннадьевичу полезно.

— Коле? — удивилась тетя Женя и, помолчав, добавила: — Все-таки ты ничего не понял. И ладно. Спокойной ночи.

Не понял — чего?

Тетя Женя ушла к себе, а я открыл окно, выкурил сигарету и лег, но даже под ватным одеялом, которое я нашел в шкафу, было зябко

и прохладно. Сон не шел, я закрыл окно, и стало душно. Мне не хватало воздуха, я лежал, закрыв глаза, и почему-то представлял, что дышу чем-то совсем не пригодным для дыхания... Запах был какой-то... сероводород, наверное... противный запах, возникший, скорее всего, в моем воображении. Наверное, я все-таки засыпал, потому что в полудреме слышал странный голос. Он не звучал, он просто существовал внутри меня и говорил, ничего не произнося, странные слова, которых не было в тех языках, что я знал, но я все равно понимал смысл: «Ваша сила приближает мою силу, вы — мое лекарство, вы пришли, и вы уйдете, потому что вместе нам жить невозможно, вы уйдете, вы временные, а я останусь, я вечная, это мой мир...»

Я хотел возразить, но не знал — кому. Я хотел подумать, что... Но мысль обрывалась... Я хотел...

* * *

Проснулся я от звонка мобильного.

— Корецкий? — спросил кто-то незнакомым голосом. — Вы готовы? Машина вышла.

Наскоро умывшись, я вытащил из номера рюкзак и постучал в соседнюю дверь. Сначала тихо, потом громче.

— Что ты барабанишь? — недовольно сказала, открыв, тетя Женя. Она была полностью одета, причесана, и рюкзак стоял у ее ног, готовый к тому, чтобы я его поднял. Похоже, она все-таки не ложилась этой ночью. — Я не глухая. И что за спешка?

Странный вопрос.

Милицейский «жигуль» стоял перед входом в гостиницу. Водитель курил и смотрел, как на западе медленно поднимались к зениту тяжелые облака. На востоке еще слепило глаза радостное утреннее солнце, а с противоположной стороны надвигался морок, видны были струи дождя, пересекавшие небо и казавшиеся издали прозрачным, трепетавшим на ветру кисейным занавесом.

В дороге мы не проронили ни слова — впрочем, весь путь и заняло минут пятнадцать. Вертолет стоял посреди бетонированной площадки, лопасти медленно крутились, создавая не ветер, а бурление в воздухе. Несколько мужчин поднимали в кабину картонные коробки, передавали пилоту и, видимо, штурману, а те складывали груз в салоне.

— Это вы с нами? — крикнул пилот, крепкий мужчина в черном комбинезоне, лет сорока на вид. — Ждите, сейчас груз примем...

Ждать пришлось недолго, через пару минут все было уложено.

— Полезайте, — разрешил пилот, и я первым полез в кабину по приставной металлической лестнице. Подал сверху руку тете Жене, она поднялась медленно, смотрела на меня странным взглядом, что-то хотела сказать, но я не понимал. Мне почему-то казалось, что она боится лететь, не хочется ей лететь. Она опустилась в кресло, пристегнулась, я сел рядом.

— Перчиков, — сказал пилот, обернувшись и протянув мне руку. Пожатие — вот странно — оказалось не очень крепким, скорее, символическим. — Борис Григорьевич. А это, — он кивнул в сторону штурмана, — Славик Евстигнеев.

— У вас есть связь? Я хочу поговорить с мужем, — сказала тетя Женя. Из-за шума винта ее было плохо слышно, но Перчиков понял.

— Насколько я знаю, — прокричал он, — ваш муж с утра ушел к сопке. Олег сказал, что вы в курсе!

Тетя Женя не ответила. Сидела, закрыв глаза и поджав губы, будто сердилась на кого-то. На мужа?

— Пристегнуты? — спросил Перчиков. Не стал верить на слово, проверил сам. — Хорошо. Летим.

Когда мы поднялись, первые капли дождя ударили по лобовому стеклу. Повернувшись вокруг вертикальной оси и чуть наклонившись вперед, вертолет полетел в противоположную от дождя сторону — к солнцу, понемногу отворачивая на север. Море появилось почти сразу, в глазах зарябило, но берег опять надвинулся, какие-то пустыри, группы деревьев, черные пятна, будто после сильных лесных пожаров. Мне было зябко, рядом тетя Женя что-то говорила, но я ничего не слышал. Наклонился к ней, пытаюсь разобрать хоть слово, но и тогда ничего не понял и почему-то подумал, что тетя Женя молится.

Устал я за эти дни. Не чувствовал ничего, кроме усталости. Даже радости не было от того, что скоро путь закончится, и тетя Женя приступит к последней карательной акции. Я мог себе представить, как она напустится на мужа и какими словами станет ему объяснять бессмысленность и недостойность его поступка: полстраны поднял на ноги, столько людей заставил волноваться... зачем?

Действительно — зачем?

Я знал теперь (или мне казалось, что знал), какую проблему пытался решить Николай Геннадьевич. Ну и что? Почему все-таки ему было так нужно попасть на Камчатку, к вулкану Кизимен?

Нет, вроде бы и это понятно. Именно в глубине действующих вулканов, в лавовых каналах, в подземных пустотах сохранился тот состав воздуха, что был на Земле, когда этим домом правила разумная

атмосфера планеты. Неужели Николай Геннадьевич думал, что у газового монстра сохранились остатки сознания?

Конечно, он должен был так думать. Она тяжело больна, Она много лет пыталась помочь себе, но болезнь наступала, Ей становилось хуже, Она испробовала все средства, но медленно погибала — а потом на планете появилась другая разумная раса. Homo sapiens egestus. Скорее всего, Она сначала восприняла человека как врага, еще одно кислорододоышающее создание природы. Так и было, пока человек не начал изобретать технологии. Пока не задымили фабрики.

Может, тогда Она поняла, что появилась надежда? Человек сделает то, чего не смогла Она. Постепенно, медленно, как это происходит при гомеопатическом лечении...

— Юра, — услышал я голос тети Жени. — Юра, мы не слишком быстро летим?

Откуда я мог знать? Вряд ли. Нормально мы летели. Перчиков о чем-то разговаривал с Евстигнеевым, возможно, травил анекдоты, оба смеялись.

— Нормально, — сказал я. — Вам не по себе?

И тогда тетя Женя сказала странную фразу:

— Мы можем прилететь слишком рано. Коля не успеет.

— Что не успеет?

Я догадался.

— Вы хотите сказать, — я наклонился к тете Жене, — что он пошел к жерлу вулкана?

Да, из жерла Кизимена, возможно, выделяются газы, тот воздух, который... И что? Н.Г. надеется, что его поймут? Вот уж чудь! Н.Г. думает, что Она обладает телепатическими способностями? И к тому же понимает русский?

— Тетя Женя, — сказал я. — Вы же не думаете на самом деле... И вообще — там высоко, почти три километра! Он не поднимется даже до середины! Там крутые склоны!

— О, — сказала тетя Женя и улыбнулась через силу. — Крутые, да. Он крутой, Коля.

Я совсем не это имел в виду, но, похоже, тетя Женя так нервничала, что не совсем понимала, что говорила.

Я вспомнил, как неохотно она поднималась в кабину вертолета. Вспомнил ее странные слова вчерашним вечером.

— Вы знали? — сказал я. — Вы с самого начала знали...

Тетя Женя подняла на меня измученный взгляд.

— Понимаешь, Юра, — горько сказала она. — После той ночи Коля сильно изменился. Раньше эта идея была для него... как научная

игрушка. Многие играют на компьютере в свободное время. Кого-то на экране ловят, куда-то едут. А Коля всю жизнь играл в эту игру. Собирали материал по кубикам, как в «Тетрисе». Перекладывал, думал. Это была его тихая радость. Чистое знание. А теперь он решил, что сможет доказать. Понимаешь? Он уверен, что Она еще жива и что весь наш прогресс, все, что мы делаем... Промышленные выбросы. Парниковый эффект. У всего этого одна цель: вернуть планету к истоку. Ко времени, когда Она была одна.

— Цель человечества — погубить себя ради Нее? — уточнил я.

— Да. И Коля решил, что сможет с Ней договориться.

Похоже, Николай Геннадьевич действительно сбрендил. Договориться с вулканическим воздухом, ну-ну... Конечно, тетя Женя решила, что ее муж не в себе. И конечно, даже не пыталась с ним спорить. С сумасшедшими не спорят.

Почему она так легко отпустила мужа в экспедицию, если знала? Черт, теперь и у меня начали путаться мысли. Н.Г. отправился в безобидное путешествие на затмение, с коллегами, которые, конечно, проследят, чтобы он не перетруждался. В Сибири нет вулканов — чего опасаться?

А он ее перехитрил.

Я знал Николая Геннадьевича. Тетя Женя тоже знала своего мужа. Но, похоже, мы сейчас совершенно по-разному оценивали его душевное состояние.

Перчиков обернулся и показал пальцем вниз. Летели мы над довольно унылой местностью — желто-серыми холмами, поросшими травой. Иногда попадались небольшие рощицы; местность, казалось, постепенно повышалась, но это могло быть и оптической иллюзией. А потом появилось иссиня-черное поле, я уже видел такое недавно.

— Фумарола! — крикнул Перчиков. — Смотрите, здесь их много!

Я не знал, что такое фумарола — наверное, что-то вулканическое. Застывшая лава? Впереди возник, будто из-под земли, белый с серо-зелеными прожилками конус, он был далеко и в то же время рядом, он был где-то за горизонтом, но все равно казалось, что, протянув руку, я смогу коснуться чего-то, не принадлежащего миру, к которому я привык, который знал. Если это и был Кизимен, он оказался похож скорее на яркую картинку в книге, чем на реальную гору.

Под нами бежала серая лента дороги, и мы летели над ней, повторяя изгибы. Я наклонился к дверце, чтобы видеть местность под нами, и, наверное, поэтому пропустил момент, когда за очередным хол-

мом возникли домики. Двигатель изменил тон, земля поплыла навстречу, я вцепился в подлокотники, поскольку мне показалось, что мы падаем, сейчас врежемся, и машина развалится на части, да уже и начала разваливаться, вот отвалилась лопасть...

— Прибыли, — повернулся к нам Перчиков. — Пока не вставайте, я скажу.

Но тетя Женя уже встала и пыталась открыть дверцу. Она, наверное, искала ручку. Пришлось и мне отстегнуться, я поднялся, а дверца в это время поползла в сторону, и мне пришлось ухватить тетю Женю под локоть, чтобы она не вывалилась наружу.

— Я сказал — не вставать! — рявкнул над ухом недовольный Перчиков.

Винт вращался все медленнее и наконец застыл. Стало тихо. Стало так тихо, что я услышал, как поет вдалеке какая-то птица. Где-то играла музыка. И чей-то голос снаружи сказал:

— Дайте руку, Евгения Алексеевна. Осторожно, не оступитесь.

Оказалось, что Перчиков с Евстигнеевым уже прыгнули на землю, рядом стояли еще трое, один из них поддерживал тетю Женю, пока она спускалась по металлической лестнице.

Я прыгнул сам. Надо было забрать рюкзаки, и я полез было обратно в кабину, но чья-то рука удержала меня, и чей-то бас сказал:

— Потом.

— Где Коля? — требовательный голос тети Жени вернул мне нормальное восприятие реальности. Солнце мягко освещало довольно неприветливую местность — холмы, поселок, но дальше...

Дальше выростала гора, вершина которой была покрыта снегом. Пологий конус, издали черный, с прожилками коричневого и зеленого оттенков. Вспомнились японские рисунки с изображением Фудзиямы — Фудзи была, конечно, круче и выше, я знал это, но все равно сейчас мне казалось, что на свете нет и не может быть ничего красивее и значительнее этой снежной горы, над которой неподвижно зависло круглое белое облако, будто снежное озеро. Белая полынья в голубом океане.

— Старыгин, — представился один из встречавших, седой мужчина, одетый не по сезону, в теплую куртку. — Здравствуйте, Евгения Алексеевна. Николай Геннадьевич с утра пошел в лес...

— Вы его даже не ищите? — спросила тетя Женя. Странное дело, в ее голосе я услышал не возмущение, а что-то вроде удовлетворения.

— Сказал, что к обеду вернется, — объяснил Старыгин. — Он не мог уйти далеко, да и не собирался. Местность здесь пологая, опасные

склоны начинаются километрах в десяти отсюда, Николай Геннадьевич не дойдет, не беспокойтесь.

— Красиво, — сказала тетя Женя, глядя на Кизимен из-под ладони. — Господи, как красиво. Этот дым над вершиной... Извержение, да?

— Ну что вы, — сказал Старыгин, — Кизимен извергался в последний раз восемьдесят лет назад. Потому я и говорю...

Тяжелый рокот донесся с севера, и мне показалось, что земля под ногами вздрогнула.

Люди, выгружавшие из вертолета коробки, прекратили работать. Все, кто был рядом с нами, обернулись, и я теперь точно мог сказать, что означает фраза: «Изумление застыло на их лицах». Над кратером поднимался — медленно, как ракета на старте — черный столб дыма. Издали он казался тонким, но полыхнуло красным, и дымовой столб расширился, превратился в колонну, стремившуюся верхним концом достать до единственного облака, что висело над горой. Облако уже не было белым, его будто помазали снизу сажей и вытянули вверх, оно стало похоже на потрепанную шляпу, этакий гигантский НЛО...

Как-то получилось, что мы остались на площадке одни — со Старыгиным, который не отрывал взгляда от вершины и что-то бормотал. Остальных будто смыло волной, и я только окоемом памяти вернул момент, когда все бросились к стоявшему рядом с площадкой микроавтобусу. Машина помчалась, выбивая пыль из проселочной дороги, к домику с антеннами на крыше. Я еще отметил, что дверь вертолета Перчиков закрыл, а там наши рюкзаки...

— Вы же говорили... — почему-то все доходило до меня с опозданием, я отметил, что эту фразу тетя Женя повторяла в десятый раз или в сотый: — Вы не предполагали, что начнется извержение? У вас сейсмографы, и в кратере аппаратура!

— Нет в кратере аппаратуры, — сказал Старыгин.

И тут мой мозговой ступор прошел, будто и не было. Память прояснилась. Собственно, так было всегда: я долго не мог сообразить, что делать, но в тот момент, когда будто само собой принималось решение...

— В машину! — сказал я. — Почему его не ищут с воздуха?

Старыгин посмотрел на меня как на идиота.

— Вертушка у нас одна, — сказал он с сожалением. — А сверху не увидишь — лес. Да вы не беспокойтесь, вернется Николай Геннадьевич. Увидит, что началось извержение, и прибежит.

— Да-да, — торопливо сказала тетя Женя. — Конечно. Но мы с Юрой можем тоже... Правда, Юра? В какую сторону он пошел?

* * *

Столб дыма над кратером немного отклонился к востоку — на высоте дул сильный ветер, — и что-то живое шевелилось на вершине. Старыгин сказал, что это грязь и пепел, лавы вылилось совсем немного, из жерла только камни летели, и, скорее всего, извержение скоро прекратится — слишком неожиданно все случилось, но именно поэтому выброс не сможет продолжаться долго. Земля время от времени подрагивала под ногами, или, может, мне это только казалось. Второй час мы шли по редкому лесу в направлении столба черного дыма — впереди Старыгин, за ним кто-то из геофизиков. Тот представился, конечно, но я не запомнил ни имени, ни фамилии; следом шла тетя Женя, ни за что не захотевшая остаться на базе и ждать нашего возвращения. Я шел последним, и все происходившее представлялось мне нереальным. Лес выглядел не таким, как в Подмосковье. Не то чтобы редкий (хотя и это тоже), но какой-то безжизненный. А может, мне только казалось так — из-за настроения, из-за уверенности: Н.Г., конечно, прекрасно понимал, что делает, отлично знал, что хочет найти и непременно найдет. Он с самого начала действовал по четкому плану, не импульсивно и уж точно без признаков безумия. Он вышел на встречу с древним разумом планеты. Он был уверен, что встреча состоится. Где-то здесь. Конечно, не в кратере. Он понимал, что до кратера не дойдет. Даже если позволят силы (он знал, что силы не позволят), его все равно остановят раньше, чем начнется подъем на вершину. Неужели тетя Женя всерьез вообразила, что ее Коля пройдет два десятка километров по пересеченной местности, а потом два с лишним километра вверх, да еще по крутым склонам? Тетя Женя думала, что ее муж не в себе. Она заставляла себя так думать, так ей было легче. Она могла не обижаться на Колю за его нелепые поступки, могла простить ему недомолвки последних недель и тайный побег, и нервотрепку, и полет, и поиски. Все она Коле могла простить, потому что жалела его. Он не вполне понимал, что делал, но если все-таки понимал... Тетя Женя не умела прощать обид, нанесенных намеренно. Если Коля понимал, как он ее обижает...

Почему-то мне казалось, что тетя Женя думала именно так. Я видел ее спину, чуть сгорбленную, ее затылок, короткую прическу. Время от времени она поднимала голову и кричала: «Коля!», и все начинали окликать его, оборачиваясь по сторонам, а я молчал, зная, что если Н.Г. даже и слышит нас сейчас, то все равно не ответит, потому что дело свое он еще не закончил.

Он знал, что не дойдет до вершины. Значит, предполагал иную возможность встречи. Может, здесь есть геотермальный источник или

выход подземных вулканических газов? Старыгин должен это знать, потому что никто, кроме него, не мог рассказать об источнике Николаю Геннадьевичу.

Мы вышли на поляну, где росла трава между рыжих камней; впереди опять был лес, точнее, подлесок, и если Н.Г. все-таки направлялся в сторону Кизимена, он непременно должен был пройти где-то здесь и не так давно — часа два-три назад. Из жерла вулкана беззвучно вырвался сноп пламени. Я знал, конечно, что звук придет позже, секунд через пять, но все-таки это было странное ощущение, будто смотришь немой фильм, и сейчас на экране появится надпись: «Новая фаза извержения». Гриб пепла вдруг осел, лишился части своей энергии, и будто черные камни посыпались вниз, только это были не камни, а огромные клубы пепла, и не сыпались они, а медленно планировали...

И опять мелко задрожала под ногами земля, я прибавил шагу, обошел тетю Женю, смотревшую в сторону сопки и не видевшую ничего вокруг, миновал не известного мне геофизика и, догнав Старыгина, тронул его за плечо.

— Послушайте, — сказал я. — Здесь где-то должен быть выход подземных газов или горячий источник, что-то такое.

— Мы туда идем, — сказал Старыгин. — Еще километр. За тем лесом.

— Николай Геннадьевич сказал вам...

— Ничего он не сказал, — отрезал Старыгин. — Друзья так не поступают.

— Но вы догадались?

Старыгин продолжал идти, не удостоивая меня взглядом.

— Конечно, — сказал он. — Я не знаю, как он собирается говорить... Но, черт возьми, если он продумал все, то должен был подумать и об этом! Об этом — в первую очередь.

— Да, — согласился я. — Наверняка. Он ничего не сообщил?

— Об этом — нет.

— По-моему, он надеется на Нее. Она гораздо мудрее. Старше, во всяком случае. Вам не кажется странным, что извержение началось именно сейчас?

— Кажется, — сказал Старыгин. — Пожалуйста, вернитесь на свое место. Вы должны контролировать Евгению Алексеевну.

— Да-да, — сказал я и остановился, пропуская не известного мне геофизика и шедшую за ним тетю Женю.

— О чем ты говорил с Олегом? — спросила она, проходя мимо меня.

Ответа дожидаться не стала, и слава Богу.

Я пристроился следом. Поляна кончилась, мы вошли в прозрачный и призрачный лес, где между деревьями громоздились валуны. Земля опять задрожала под ногами, и неожиданно из-за деревьев я услышал нараставший свист, а затем шипение, будто гигантская кобра подняла над корзинкой фокусника свою голову.

— Вперед! — крикнул Старыгин и побежал. — Гарик, не отставай!

Геофизик, которого, оказывается, звали Гариком, не только не отстал — он несколькими прыжками опередил Старыгина и первым выбежал на поляну. Лес кончился, дальше простиралось серое, покрытое камнями плато, за которым начинался подъем на сопку, и черно-коричневый пологий конус с грязно-серой вершиной предстал перед нами во всем своем ужасном великолепии. Столб дыма распался на несколько длинных волокон, поддерживавших плоскую черную шапку, от которой отваливались огромные куски, и они, будто грозовые тучи, плыли по небу на восток.

Но не извержение привлекло мое внимание. Метрах в трехстах впереди клокотало, выбрасывая пар, круглое озеро. Над ним клубились мелкие облачка, и марево застыло в воздухе, словно стеной отделяя нас от озера, откуда в нашу сторону полз тяжелый удушливый запах...

И тут я увидел Николая Геннадьевича. Он стоял на невысоком холме в нескольких шагах от бурлившей воды. Или это была не вода, а жидкий сероводород? В тот момент я забыл обо всех законах химии, мне казалось, что у ног Н.Г. клокочет не жидкость, а бьется чье-то живое тело: чудовище, вроде Лох-Несского, поднимает широкую спину, выгибает ее, показывая, что оно здесь, оно пришло, оно ждет, чтобы его поняли...

— Коля! — закричала тетя Женя и неожиданно оказалась впереди всех. Мы бежали и кричали, но берег, казалось, не приближался. Н.Г., оглянувшись, увидел нас, махнул рукой, что-то крикнул и пошел. Медленно двинулся вперед, поднимаясь на пологий холм, откуда, наверное, хорошо было видно все озеро до противоположного берега. Я мог себе представить, какая там стояла вонь. И не мог себе представить, как там можно дышать.

Воздух наполнился звуками, возникшими будто из-под земли, но быстро переместившимися вверх. Что-то рокотало над головой, но мне все равно казалось: это тяжело вздыхает земля. Я не сразу догадался: над нашими головами на высоте сотни метров завис вертолет, дверца была открыта, и кто-то, кого я не мог узнать (Перчиков, скорее всего), махал нам рукой. Я тоже махнул, показывая вперед,

на озеро, на Черепанова. Похоже, Николаю Геннадьевичу стало плохо — шел он странно, цепляясь руками за кусты, будто поднимался на крутой склон горы. Может, так оно и было: земля там шевелилась, трескалась, что-то взламывало ее изнутри, и с каждой секундой холм действительно становился круче. Из глубины озера вырвались струи пара и желтоватые клубы то ли дыма, то ли отравленного воздуха.

Вертолет накренился и медленно полетел вперед. Перчиков, видимо, заметил Черепанова среди неожиданного нагромождения камней там, где еще несколько минут назад мирно росла трава.

Бежать было трудно не только потому, что земля дрожала все сильнее и уходила из-под ног, но что-то мешало в голове, то ли мысль, то ли болевая точка, будто кто-то сильной ладонью обхватил затылок и сжимал, и низким басом произносил слова, которые я не мог понять, но в то же время знал, что понимать ничего не надо. Нужно чувствовать, однако именно чувств во мне не было никаких. Я ощущал себя автоматом, запрограммированным на одно простое движение — вперед и вверх.

Склоны словно отталкивали. Я понял, как трудно приходилось Н.Г., потому что и передо мной пологий склон неожиданно встал дыбом. Я уткнулся носом в потрескавшуюся землю и вцепился зубами в оказавшуюся у лица толстую ветку. Вкус был отвратительный, серный и еще какой-то. Я заставил себя приподнять голову и увидел надвигавшуюся сверху (или по земле?) тучу пепла. Путь преграждали потоки лавы — они-то откуда? Здесь не могло быть лавы, но я видел, на самом деле видел, как лава на моих глазах остывала и покрывалась твердой корой, под которой — я был в этом уверен — текла расплавленная масса.

Далеким кратер выбрасывал докрасна раскаленные обломки скал; иные разрывались в воздухе подобно бомбам, и их осколки разлетались во все стороны. Я видел Черепанова — он поднимался с удивительным проворством и отвагой, взбираясь на почти отвесные уступы.

Вскоре он добрался до вершины круглого утеса, это было что-то вроде площадки шириной около пяти метров. Под скалой плескалось озеро. Из него, как мне теперь казалось, вытекала и окружала утес огненная река, которую выступ разделял на два рукава. Между ними оставался узкий проход, в который смело проскользнул Н.Г. Сделав нечеловеческое усилие, он перепрыгнул через поток кипящей лавы и исчез с глаз.

Я закричал, решив, что Николай Геннадьевич упал в огненную реку, и меня поразило молчание тети Жени. На какое-то мгновение мне

показалось, что и она исчезла, но тут же я увидел ее спину. Тетя Женя карабкалась на крутой откос, цепляясь за уступы, как опытный скалолаз. Ей было не до крика, она была уверена, что спасет мужа — он скрылся за пеленой дыма, и мне почудилось, что я слышу его замиравший в отдалении голос.

Рокот вертолета сорвался в визг и мгновенно затих, оставив в мире только рев струй и шипение газа.

Нечего было и думать добраться до Николая Геннадьевича. Было сто шансов против одного, что мы погибнем там, где ему удалось пробраться с нечеловеческой ловкостью помешанного. Не было возможности ни перейти, ни обойти огненный поток. Напрасно тетя Женя старалась перебраться на другую сторону; она едва не погибла в клочущей лаве, и мы со Старыгиным с трудом ее удержали.

— Коля! — звала тетя Женя.

Но он продолжал подниматься, временами появляясь в клубах дыма, под дождем пепла. Я видел то его голову, то руки, затем он снова исчезал и появлялся уже выше, на уступе скалы. Он быстро уменьшался в размерах, как летевший вверх предмет.

Кругом стоял глухой гул. Холм (или уже гора? что это было?) гремел и пыхтел, как котел с кипящей водой.

Иной раз где-то совсем близко срывался обвал; огромная глыба летела вниз с возрастающей скоростью, подпрыгивая на гребнях скал.

Был момент, когда ветер швырнул в нашу сторону пламя, и оно накрыло нас багровой завесой. У меня вырвался крик ужаса, но Черепанов снова появился, размахивая руками.

Наконец Н.Г. добрался до вершины холма, до самого берега черного озера. Наша группа тоже взобралась почти на самую вершину, все трое: тетя Женя, которую ничто не могло остановить, за ней Старыгин, а следом я со всеми своими страхами и с головой, которая, я был уверен, принадлежала сейчас не мне, а другому существу, может, даже не живому, и чье тело было не моим, а скрытым от всех в глубине черного озера...

Черепанов шел вдоль скалы, поднимавшейся над кипевшей поверхностью. Камни дождем сыпались вокруг него.

Вдруг скала рухнула. Николай Геннадьевич исчез. Отчаянный крик тети Жени показался мне гласом Господа. Я сделал рывок и упал — оказалось, что подо мной все тот же пологий склон холма, а вовсе не крутой подъем. От неожиданности я не удержал равновесия, но тут же вскочил на ноги: не было никаких лавовых потоков, не было летевших камней, под ногами медленно набегали на берег горячие волны озера. Земля все еще дрожала, а тетя Женя стояла на коленях у кром-

ки воды и что-то бормотала. Взгляд у нее был совершенно безумный. Я понял, что она готова вслед за мужем войти в озеро и исчезнуть, как только что на моих глазах вошел и исчез Николай Геннадьевич.

Вертолет опять зарокотал, и я почувствовал движение горячего воздуха за спиной. Перчиков все-таки посадил машину, и двое выпрыгнули из кабины, не дожидаясь, пока перестанет вращаться винт.

Что потом... Обруч, стянувший мне голову, разжался, и мой череп, похоже, не выдержал, его разорвало изнутри, и мир засверкал, расплавился, вытек куда-то...

Стало темно, но я еще успел услышать несколько слов, не сказанных, но прозвучавших: «Все было и все будет, все случится и все пройдет...»

* * *

Естественно, я не умер. Уже теряя сознание, я знал (или правильнее сказать — чувствовал?), что продлится это недолго и что бессознательное состояние нужно (кому?), чтобы избавить мою психику от лишних потрясений. Почему-то я знал (или опять правильнее сказать — чувствовал?), что вовсе не из-за гнусных и непереносимых испарений впал в беспамятство, а совсем по другой причине, имевшей отношение скорее к психиатрии, чем к физиологии.

Неважно. Я пришел в себя в кабине вертолета. Лежал между двумя креслами. Надо мной склонился Старыгин. Он встретил мой взгляд и сказал негромко (а скорее всего, прокричал, чтобы я услышал):

— Как голова? Болит?

Я не понимал, почему у меня должна болеть голова. Вообще-то у меня болела спина, потому что лежал я на твердом и между лопатками ощущал что-то острое.

— Нет, — сказал я, приподнявшись. — Где Евгения Алексеевна? И что с ее мужем?

Я знал, что произошло с Николаем Геннадьевичем. Потому и спросил о тете Жене. Как она это перенесла? Они знали друг друга тридцать лет и три года.

— Евгения Алексеевна в порядке, — уклончиво отозвался Старыгин и посмотрел мимо меня. Я повернул голову и увидел тетю Женю, сидевшую в кресле в глубине салона. Глаза ее были закрыты, губы плотно сжаты. Она о чем-то думала, и я знал — о чем. Почему-то в тот момент я знал мысли всех, кто был в машине, или так мне казалось, проверить у меня не было возможности, да и желания такого не возникало.

— Николай Геннадьевич погиб, — сообщил Старыгин.

Я поднялся на ноги. Вертолет летел ровно, но пол все равно уходил у меня из-под ног, и я опустился в кресло. Старыгин сел рядом — так, чтобы видеть нас с тетей Женей. Под нами были домики базы, мы опускались на знакомую поляну.

— Вы видели? — спросил я у Старыгина. — Кратер? Лаву? И как он упал со скалы?

— Кто? — удивился Старыгин. — С какой скалы? Вы о Николае Геннадьевиче? Он, видимо, потерял сознание, отравился испарениями... И упал в воду. В озеро. Ужасно глупо. Упал лицом вниз и захлебнулся, прежде чем мы успели...

— Захлебнулся, — повторил я.

— Гарик сделал ему искусственное дыхание рот в рот, — сказал Старыгин. — Ничего не помогло. Потом его увезли на базу, там тоже... Ничего. Поздно.

Значит, вертолет уже сделал один рейс, прежде чем вывезти нас с тетей Женей. Почему она не полетела с мужем?

Была там же, где я, это очевидно. Похоже, только мы с ней... Наверное.

Машина опустилась, и уши у меня заложило от неожиданной тишины.

Почему-то опять стало темно.

* * *

Похоронили Николая Геннадьевича на Востряковском. Костя с Ингрид прилетели из Стокгольма, из института пришли сотрудники, Мирон произнес речь... Я хотел побывать на похоронах, но меня не выпустили из больницы. На обратном пути в Москву у меня случился инсульт — говорят, небольшой и не страшный, но я очень испугался, когда перестал чувствовать правую руку и обнаружил, что не могу произнести ни слова. Из «Домодедово» меня повезли в Склиф, но это совсем не интересно.

Тетя Женя навестила меня на следующий день. Мне показалось, она стала меньше ростом и похудела. Может, это вообще была не тетя Женя, а другая женщина, возникшая вместо нее там, на вулкане, когда Она говорила с нами и хотела, чтобы мы поняли.

Тетя Женя села на стул, сложила руки на коленях и заплакала. Слезы текли по щекам, я хотел протянуть руку и вытереть их, но рука не двигалась, и сказать я ничего не мог, а потому тоже заплакал, и почему-то мне сразу стало легче.

Тетя Женя взяла с тумбочки бумажную салфетку, вытерла слезы и сказала:

— Он сделал все, как хотел.

У меня было что сказать по этому поводу, но я смог только дернуть головой и пошевелить левой рукой.

— Он должен был это сделать, — сказала тетя Женя.

Конечно, должен. А она ему помогла, хотя он думал, что она делает все, чтобы его остановить. Она и сделала все, чтобы остановить... меня, себя, всех, кто участвовал в поисках. Она должна была дать мужу время выполнить задуманное.

Представляла ли тетя Женя, чем это могло кончиться?

Наверное. Она думала, что ее Коля все-таки свихнулся после того, как получил по голове. Она, несомненно, так думала — но все равно позволила... Я не представлял, как поступил бы на ее месте. А как поступила бы моя Лиза? Это я знал точно: она сняла бы меня с рейса в Питер, я даже билет купить не успел бы.

Тетя Женя была из другого времени. Или из другой жизни. Или просто... Можно ли так любить человека, чтобы даже его безумства воспринимать как единственно возможное и правильное поведение?

Николай Геннадьевич ни на минуту не был безумцем, уж это я знал наверняка. Я и раньше так думал, а теперь был уверен. Он все рассчитал. Он знал, кто встретит его у камчатского озера. Он знал, что диалог состоится. Знал, что никто не успеет ему помешать, потому что его Женя сделает для этого все.

Я хотел сказать об этом тете Жене, но не мог. Мы разговаривали взглядами, потому что и у нее не нашлось слов, с помощью которых она смогла бы описать то, что было сейчас в ее мыслях. Она положила свою правую руку на мою левую, сжала мою ладонь, было немного больно, но правильно, мы чувствовали состояние друг друга и мысли друг друга, мы разговаривали, мы понимали...

«Он был в здравом уме и твердой памяти».

«Да, Юра, теперь я это знаю».

«Он точно знал, чего хотел».

«Да».

«И вы знали, почему он не поехал на затмение».

«Знала. Я не должна была ему мешать, но хотела догнать и быть рядом».

«Мы его догнали. Слишком поздно».

«Ты так думаешь?»

«Он все равно поступил бы по-своему».

«Ты полагаешь, они поняли друг друга?»

«Думаю, да».

«Что-то должно измениться, если так. Что-то... Но я пока ничего не наблюдала».

«Слишком мало времени прошло. Несколько дней. Вы могли не увидеть изменений».

«Вчера... Ураган «Камилла» шел на мыс Канаверал. На старте был челнок. Передавали в новостях: ураган начал резко терять силу, на пути всего в сто километров превратился в обычный сильный ветер, баллов шесть. И все обошлось».

«Думаете?..»

«Это могло быть случайностью».

«А то, что мы с вами разговариваем и понимаем друг друга? — сказал я мысленно. — Это тоже случайность?»

Тетя Женя вздрогнула. Отдернула руку, будто ее ударило током. И я перестал слышать ее мысли. Она тоже перестала слышать меня. Мы смотрели друг на друга, я видел страх в ее глазах, а потом она медленно-медленно опустила свою ладонь на мою и...

«Ты тоже видел, что с ним произошло».

«Крутая гора, — вспомнил я. — Мы карабкались к вершине, а он стоял там, среди скал, и под ним бушевала лава. Вверх летели раскаленные камни, а на мне... на вас тоже?.. дымились волосы. Потом он пошел, перешагивая с валуна на валун, размахивал руками и смеялся».

«Да. Олег сказал, что Коля шел по берегу озера, пологому берегу, и не было никакой лавы, просто горячая вода из источника. Коля вдруг шагнул в воду, ошпарился, упал лицом вниз...»

«Мне он сказал то же самое».

«Так и было».

«У меня земля уходила из-под ног».

«У меня тоже. Олег говорит, что ничего подобного не было. И приборы не показывают».

«Но Кизимен...»

«Был выброс пепла, да. Неожиданный. Первый за столько лет».

«Значит...»

Мы оба замолчали. Мыслей не было. В голове стало пусто, как перед капитальным ремонтом в доме, откуда вынесли всю мебель. Только ощущения остались — как пыль, повисшая в воздухе. Горечь. Ощущение потери и невозвратимости. Нет больше Николая Геннадьевича. Только в тот момент я осознал это по-настоящему. Нет. И больше не будет. А тетя Женя... Как она сможет жить без своего Коли? Это тоже не было мыслью — ощущением, чувством жалости и еще чем-то, чего я не мог объяснить даже себе, потому что для объяснений нужны

мысли, а я мог лишь чувствовать «что-то», поднимавшееся из глубины моего «я», нечто такое, чего я не мог сдержать в себе, не должен был...

По левой щеке текла слеза, и тетя Женя вытерла ее пальцем. Наверное, плакал и мой правый глаз, но этого я не знал, не чувствовал, не видел.

«Что будет теперь с нами?»

Тетя Женя подумала, что я спрашиваю о ней, о себе и Лизе.

«Надо жить. Ты поправишься. Обязательно. Врачи говорят: хорошая динамика. Ты молодой... Все будет хорошо».

«Нет, — подумал я, стараясь, чтобы мысленные слова звучали правильно и в нужной последовательности. — Я обо всех. Если Она поняла, чего хотел Николай Геннадьевич...»

«Ты знаешь, чего он хотел?»

«Ну... Остановить это».

«Остановить... что?»

Я задумался. Мысли появились опять, но думать мне было трудно — будто камни ворочать. Чего хотел Н.Г. от Нее? Чтобы Она что-то сделала для людей? Почему Она должна что-то для нас делать? И как? Ей нужно, чтобы человечество жило вечно. Нет, это означало бы Ее медленную смерть и угасание навсегда. Ей необходимо было продолжить лечение. Стать здоровой. Такой, как в юности, три или четыре миллиарда лет назад. Чтобы над планетой опять была Она, разумная атмосфера. Что для Нее человечество? Гомеопатическая таблетка. Лекарство, которое растворится и исчезнет, сделав свое дело. Ей нужно, чтобы люди развивали промышленность, засорили атмосферу, изменяли климат, вызывали глобальное потепление — для Нее, для Ее жизни.

Чего мог хотеть от Нее Николай Геннадьевич? Объяснить, что лучше Ей умереть, чтобы жили мы?

Даже если Она захочет пожертвовать ради нас собственной жизнью, что Она может сделать? Заставить нас закрыть электростанции, заставить людей перестать добывать и сжигать нефть? Вызвать ураган, взорвать вулкан, устроить выброс газов? Нас уже ничто не остановит. Мы спасем Ее и погубим себя. Это не Она жертвует собой, это мы жертвуем собой, чтобы жила Она.

Может, этого хотел Н.Г.? Сказать Ей, что мы...

«Он хотел, чтобы начался диалог, — сказала тетя Женя. — Чтобы выжить вдвоем, нужно понять друг друга. А для этого надо говорить».

«Вы думаете...»

«Что-то должно произойти. Не ураган, не вулкан, что-то другое. Она может. Мы же с тобой — и Коля — убедились, что Она может говорить с нами. Он дал Ей понять... И Она ответила».

«Она его убила».

Я не должен был так думать. При тете Жене — не должен был. Но я не контролировал свои мысли. Вслух я не сказал бы так. Но подумал.

«Она не убивала Колю. Он сам... После той травмы он не всегда понимал...»

Все-таки ей хотелось думать, что Н.Г. не стал бы, будучи в здравом уме...

Он был полностью в здравом уме. Он знал, что делал, и уверенно шел навстречу — чтобы оказаться понятным и чтобы быть понятным правильно. Он сделал то, что решил еще в Москве.

Я не должен так думать, ведь тетя Женя может слышать. Я сумел перебить эту мысль другой:

«Все будет хорошо».

«Да», — сказала тетя Женя, и я опять почувствовал, как по моей левой щеке катится слеза. Это была не моя слеза.

Я устал. Устал думать. Устал думать так, чтобы тете Жене хотелось сидеть рядом. Видимо, я задремал, потому что, открыв глаза, увидел, что на стуле сидит Лиза, гладит меня по правой, неподвижной руке и что-то шепчет. Я видел, как она меня гладит, но не чувствовал.

Я попытался улыбнуться Лизе, но, должно быть, гримаса получилась совсем не такой, как я хотел. Лиза наклонилась и спросила:

— Юрочка, тебе больно? Позвать доктора?

Мне не было больно. Я пытался вспомнить, на что было похоже наше упорное восхождение на несуществующую вершину под градом воображаемых камней. Кого напоминал мне Николай Геннадьевич, карабкаясь на скалы, существовавшие только в его и нашем воображении, но все равно смертельно опасные?

Я почти вспомнил — кого.

Я хотел, чтобы Лиза положила свою ладонь поверх моей. Может, мы с ней тоже...

Она положила ладонь мне на лоб, ладонь была холодной, сухой, тяжелой, и мне захотелось ее скинуть. О чем думала Лиза в тот момент? О том, что ей еще долго придется со мной возиться? Об Игоре? О тете Жене, втянувшей меня в эту историю.

Я не знал, о чем думала Лиза.

Значит, это только наше — мое и тети Жени. Мы там были. Лиза — нет.

А еще Старыгин. Когда мне позволит здоровье, я полечу в Петропавловск. А может, Старыгин приедет в Москву, и мы проведем эксперимент.

Может, это и был Ее дар? Нам с тетей Женей? Всем людям? Способность слышать и понимать друг друга? Может, я теперь и с Ней могу говорить так же свободно?

Почему я не подумал об этом раньше? Я закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Должно быть, Лиза решила, что мне стало хуже, и позвала врача. Я чувствовал неприятные прикосновения к левой руке, мне сделали укол, и я понял, что сейчас усну, но уже на грани яви и сонной нереальности услышал голос, тот же, что слышал тогда, глубокий, тихий и тоскливый, как все беды мира: «Вместе... Все будет... Вдвоем всегда... Нужно...»

* * *

— Ты совсем перестал разговаривать с тетей Женей, — сказала Лиза осуждающе.

Тетя Женя приезжала к нам — проведать меня после выписки из больницы. Мне еще предстояла нелегкая реабилитация, фирма купила путевку в санаторий, и это очень советское слово «санаторий» приятно меня волновало, хотя никуда из дома уезжать не хотелось. Сидеть бы перед телевизором, выключив звук, слушать и думать... а говорить об этом я мог только с тетей Женей и тоже мысленно, нам уже и не нужно было касаться друг друга.

— Это даже невежливо, — продолжала Лиза. — Тетя пришла тебя проведать, а ты за весь вечер слова с ней не сказал.

— Не хотелось разговаривать, — сказал я, не пускаясь в объяснения.

— Она обидится, ты же знаешь свою тетю. Она и раньше была... А теперь, когда осталась одна... Костя, конечно, звонит каждый день, но разве это...

Не обидится. Тетя Женя никогда не обидится на меня.

«Мы с Ней, — сказала она сегодня, — много говорили о том, как все-таки уменьшить скорость потепления. Ей это не так важно — через сто лет начнется полное восстановление химического состава... или через тысячу. Терпела свою болезнь миллиард лет, потерпит еще миллион... А для нас...»

«Да, я знаю, — сказал я. — Мы это тоже обсуждали. Миллион лет не нужен — достаточно пары сотен. Воткнул людям в организм всякие нанощучки, и сможем мы жить в любой атмосфере».

«Такой выход Ее устроил бы, — согласилась тетя Женя. — Ты прав,

все к тому идет. И вот еще о чем я подумала. Венера. Там атмосфера без кислорода и, может быть...»

«Пятьсот градусов!»

«Четыре миллиарда лет назад на Земле было еще горячее».

Об этом можно было поспорить, но я не стал.

— Не обидится тетя Женя, — сказал я, думая о своем. — Она понимает, что мне еще трудно говорить.

Мне не было трудно. Я уже свободно владел речью, да и правой рукой мог двигать почти без ограничений. Почти. Но я действительно мало разговаривал в последнее время — даже дома, даже с Лизой и с Игорьком. Не хотелось. Разговоры утомляли. Я стал другим? Наверное.

Я слышал, как тетя Женя, вернувшись домой, шептала, дожидаясь, пока вскипит чайник: «Я тут ем и пью, а Коля лежит в земле... Я ем и пью, а Коля...»

«Не надо, — сказал я. — Пожалуйста. Николай Геннадьевич не хотел бы...»

«Я тут, а он...» — тетя Женя не могла остановиться.

«Оставь ее, — услышал я глубокий и тихий голос. — Ей нужно побыть одной».

«Да, — сказал я. — Тебе это так понятно — быть одной».

Она не ответила. Она не всегда отвечала. Только когда считала нужным. Может, обиделась?

«Не обижайся, — сказал я. — Мне тоже сейчас хочется побыть одному».

Я неожиданно вспомнил, где и когда читал о человеке, поднимавшемся по крутому склону на вершину вулкана. Вокруг летели камни, но он шел вперед и вверх, размахивая знаменем. Спутники считали его сумасшедшим.

А у него просто была цель. И он к ней шел.

«Я ем и пью, а Коля...»

«Одиночество — прекрасное состояние. Лучше него только общение».

«Да», — согласился я.

— Лизочек, — сказал я. — Давай пойдем спать. Устал я сегодня.

* * *

Я хотел рассказать о любви. А получилось... Или это все-таки — о любви?

В Л А Д И М И Р М И Х А Й Л О В

ПОЛЕ БОЯ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

После

Перо Кармака! Перо Кармака! Ответьте Ключу! Перо Кармака...
 — Молчат.
 — Продолжайте вызывать!
 — Ничего нет. Даже фона.
 — Уснули они там, что ли?

До

Псколько существуют люди, столько они и воюют. Со временем люди меняются, меняются и войны. Там по-прежнему убивают. Но, как бы это сказать, куда как цивилизованнее. И законы ведения войн становятся все более гуманными.

В частности, в последние годы — лет около двухсот — люди перестали сражаться в местах, где обитает мирное население. Не так чтобы сразу, но с разумной постепенностью. Сначала все миры подписали соглашение, по которому применять оружие запрещалось в радиусе ста километров от любого населенного пункта. Военные решили было, что закон этот относится к множеству юридических актов, которые провозглашаются, но не выполняются вследствие их практической неосуществимости. Но после того как два высоких военачальника, как-то незаметно для самих себя перешедших запретный рубез и применивших оружие, были разжалованы, уволены из вооруженных сил своих миров и к тому же подверглись запрету поступать на военную службу в любом населенном мире даже в качестве рядовых — после таких неприятностей всем стало ясно: дело это не шуточное, и «Закон об удаленности» не относится к числу тех, которые можно, один раз прочитав, повесить на гвоздик.

А это, в свою очередь, означало, что проблемой становился уже не только исход предполагаемой войны, но, в первую очередь, отыскание такого места в Галактике, где можно было бы, не нарушая закона, скрестить, фигурально выражаясь, свои шпаги. Потому что во всех обитаемых мирах население — где быстрее, где медленнее — неуклонно росло. То есть появлялось все больше населенных мест и местечек, и размещались они так густо, что в каждом стокилометровом круге их насчитывалось уже по несколько пунктов. Так что на любой штабной карте кружки эти, пересекаясь, напоминали старинную кольчугу, выполняя, к стати, ту же роль, что и это древнее средство самосохранения — с той разницей, что теперь сохраняли жизни мирных людей, а не ратников.

Военные сердились, дело доходило даже до прямых угроз повесить все оружие на стенку. На это ни одна власть, конечно, не могла пой-

ти: подобное решение означало бы, что из арсенала политиков исчезнут такие действенные средства, как угроза и само применение военной силы — и во что же тогда превратится сама политика? Пришлось спешно искать выход из непростого положения. И, как сказано, кто ищет — тот всегда найдет.

После

— Дракон-восемь, я Гребень, доложите, как идет распаковка номера восемнадцатого!

— Гребень, я Д-восемь. Продолжаем расчистку площадки, готовим паковщик к установке.

— Почему медлите? Отстали от графика на тридцать две минуты!

— Затруднения с расчисткой.

— Жгите! Нечего цацкаться! Мы на войне, подколонный!

— Уже изготовили Желтый вихрь.

— Давайте, давайте побыстрее! Бегом!

До

Решение оказалось неожиданно простым. Мирам, чьи взаимоотношения приводили к неизбежности военного решения, предоставлялось право использовать для противостояния третьей миры.

Первоначально избирались миры, находящиеся лишь в начальной стадии заселения, где одну колонию от другой отделяли сотни, а порой и тысячи километров. Однако на этих мирах уже существовало какое-то подобие самоуправления, представители которого не замедлили поднять гвалт на всю обитаемую Галактику: мы-де теперь люди низшего сорта, чьей безопасностью можно пренебречь. Они взывали к помощи тех миров, от которых отпочковались, и в большинстве случаев такую поддержку получали — если не от властей, то во всяком случае в виде общественного мнения, а это, как известно, могучая сила.

Правительствам пришлось спешно исправлять положение. В новый закон внесли коррективы. Отныне использовать в качестве театра военных действий разрешалось лишь необитаемые планеты, то есть не населенные людьми или иными разумными расами. К счастью для военных, флора и неразумная фауна во внимание не принимались.

Так что теперь достаточно было отыскать такую планету. Это не представляло сложности, ее ведь не заселять собирались, а всего лишь устроить одно, от силы — два решающих сражения. Конечно, требовалось время на подготовку — отыскание подходящего места для ис-

ходных позиций каждой армии (их было, как правило, две, но случалось, сходилось и по три, а два раза даже и четыре войска), техническую подготовку к битве — то, что называлось «распаковкой оружия». А после окончания боев — ликвидация мусора, устранение, если возможно, нанесенного природе ущерба, поиск и подготовка к перевозке павших, поскольку ни один мир не допускал, что прах их граждан, отдавших жизнь в интересах родного государства, останется неизвестно где — в глуши, какую даже не во всякий телескоп и увидишь. Военные предлагали, чтобы на месте сражения можно было провести кремацию, и домой доставить лишь компакт-урны с прахом. Но злобная общественность снова завопила так, что хоть святых выноси, и пришлось возить холодный груз в натуральном виде.

Но ради хорошей войны можно пойти и не на такие жертвы!

После

— Перо Гремона, что знаете о соседе справа? У нас нет связи с Кармаком, возможно, волна не проходит. Что вы наблюдаете в западном направлении? Имеете связь с ним?

— Визуальной связи нет, видимо, он еще не добрался до подготовленной позиции, у них была неточность при высадке. Волновая связь не установлена, предполагаю, густые насаждения мешают...

— Гремон, куда вы к черту девались? Я вас больше не слышу!

— ...веление... краща... лух...

— Гремон, поднимите Ласточку, пусть посмотрит сверху. Пора уже переходить к монтажу!

— ...люв... шенно... неслы... сс...

— Просто идиотизм какой-то! Как тут можно нормально командовать?

До

Эта война, как и всякое серьезное дело, началась с разведки.

В задачу разведки входил поиск подходящего поля боя. Объединенной разведки обоих миров, собиравшихся сразиться не на живот, а на смерть (разумеется, не на полную смерть, но на достаточно серьезную). Вражда — враждой, но целесообразность прежде всего, и поскольку требования к искомому месту у обеих сторон совпадали, разумно было поиск проводить совместно, а уж все дальнейшее совершать, конечно, в полном секрете друг от друга. Давно известно, что разведчики разных стран, в том числе и враждующих, все-таки ощущают себя мастерами одного цеха, и когда обстоятельства позволяют действовать совместно, делают это охотно, относясь друг к другу весь-

ма уважительно, как принято между коллегами. Тем более, если поставленная перед ними задача достаточно серьезна и требует полной отдачи сил и способностей.

А задача найти подходящее поле боя как раз к таким и относилась.

Хотя на первый взгляд — ну что тут такого сложного? Подняли архивы, просмотрели материалы трех-четырех последних войн, не обязательно своих — любых государств. Внимательно проанализировали все, что касалось театров военных действий, обсудили, выбрали оптимальный вариант, рядышком, плечо к плечу, слетали, чтобы убедиться своими глазами, согласовали маршруты, какими в нужную точку будут добираться одни, а какими — другие, и без малейшей задержки доложили начальству, что приказ выполнен, задача решена, выбрано наилучшее место и можно грузить войска на корабли и загонять туристические программы в соответствующие устройства. Никаких сложностей.

Но это только на первый взгляд. Потому что уже при втором многого видится совершенно иначе.

После

— Гребень, я Дракон-тринадцать. Докладываю: заняли опорную позицию. Заканчиваю монтаж паковщика. Прошу указания: первым распаковывать десятый или восемнадцатый?

— Д-тринадцатый, ответьте: что наблюдаете на стороне противника?

— Сверху наблюдаем: боевые перья противника выполняют маскировочные программы, опорные позиции частью уже заняты, но о тех, что в зарослях, трудно сказать — там сомкнутые кроны...

— Они никак не должны мешать наблюдениям!

— Так точно, не должны, но мешают.

— Значит так: в распаковку заложите шестьдесят восемнадцатых. Десятки — после них.

— Понял: шестьдесят восемнадцатых.

До

Да, многое видится иначе.

Потому что с последней войны прошло время, и порой весьма немалое. И за это время:

а) само место заметно изменилось — и не к лучшему (с точки зрения поставленной задачи);

б) изменились требования людей к полю боя.

Место может стать обитаемым. Потому что после каждой войны люди — и те, кто сражался, и другие, кто наблюдал, снимал, писал

и вел репортажи — распространяли по Галактике неимоверное количество информации о доселе неведомом мире. Вслед за рекламой неизменно тянулся целый караван авантюристов, искателей приключений и тех, кому просто не сидится на месте. В результате уже через полгода пустынный мир переходил в категорию устойчиво обитаемых. Так что ни о каком сражении на его поверхности даже и заикаться не стоило.

Случалось, облик мира до неузнаваемости изменяла матушка-природа: извержения, затопления, обледенения, а в результате — абсолютно испорченное поле боя. Ни одна уважающая себя армия воевать в таких условиях не захочет.

Ничего удивительного. Люди всегда склонны предъявлять к месту своего пребывания, пусть и временного, и тем более своей работы (а война, как известно, работа не из легких) определенные требования. И чем выше становится уровень жизни обитаемых миров, тем выше делаются требования к условиям, в которых люди соглашаются рисковать своей жизнью и посягать на чужие.

Кстати, нередко бывает, что изменения природных и прочих условий, заставляющие вычеркнуть данный мир из списка кандидатов, являются именно следствием той войны, что здесь однажды уже велась. Но с этим, понятно, ничего не поделаешь. Всякая война — это своеобразная презентация более современного (читай: мощного, разрушительного) оружия, а без этого обойтись никак нельзя: не станете же вы начинать новую войну, пользуясь оружием предыдущей! Это ведь все равно что выйти из дому одетым по прошлогодней моде. Ужасно даже подумать о таком.

Надеюсь, после столь подробного изложения обстановки всякому станет ясно: поставленная перед объединенной разведкой двух миров задача никак не могла оказаться простой. Она и не оказалась.

После

— Чтоб ему проглотить полный комплект батарей, и чтоб они каждую минуту выдавали заряд в его вонючем брюхе, и чтоб лоскутья его грязной шкуры висели на каждом дереве, и на каждом суку, и на каждой веточке!..

— Эй, Свилп, кого это ты так?

— Да вы только гляньте, декан! Что они нам уложили? Полюбуйтесь только! По-вашему, из этого можно смонтировать распаковщик? Я даже на свалке не видел такого!..

Кармак, декан технического пера, подошел. Одно беглого взгляда оказалось достаточно.

И в самом деле: вся конструкция распаковщика представляла собой набор ржавых и деформированных пластин и трубочек, а сердце аппарата — инкуб-камера — была во многих местах проедена насквозь и напоминала скорее грохот для просеивания гравия, чем герметический объем.

— Что же это за... — подумал декан вслух.

Действительно вся складская упаковка, в которой находился разобранный аппарат, и сейчас была в полном порядке, без единого повреждения. Приходилось думать, что распаковщик еще на базе именно в таком виде приготовлен к переброске и поступил в распоряжение действующих войск. Но это было просто невозможно. Хотя бы потому, что каждый предмет и вооружения, и его технического обеспечения проходил не одну проверку, перед тем как изготовители и заказчики подпишут акт сдачи-приемки. Нет, это было совершенно невозможно — и тем не менее было.

— Ну, и куда же прикажете заряжать семена? — не унимался старший техник Свилп.

— Значит, так, — принял решение декан распаковщиков. — Оставьте все как есть, не прикасайтесь ни к чему. Я доложу и попрошу прислать инспектора из технической сотни. А вы пока начинайте готовить номер второй. В конце концов, остальных аппаратов хватит, чтобы обеспечить огнемобильное крыло по самую завязку. Просто дело немного затянется, но мы в этом никак не виноваты. Выполняйте. Бегом!

До

Разведывательный дуэт — два безлимитных крейсера — сделал шесть радиусов по Галактике и проанализировал тридцать семь небесных тел, которые могли бы представлять интерес для командования.

Увы! Все — с удручающими результатами.

На десяти из рассмотренных планет мешало время года. При этом шесть из них в каталоге были обозначены как обладающие вполне приемлемыми (в двух случаях даже «хорошими») климатическими условиями. Видимо, их открыватели оказались там в благоприятное время года и поторопились с выводами. Такое случалось и раньше: например, впервые пересекшие Великий океан европейцы были так очарованы погодой, что называли его «Тихим», а потомки их и по сей час чешут в затылках, удивляясь наивности предков. Конечно, воевать, в принципе, можно в любую погоду, но если есть возможность выбирать — почему же не воспользоваться ею? Кому нужны лишние неудобства?

Из других — то ли три, то ли пять были отвергнуты по причине их непригодности для ведения красивой современной войны. Они были старыми настолько, что даже неровности поверхности — кратеры и горные цепи — от времени сгладились. И это сводило на нет возможность эффектных маневров, неожиданных для противника многоходовых комбинаций, клиньев и охватов, массированных десантов, потому что все и во всех направлениях просматривалось на тысячи километров и на грунте (черный песок), и в атмосфере, уже изношенной, кстати, как дедушкины брюки. Нет, эти миры никак не годились для проявления и оттачивания воинского искусства.

Некоторые из планет отстояли так далеко от центров своих систем, что там было темно и невыразимо холодно. Опять-таки: можно воевать в полной темноте и, возможно, даже при двухстах по Кельвину (не вылезая, разумеется, из машин с мощными обогревателями). Но это сводило бы все действия к самому примитивному набору элементарных приемов. Нет, только при крайней необходимости — но до этого ведь дело не дошло?

И наконец, выбрать среди остальных помешало самое большое зло всей Галактики, какое только можно себе представить: люди. Те самые, что ухитрились правдами и неправдами просочиться сюда и даже как-то зацепиться за эти миры.

Доходило до анекдота. На одной вполне пригодной планете с высоты оказался зафиксированным всего лишь один (один!) обитатель целого мира радиусом под пять тысяч километров! Это возмутило разведчиков настолько, что они совершили посадку и учинили отшельнику серьезный допрос. Он и не отрицал, что действительно живет тут в одиночестве уже почти год, но уверял, будто сюда уже летит вся его семья да еще соседи, всего набиралось человек тридцать. Ему не поверили, но оказалось, что он поддерживал с кораблем постоянную двухстороннюю связь. Убедившись, что отшельник не лжет, разведчики убрались с планеты.

Но ищущий обрящет. И в конце концов — а конец этот давал начало войне — они обнаружили искомое. То самое поле боя, на котором можно было сразиться с применением самого современного арсенала, свежих тактических идей и первоклассной выучки войск.

После

— Инспектор Солк, сходите к распаковщикам, разберитесь, в чем дело, они несут какую-то чепуху, иначе их доклад не назвать. Кстати, скажите: кто контролировал доставку аппаратуры с базового склада?

— Лично я, колон.

— И что?

— Простите, не понял вопроса.

— Не заметили тогда какого-то нарушения — в упаковке или в месте хранения?

— Никак нет, колон. Все было в абсолютном порядке. Я все сдал капю Симону для погрузки на корабль, он принял груз без единого замечания.

— Хорошо, выполняйте. Пройдите здесь лесом, сэкономите минут десять, не меньше. Мимо той гари — и все время прямо.

— Слушаюсь.

— На всякий случай оружие держите наготове. Мало ли...

— Так точно. Держать оружие наготове. Вам не кажется, колон, что ветер усилился?

— Ну а нам-то что? Мы ведь не с ветром воюем.

— Прошу извинения.

— Поспешите, Солк.

До

В достижение счастья веришь не сразу. И поэтому разведка не ограничилась первыми впечатлениями. Кто-то уверял, что в таком месте хоть один мерзавец да обязательно обнаружится. Оба корабля сорок часов мотали орбиту за орбитой, оплетая ими всю планету, ища малейшие признаки деятельности хотя бы самого примитивного разума. Не нашли. После этого, выбрав место, которое, по их представлениям, предпочел бы любой нормальный человек, оба крейсера совершили посадку — мягко, бережно, почти пlying в атмосфере, а не прорубая ее, опустились, как семечко одуванчика. Выждали. Потом осторожно вышли при полной защите и вооружении. Разошлись радиально, положив на первое знакомство час времени. Вернулись в целости и сохранности, не подвергшись ни малейшей опасности, улыбаясь до ушей.

Да, тут было все, что нужно. Одного не было: никаких контактов.

Но они как раз и не требовались. Ни в коем случае. Все контакты привезут с собой воюющие стороны. И никто другой.

Очень довольные достигнутым результатом и друг другом, разведчики враждующих государств вполне дружески распрошались. Приглядывая, впрочем, за тем, чтобы враги-коллеги не оставили бы тут чего-то такого, что не было предусмотрено «Положением о совместных действиях» — какой-нибудь следающей, слушающей и передающей аппаратуры, стационарной и мобильной, а также ис-

кажающей и дезинформирующей, кроме, конечно, той, что Положением предусматривалась. Убедившись, что ни одна сторона не прибегла к запрещенным действиям, коллеги отсалютовали друг другу, условившись после драки неофициально встретиться на какой-нибудь нейтральной почве, чтобы обсудить результаты войны и обменяться мнениями, а также сделать выводы на будущее — поскольку война, как все понимали, не окажется последней. Наконец погрузились на корабли, синхронно стартовали и устремились к родным мирам.

Доклады разведывательных групп были без задержки обсуждены на специальном совещании высших государственных кругов — на этот раз, конечно, в каждом мире порознь и в условиях глубокой секретности. Не менее серьезной работой занялись в это же время и Главные штабы противоборствующих сторон. А именно — они, пользуясь доставленной информацией, принялись разрабатывать конкретный план кампании. Где сядут корабли? В каких местах расположатся районы сосредоточения? Где высадившиеся войска начнут оборудовать, а затем и занимать исходные позиции? Где поместятся распаковочные пункты для приведения вооружений из транспортного в боевое состояние? Где вероятнее всего займет позиции противник, а следовательно — где прокладывать пути сближения и рокадные дороги, с учетом особенностей рельефа и характера поверхности? Где выкладывать на грунт боеприпасы, располагать базы энергоносителей, ремонтные мастерские, санитарные пункты и в каком отдалении — полевые госпитали? И так далее, и тому подобное. Очень много работы у офицеров штаба.

Но, пожалуй, еще больше — у команды аналитиков. Их задача: проанализировать всю информацию, доставленную разведкой, определить коэффициент ее достоверности. Понятно, что в первичной интерпретации увиденного и запечатленного ошибки неизбежны, и их необходимо выловить еще здесь, пока действия не перешли с дисплеев на натуру и не привели к большим потерям. Поэтому аналитики, чувствуя свою ответственность за результаты войны ничуть не меньше, чем ощущают ее полководцы, склонны придираться к каждой мелочи, сомневаться во всем на свете, иногда спорить до хрипоты и чуть ли не вступать в драку друг с другом для доказательства своей правоты. Правда, все их разногласия и схватки никогда не выходят за пределы Службы аналитики, из дверей которой выносятся лишь согласованные выводы. Так что со стороны может показаться, что там всегда царит единомыслие. На самом же деле...

После

— Колон Терел, вызывает распаковка! Мы просили направить к нам инженера, чтобы разобраться. Потому что и второй комплект оказался...

— Вы хотите сказать, что инспектор еще не прибыл?

— Никаких признаков, колон.

— Неужели заблудился? Буквально в трех соснах! Ну помогите ему — хотя бы акустическими сигналами. Не поняли? Да просто покричите погромче, он никак не мог зайти далеко. Зовите просто по фамилии: Солк!

— Слушаюсь.

— Так что там, вы сказали, со вторым?.. Отставить. Доложите потом. Меня вызывает штаб. Первый, первый, я четвертый, внимательно слушаю вас.

— Четвертый, я первый. Доложите, какого черта вы задерживаете распаковку тяжелой техники? Хотите, чтобы по вашей милости мы проиграли войну?..

— Первый, разрешите доложить: в распаковочной технике обнаружены некоторые неполадки. Прошу срочно направить ко мне капа Симона, командовавшего погрузкой аппаратуры на борт при подготовке к старту.

— И у вас тоже? Нет, это не война, это какая-то собачья свадьба! Симон сейчас у Второго, как только освободится...

— Первый, первый, я четвертый. Больше не слышу вас. Первый! Повторяю: не слышу вас, сигнал не проходит. Первый!..

До

— Штаб-колон, я не могу отделаться от серьезных сомнений по поводу...

— Кап, по-моему, это место самой природой предназначено для центрального района сосредоточения. Густейшие заросли, в этом ведь вы не сомневаетесь? Кроны полностью сомкнуты. Так что сверху совершенно невозможно определить, есть там кто-нибудь или никого — кроме, разумеется, тамошнего зверья. Но ведь мы просмотрели все, до последнего кадра, и нигде, вы признаете... нигде не обнаружили никаких следов разумной деятельности. Ни одного кострища, ни одной дороги или тропы, кроме немногих звериных — вы ведь знаете разницу между тропками мелкого зверья и тропами, что прокладываются людьми? О признаках какой-то культуры я не говорю. Таким образом, нет сомнений в том, что разумная жизнь обошла этот симпатичный мирок стороной. Хотя он вроде бы обладает всем или почти

всем необходимым для возникновения и укоренения цивилизации. Однако случается и такое, мироздание полно всяческих парадоксов. Что же вас так серьезно смущает?

— Именно то, колон, о чем вы сейчас сказали. Мир, казалось бы, создан для процветания разумной расы — но не несет никаких ее следов. И не только современных: если бы разумные существа обитали там, но по каким-то причинам исчезли — вымерли, мигрировали, мало ли что могло случиться, — они непременно оставили бы следы. Незаметные, может быть, для профана, но мы-то с вами не прошли бы мимо них, верно? Что же это значит?

— Лишь одно: там никого нет и не было. А у вас есть иные истолкования?

— Представьте себе, возникают.

— Например?

— А что если на самом деле цивилизация там существует, однако характер ее таков — или, скажу иначе, уровень ее настолько высок, что она никак не выделяется на фоне природы...

— Вы хотите сказать — живут на деревьях? И цепляются хвостами?

— Вовсе нет. Но предположим, они совершенно самодостаточны. Не нуждаются ни в каких внешних связях. Не ищут их. А при угрозе появления чужих как бы уползают в раковину. Словно улитка.

— Тогда эта раковина должна быть невидимой.

— Колон, при современном уровне маскировочной техники...

— Кап Горн, наша разведка снабжена современной гравископической техникой. А от гравископа укрыться невозможно, вам бы следовало знать это.

— Не сомневайтесь, колон, я сам неплохо владею этой техникой. Но ведь мы с вами рассуждаем, оперируя фактами нашей собственной цивилизации — тем, чем располагаем мы сами. Но если предположить, что их уровень на порядок выше? Отвергаете ли вы в принципе возможность защиты от гравископии?

Колон пожал плечами:

— Отвергать было бы глупо. Но, друг мой, это ведь всего лишь игра словами. А нам нужны пусть не сами доказательства, но хотя бы намеки на них. Вы располагаете таковыми?

— Намеки? Хотя бы вот этот: то, что планета необитаема, должно вызываться какими-то причинами. Пока мы не знаем этих причин, мы не имеем права рисковать...

— Это меня не убеждает. Знаете, я за время службы успел повидать множество миров — и перенаселенных, и едва освоенных. Но даже в самых густонаселенных я видел места, не одно и не два, прекрасные

места, обладающие всем, что требуется для человека — но совершенно необитаемые. И никто не мог мне объяснить, почему эти места пусты. Бормотали что-то невнятное: «Да вот, просто руки не дошли». Или еще интереснее: «Да какие-то несчастливцы это места, ничего хорошего тут не выходит». Научно, не так ли? Лишь в одном случае я услышал сколько-нибудь приемлемое объяснение: «Мы специально сохраняем их такими — это наши заповедники. Для памяти: чтобы и потомки могли увидеть, как все здесь выглядело до нас».

— Интересно, чей это может быть заповедник? Высших сил? Но ведь его, судя по виду, даже не пытались заселять?

— Я не говорю, что этот мир — чей-то заповедник. Однако вашу точку зрения принять не могу. Предположим, ваша гипотетическая цивилизация, завидев корабль чужаков, спрячется в свою ракушку, одновременно ухитрившись каким-то образом укрыть и все следы своей деятельности. Предположим. Но зачем? Если эта цивилизация так высоко развита, то она не может не понимать: незнакомые корабли — предвестники экспансии. Следовательно, ей надо противостоять. Самое простое — уничтожить непрошенных гостей и ликвидировать все следы их появления. Для такой цивилизации это детская задача, не более. Но они этого не сделали! Почему? Да потому, что их нет! Так что, Горн, оставьте сомнения при себе. Войска туда отправятся, и война состоится. А поскольку нам с вами в числе группы главного штаба предстоит лететь туда вместе с полками, то у нас будет прекрасная возможность продолжить дискуссию на месте — опираясь уже на факты, которых там обнаружится, несомненно, достаточное количество. А сейчас пора завершить нашу работу и представить выводы начальству.

— Ну что же, — ответил на это кап Горн. — Посмотрим на месте. В мире Лорик.

После

Чтобы не брести по пеплу, инспектор Солк обошел корабль, вокруг которого суетилась команда, выполнявшая табельные постфинишные действия, по большой дуге, согласно приказу, спрямляя расстояние. Это давалось без труда: положение солнца на небосводе определялось легко — хотя самого светила и не было видно, однако угадать его место по освещенности листвы не представляло проблемы.

Шагалось легко, хотя лес и был диким, но упавших мертвых деревьев встречалось не так уж много, и сквозь кустарник, порой весьма густой, легко определялся приемлемый путь с минимальными откло-

нениями от заданного курса. Кап Солк был, конечно же, снабжен всей аппаратурой, какую полагалось иметь при себе в подобной обстановке, но сейчас прибегать к ее помощи почти не приходилось — тем более что порой она вела себя странно: показывала, например, крутой подъем там, где на самом деле идти приходилось под уклон. А то вдруг курсовая линия меняла положение на девяносто градусов, что могло означать магнитные возмущения — но как раз ничего подобного приборы не показывали, судя по ним, тут был полный магнитный штиль. В конце концов кап решил сверяться с собственными чувствами, а не со схемами, которые сегодня явно были не в настроении — как это случается с электроникой, кварктроникой и со всеми вообще высокими технологиями.

Так что когда очередные заросли двухметрового кустарника преградили ему путь, кап Солк медлил даже меньше минуты, чтобы, внимательно взглядевшись, обнаружить самое проникаемое место — тропа не тропа, но все же какая-то разреженность... Вздохнув, инженер-инспектор поправил снаряжение и решительно двинулся, собственным телом тараня препятствие. Он успел уже заметить, что такие кустарники росли не островами, а, скорее, полосами, ширина которых не достигала и тридцати метров. Так что пробиваться приходилось недолго, а затем снова открывалось пространство, по которому можно было шагать почти беспрепятственно, лишь слегка лавируя между стволами. Любопытно, растут ли в этом лесу какие-нибудь фруктовые деревья? В том, что грибы здесь водятся, Солк уже убедился и поставил себе на заметку.

Но сейчас, продираясь сквозь кусты и добравшись уже примерно до середины полюсы, он думал только о том, сколько еще минут уйдет на этот прорыв и намного ли он опоздает к распаковщикам Третьего дракона. Там он справится быстро, кап не сомневался: если не с ремонтом, то уж во всяком случае с определением причин обнаруженных неисправностей.

Кусты заметно поредели, и Солк облегченно вздохнул. Теперь перед ним высилось могучее дерево. Оставалось сделать два-три шага, чтобы окончательно вырваться из чащи.

Но тут капу показалось, что кто-то цепко ухватил его за ноги. Солк попытался высвободиться, но...

До

Доклад аналитиков был незамедлительно представлен начальству и принят к сведению без замечаний.

Сразу же после этого прозвучала команда на посадку войск. Пра-

вила ведения войн гласили, что стартовать со своих миров войска обеих сторон должны не синхронно, но с гандикапом. Тот, кому добраться до поля боя дольше, получает фору. Этим обеспечивались равные условия. А вот затем, во время полетов, высадки и всех прочих действий, называемых военными, ни на кого никаких ограничений вовсе не налагалось, и тут уж все зависело от генеральских мозгов и солдатской выучки.

По этой причине корабли того мира, что назывался Урей и на котором мы только что присутствовали, имели право стартовать первыми, и лишь через шестнадцать часов общевоенного времени такая же команда могла прозвучать и на кораблях Сирана — именно так звучало имя второго мира.

Команды были поданы не только на посадку войск, но и на погрузку техники, и наконец последняя — на старт эскадры.

Последняя команда означала официальное начало войны. Открытие военных действий.

После

Кап Симон находился в распоряжении штаба Правого крыла, когда ему передали приказание Первого: побыстрее закончить дела здесь и направляться в перо Кармака, где возникли какие-то сложности с распаковочным аппаратом.

Симон только покачал головой. Задержки с распаковкой — сейчас ничего хуже просто нельзя придумать. Распаковка — неперемное условие победоносных военных действий. Она означает наличие и своевременный ввод в действие тяжелой техники: боевых машин, огневых сил и даже — в случае серьезной необходимости — гравибомб. Без всего этого в современных условиях просто невозможно воевать: не идти же в штыковую на броню противника!

Без техники воевать нельзя. К месту боя ее проще всего доставить в трюмах транспортов. В месте назначения достаточно выкатить машины и огневые установки на грунт — и уже через минуту-другую они готовы вести бой, идти в атаку, накрывать огнем живую силу и технику противника.

Однако чем дальше, тем реже удается использовать этот прекрасный способ в действительности. Люди воюют не только друг с другом, они ведут войну с противником, на первый взгляд, ничем не защищенным и к тому же безоружным — с природой. Но как ни странно, в этой войне человек выигрывает далеко не всегда. Природа, с военной точки зрения, является мощным укрепленным районом, который нельзя обойти и приходится штурмовать. Но у природы множество

оборонительных поясов, и, прорвав один, человек вскоре убеждается в том, что перед ним оказывается другой — и, как правило, еще более трудный для преодоления.

Пока войны между мирами велись, как говорится, рядом, тут, сразу за углом, доставка техники на транспорте никаких сложностей не вызывала — кроме разве что необходимости использовать достаточно сильные конвои для защиты от рейдеров противника. Все было просто и ясно. С отдаленными же мирами воевать никто и не пытался, потому что до них пока долетишь — чего доброго, успеют исчезнуть и сами поводы к войне, а молодые десантники доберутся до противника уже готовыми отставниками.

Однако настал день, когда человеку удалось взять штурмом очередную линию обороны природы и выйти в Простор. После этого достижение даже и далеких районов Галактики стало, по старинной формулировке, делом техники.

В трюмах кораблей возможно доставлять что угодно и куда угодно — но не сколько угодно. Простор принимал тела, как оказалось, со строгим ограничением по массе. И для того, чтобы провезти через него нужное количество тяжелого вооружения, нельзя было воспользоваться одним или двумя большими транспортами, но пришлось бы посылать на порядок больше легких кораблей. Такой перегрузки не выдержал бы и самый основательный военный бюджет.

Если крепость нельзя взять в лоб, ее следует обойти. И обходной путь нашелся. Теперь к месту боя везли не технику, но лишь ее семена: крохотные схемы с записанной программой, которые следовало в месте прибытия заложить в соответствующую аппаратуру — и семена пойдут в рост, достаточно быстро превращаясь в настоящие машины и системы, черпая необходимые для этого материалы из земли, воды и воздуха окружающего мира. Поэтому, кстати, анализ всего, из чего состоял намеченный для войны мир, это первое, что предпринимали разведки. Если чего-то из необходимых элементов в этом мире не обнаруживалось — его кандидатура отпадала сразу и бесповоротно.

Этот процесс выращивания боевой техники из кристалликов с программами и назывался распаковкой.

И именно этот процесс сейчас каким-то непонятным образом нарушался.

Поэтому ясно, отчего кап Симон так спешил в расположение команды распаковщиков.

Он летел туда на гравиплатформе. И когда мощный порыв неизвестно откуда прилетевшего ветра впервые встряхнул платформу так, что Симону пришлось судорожно ухватиться за рейлинг, кап даже не

уменьшил скорость, лишь быстро-быстро заработал пальцами, подавая на пульт управления необходимые команды. Он справедливо полагал, что как беда не приходит одна, так и первый сильный порыв ветра вряд ли окажется последним.

И вскоре убедился в справедливости этой мысли. Которая тоже была не последней.

До

Эскадры обоих враждующих миров состояли каждая из четырех больших транспортов и четырех же крейсеров, составлявших конвой. Кроме названных эскадры насчитывали еще по одному кораблю — базе атмосферной авиации, а также по одной походной мастерской, в чью задачу входило быстро восстанавливать поврежденную в боях технику.

Переходы обеих эскадр к Лорику совершили без серьезных сбоев и происшествий. Хотя Правилами война в пространстве дозволялась, все же обе стороны решили не подвергать себя излишнему риску, не нести потерь, без которых бои тяжелых кораблей в космосе обходятся очень редко. И поскольку те же правила строго запрещали уничтожение в пространстве невооруженных или же пассивно вооруженных судов (к которым причислялись транспорты), никто не хотел нарываться на штрафные санкции еще до начала серьезных действий. Так что и переход эскадр в Просторе, и выход из него, и сближение с Лориком прошли вполне спокойно. С кольцевой орбиты разведчики убедились в том, что за время их отсутствия на поверхности планеты никаких заметных изменений не произошло, мир этот как был диким, так им и остался. После чего были отданы команды на финиш, флагманский крейсер сел первым, тут же развернул необходимую аппаратуру и с ее помощью принялся выводить каждый последующий корабль в строго отведенное место.

При посадке предприняли необходимые маневры, чтобы случайно не оказаться в прицелах противника: война уже началась, и вести себя следовало соответственно. Поскольку мир был условно поделен на полушария влияния еще заблаговременно, каждая эскадра знала, где производить высадку. Лорик разделили пополам по экватору, а не меридионально — чтобы ни у кого не возникало преимуществ, связанных со временем суток и условиями освещения. Всё, буквально всё предусмотрели штабы — кроме разве что одного: как почувствуют себя люди, от генерала до солдата, которым, пожалуй, впервые в жизни предстоит драться в подобных условиях...

Совершив посадку, люди с каждого корабля немедленно начинали действовать по жесткой схеме, и, поскольку войска обеих сторон бы-

ли действительно хорошо обучены, выгрузка и развертывание сил проходили строго по графику.

Может быть, впрочем, какие-то минуты были потеряны в самом начале, когда люди покидали корабли и оказывались на планетной тверди. Но это время легко наверстывалось.

Минуты же были потеряны потому, что прилетевшие, по сути дела, впервые оказались на по-настоящему дикой планете.

Дикой?

Пожалуй... Ведь и рай кто-то назовет диким местом.

Но вот вам синонимы: неиспорченное, девственное, первозданное.

Пожалуй, именно такие ощущения возникли если не у всех, то во всяком случае у большинства.

Первым впечатлением, которое Лорик произвел на десант, была именно нетронутость, ненарушенность данного мира. Это лишь подтверждало тот факт, что людей здесь не существовало: ведь человек начинает искажать землю, едва успев ступить на нее.

И вот это ощущение первозданного спокойствия в первые минуты подействовало на людей настолько, что эти самые несколько минут они лишь осматривались, глубоко вдыхали здешний воздух, качали головами и обменивались не очень информативными звуками наподобие: «Ого!», «Ох ты!», «Вот это да!» и тому подобными.

Это место недаром было выбрано главными штабами еще дома. Поскольку, как уже сказано, Лорик был условно разделен на два полушария, Северное и Южное, и ось вращения планеты была почти перпендикулярна плоскости орбиты, оба полушария являлись равноценными по климату, продолжительности светлого и ночного времени и прочим условиям, какие могли как-то влиять на ход боевых операций. То есть был сохранен основной принцип Правил: справедливость. Климатические зоны обоих полушарий практически не отличались, так что условия, в которых оказались войска мира Урей (север) и противника, мира Сирон, были одинаковыми. И солдаты и офицеры противоборствующих сторон, десантировавшись, увидели одну и ту же картину и одинаково на нее отреагировали. Ведь и Урей, и Сирон — высокоразвитые промышленные миры, очень богатые чудесами техники и, соответственно, давно уже разобравшиеся со своими чудесами природы до полного их исчезновения.

Так вот, места для приземления кораблей и развертывания войск были выбраны в обширных лесных районах и именно в густой их части, поскольку это значительно уменьшало объем маскировочной работы и позволяло скрытно производить передвижения войск. Правда,

тут пришлось поломать голову, прежде чем удалось отыскать и как-то увязать воедино с чащобами открытые или почти открытые небольшие пространства, пригодные для посадки транспорта. В двух-трех случаях пришлось даже пойти на некоторые жертвы. А точнее — опускающемуся на поверхность кораблю своевременно включить систему расчистки и укрепления грунта, а попросту говоря — выжечь местечко, куда можно было опуститься, и укрепить его, проплавив в глубину. На приземлившиеся корабли немедленно были наброшены маскировочные полотнища, раскраска коих имитировала картину лесов — изготовлены они были, конечно, еще на базах. К такому примитиву прибегли потому, что силовые купола энергоразведка противника обнаружила бы уже издалека, а полотнища — нет. По той же причине энергомолчания вся энергетика кораблей была заблокирована — в наземных сражениях крейсерам не отводилось никакой активной роли.

И вот люди, покинувшие тесные кубрики кораблей, невольно остановились, обнаружив себя в причудливом пространстве, какое невольно хотелось назвать храмом — с высочайшими колоннами деревьев, никогда и нигде ранее не виданных; с зеленой кровлей, расписанной не фресками, но солнечными бликами, чей рисунок поминутно менялся, потому что по верхам гулял ветерок; с тишиной, которая присуща храмам. Эта тишина не была абсолютной: фоном присутствовали шелест и шорохи листьев, веток, а может быть, и неведомой жизни, какая могла существовать и на деревьях, и в кустарнике, и в траве, что беспрепятственно росла даже в ручейке, который обнаружился совсем близко от посадочного места транспорта номер два. Во всяком случае, в двух местах были замечены представители местного животного мира — один четвероногий, другой, кажется, шестиногий; первый размером с поросенка, второй вроде бы удлинённый, рассмотреть его как следует не довелось: он не то чтобы испугался, просто ушел своей дорогой, скрылся в кустах. Похоже, их заинтересовал запах гари, поскольку оба появились близ того корабля, которому пришлось выжигать под собой растительность перед посадкой. Первого удалось без особых усилий поймать, он и не пытался убежать, судя по зубам и ногам, был он травоядным. Возникла даже мысль — испытать его на съедобность, однако начальство тут же приказало выпустить животное и заняться делами, которых тут было выше головы — как обычно на войне.

И войска занялись делами.

Из которых первым являлось обеспечение безопасности предстоя-

щих действий. Пусть пока были замечены лишь мелкие животные, исключительно растительноядные, теория подсказывала, что тут вполне возможно существование и крупных хищников; иначе мелкое зверье при обилии растительного корма неизбежно размножилось бы до того, что ногу было бы некуда поставить. Кроме того, хотя существование на Лорике людей или иных разумных существ ничем не подтвердилось, но мало ли что бывает — а береженого, как известно, бог бережет.

Да, безопасность была основой основ, и поэтому, в первую очередь, приказав войскам вернуться на корабли, а капитанам — провести полную герметизацию, командование приступило к нулевой операции. Для ее осуществления крейсера выпустили из советствующих аппаратов нужное количество так называемых нейтрализующих веществ — тех, что встарь именовались отравляющими — и включили систему по имени «Ласковый ветер», то есть попросту достаточно мощные вентиляторы, способные разогнать выпущенную химию по всей площади, несколько превышавшей нужную для развертывания армии. Затем выдержали получасовую паузу, поскольку за это время газ успевал совершенно разложиться и более не представлял опасности — и прозвучало распоряжение перейти к операции номер один.

Именно такой номер носил комплекс работ по оборудованию исходных позиций. Мест расположения живой силы и техники, которую раньше или позже, но распакует же в конце концов. Войскам надо где-то заниматься, питаться, отдыхать, обслуживать технику, отправлять естественные потребности, укрываться в случае хотя и маловероятных, но теоретически вполне возможных воздушных или огневых налетов противника. Были отданы соответствующие команды, и работа зашумела и забулькала.

По случайности или в силу каких-то других причин, но распаковка не боевой, а вспомогательной техники прошла без сколько-нибудь заметных нарушений. Так что уже в начале второго часа пребывания войск на Лорике были выращены, опробованы и запущены эргогены, то есть те устройства, что обеспечивали армию энергией, черпая ее из окружающего мира путем преобразования вещества в энергию. Работа этих систем всегда связана с определенным риском, поэтому развертывать их полагается в разумном отдалении от местоположения людей. Пока нет энергии, использовать машины невозможно — питать их от корабельных батарей воздерживались, чтобы не засветить места стоянки энергоразведке противника, пока корабли все еще находились на поверхности. Так что расчищать места для установки эргогенов приходилось вручную. Как в седой (а скорее, уже лысой)

древности, в ход пошли пилы, топоры, лопаты, ломы, а где требовалось — небольшие заряды взрывчатки для корчевки особо упрямых корней. То есть началось то, что в той же древности называлось то лесоповалом, то лесозаготовками, оставаясь по сути все тем же экологическим террором, привычно безнаказанным.

Понятно, от храмовой тишины не осталось и осколков. Лес наполнился визгом пил, стуком топоров, время от времени — резкими хлопками подрывных патронов, а также треском, стоном деревьев, пальбой выжигаемого кустарника, глухими ударами рушащихся стволов. Не раз и не два можно было видеть, как падающему дереву пытались помочь соседи, словно подхватывая его под руки и стремясь удержать в воздухе — но и в их плоть уже вгрызались лазерные резаки, и сами они начинали вздрагивать все сильнее и сильнее, чтобы через считанные минуты обрушиться, ломая свои сучья, рядом с упавшими прежде. Войска, расчищавшие территорию, действовали умело, слаженно и почти без жертв — лишь раз или два были зафиксированы легкие телесные повреждения неловко увернувшегося дровосека. На расчищаемой площади обнаружилось немалое количество трупов местного зверья — но хищников, ни крупных, ни мелких, среди них замечено не было. Да никто особенно и не приглядывался.

Еще дорубались последние деревья, а намеченные под установку эргогенов участки уже укатывались, из транспортных трюмов успели извлечь сырье для создания прочнейшего покрытия, которое схватывалось за считанные минуты. Уже закончена была транспортная просека, и по ней — пока еще при помощи живой силы, хотя и с использованием малых антигравов — плыли детали эргогенов и на глазах превращались именно в такую конструкцию, какая была изображена на обложках соответствующих наставлений. Сырья для эргогенов вокруг валялось столько, что его и не на одну войну хватило бы — пожелай кто-нибудь использовать это же поле боя, когда начавшаяся уже война отшумит свое.

А в отдалении от этой машинерии полным ходом шло и другое действие: переход в третье измерение, но не вверх, а в глубину. Нужны были укрытия, и во всех войнах его предоставляла именно земля. Поэтому первые же мегаватты, выданные энергетиками, пошли на оживление роящихся и буярящих машин.

Инженеры, руководившие этой операцией, подавали команду за командой, операторы не отрывались от пультов, и сооружения росли прямо на глазах. Они уже покрывались накатами — все из тех же сваленных деревьев, внутри же саперы занимались отделкой стен и полов, конечно, достаточно примитивной, поскольку известно, что сол-

дат в удобствах не нуждается, от комфорта он просто теряет свою бое-способность, и войско разлагается. А вот амбразуры, столы для установки стационарного оружия и другие позиции — на случай возможной обороны — выполнялись с великим тщанием, и командиры стрелковых звеньев уже вычерчивали на своих дисплеях зоны поражения, стараясь, чтобы при этом не возникало никаких «мертвых пространств».

— Ну наконец-то, — сказал колон Терел и облегченно вздохнул: — Добрались, кажется, до главной цели! — Он невольно поежился. — А холодает как, а? И ветер поднялся какой-то... злобный. Пора уже и под крышу. Саперы, освещение установите побыстрее!

Известно, что главной целью любой воюющей армии является уничтожение армии противника, а вовсе не захват территории. Поэтому сейчас, привязываясь к реальной обстановке и оборудуя исходные позиции, командование в первую очередь задействовало все виды разведки: и производимую людьми, и инструментальную, и техническую. Следовало выяснить: совершил ли противник высадку в том районе, какой предположительно, по компьютерному анализу, можно было считать удобным для него — однако это и противник понимал и мог с самого начала пойти на хитрость, десантировавшись в менее привлекательном, зато и менее ожидаемом местечке. Далее — где возникают у противника районы сосредоточения? Зная их конфигурацию, можно будет уже с немалой вероятностью предположить: решил противник стать в оборону или избрал атакующий вариант. В любом случае было ясно, что другая сторона начнет с того же — с разведки. Поэтому одна из главных поставленных задач — поиск разведчиков, ценность живого «языка» ничуть не уменьшается даже в предельно механизированной и компьютеризированной войне.

Из снаряжения разведки были выгружены антиграв-кикеры, аппаратики с ноготь величиной — их предстояло запускать сотнями, веером, в надежде таким способом нащупать местоположение вражеской армии. Правда, энергетика их была слабой, и уже часа через два все они, истощившись, осели бы на грунт.

Базе атмосферной авиации предстояло выгрузить и собрать также крупные аппараты — чтобы использовать их уже после выяснения дислокации войск противника для наблюдения с больших высот, установления колонных путей и любых передвижений войск, а затем и воздушных атак.

Радиоразведке предстояло накрыть возможные переговоры между отдельными частями противника, а также его штаб; на это надежда

была слабой, однако и такой малостью пренебрегать никак не следовало.

Гравиразведка уже включилась, однако хороших результатов от нее не ожидали: разрешающая способность гравископов была такова, что наблюдатель затруднялся определить, что же он видит: стоящий на грунте корабль или одинокую, хорошо выветренную скалу. Средства этой разведки были еще весьма далеки от совершенства. Ничего не поделаешь: вещи никогда не создаются сразу в лучшем варианте, как человек не рождается смышленным и обученным.

Во всяком случае, никакой опасной активности со стороны противника пока не установили. Следовательно, приходилось проявлять активность самим. Если бы не сбой с распаковкой техники. И командующий в который уже раз задавал все тот же вопрос:

— Где, черт возьми, тяжелая техника?!

И в ответ услышал впервые:

— Девяносто процентов уже в росте и будут готовы самое позднее через тридцать минут.

— Ага! Удосужились, значит, исправить?

— Никак нет. Просто неисправными оказались только два распаковщика. Остальные запущены и работают нормально.

Командующий позволил себе улыбнуться. И сказал:

— Все-таки толковый парень — этот, как его... Симон.

Ему не стали докладывать, что Симон до места назначения до сих пор не добрался. И связаться с ним пока не удастся. Командующий не должен погрязать в мелочах.

А он скомандовал:

— Авиации и химикам: приготовиться к демаскации!

Такое вот словечко было изобретено для обозначения очередной операции. Очень специальной.

В то же время

Когда налетел второй порыв ветра, по сравнению с которым первый показался не более чем предисловием к толстому роману, кап Симон понял: закончить полет ему вряд ли удастся. Хотя механика платформы работала на полную мощность и антиграв ворчал, как недозволенный пес.

Это было плохим признаком, потому что означало одно: основная деталь платформы готова отказать в любую минуту. Видимо, она надорвалась, когда этот самый второй порыв швырнул платформу, словно сухой лист, под самые облака (собственно, это уже и не облака были, а тяжеленные тучи). Выровнять платформу удалось в последнее

мгновение, когда она совсем уже настроилась совершить поворот оверкиль. Симон понял, что состязания на равных никак не получится, убрал мощность антиграва до минимальной и, сразу отяжелев, стал пикировать к поверхности, с тем чтобы прекратить падение лишь в считанных метрах над землей.

Было, конечно, весьма неприятно — опаздывать туда, где он сейчас был очень нужен. Однако, по соображениям Симона, плохая погода должна была закончиться так же внезапно, как и началась. По сути дела, это был шквал — только не в море, а над открытой, почти ровной, лишь слегка бугрящейся поверхностью, участком степи, как-то затесавшимся между двумя мощными лесными массивами.

Приземлиться удалось — учитывая неблагоприятную обстановку — почти идеально. Во всяком случае, платформа при снижении не пострадала, да и Симон отделался лишь парой ссадин. Правда, в момент касания раздался звук, какого Симон не ждал: не громкий удар при посадке платформы на грунт, но лязг от удара металла о металл. Это очень не понравилось инженеру, поскольку, скорее всего, означало, что платформа сама себе причинила вред: никакого другого металла здесь быть просто не могло.

Симон без размышлений закорил платформу — на случай, если ветер дойдет до ураганного и захочет снова поиграть с интересной игрушкой. Потом соскочил с нее, чтобы осмотреть свой транспорт снаружи и убедиться в том, что никаких серьезных повреждений машина не получила и будет в состоянии продолжать свой путь. Инженер хотел найти источник металлического звука.

Однако искать его не пришлось: источник был тут, прямо перед глазами. Симон едва не наступил на него, спрыгивая с платформы.

Инженер нагнулся, чтобы как следует разглядеть находку. Он старался держаться спиной к ветру, чтобы поднятый воздушным потоком песок не попадал в глаза.

Он увидел кусок металла непонятного назначения, неправильной формы, производивший впечатление не обломка, но детали. Только неизвестно какой.

Не рассуждая, Симон нагнулся и попытался вытащить железяку из грунта. Не тут-то было! Тогда он опустился на колени и принялся раскапывать землю вокруг детали табельным кинжалом. Это было достаточно легко: грунт оказался песчаным, а никак не унимавшийся ветер пришел на помощь, выдувая из-под рук взрыхленную почву. Деталь обнажалась все больше, но никак не желала заканчиваться. Ямка достигла уже полуметра в глубину. И тогда кинжал, в очередной раз по-

грузившись в песок, наткнулся на нечто очень твердое. Камень? Нет, снова металл. Что-то плоское, лежащее наискось. Симон заработал еще быстрее. И наконец...

Почти в те же минуты

...произошло несколько событий, сыгравших немалую роль в дальнейшем.

Командующий отдал приказ, и уже собранные к той минуте атмосферные штурмовики, а точнее — их химическое боевое перо (иными словами, шестая часть боевого крыла), попросту же — тридцать шесть машин поднялись в воздух и устремились в направлении, в котором, как успели доложить антиграв-кикеры, располагались основные силы противника.

Когда перо находилось почти на полпути к цели, радары отметили, что слева, на расстоянии сорока километров, контркурсом движется примерно такое же количество самолетов. Того же типа: атмосферные штурмовики. Подобным курсом могли лететь только вражеские машины.

Об этом немедленно доложили командованию, закончив словами:

— Прикажете атаковать?

В ответ прозвучало:

— И не думайте. Выполняйте задание. Быстрее!

Прибавили скорость, пошли на форсаже. Обстановка в небе усложнялась: ветер наверху, исправно дувший от восьми часов, стал все более усиливаться, снося с курса. Это снижало скорость. Однако до цели оставалось все меньше. И вот командир пера скомандовал:

— Носители ДФ к бою!

Почти в ту же секунду прозвучали доклады о готовности.

— Атаковать цели согласно целеуказателям! Пуск!

И от каждой машины, а в перо, напомним, их было тридцать шесть, оторвались ракеты ДФ и ушли — каждая своим заранее определенным курсом.

Это была химическая атака. Но не на людей: такое Правилами запрещалось с давних времен. Целью атаки была всего лишь дефолиация лесного массива, в котором предполагался противник. Успех атаки — а деревья должны были сбросить листву за считанные минуты — позволял спутниковой разведке беспрепятственно увидеть противника и передать информацию огневым и мобильным перьям, давая им прекрасную возможность накрыть вражеских драконов огнем, а вслед за огневым валом — атаковать укрепления, давить и уничтожать живую силу и технику.

И действительно, перо, завершив атаку, еще только разворачивалось на обратный курс, когда внизу начался листопад.

Но противник внизу не дремал. Самолеты были, в свою очередь, атакованы огнем лазерных установок и стаями зрячих ракет. Пришлось отбиваться. Пошла карусель. Летчики использовали ракеты второй ступени: тактические, малозарядные. Каждая головка, срабатывая, уничтожала все вокруг себя в радиусе ста метров, никак не более: это ведь были штурмовики, а не бомбардировщики.

Но и по самолетам били не моченым горохом.

Уйти удалось одиннадцати машинам. И снова на полпути было замечено прохождение обратным курсом штурмовиков противника. Семь машин. А было их, когда летели туда, пятьдесят восемь, полный Дракон. Значит, встретили их еще серьезнее. Но и они, надо полагать, что-нибудь там натворили...

Похоже, внизу ветер был еще крепче, чем на высоте. Он разнес выпущенный дефолиант по более обширной площади, чем предполагалось, и сейчас внизу виднелись лишь голые стволы — и ковер из листьев, пока еще зеленый, но прямо на глазах желтеющий.

Штурмовики возвращались не по прямой, но по дуге, потому что прямой курс стал опасным: огневые силы противника начали дуэль, энергетические и гравибомбы мчались с обеих сторон, и оставаясь на прежнем курсе, можно было привлечь к себе внимание любой из них.

Кап Симон, стоя в вырытой им яме на открывшейся броневой плоскости, невольно поднял голову и проводил глазами пронесшиеся поверху с громким шорохом самолеты — одиннадцать машин. Точнее, десять и одну: последняя значительно отставала, заметно теряя и скорость, и высоту. Симон вздохнул и снова принялся расширять яму, уже более или менее понимая, что было у него под ногами и почему это следовало обязательно выкопать. Он уже решил, что как только определит границы броневой плиты, в которой нетрудно было угадать крышку башенного люка тяжелого танка, скорее всего, тоже «грави», — сразу же свяжется с командованием и попросит прислать парочку саперных машин. Они справились бы тут в два счета. Собственно, он уже пытался установить связь, но никак не мог пробиться: на всех частотах была какая-то каша из непонятных помех, сквозь которые еле пробивались сообщения за сообщением, шифром и клером, но с преимуществом первоочередности, и Симону никак не удавалось вклиниться в этот обмен. Вздохнув, он решил через полчаса попробовать еще разок.

Когда человеку нечего делать, он волей-неволей начинает думать

— если у него еще сохранилась способность к такому времяпрепровождению. И мысли, бывает, приходят вдруг какие-то... нештатные.

И вот сейчас он вдруг стал думать о том, что всё, наблюдаемое им, похоже, укладывается в рамки некоей системы, на первый взгляд немислимой, но если разобраться, внутренне совершенно непротиворечивой. А следовательно — возможной.

Ведь если допустить, что девственная планета, предоставленная самой себе, в конце концов самоорганизуется в единый организм, обладающий всем необходимым по количеству и качеству для...

Но тут ему пришлось отвлечься от теории.

Помешали вовсе не штурмовики, остаток атаковавшего пера; они инженера даже и не заметили, им было никак не до него. Потому что с той высоты, на какой удерживались сейчас десять машин, им уже стало заметно нечто другое, куда более важное.

А именно: полный гравитанковый коршун — клюв и оба крыла, сорок восемь перьев по три машины в каждом — мчался по степной перемычке, чтобы всей своей мощью обрушиться на танки противника, когда они еще только начнут вытягиваться из оголившегося леса на оперативный простор и их можно будет при этом бить на выбор, едва машина покажется на опушке. Зрелище неудержимой мощи очень понравилось пилотам штурмовиков.

Но они были еще только на подлете к клюву коршуна, когда вдруг началось то, во что никак не хотелось верить.

Известно, что гравитанки не опираются на поверхность, над которой движутся, мощность агрегаторов позволяет им сохранять просвет до метра. Движением управляют, конечно, киберпилоты — согласно заданной программе, люди берут в руки управление лишь непосредственно перед вступлением в бой. И поэтому совершенно непонятно было, почему и зачем весь коршун, начиная с машины клюва, командирской, вдруг стал по плавной глассаде опускаться на грунт, вздымая целые песочные облака, а затем...

Нет, сперва и пилотам, и наблюдавшему с грунта Симону показалось, что это лишь обман зрения. Но песок быстро оседал, и пришлось признать, что...

— Циркуляцию над колонной! — скомандовал командир остатков пера и первым вошел в вираж, убавляя скорость до минимальной.

...что танки в строгом порядке, один за другим, уходят все глубже в песок, словно гусеничные машины были субмаринами, песок — водой, и они выполняли срочное погружение.

Звено за звеном, перо за пером, крыло за крылом. За считанные минуты. Ни один не нарушил строя, не сделал попытки отвернуть.

Последнее, что успел заметить командир пера, это высунувшийся было из песка перископ последнего танка и тут же ушедший в песок.

— Плывуны, что ли? — пробормотал себе под нос штурман. — Но какого же черта они пошли на грунт?

— Не спи! — окликнул его командир. — Не то мы и сами там окажемся!

Командир не сводил глаз с альтиметра. Машина теряла высоту. Автопилот вдруг решил самопроизвольно выключиться. До сих пор исправно разыгрывавшие электронную симфонию приборы вдруг повели себя, как перепившийся оркестр. Пришлось перехватывать управление. Летчик открыл антиграв до последнего, и машина должна была сразу после этого свечкой взлететь в небеса. Но антиграв не отреагировал на команду. И стало ясно: уже через несколько минут машина начнет зарываться в песок — его машина, и все остальные тоже.

— Катапультироваться всем!

Похоже, только так еще можно было уцелеть.

Десять кресел выстрелилось. И вторые десять.

Взвильсь. Антигравы должны были опустить всех медленно, в зависимости от высоты. Они не сработали.

— Так и есть — плывун, — успел еще выговорить командир, погружаясь в податливую массу.

Наконец-то Симону удалось прорваться по связи в штаб командования. Он потребовал самого командующего и никого другого.

— Командующий слишком занят. Доложите мне, — предложил адъютант.

— Передайте командующему: я обнаружил, что в наши действия активно вмешивается некая третья сила.

— А вы, собственно, где находитесь? — спросил адъютант, не проявляя и признака доверия.

— Даю координаты...

Адъютант вовремя вспомнил, что именно это имя — капа Симона — командующий недавно употребил в положительном смысле. Возможно, речь шла о каком-то задании.

— Оставайтесь на связи. Я доложу.

Листьев на деревьях не осталось ни в одном из занятых войсками лесов. Передвигаться пешком по грунту стало весьма затруднительно.

— Навырачивали тут черт знает чего, — сердито проговорил декан распаковщиков, перебираясь через очередное препятствие. И в самом деле, листья, снизу казавшиеся в общем нормальными, разве что

очень уж большими — теперь, когда они валялись на земле, вызывали совсем другие впечатления. Особенно те из них, что были свернуты наподобие мешка, в который можно было уложить множество всякого добра. Примерно полметра в поперечнике и метра полтора в длину. Так выглядел каждый пятый-шестой лист. Так что приходилось или лавировать между ними, или задира́ть ноги повыше и садиться верхом, чтобы сползти уже в другую сторону. Декан оседлал очередной мешок, задержался на секунду, даже поерзал:

— Похоже на голубцы, нет? Интересно: а чем они так набиты? Запах какой-то... не сказать чтобы приятный. А ну-ка...

И, вытащив кинжал, смаху вонзил его в плотную зеленую поверхность. И провел, вспарывая.

— Ф-фу-у!..

Мешок медленно развернулся. Запах заставил зажать нос, но глаза не могли оторваться от увиденного.

— Дьявол! — проговорил декан яростно. — Это что же получается? Да это ведь...

Десантник, стоявший ближе других, отворачивая лицо, нагнулся, зацепил что-то, увиденное им в дурно пахнущем кровавом месиве, заполнявшем мешок.

— Смотри сюда, декан, — и протянул руку.

В ней был воинский личный знак с номером инспектора Солка.

Минуту-другую солдаты постояли неподвижно, только переглядывались. Потом, как по команде, завертели головами, словно ожидая смертельной угрозы с любой стороны. Наконец декан сказал:

— Спасибо врагу, что все это пошибал. А то бы и всех нас... Надо доложить начальству. И... вот это предъявить. А то ведь не поверят.

— На себе понесем, что ли? Тут похоронная команда нужна. Да я к... этому и близко не подойду — меня вывернет наизнанку. Давай вызывай их с упаковкой.

Казалось бы, нашелся наконец ответ на вопрос, волновавший штабных аналитиков: почему так прекрасно приспособленная для колонизации планета до сих пор оставалась никем не замеченной, а если и замеченной, то не использованной?

Оказалось, что ответа искать не нужно потому, что такого вопроса вовсе и не существует. Как это — никем не использованная планета? А кто же тогда разбрасывает по степи боевые машины, к тому же неизвестной конструкции, хотя и вполне современные, может быть даже — несколько более современные, чем те, какими обладали начавшие здесь войну миры?

Конечно, не в супертанке, на который наткнулся Симон, было дело. Машина оказалась первым, но не единственным и даже не самым главным доказательством.

Главным же было другое: неподражаемое искусство маскировки, каким обладали хозяева Лорика. Подумать только: две прекрасные разведки разглядывали, прослушивали, пронюхивали, на язык пробовали этот мир — и ничего, ни намека, ни признака, ни малейшего подозрения. Даже позже, когда перед снижением обе стороны повесили на орбитах свои спутники, результат был один: дикость, сплошная дикость, если можно так сказать — классическая, хоть на выставку ее, хоть в учебники. И еще один мощный аргумент тут же нашелся: а погода? Вы думаете, это просто так, ни с того ни с сего прекрасная погода вдруг, в считанные минуты стала превращаться в свою противоположность? А там, где степная поверхность недавно была настолько плотной, что хоть церемониальным маршем проходи, вдруг превращается в песок-пльвун, где за здорово живешь гибнет основная ударная сила армии — агратанковый коршун в полном составе, — так что ни единой машины не спаслось, и туда же, то есть черт знает куда, проваливаются остатки летного пера. Ну, эти хоть успели выполнить боевую задачу, а танки-то зачем? А ураганные ветры, смерчи, а внезапно начавшееся чуть восточнее, но тоже на ровном месте извержение — да такой мощности, что сейчас там уже сопка поднялась, высота метров семидесяти, извержение продолжается, и две огненные речки уже потекли — одна на норд-вест, другая на зюйд-вест? Рельеф местности подсказывает, что через времечко потоки эти могут достигнуть и мест дислокации обеих воюющих армий, отправляя таким способом псу под хвост все прекрасно разработанные обеими сторонами планы победоносной войны. Не станешь же форсировать огненные реки, к таким действиям ни та, ни другая армия не готовились.

Конечно, трудно утверждать, что не будь извержения, наступление хоть одной из армий действительно состоялось бы: агратанковый Великий дракон противника хоть и не встретился в самом начале своего марша с пльвунами, тем не менее ему тоже не повезло: желая сократить путь к месту предполагаемого удара по позиции противника, дракон воспользовался лишенным деревьев луговым участком поверхности, который, едва над ним возникли источники антигравитационного поля, превратился в болото (а может, он и всегда был таковым, только с виду казался веселым лужком), и танки, по какой-то причине не сделав ни одной попытки спастись, целиком ухнули в зыбь.

Такие события произошли в последнее время, а что до мелочей, то о них особенно и говорить не стали: на фоне подобных катастроф

исчезновения отдельных единиц или мелких подразделений личного состава с обеих сторон уже не казались чем-то страшным — потому, может быть, что число их, в общем, укладывалось в запланированный процент потерь, а вот танков и авиации предполагалось потерять поменьше.

Завершилась же кампания и вовсе нелепо: крепким сном. С обеих сторон неожиданно и необъяснимо поголовно все — от главнокомандующих до последнего похоронщика, каждый на своем месте — крепко уснули. Нет-нет, именно уснули, похрапывая, причмокивая, а кто-то даже и улыбался: наверное, что-то веселое ему снилось. И проспали ровно восемь часов. Проснулись здоровенькими, но сильно проголодавшимися.

Теперь уже не только капу Симону, но и всем остальным пришлось волей-неволей ломать свои бедные головы.

Подумать было о чем: можно ли считать, что все природные катаклизмы, по сути, сделали так хорошо подготовленную войну невозможной? Или — и это куда страшнее — затаившийся, до сих пор не позволивший установить с ним никакого непосредственного контакта враг научился манипулировать силами и энергиями природы по своему усмотрению, то есть использовать их как мощное оружие, которое нельзя вывести из строя?

И еще: означали ли все эти события, что враг — или, как его уже окрестили, владелец — поставил своей целью путем разгрома прибывших армий сохранить свое господство над этим миром? Мысль выглядела вполне разумной. Однако разве не было для него куда более логичным позволить обеим армиям схлестнуться и по мере сил и возможностей ослабить и частично уничтожить друг друга, а лишь в последнем акте появиться на сцене и поставить большую и выразительную точку? Зачем ему потребовалось демонстрировать свою силу перед мирами, с которыми он до сих пор не имел да и, похоже, не собирался иметь никаких отношений?

Тут мнения возникли самые разные. Например, команда аналитиков почти единогласно решила, что этот неведомый враг являлся не кем иным, как мощной пиратской организацией и с самого начала не был уверен в том, что армии прибыли сюда для драки между собой. Нечистая совесть могла внушить пирату мнение, что прибывшие на самом деле являются мощной карательной экспедицией, направленной против него, а их деление на две группировки — всего лишь маневр, призванный усыпить его бдительность.

Другие гипотезы были, пожалуй, еще более экзотическими, в частности, предположение объединенных разведок, по мнению которых

мир был занят разведывательным отрядом пришельцев то ли из другого рукава, то ли даже вообще из другой галактики. Не желая демаскировать себя, но не допуская пребывания здесь чьих-то вооруженных сил, возможно, даже готовясь к прибытию своих главных армاد, чужие разведчики использовали собственные возможности так, чтобы все можно было свалить на дикую природу. На ехидный вопрос — не думают ли они, что в том рукаве галактики пользуются танками, очень похожими на наши? — разведчики ответили без малейшей задержки:

— А это они наверняка где-нибудь в наших мирах и украли, немало же улучшили, и все. Разведка все может!

Однако если на этот вопрос согласованного ответа не достигли, то другой, пожалуй, куда более важный, был решен быстро и единогласно: необходимо заключить перемирие и совместными усилиями разработать план действий по достойному выходу из создавшегося положения.

По связи переговорили с командованием недавнего противника — однако самого командующего на месте не оказалось: выяснилось, что он вместе с половиной своего штаба уже направляется... — и куда же? Да именно сюда, для переговоров о перемирии.

Это заставляло думать, что тем досталось еще больше. И как только их командующий прибыл, то сразу выяснилось, что противник понес потери куда более серьезные: та армия лишилась уже двух кораблей — крейсера и транспорта.

— Как? Каким образом? Вы собирались стартовать?

— И мысли такой не возникало. Корабли стояли совершенно нормально еще вечером. А утром смотрим — их нет. Ухнули. Вместе с вахтой, с боезапасом — одним словом, в полном порядке. Куда ухнули? Да провалились в чертову бездну. Представляете, под каждым открылась вдруг шахта — и поминай как звали. Хотя под ними такие площадки были оборудованы — крепче не бывает. Тоже посыпались вместе с кораблями. Нет, господа, не знаю, как вы считаете, но лично я уверен — без нечистой силы тут не обошлось. Я понял, что это за мир: приманка, блесна такая, а мы с вами — рыбки, вот и клюнули на нее. Мое мнение — надо уходить отсюда, пока еще живы...

Тут ему пришлось прерваться. Потому что именно сейчас на высокое совещание прорвался начальник похоронной команды. И не один, а сопровождаемый группой подчиненных, и у них на специальной платформочке — вспоротый древесный лист, каких тут были, может, миллионы, а на этом листе — все, что осталось от инспектора Солка.

— Оно его типа переварить не успело, тогда те налетели, по листве вжарили, они и скукожились, — объяснил декан распаковщиков. — Но только это ненадолго. Сходите в лес, если кто любопытный: там поросль из земли так и прет, в полчаса — полметра.

— Господи!.. — синхронно, словно по команде, пробормотали оба командующих, едва взглянув в ту сторону. Но тут же пришли в себя.

— Почему до сих пор не захоронен? Непорядок! Немедленно! Слушай мою команду! Военные действия прекращаются. Войска срочно готовить к посадке на корабли!

А про себя добавил: «Пока они у нас еще есть».

То же самое, почти слово в слово, повторил и командующий другой армии, добавив:

— Быть в стартовой готовности через два... нет, через час!

Урейский коллега негромко, чтобы подчиненные не слышали, поправил:

— За час технику демонтировать просто не успеете. Даже по нормативам...

На что тот командующий ответил, махнув рукой:

— А ну ее к чертям — спишется на войну.

— Я не об этом. Но правила требуют — оставлять поле боя в полном порядке.

— Здешние хозяева уберут. За теми, кто был тут до нас, они же убрали.

— Думаете, они? А не...

— Тут ведь явно кто-то был, так? Но не вернулся никто. Иначе чуть раньше или позже об этом посещении стало бы известно. Значит, тогда не ушел никто. Наверное, заупрямились — хотели довоевать до конца.

— Пожалуй, вы правы. А знаете, нас сейчас больше не трогают: может быть, как раз потому, что ждут — произведем уборку, тогда они нас и... Но мы ее перехитрим.

— Вы имеете в виду — кого?

— Да планету эту, черти бы ее взяли. Думаете, нас пришельцы гробят? Да нет, она сама — природа.

И, встретив недоуменный взгляд, пояснил:

— Тут мне один наш инженер доложил свои соображения. Некто кап Симон. Я сначала послал его подальше, но призадумался: а ведь и в самом деле похоже! Они — сами миры, природа — ведь тоже совершенствуются, прогрессируют, обучаются, как и вся Вселенная. И при этом те, что возникли раньше, то есть дальние, окраинные миры развиваются первыми — просто потому, что существуют дольше тех, что

ближе к центру. Не одни лишь белковые тела эволюционируют — так этот Симон толкует. Мироздание куда живее, чем мы привыкли считать. Наверняка в первую очередь развивается у них что-то вроде инстинкта самосохранения. И ведут они себя, как нормальный живой организм.

— Не верю. Чего доброго, станут говорить, что природа мыслит!

— Ну... этот мой офицерик сказал: «Мы не обладаем монополией на мышление».

— Да нет. Природа ведь строим не ходит! Какое же тут мышление?

— Во всяком случае, она тут умеет мобилизовать все свои силы в нужное время и в нужном месте. Грунт, растительность, атмосфера — от нуля до урагана за четверть часа, поля — никакая связь не выдерживает... Мы и сами ведь не против всякой микрофлоры в жизни и боремся лишь с болезнетворными бактериями, а с другими прекрасно сосуществуем. Так и планеты со своим населением... и тем более с гостями. С инфекцией.

— Это мы, что ли, бактерии?

— По мне, это все же почетнее, чем вши.

— Гм. Обидное, прямо сказать, сравненьце.

— Ну, пускай блохи. Не в словах суть. Я о другом подумал: ладно, наши миры куда ближе к центру и до такого уровня самозащиты еще не развились. Но ведь... и они к этому придут, верно? Со временем. И что тогда станет с вооруженными силами? Что, и в самом деле вечный мир наступит?

— Да, перспектива, прямо скажем... Этот Лорик, наверное, уже никому не позволит за себя зацепиться. Похоже, тут до нас побывали, самое малое, два раза — и вступали в драку с самой планетой. Разозлили ее. До того, что в наших архивах никаких упоминаний об этих кампаниях не сохранилось. А те миры, где мы уже зацепились, где недавно, где давно — что же, поживем увидим. Вообще-то в молодости, до армии, я строителем был...

— А я жить начинал микробиологом, да... Вы верно сказали: поживем — увидим. А чтобы пожить — стартуем побыстрее. Спокойного пространства, командующий.

— Ближе к осени прилетайте ко мне — есть о чем поболтать.

— Не премину. Ну, честь имею.

«Если мы ее еще имеем — после такого провала». Но, козыряя на прощание, командующий Урея не стал произносить этого влух.

Г Р Е Г О Р И Б Е Н Ф О Р Д

ЧЕРВОТОЧИНА

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Она чувствовала, что вот-вот превратится в пюре, и все из-за хитрой бухгалтерии.

— Дай мне инфракрасный, — попросила Клэр.

— Я могу дать тебе полный спектр, — обнадеживающе прошептал голос Эрмы в наушниках. Перед Клэр возник хаотичный набор цветов, от которого стало больно глазам.

— Ты по-прежнему пытаешься заставить меня смотреть на мир таким способом, черт возьми!

«Возможно, я задела ее за живое, — подумала Клэр, — надавила на нее». Но программное обеспечение не может обижаться, по крайней мере, Клэр так считала.

— Я всего лишь примат. Давай мне по одной части спектра за раз. Пожалуйста.

— Как скажешь.

Последовало ли за этими словами сердитое сопение? Не важно — Эрма подчинилась.

Теоретики называли объект, летавший сейчас на экране, червоточиной.* Эта червоточина выглядела как размытый красноватый бублик. Он вращался в бешено сияющем ореоле. На его «коже» извивались сердитые красные змеи. У северного отверстия бублика ветвились желтые и синие молнии, которые, однако, не проходили насквозь. Те же шипящие вспышки обходили и южное отверстие, но молнии на севере не отвечали им. Где-то на этой оси крылась проблема. Именно туда они и должны были отправиться.

— Какова наилучшая траектория, теоретически?

— Подходящей траектории не существует. Математики говорят, что есть несколько входов, но все они предполагают приобретение существенного момента вращения.

— Да, но должно же быть какое-то наиболее популярное предположение...

— У меня есть результаты последнего численного моделирования, которое ты заказала с Земли.

** В оригинале рассказ называется «The worm turns», буквально — «Червяк поворачивается». Эта фраза — цитата из Шекспира (Генрих VI, часть третья). Смысл ее в следующем: тот, кого когда-то втоптали в грязь, рано или поздно отомстит, и все повернется против того, кто сей акт втоптывания некогда осуществил. Цитата, в свою очередь, восходит к старой поговорке «Tread on a worm and it will turn», буквально — «Наступи на червяка, и он повернется». То есть даже самое смиренное и робкое существо может дать отпор, если плохо с ним обойтись. (Здесь и далее прим. перев.)*

— О, хорошо. Я всегда чувствую себя лучше после освежающего компьютерного моделирования.

— К вопросу нашей безопасности лучше относиться без вызывающего стресс сарказма.

— Сарказм — это всего лишь еще одна услуга, которую мы предоставляем на нашем корабле.

— Сарказм приводит к стрессу.

— Кого?

— Нас обеих.

— Я что, напряжена?

— Ты выглядишь взволнованной.

— Я думала, ты понимаешь риторические вопросы.

— Ты тянешь время.

— Да, черт возьми. Посмотри на эту червоточину через детектор массы.

И Эрма посмотрела. Все виртуальные изображения, всплывавшие на экранах, были наполнены сиянием, которое не мог убрать даже террапроцессор Эрмы. Эти изображения выглядели слишком хорошо, чтобы быть реальными. Правильные геометрические фигуры путались и переплетались, плавая вокруг вращающегося бублика. Завитки пространства-времени разлетались в разные стороны, излучая волны со злобным красным шипением.

— Это кажется тебе безопасным?

— Я бы сказала, что моя резервная копия каждый раз сбрасывается на Луну по лазерному лучу.

— Ага, ты бессмертна, пока я плачу за твое использование.

— Я могу найти другую работу...

Клэр улыбнулась. Эрма редко начинала произносить фразу, если не знала, чем ее закончить. Возможно, ее диалоговая программа сейчас общалась с обширной сетью сенсоров, развешанных по всему корпусу «Серебряного люггера». Эти сенсоры измеряли все, что только можно, по мере того как корабль осторожно приближался к завихряющейся червоточине.

— Что ты там говорила?

— Я отвлеклась. Я считаю, что вероятность успеха этого предприятия достаточно высока. Однако я ни за что не поручусь, если мы будем висеть возле этого странного объекта.

Может ли программное обеспечение нервничать? Эрма не была такой в прошлый раз, пять лет назад, когда они поймали злосчастную червоточину. После этого астрофизики начали ломать голову, пытаясь расши-

речь ее так, чтобы через нее мог пройти корабль — и облажались. Ученые подталкивали ее, зондировали, и в итоге каким-то образом добавили ей момент вращения. Они случайно преобразовали все пространство-время вокруг того, что ранее являлось чем-то более или менее предсказуемым.

Они толком не знали, что делать с червоточинами. В конце концов, она у них была одна-единственная — вот эта вращающаяся, наполненная энергией, сожравшая великое множество зондов, но ничего не выплюнувшая обратно.

— Нам нужно подобраться ближе, чтобы определить, где здесь возможные входы.

Вдоль оси червоточины двигались мерцающие глыбы, определенно состоявшие из какой-то экзотической материи. Эти глыбы, похоже, тоже вращались. Клэр много раз предупреждали о том, чтобы она не соприкасалась с этими глыбами. Предыдущие зонды от этого распадались на элементарные частицы.

— Вообще-то входов тут два, так? Северный и южный полюса этой релятивистской карусели. Но от оси надо держаться подальше.

— Да. Я думаю, наше вращение тоже имеет значение. Предыдущие зонды пробовали изменять свой момент вращения, и некоторым из них удавалось какое-то время после этого посылать отчетливые сигналы.

— Конечно, где-то секунд десять. Я рассчитываю, что моя стратегия «схватил и убежал» займет примерно столько же времени. Согласно нашему контракту мы должны только снять кое-какие данные и вернуться домой. Ни один зонд не вернулся?

— Вернулся, если считать частицы углерода.

— А этот зонд что, был керамический?

— В том числе.

С помощью сенсорного управления Клэр получила теоретическое расстояние до червоточины, плавающей в космосе в магнитных зажимах в ста метрах от нее. Вихри вывернутого пространства-времени хлопали по металлической коже корабля, заставляя зубы Клэр стучать. По экранам шли брызги бело-желтой пены, обозначающей гравитационную турбулентность вокруг них.

— Бублики есть бублики, Эрма. Давай быстренько засунем внутрь наш нос.

А все из-за хитрой бухгалтерии.

* * *

Лунные ребята с чемоданчиками добрались до нее даже прежде, чем она успела распаковать вещи. Она надеялась устроить непристой-

ный поход по барам, чтобы избавиться от воспоминаний о том, как два года перенаправляла кометы. Она как раз собиралась забраться под пенный душ и проторчать там час или два, чтобы снова почувствовать себя человеком, потом покричать на кого-нибудь, кроме Эрмы, и тут ее дверной звонок исполнил Баха.

Она не ответила. Но они все равно вошли.

— Эй! Я снимаю эту квартиру!

Высокий даже не моргнул.

— Мы можем прямо сейчас посадить вас под замок, и это будет абсолютно законно.

— Последнего, кто попробовал это сделать, я в итоге едва не заморозила.

Низкий, который определенно любил поест, самодовольно произнес:

— Мы проверили. Тогда вы не пошли дальше угроз.

— В вашем случае я могу сделать исключение, — по ее лицу раскрасилась улыбка, и она сощурилась на коротышку, который нервно моргнул и невольно отступил на шаг. Она отругала себя за использование столь простого приема, но, в конце концов, ей же требовалось немного отдыха, черт возьми! Забавно было бы завалить этих двоих, а заодно потренировать застоявшуюся сердечно-сосудистую систему.

— Ты уже по уши в долгах, — высокий улыбнулся от уха до уха, но в его оскале не было ни грана теплоты. — Это служащий судебного ведомства, — кивок на толстяка, — а я бухгалтер проекта. Нам предписано конфисковать твой корабль.

— Тот, последний, тоже так говорил. Но я выкарабкалась.

— Да, восхитительно. Но твой бизнес по буксировке комет переживает трудные времена, — заметил высокий.

— Слушай, за меня поручится вторая по размеру корпорация в мире.

Толстяк все еще моргал, приводя в порядок свою самооценку. С учетом его комплекции это было непросто. Высокий иронично улыбнулся и без приглашения опустился в гравитационное кресло. Она следила за тем, как он садился, как его ноги сгибались, словно демонстрируя принцип рычага, и с удивлением почувствовала, как начинает возбуждаться. «Меня не было о-о-очень долго», — подумала Клэр.

— Думаю, из этого маневра ничего не получится, — мягко произнес высокий.

— Давай все же попробуем, — оптимистично заявила она. Замороз-

ка этих парней представлялась все более и более привлекательным вариантом. Она устала, все еще приспособляясь после установленной у нее на борту стандартной марсианской гравитации в 0,38 g. За время последнего полета ее номинал поднялся до 1,4. Хотя при действовавшей на Луне стандартной гравитации в 0,18 она чувствовала себя прекрасно, ее рефлексы не могли противостоять этим двоим. Возможно, она потеряла форму с этой работой, хотя ее 64 года — это не так уж чертовски далеко от среднего возраста.

Сейчас же, пока она не вспомнит, куда положила свой станнер, лучше обойтись без резких движений. А может, просто вывести из игры толстяка, пока она будет заниматься высоким? Эта мысль ей понравилась. Удовольствие прежде работы — ее главное правило.

— Даже не пытайся давить на нас.

Добавим льда. Немного наглости:

— С чего вы взяли, что можете просто так ввалиться сюда?

Толстяк, робея, отступил, ссылаясь на какой-то закон, согласно которому они могли проходить на территорию, находящуюся в собственности должников, не выполнивших свои финансовые обязательства, и с этого момента она перестала слушать.

Эти ребята были чертовски серьезны. Они привыкли приносить людям неприятности, так они зарабатывали себе на жизнь. Возможно, на сегодня у них было заготовлено еще несколько неприятностей.

— ...мы понимаем, что вы, наверное, должны адаптироваться, прежде чем нам придется... — бормотал толстяк.

— Прежде чем прибьет ваша тяжелая артиллерия? — спросила она.

— Мы верим, что такие методы не потребуются, и даже не рассматривали подобной возможности, — мягко вступил высокий.

Все это штампы, прямо из учебника по бизнесу. И ребята, наверное, никогда не покидали пределов Луны.

— Слушайте, я не виновата в том, что проклятое кометное ядро расклеилось, прежде чем мы сумели доставить его на лунную орбиту. Вам же тут нужны легкие элементы. И вы живете благодаря буксировщикам вроде меня, разве не так?

Высокий кивнул и с некоторым усилием придал своему лицу дипломатичное выражение.

— Я знаю, вы думаете, что бухгалтеры и юристы весьма надоедливы, но...

— Не все адвокаты надоедливы. Бывают ведь еще и мертвые юристы.

— Мы с коллегой не спрашиваем вас о причинах неудачи...

— Я не отвечала за защиту льда кометы от солнечных вспышек. Мы использовали стандартное отражающее покрытие, чтобы лед не растаял. Но та мощная вспышка уничтожила все покрытие. Это не мои обязанности! Из-за того шторма выкипел весь чертов айсберг. Он растрескался за час и убил двух женщин, которые...

— Мы прекрасно об этом осведомлены, — голос высокого скользнул в разговор, как змея.

Он, наверное, заранее планировал эти переговоры. В подтверждение собственной точки зрения он взмахнул рукой и нажал несколько кнопок на поясе. В воздухе между ними повисла ее бухгалтерия, мерцающая, словно водопад. Все цифры имели определенный цвет, и ее долг сиял ярко-красным. Целая лавина долгов. Она нахмурилась.

— Но у тебя... есть... выход, — медленно произнес высокий.

Она кокетливо улыбнулась, изогнула брови и ничего не сказала. Она давно уже выучила, что если позволить человеку говорить, любовь к собственному голосу может завести его дальше, чем он планировал. Люди будут болтать, болтать и в итоге, излагая какую-нибудь историю или поучительный рассказ, скажут что-то полезное.

Она неоднократно использовала этот принцип, а саму идею ей подарил дедушка, известный своей лаконичностью. Патриарх косился на нее, пока она занимала гостей какой-то длинной историей на большом семейном ужине. По окончании все вежливо улыбнулись, и общий разговор продолжился через несколько секунд после того, как дедушка наклонился вперед и прошептал: «Никогда не упускай шанса заткнуться». Она опешила, рассердилась, но сочла за лучшее усвоить урок.

Высокий произнес со слабой улыбкой:

— Мы можем обсудить возможности, а можем забрать твой корабль.

— О, вы так добры, — она испустила долгий вздох.

— У нас есть весьма великодушное предложение.

— Они у вас все такие, — она наблюдала за его руками. И за длинными пальцами...

— Корпорация спрашивает, не заинтересованы ли вы еще в одной экспедиции.

— Давайте я угадаю. Появилась очередная червоточина, застрявшая в солнечной короне? И нужно, чтобы кто-то ее достал. Как в прошлый раз.

Еще одна холодная, расчетливая улыбка. И почему ей нравятся такие парни? Ну ладно, прошло много времени, а технология может сделать для одинокой женщины не столь уж многое. Но все равно...

— Нет, к сожалению. Хотя могу заверить: то был весьма храбрый и заслуживающий уважения поступок. Я слышал, кто-то снял об этом фильм.

— Если вам интересно, то те деньги я тоже потратила.

Его маска слегка соскользнула, но он вернул ее на место в мгновение ока.

— Уверен, вы потратили их на нечто стоящее.

— Ага, я потратила все на себя.

Похоже, высокий любил долгие прелюдии и только после них переходил к сути. Что ж, она тоже любила долгие прелюдии, только не в том деле, о котором он сейчас говорил.

— Речь идет о той же самой червоточине. Только она изменилась.

— Она убежала?

— Нет, она защищена магнитными полями и удерживается в открытом космосе на высокой лунной орбите. Эксперименты корпорации по расширению ее «рта», чтобы таким образом дать человечеству возможность межзвездных путешествий...

— Постойте, как корпорация заполучила эту червоточину?

— Ну, они привели в действие возможности консорциума холдинговых компаний, которые согласно межпланетным законам имели дальнейшее...

— Оставьте свой жаргон. Они купили ее?

— Ну, можно сказать и так.

— Как хочю, так и говорю.

Сейчас высокий игнорировал толстяка, который сидел в другом углу комнаты. Клэр продолжала стоять. Это было едва ли не единственное ее преимущество перед парнями, использовавшими свой рост, чтобы создавать ощущение превосходства над женщинами.

— Я не техник, — высокий свернул светящуюся бухгалтерию и поднял одну бровь. Черт! Она возбуждалась даже от этого. Лучше бы ей действительно уйти отсюда и отправиться в поход по барам, чтобы спустить накопившийся за два года пар... — Но червоточина, которую вы захватили... изменилась. Я не уверен, в чем именно была трудность, но когда корпорация пыталась сделать «рот» червоточины достаточно широким, чтобы в нее мог пройти корабль — такой, как ваш, например, — это каким-то образом придало червоточине момент вращения. В результате появилась червоточина нового типа.

— Какого типа? — осторожно спросила Клэр.

— Скорости ее вращения достаточно для того, чтобы изменять саму природу пространственно-временной геометрии. — Высокий пожал

плечами, как будто изменяющиеся червоточины были чем-то вроде погоды, мол, «что с ней поделаешь?» — и зевок.

— Эй, я наемный буксировщик. Я сняла эту червоточину с ее наеста на магнитной дуге и оттащила к Земле. Вот и все, что я знаю. Точка.

— Да, но вы обладаете определенным талантом работы в неожиданных ситуациях. Именно то, что нужно корпорации. И немедленно.

— Потому что?..

— Потому что некоторые правительственные учреждения хотят получить червоточину.

— Земные ученые.

Еще одно пожатие плечами в духе «что тут поделаешь?». Очень выразительно. Этому парню надо бы на сцене выступить.

— Они обратились к Организации межпланетных наций.

Она позволила тишине вырасти. Это был важный момент. Во многих переговорах искусные паузы делали большую часть работы. Пусть тишина продолжается... а затем...

— Трудно, наверное, танцевать на струнах, натянутых аж до самой Земли.

Высокий вновь пожал плечами, не отрицая этого. Худой и мускулистый, он был самым привлекательным мужчиной, которого она видела за эти годы. А также и единственным мужчиной. Если не считать толстяка, который с таким же успехом мог находиться сейчас хоть на Плутоне. Она посмотрела на высокого, размышляя, хорош ли он во всех делах или же только в определении социальных сигналов. На Клэр были надеты обтягивающие кожаные штаны тигровой раскраски, но никто из двоих не бросил на них ни единого взгляда. Старое доброе женское правило гласило: ни один парень не должен замечать, какая на тебе обувь, а если заметит, значит, это не тот парень. Высокий ничем себя не выдал. Ни эмоций на лице, словно в покере, ни взгляда в глаза — ничего.

Он осторожно произнес:

— Научный совет Организации межпланетных наций получил связывающий нас по рукам и ногам судебный запрет, который вступит в силу через... — высокий посмотрел в сторону, наверное, сверяясь с часами, возникшими в его внутреннем зрении, — семнадцать часов.

— Семнадцать часов...

— И сорок восемь минут.

— Никто не сможет...

— Вы сможете, — заявил он, внезапно заторопившись. — У вас

есть опыт. А наши техники уже пробовали все, что умели, но безрезультатно.

— Кто-нибудь погиб?

Его лицо стало бесстрастным.

— Я не могу обсуждать это. Правовые вопросы...

— Ладно, ладно, — она чувствовала, как агрессия покидает ее. Какого черта, в конце концов! Она спала почти всю обратную дорогу до Луны, возвращаясь после неудачи с кометой. Она отдохнула и сыта. Был, конечно, и голод другого рода... Душ можно сократить. Пойти по барам, найти парня, переспать с ним, затем сесть на «Серебряный люггер»...

— Хорошо, я в деле, — она уперла руки в бока, принимая командную позу. — Но нам нужно кое-что обсудить.

— Времени мало, но мы готовы.

Она рубанула рукой воздух, указывая на толстяка, который недовольно надулся.

— Ты уходишь, он остается. И мы вдвоем обсуждаем сделку, мое вознаграждение. Ведь корпорации нужно, чтобы все было выполнено как можно скорее, так?

— Хм... да, — глаза высокого блеснули. Ее намерения настолько очевидны?

Что ж, пожалуй... Это сэкономит время им обоим. Да, можно пожертвовать походом по барам. Но не душем.

— Давай... давай сделаем это, — выпалила она.

Может, душ на двоих?

* * *

— Мы должны двигаться внутрь или наружу? Эта червоточина изменяет саму структуру пространства-времени вокруг себя. Теоретики предсказывали подобное. Я чувствую, как нас тянет. Здесь небезопасно.

— Если как следует задуматься, то безопасных мест не бывает, — она вспомнила высокого. «Некоторые вещи на самом деле лучше, чем кажутся. Может, выяснится, что в этой червоточине нет ничего опасного, когда ты через нее проскочишь. В конце концов, ни один из зондов не был достаточно сообразительным. Искусственный интеллект весьма искусен, но у него нет интуиции. Нет животных инстинктов».

— Мы можем сделать это. Давай повернемся вокруг нашей главной оси и нырнем через северный полюс.

— Мы поворачиваемся. Держись.

Ось корабля в любом случае проходила через Клэр, так что она ни-

чего не почувствовала, когда комната начала вращаться. Передний экран показал, как они входят в червоточину. Корабль начал дребезжать и постукивать, будто взлетал на волнах, разбивавшихся о нос.

— Знаешь, я вроде как надеялась, что у меня будет время поговорить обо всем с теоретиками.

— Ты сказала, что долго плескалась в душе.

— А, ну да.

— Одна?

— Это вне твоей компетенции. У тебя ведь нет тела.

— О, господи. — Это было сказано фальшивым, высоким английским голосом, словно пародировавшим Джейн Остин*.

— Слушай, давай на время оставим сплетни! Почему эта штука похожа на вращающийся бублик?

— Согласно моей базе данных, червоточины не туннели. В нашем пространстве они представлены в виде твердых тел. Для того чтобы пройти через них, с ними нужно слиться. Это не то же самое, что просто пройти через трубу.

— А эта вращается.

— Определенно. Изменения, которые внесли ученые, пытавшиеся расширить ее, добавили ей момент вращения.

— Червоточины связывают частицы пространства-времени, значит... эй, получается, они связывают частицы пространства и... э... частицы времени? — Уже не в первый раз она пожалела о пробелах в своем образовании. Клэр закончила всего на один класс больше, чем те, кто занимается обычным ручным трудом.

— Я читала, что Гёдель** решал уравнения единой теории поля в их классическом пределе, для вращающейся вселенной. Он пришел к выводу, что время способно образовывать петли. Он, правда, сделал это, чтобы проиллюстрировать свое утверждение о том, что время в каком-то смысле бесконечно, своему другу Эйнштейну. Они были, так сказать, приятелями. Приятелями-физиками.

«Я никогда не получу прямого ответа, пока не упрошу ее», — кисло подумала Клэр. Возможно, следовало вложить деньги в ее обновление,

* Джейн Остин (1775—1817) — английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе.

** Курт Гёдель (1906 — 1978) — логик и философ науки. Гёделю принадлежат работы в области дифференциальной геометрии и теоретической физики. В частности, он написал работу по общей теории относительности, где предложил вариант решения уравнений Эйнштейна, из которого следует, что все события в мире повторяются.

чтобы придать этой программе более мужской характер. Но тогда пришлось бы иметь дело с прямолинейной мужской логикой. Всегда приходится чем-то жертвовать.

— Очень мило, но что это значит?

— Вращающаяся червоточина поворачивает пространство и поворачивает время. Я думаю.

— Ты думаешь?

— Любую червоточину можно превратить в машину времени, вращая ее вокруг собственной оси с большой скоростью. Нашей червоточины с ее моментом вращения это определенно касается в еще большей степени.

— Хм... нам нужно больше информации. Как насчет той библиотеки, которую я купила для тебя?

— Я использую ее, чтобы просматривать...

— Просматривать что? Порнуху?

— Ты имела доступ к моим подпрограммам! И ко всем моим запросам в научной базе данных!

Великолепная Эрма. В первую очередь переводит разговор на другую тему, а затем добавляет оскорбленное достоинство.

— Покажи мне с цветовой кодировкой.

Магнитные волны на экранах играли и покрывались зыбью, словно светящаяся пшеница, которую колышет легкий ветерок. Червоточина извивалась и шумела в их хватке. Голубые молнии переплетались и ударялись. Червоточина дробила и свертывала свет, словно взбалтывая пространство ложкой.

Клэр осторожно стронула с места «Серебряный люггер», добавляя антиматерии в камеры.

Это больше походило на серфинг, чем на полет. Они пробивали себе путь вниз. Вихрь ощущал их. Подхватил.

— Мы входим, — это было гораздо лучше, чем тягать тоскливые кометы. Буксировка комет больше походила на доставку молока, от двери до двери. А опасность никогда не бывает скучной.

Потом все вокруг пошло рябью. Растянулось. Загромыхало. Клэр видела, как синусоиды металась по стенам, не разрывая ничего, а просто шлепая по стали, словно океанские волны.

Сердце Клэр тяжело забилося. Сквозь ее кресло провальсировал тревожный шум. Кожаная обивка покрылась морщинистой рябью, словно ее скручивали. Клэр чувствовала, как гравитационные струйки проходили и сквозь ее тело. Они, словно торнадо диаметром с сантиметр, закручивали ее униформу. Клэр напомнила себе о том, что пило-

ты не должны поддаваться страху до тех пор, пока полет не закончится. А затем напомнила еще раз. Это стало ее мантрой.

Магнитные захваты остались позади, и корабль нырнул в вихрь. Клэр почувствовала себя какой-то резиновой, а потом ее желудок попытался выбраться на волю через горло. В нос ударил запах желчи. Ускорение принялось швырять ее тело из стороны в сторону, словно тряпичную куклу. Клэр почувствовала, как ее кожа растягивается сразу в нескольких направлениях. Гравитационные силы походили на ребенка, торопящегося порвать упаковку, чтобы добраться до рождественского подарка.

— Как... у нас... дела?

— Никак.

— Что?!

— Мы зависли во вращающемся ядре бублика.

— Я... могу... вывести... нас... — но пальцы Клэр сейчас больше напоминали сосиски.

— Нет, не можешь. У тебя нет плана. Думаю, управление должна взять я.

— Ты... программа... — одна короткая фраза забрала все оставшиеся силы. Воздух был липким, словно грязные волосы. — Дай максимальный поток антиматерии. Выбей нас отсюда.

— Наружу или внутрь?

— Наружу... это куда?

Эрма издала нечто похожее на раздраженный вздох.

— Я надеялась, ты это знаешь.

— И ты хотела перехватить управление? — раздражение помогло Клэр. Она даже сумела закончить фразу. — Вперед — это туда, — она чуть качнула подбородком по направлению к полу. — Наверное...

Антиматерия взвыла, встретившись в камере со своим противником. Комната закрутилась вокруг Клэр настолько быстро, что размылась в жидкость. Зубы застучали. На экранах не было ничего, кроме тьмы. Насколько велика эта штука? Пробирались ли они через бесконечность или тонули в ней еще глубже?

— Ты посылала лазерные импульсы? Микроволны?

— Конечно. Ничто не вернулось.

— Может, эта штука — идеальный поглотитель? Хотя идеала не бывает...

Нечто, распространяющее яркую синеву, надвигалось на них. И быстро. На долю секунды Клэр увидела вдалеке странный корабль. А затем все исчезло. Это было единственное, что мелькнуло перед ними. Они находились во тьме?

- Входящее сообщение.
- Что? Как... Не важно, прими его!
- Там говорится: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь».
- Это одна из твоих шуточек?
- Я не шучу. У меня нет такого программного обеспечения.
- Кусать себя за хвост? Что это... О...
- О?
- Возможно, имеется в виду Гёдель? Но кто же это сказал?
- Кто находится здесь вместе с нами? Не знаю. Я всего лишь программа.

Клэр фыркнула. Она потела, хотя в корабле было холодно. Ее пульс участился. Это, конечно, интересно, но сейчас они находились в гравитационном смерче. Кресло присоединилось к кружившемуся вокруг торнадо, и долго это продолжаться не могло. Насколько же протяженной может быть червоточина?

На корабль надвинулась какая-то светящаяся штукавина — или, по крайней мере, эта штукавина стала больше. Она смахивала на крем со светящимися комками.

— Что это?

— Согласно моей базе данных, червоточины связаны между собой экзотическим материалом, чем-то вроде материи, обладающей «отрицательной средней плотностью энергии». Что бы это ни было, оно должно возникать при их зарождении. Эта материя пронизывает все червоточины.

— Хм... отличный строительный материал, если сможешь его достать. Для нас, впрочем, бесполезный. А выбраться отсюда мы все-таки сможем?

— Не знаю.

— И ты еще заявляла, что у меня нет плана.

— Постой... я чувствую что-то яркое... приближается...

Чернога снаружи покраснела. Затряслась.

Корабль внезапно вывалился наружу — в голубой шторм. На экранах сокращалась точная копия уже знакомой им червоточины. Вокруг нее искрились радуги. Корабль словно споткнулся и перевернулся. Мимо пронесся горячий газ со светящимися красными и синими вкраплениями. Между кораблем и яркой зловещей звездой висел огромный газовый гигант. Корабль трясся и вращался. Его уносило от газового гиганта мощным ветром.

— Этот газ утаскивает нас от червоточины. В основном это молеку-

лы водорода, очень горячего — поэтому и цвет у него голубой. Газ идет из атмосферы планеты. Мы находимся очень близко к звезде — примерно так же, как Меркурий от нашего Солнца. Но эта звезда меньше нашей.

Клэр уставилась на экраны. Красноватая звезда испаряла ходившую волнами атмосферу газового гиганта. Он походил на комету с длинным хвостом. Гигант был обречен двигаться вокруг своего мучителя, разрывавшего его на кусочки.

С газового гиганта сорвалось розовое перо и направилось к «Серебряному люггеру». Завихрения, возникавшие в хвосте, не предвещали ничего хорошего, и корабль находился как раз рядом с ними.

— Моя навигация не работает в этом газе. Я не могу пилотировать...

— Я возьму шлем, — Клэр боролась за то, чтобы развернуть корабль. Их реактивные двигатели едва могли выжать достаточно тяги, чтобы состязаться со злыми ветрами. «Ветры в космосе, — с ужасом подумала Клэр. — Это даже хуже, чем та дуга в солнечной короне... из-за которой мы чуть не погибли».

Даже начать поворот было трудно. Клэр вспомнила те времена, когда наслаждалась мореплаванием. Сначала дать ветру увлечь тебя, а затем резко изменить траекторию, когда позволят направление и вращающий момент...

Клэр разрешила волне подхватить заднюю часть корабля, уменьшая угол между кораблем и струей. Мимо пронесся клубок злобного фиолетового газа. В бок ударили горящие осколки. Экраны не показали потери давления, зато продемонстрировали, что сжигающие, пожирающие ветры сильно истончают оболочку. Стабилизировать курс удалось далеко не сразу. Корабль все еще мотался из стороны в сторону, словно лодка в шторм.

— Черт! Мы должны были только провести разведку и вернуться домой. А тут творится что-то невероятное. — Ей никогда еще не доводилось плавать в космосе. Нет способа оценить повреждения корабля, нет четких правил навигации. — Но... где червоточина?

— Я потеряла ее. Мы слишком быстро двигались, нас унесло прочь. Я попыталась примагнитить маячок, но ничего не получилось — он не прилип.

— Сложно, наверное, приклеиться к пространству-времени, — заметила Клэр. Как вообще можно что-нибудь прикрепить к червоточине?

Она отвлеклась, причаливая и поворачиваясь относительно клубящихся берегов горячего водорода.

— Что же произошло с червоточиной?

— Возможно, она находится на стабильной орбите, где ее гравитационные силы уравниваются с силами водородного ветра.

— Значит, она осталась позади. Где-то.

Корабль постепенно повернулся и перестал трястись. Клэр вывела его за границу шторма и двигалась туда, где плотность газа была меньше. Голубые полосы остались позади. Красный туман побледнел. Они постепенно выбирались в открытый космос. Появились обнадеживающе мерцавшие звезды.

Теперь Клэр увидела здешнее солнце под другим углом, глядя назад вдоль туманного края газовой струи. Распадающаяся планета казалась круглой шишкой на ослепительном желто-белом солнечном диске. Неожиданно вблизи корабля обнаружился полумесяц планеты с двумя лунами. Знакомых созвездий не наблюдалось, небо казалось более ярким, в нем было больше звезд, а еще между двумя звездами плавало сферическое звездное скопление, похожее на цветок из слоновой кости.

— Есть идеи по поводу того, где мы? Можешь найти какие-нибудь ориентиры?

— Я пытаюсь, но ни одна из здешних звезд мне не знакома. Мы очень далеко от Земли.

— Продолжай попытки. Может, нам еще придется возвращаться домой пешком.

«Другая звездная система. Далеко от Земли». Клэр охватил ужас, и она шепотом велела Эрме просканировать все вокруг. Иными словами, она была потрясена, брошена на произвол судьбы, но страх по капельке отступал. Ей все-таки удалось подумать об этом, как об очередной работе. Теперь все, о чем постоянно зудела Эрма, все это были лишь детали, мелочи, пустая болтовня. Вот *это* было настоящим.

Что-то настигло их на большой скорости. Корабль затрещал.

— Что за...

— В корму врезалась большая мягкая масса.

— Мягкая?

— Она почти не причинила вреда, но добавила нам импульс.

В космосе вокруг Земли не было ничего мягкого. А уж кометы — тем более.

— Удаленное сканирование.

— Множество мелких объектов. Ближе, приближаются еще.

Экран заполнился формами. Медуза, похожая на яичницу, присо-

салась к оболочке корабля. Мимо продрейфовал покрытый бородавками огурец. Пролетели янтарные карандаши, выпускавшие из трубок сзади горящий голубой газ. Надвигалось нечто, похожее на белый солнечный парус, наматывавшийся на мачты.

— Просто безумие.

— Да, волнующе. Это не машины — по крайней мере, не машины из металла и керамики, управляемые компьютерами. Они живые.

Клэр с удивлением смотрела на многообразие форм. Гравитация навязывала простую геометрию — цилиндры, параллелепипеды, сферы. А здесь имелись легкие новые формы: спицы и лучи, ромбоиды, толстые кривые. Неровная кожа и колючие раковины, резиновые ветки, гладкие зеркала — и все это в одном вращающемся скоплении.

— Они питаются водородом, понимаешь? Выведи наружу ботов. Оцени повреждения. И посмотри, смогут ли они что-то сделать с этими штуками.

— Я не имею ни малейшего понятия о том, как...

На корабль надвинулись угловатые формы, то приближаясь, то отступая, определенно оценивая поживу. Если бы речь шла о подводном мире, Клэр назвала бы их иглоносными хищниками. Все эти создания были гораздо меньше «Серебряного люггера», но ей не нравилось их количество. Они собирались в стаю. Они, кажется, прилетали сзади, от бледно-голубого потока, как будто пировали в водороде, прячась среди потоков, а затем выбрались за новым кормом. Хищники и добыча в глубоком вакууме? Или это больше похоже на жизнь внутри облака?

— Ладно, будем импровизировать. Боты развернуты?

— Вылезают из люков.

Клэр видела нечто тяжеловесное, гуляющее по серебристой оболочке корабля на магнитных присосках. Кишащее неведомыми созданиями рубиновое небо отражалось в корпусе, удваивая возбужденный рой. Космические формы жизни кружились и металась из стороны в сторону в своих разношерстных стаях. Когда боты выбрались на поверхность корабля, эти создания отступили. Они все-таки больше напоминали воздушных змеев, чем птиц. Боты были твердыми, жесткими и, вероятно, не представляли никакого интереса для тех, кто питается газом.

Каждый бот занялся своей ячейкой, следуя заданной программе. Боты находили разрывы и выбоины, быстро заполняя их заплатками. Клэр всегда нравилось заниматься текущим ремонтом, если возникала серьезная проблема. Это давало ей время подумать.

Итог получался безумным. Теоретики решили, что эта червоточина является дверью, которую давно не использовали. Поэтому ее противоположный конец, или концы, поскольку никто не знал, может ли у червоточины быть несколько «ртов», должен был находиться в открытом космосе, вероятнее всего, далеко от звезды. Они думали так, даже несмотря на то, что Клэр поймала эту червоточину в магнитной дуге солнечной короны.

Впрочем, тогда червоточина тоже не была обычной. Она обладала чем-то вроде отрицательной массы. Точнее, нечто на другом ее конце переливало свою массу через эту дыру, заставляя пространство-время вокруг «рта» червоточины изгибаться так, словно у той была отрицательная масса. Теперь эта штука, схваченная техниками, не знавшими толком, что они делают, растянулась и запуталась, быстренько обрета момент вращения и став еще более странной.

Безумно, но реально — не самая любимая для Клэр категория.

— Похоже, никаких результатов, — сказала Клэр сама себе. Наверное, она произнесла это вслух, потому что Эрма ответила:

— Мы делаем великие открытия! Это гораздо интереснее, чем таскать туда-сюда руду и кометы.

— И гораздо опаснее. Хуже всего, что мы не знаем, как вернуться. Эта водородная колонна просто огромна. Мы не сможем ее обогнуть. Что вообще такое — здешняя червоточина?

— Мы можем узнать больше, если продолжим разведку. Когда ремонт будет закончен...

Нечто коричневое, похожее по форме на пулю, пронеслось вдоль корпуса. Эта штука отличалась от всех остальных, она была твердой, не легкой.

Что бы там ни было, оно срезало бота и отправило его в самостоятельный полет по космосу. Возвращаясь, штука превратилась из пули в узкую арку. Она сорвала с корпуса еще одного бота и вздрогнула, пролетая мимо.

Клэр начала действовать. На концах «Серебряного люггера» были две лазерные пушки. Когда вышли на связь, Клэр запустила программу поиска и уничтожения. Она сделала это почти мгновенно, но все равно было уже слишком поздно.

Коричневая пуля оказалась настолько быстрой, что у ремонтных ботов не было ни шанса. Их делали для того, чтобы чинить и заполнять бреши, а не драться и отражать нападение. Все боты улетели в космос за несколько секунд.

Клэр молча провожала их взглядом. Она ничего не могла сделать.

Если она выведет на корпус новых, их снова стряхнут, а запасы ботов были весьма ограничены.

Эрма ничего не сказала. Они пытались следовать за несколькими ботами, но тщетно. Спасти удалось только двух. Корпуса их смялись от столкновения.

— Странно. Нападавший, похоже, вынул из них управляющий блок.

— Думаю, они нас изучают, — Клэр нахмурилась.

«Серебряный люггер» какое-то время просто несло течением, а стая живых космических кораблей скользила рядом, словно патруль — карандаши, паруса, пушистые сферы ядовито-оранжевого цвета. Они были осторожны. Ни одно существо не попыталось проникнуть в корабль через порты на корпусе.

— Предлагаю посмотреть на планету поближе.

— Я хочу найти червоточину. Если оказалась на вечеринке в незнакомом месте, в первую очередь ищи выходы. Я выучила это еще в школе.

— Развивая твою метафору, на эту вечеринку нас совсем не звали. Местные жители, кажется, дают нам это понять.

— Давай оторвемся от них. Ускоряйся и улетай прочь, давай просканируем планету. А затем вернемся к водородной колонне и будем искать червоточину.

— Звучит неплохо. Я ускоряюсь.

Стая начала отставать. Они могли разворачивать паруса и собирать больше солнечного света, может, они даже умели кататься в водородных ветрах, но «Серебряный люггер» обгонял их на целые минуты.

— Пока мы готовимся — вернее, пока ты готовишься, — давай-ка пораскинем мозгами. Почему червоточина оказалась в этой газовой колонне?

— Думаю, ее туда затащило. Так же, как ее противоположный конец, который мы нашли в солнечной короне. Если кто-то и разрабатывал транспортную систему, использующую червоточины, он вряд ли захотел бы поместить выходы в таких местах.

— А кто же их туда поместил? Кто здесь главный?

— Дай угадаю. Кто-то, кто не хотел, чтобы этими червоточинами пользовались.

— Ага, это утверждение меняет наше представление о червоточинах на диаметрально противоположное.

— Но любой, кто захотел бы избавиться от червоточины, просто бросил бы ее в звезду.

— Тогда тебя зальет раскаленной плазмой.

— Точно. А если бросить оба конца возле звезд, то звезды будут подкармливать друг друга. Если одна будет получать ту массу, которую потеряла другая, это приведет к изменению в их свечении. Твоя идея ясна. Похоже, хорошего способа избавиться от червоточины не существует...

— Значит, эта система предназначена для ограниченного использования, — Клэр щелкнула пальцами. — Кому здесь это могло понадобиться?

— Думаю, речь идет не о космической форме жизни.

— Хм... Хотя, может, они как-то с этим и связаны.

Корабль поворачивался, все системы работали на полную мощность. Клэр видела, как на диагностических панелях вспыхивают новые команды. Эрма знала свое дело, она умела быстро оценивать ситуацию и ориентироваться в незнакомых условиях. Но в полностью новом мире? Нелегкая задачка для корабля, предназначенного для вынохивания астероидов с рудой.

Клэр наблюдала за тем, как из своих укрытий выдвигались телескопы, словно расцветали астрономические цветы. Линзы поворачивались и фокусировались, будто целая батарея глаз.

— Я начинаю обзорный осмотр планеты. В полном спектре. В атмосфере есть очевидные признаки жизни. Я могу разглядеть поверхность в инфракрасном свете, но облачный покров очень толстый. Океаны, континенты, достаточно большие шапки полярных льдов. Наблюдаются незначительные радио- и микроволны. Похоже, что здесь... подожди...

Клэр сдвинула брови. Эрма очень редко делала паузы в разговоре. Программы никогда не использовали слова для заполнения речевых пауз, всякие «хм» и «ах». Но чтобы программа совсем замолчала? Это внушало беспокойство. Пауза затянулась. На экранах ничего не возникало.

— У меня... только что был... необычный опыт.

— Я заметила.

Еще одна пауза.

— Нечто... позвало меня.

— Привет? — догадалась Клэр.

— Что-то вроде того... только глубже, с несколькими параллельными нитями разговора, за которыми я не смогла уследить.

— На каком языке?

— В этом вся странность. На моем.

— Э... на английском?

— Я не думаю теми же простыми, двусмысленными терминами, что и ты. Конечно, я знаю, что твои внутренние системы не употребляют эти «слова», которые вы произносите ртом. Ваш мозг устроен гораздо тоньше и совершеннее. Нет, моя операционная система использует сложные комбинаторные нотации. Они позволяют передавать в пакетах множество разных значений. Думаю, так поступает каждый высокообразованный разум, потому что это эффективно. И сообщение, которое я получила, было сформировано именно таким образом, подтверждая мои догадки.

Клэр моргнула.

— Но кто бы его ни послал, это был чужой. Как они узнали... Ох. Боты.

— Я не подумала об этом, но... да, наверное, они получили информацию из ботов.

— И провели реинжиниринг... ух ты. Они сделали это за несколько минут.

— Да, именно «ух ты». Это словосочетание компактно, как и сигналы в некоторых потоках, которые я обрабатываю. Но в большинстве своем они не такие. Это очень странный разум.

— Поверю тебе... хм... на слово. И что же говорит эта умная штука?

— Что мы должны уйти. Не приближаться к ним.

— А «они»... это кто?

— Они говорят, что это относится ко всей планете. Объединение разумных существ и биосферы — наилучший способ выразить подобный симбиоз в словах.

— Живой мир. Скажем, какая-то система, позволяющая океанам говорить с людьми? Это... ну... это невозможно. Я не могу это осмыслить.

— Я тоже. У меня ведь даже нет живого тела, так что я могу думать об этом лишь абстрактно. Вроде человека, разговаривающего с лесом?

— Мое тело разговаривает со мной, и в основном оно сообщает плохие новости. Например, что у меня болит живот или мышцы. Трудно сказать, что способна сообщить целая планета. «Не бросай это в меня»? И как ты можешь услышать подобное, гуляя по пляжу?

— Думаю, ты подходишь к проблеме излишне практично.

— А я вообще очень практичная женщина. Ладно, воображения у нас все равно не хватает... Подумаем, как это понимать: приказ удалиться?

— Она определенно получила какой-то не очень приятный опыт, связанный с теми, кто проходил через эту червоточину.

— Например?

— Нечто, желавшее завербовать планету и ее симбионтов с какой-то целью. Поисков бога или еще чего-то столь же странного.

— Не люди?

— Нет, таких, как мы, они еще никогда не видели.

— Тогда каким образом червоточина оказалась возле нашего Солнца?

— Они каким-то образом избавились от нее. Я не до конца это понимаю. Они, определенно, могут протолкнуть червоточину сквозь пространство, используя угловой момент, примененный к ее дальнему концу, то есть отсюда. Так что они избавились от искателей бога, а затем забросили дальний конец червоточки подальше, и он нашел покой возле нашей звезды.

— Еще более жутко. И это слово — избавились. Что ты имеешь в виду?

— Полагаю, вежливой будет не спрашивать.

— Думаешь, у мировых разумов есть свои протоколы? Нам нужно выяснить...

— Мне казалось, наша цель — вернуться домой.

— Верно. Меньше знаешь — крепче спишь. Как нам выбраться отсюда?

— Следуйте за моими агентами, так она сказала.

— Эти живые воздушные змеи? Они выглядят не слишком дружелюбными.

— Думаю, они исследовали нас.

— Разумно, хотя боты не бесплатны. Впрочем, за билет домой это не такая уж большая цена.

Клэр указала на экраны. Экраны показывали, как многочисленные обитатели космоса прицеплялись к кораблю. Каждое из этих существ вполне могло оказаться отдельным биологическим видом, созданным этой планетой-полумесяцем с двумя лунами. Насколько же сложен был биологический механизм венчания миров с окружающим их пространством? Что могло противостоять этому? Конечно, не слабые лазеры «Серебряного люггера», которые, как выяснилось при быстрой проверке, воздушные змеи все равно каким-то образом сумели отключить.

Так что решение было предельно простым.

— Давай сделаем, как они сказали.

— Я ждала этих слов, затаив дыхание.

— Ты не способна дышать.

— Твой язык богат метафорами. Разум, с которым я говорила, тоже использовал нечто подобное, только на несколько порядков сложнее.

— Не думаю, что я готова услышать цитату. Сохрани это для нашего отчета.

— Мы сообщим об этом?

— А за что, по-твоему, мне должны заплатить? Мы заключили контракт.

— Здешний разум может не захотеть распространения подобной информации.

— Они следят за нашими разговорами? — Клэр моргнула.

— Не уверена. Я, конечно, ничего им не передаю, но...

Еще одна нехарактерная пауза. А затем Эрма сказала:

— Нас прослушивают.

— Наверное, прицепили какое-то устройство на корпус. И почему мы все еще живы?

— Возможно, у них есть некие нравственные нормы. Или они могут думать, что мы посланники другого мирового разума. В этом случае нас можно простить.

— Интересно, почему бы им просто не повесить табличку «Посторонним вход воспрещен».

— Думаешь, это возымеет действие?

— На людей? Ни в коем случае.

Обитатели космоса теперь собрались в густые тучи, как будто готовились к неожиданностям. Клэр закусил губу, вдохнула сухой воздух, циркулировавший внутри корабля, и почувствовала себя очень уставшей. Сколько они уже здесь?

— Знаешь, мы словно мышь рядом со слоном. А слон может передумать или даже просто оступиться. Давай сматываться отсюда.

— Абсолютно согласна.

Планетарное Агентство (надо же было как-то это назвать) разговаривало с ними посредством молний и микроволн, пока они погружались в струю водорода. Когда микроволны с планеты перестали достигать цели, Агентство использовало треск шторма, бушевавшего вокруг «Серебряного люггера». Живые воздушные змеи вели их вперед каким-то странным образом, который Клэр не могла понять, а Эрма сочла вполне естественным. После нескольких часов пилотирования в буре корабль достиг воронки газа возле червоточины. Местные обитатели отступили и ждали, пока корабль нырнет.

— Знаешь, в прошлый раз там было очень... странно.

— Ты осторожна. Но вспомни, что мы не можем выйти из этой газовой струи.

— В смысле?

— Думаю, Агентство воспримет данный акт как недружелюбный.

— Хорошо. Давай все-таки сделаем это, — Клэр сказала уверенным тоном, хотя ее сердце билось, будто кузнечный молот, и она дважды проверила ремни на своем кресле.

«Серебряный люггер» начал трещать и жужжать. Кожа кресла снова смялась, когда вращение начало деформировать корабль. Красные вихри снаружи с треском сменились темнотой, которая, казалось, тоже каким-то образом скручивалась. Ручейки гравитационной нагрузки формировали их траекторию. Шлем отключился, и корабль снова пришлось вести вслепую.

По кораблю прошла череда хлопков и свистков. Клэр вела его вперед мощными взрывами антима́терии, но впереди ничего не менялось. Мимо пронесли куски какой-то зеленой массы. Затем эти куски снова приблизились. Так Клэр и поняла, что они оказались в некоем круговороте, который все рос и рос, вдавливая ее в кресло тяжелой дланью, а затем поворачивая по двум осям сразу. Гравитация росла, а «Серебряный люггер» закручивался, пытаясь укусьить сам себя.

Укусьить сам себя...

— Слушай, в прошлый раз, когда мы были здесь, кто-то прислал нам сообщение. Как там было?

— В сообщении говорилось: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь».

— И... что это значит?

— Пилот здесь вы, мэ́м.

— Хорошо, разворачивай нас и ускоряйся в противоположную сторону.

— А как я узнаю наше текущее направление? Это не Ньютоново пространство с фиксированным пространством-временем и...

— Сделай это! Снизь подачу антима́терии, развернись и дай максимальное ускорение.

Эрма издала нечто похожее на вздох. Отклонение и удары усилились, когда они стали делать медленный разворот, словно двигаясь в черной патоке. Клэр скорее почувствовала, чем услышала, как через ее тело идет звук: «вумп-вумп-вумп». Корабль вибрировал настолько сильно, что ей приходилось сжимать зубы.

Подача антима́терии увеличилась, и дребезжание ослабло. Вскоре

они уже почти скользили, хотя Клэр и чувствовала пресс центрифуги, давящий на ее тело.

— Работает.

— По крайней мере, тебе стало лучше. В черноте возникло какое-то марево. Оно светилось и парило, живое и сияющее янтарным светом. Космос вокруг него сиял распространяющимися узорами.

— Черт, похоже на инопланетный корабль.

— Ощущения здесь искажаются.

— Поприветствуй его.

— Я получила эхо в ответ.

— Возможно, они нас слышат. Пошли это: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь». Так мы попытаемся...

Станный корабль моргнул и исчез. Они продолжили движение сквозь бушующую темноту. Рядом начали вспыхивать странные радужные крапинки. Клэр показалось, что она увидела в них космос с искрами звезд, но потом эти крапинки остались позади. Палуба задрожала от мощного жужжания, будто они двигались на высокой скорости.

— Переходи на максимум.

— Уже. Направляющие силы пытаются обрезать нас вдоль нашего главного луча. Мы не можем удерживать этот уровень...

Они вывалились в обычный открытый космос.

Звезды ярко сверкали — и это были знакомые звезды!

Червоточина вращалась позади. Корабль наблюдателей поприветствовал их.

— Мы вернулись!

— И теперь мы знаем, кто послал то сообщение. Это была ты.

Клэр замерла с открытым ртом. У нее болело все тело.

— Но как...

— Пусть об этом думают теоретики.

* * *

Это оказалось хорошей идеей. Клэр с радостью доверила размышления людям, занимавшимся сидячей работой.

«Серебряный люггер» отсутствовал тридцать один час по местному времени. Едва вернувшись, Клэр почувствовала, как усталость навалилась на нее тяжелым грузом. С той стороны червоточины она чувствовала себя живой, а здесь у нее даже не хватало сил отвечать на вопросы. Зрителями были многочисленные физики и высокий, гамма чувств на лице которого варьировалась от благоговейного внимания до не-

прикрытого скепсиса. Клэр быстро устала от благоговения. И заснула прямо у них на глазах.

Когда она проснулась, медики провели многочисленные проверки, и она съела три ужина в течение пяти часов. Ее тело возвращалось к привычному образу жизни. Пока она спала, Эрма давала показания, так что Клэр была освобождена хотя бы от изнурительных допросов. К тому же ученые получили записи об абсолютно новом мире и ответы на многие вопросы.

Звезда и планета оказались известными: HD209458b, испаряющаяся планета. Это ужасное название изменили. Выбрали имя египетского бога Осириса, которого убили и чьи останки разбросали по всему Египту. Желая вернуть брата к жизни, его сестра Исида собрала все части его тела, кроме одной.

А планета Осирис уже была обнаружена с Земли, на расстоянии 150 световых лет. Никто не ожидал встретить там целую цивилизацию, если только этот термин уместно применять к внепланетному разуму. Вероятно, ученые позже найдут другое определение.

Физики обожали новые вопросы, и в течение нескольких часов Клэр приходилось выслушивать термины вроде «сверху-когда» и «временная турбулентность», сопровождаемые формулами, от которых у нее болели глаза. Она заснула, теперь уже в обществе физиков, что весьма смутило ее. А высокий нравился ей все больше и больше с каждой встречей.

Во время перерыва на кофе высокий бочком подсел к ней. Его официальной целью было заключение нового контракта. Она с готовностью выпалила:

— Для этого потребуются провести новые переговоры.

Нежность никогда не была ее сильной стороной. Тем не менее он и бровью не повел. Он продолжил свою речь, заметив лишь, что им, возможно, стоит обсудить детали в приватной беседе. Она уже открыла рот, чтобы заявить о необходимости присутствия ее адвоката, но тут вспомнила слова бабушки: «Никогда не упускай шанса заткнуться».

И позволила ему продолжать.

**Перевел с английского
Алексей КОЛОСОВ**

Глеб ЕЛИСЕЕВ

И ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ

Кажется, на страницах нашего журнала мы успели рассказать едва ли не о всех возможных направлениях и темах фантастики. Но обзор, подготовленный критиком, опровергает подобное впечатление. Итак, что вы знаете о разумных небесных телах?

Обращаясь к теме «живых миров», сразу сталкиваешься со старым логическим парадоксом: «С какой песчинки начинается куча?» Где проходит граница темы? Допустимо ли в данном случае рассуждать о гигантских существах величиной с астероид, вроде космических китов из «Ионы» Ж.Клейна или цикла о Старфайндере Р.Янга? Или об упоминающихся в повести М.Пухова «Станет светлее» организмах настолько огромных, что при их размерах для достаточно быстрой реакции может не хватить скорости света? Будут ли считаться «живыми» миры из мистических сочинений, повествующих о нематериальных сущностях, фактически являющихся душами планет? Например, Д.Андреев в «Розе мира» рассказывает о планетарных духах и воплощениях стихий, обитающих на разных уровнях реальности Энрофа — многослойной космической оболочки нашей Земли. Действуют планетарные духи и у К.С.Льюиса в «Космической трилогии». В этом же цикле (особенно в романе «Переландра») подчеркивается креп-

кая связь всего живого с судьбой и деятельностью человечества. Поэтому при желании можно было бы отождествить тексты английского писателя с НФ-произведениями о разумных биосферах, если бы в них не подчеркивалось, что связь эта мистическая и духовная, но не биологическая.

Наконец, можно ли считать «живыми мирами» планеты-«ульи», населенные людьми, даже если здания на них пронзают стратосферу или покрывают поверхность океанов? А ведь так происходит с Трантором в «Основании» А.Азимова или с различными планетами из игровой вселенной «Вархаммер 40 000» (например, у Д.Абнетта в романах «Рейвенор» и «Возвращение Рейвенора»).

Ясно, что границы темы слишком размыты. Поэтому волей-неволей автору этих слов придется заглядывать на сопредельные территории континента НФ.

Прислушиваясь к мыслям Земли

Впервые идея живой планеты возникла в религии. Для многих

архаичных религиозных культов (вроде древнеиндийского) характерно почитание Матери-Земли, богини, порождающей все сущее. Отголоски подобных взглядов, изжитых поздними монотеистическими религиями, сохранились в литературе. Достаточно вспомнить отдельных героев Ф. Достоевского, рассуждающих о необходимости покаяния перед Землей, иногда напрямую отождествляемой с Богородицей.

Поэтому даже удивительно, что первым НФ-текстом о «живой планете» стало произведение не об ожившей Земле. В причудливой книге Р.А. Кеннеди «Тривселенная» (1912) рассказывается, как Марс делится на две части, будто клетка, и возникшие два существа начинают уничтожать Солнечную систему, буквально пожирая другие небесные тела. Увы, и в дальнейшем авторы сочинений о живых мирах зачастую стремились лишь пощекотать нервы читателя экстравагантной выдумкой, не имеющей ровным счетом никакого научного обоснования.

Что же касается собственно научной фантастики, то тут первопроходцем темы стал не кто иной, как А. Конан Дойл. Известный рассказ «Когда Земля вскрикнула» стал не только самым ранним текстом на эту тему, но, пожалуй, одним из самых удачных. История, рассказанная британским писателем, проста: герой «Затерянного мира» и «Отравленного пояса»

профессор Челленджер, выдвинув гипотезу о живой Земле, доказывает ее опытным путем. Бурильщики под его руководством пронзают каменную кожу планеты и буром касаются плоти. Следует явная и болезненная реакция — Земля кричит, и повсеместно начинают извергаться вулканы.

Чуть позже Э. Гамильтон в рассказе «Земля-Мозг» описал уже не просто живую, но и мыслящую планету. А Д. Уильямсон в «Рожденных Солнцем» потряс читателей следующей гипотезой: Солнце — живое существо, а планеты — просто отложенные им яйца. Но вот из яйца под именем Земля вдруг начинает вылупляться нечто странное, и человечество, понятно, в ужасе... Также о мыслящей Земле рассказал в 1950 году Н. Бонд в романе «И прислушайтесь! Птица...»

Однако подобные произведения на излете Золотого века НФ уже выглядели архаикой. Да и не были они особенно популярными в эпоху увлечения сугубой наукой в фантастике. Позже идея одушевленной планеты использовалась писателями для создания уже не научно-фантастических, а, скорее, притчевых или аллегорических сочинений. Например, у Г. Фаста в рассказе «Рана» Землю в прямом смысле убивают, пробивая в ее «теле» очередные нефтяные или газовые скважины. А в рассказе «Прагматичное семя» того же писателя Земля пред-

стает беременным существом, вынашивающим внутри себя новую планетарную жизнь.

Второе дыхание идее «живой Земли» даровал американский биолог Д.Лавлок, создавший наукообразную концепцию «Гайи», в рамках которой земной шар рассматривается как организм. Впоследствии теория не только приобрела значительную популярность среди адептов и пропагандистов движения New Age, но и серьезно повлияла на НФ. Напрямую построения Лавлока использованы в трилогии Б.Олдисса о Геликонии. Особенно это заметно в последнем романе — «Зима Геликонии». В соответствии с идеями Лавлока написаны эпизоды, которые повествуют не о собственно Геликонии, а о Земле, с которой к этой планете была отправлена исследовательская экспедиция, обосновавшаяся на наблюдательной станции Аверн. Люди едва не прикончили Гайю в ходе скоротечной ядерной схватки в 4901 году. Однако впоследствии они исправились и все же сумели достичь гармонии с планетой.

Идеи американского биолога о Гайе заметно повлияли даже на такого адепта «твердой» НФ, как Д.Брин: в романе «Земля» он изобразил нашу планету, которая обрела собственный интеллект и вмешалась в дела человечества.

Другим фантастам казалось удобнее говорить о живых мирах

где-то в глубинах Галактики, а не об ожившей Земле. При этом все равно обычно создавались аллегорические тексты, авторы которых вовсе не заботились о научной достоверности. Самый яркий пример подобного подхода к делу — знаменитый рассказ Р.Брэдбери «Здесь могут водиться тигры». Классическая история-притча о разумном мире, успешно борющемся с захватчиками-землянами, ни на грамм не содержит в себе «научного» правдоподобия. Да и ни к чему здесь оно; его место занимает достоверность художественная, философская, этическая.

Эксперимент «Солярис»

В 1961 году в издательстве польского министерства обороны вышла книга, признанная классикой не только НФ, но и всей мировой литературы. Речь идет, конечно же, о «Солярисе» С.Лема. И даже сейчас, почти пятьдесят лет спустя, книга польского фантаста завораживает своей художественной мощью и впечатляющими картинами.

Лем попытался всерьез поговорить на тему, которая с начала своего развития в НФ выглядела едва ли не сказочной. Впрочем, для того чтобы разговор о «живых планетах» оставался в рамках «научности», польскому фантасту пришлось пойти на не слишком очевидную для читателей подмену. Дело в том, что живым существ-

вом в романе является вовсе не планета Солярис целиком, а ее единственный титанический обитатель — разумный Океан. Он влияет на литосферу небесного тела и даже на темп ее вращения, но все же не составляет с ним единое целое.

И опять мы сталкиваемся с размытостью темы, с трудностью в определении ее границ. Формально роман Лема — это история о гигантских живых существах, вроде разумных космокитов Ж.Клейна. Однако польский фантаст сумел настолько удачно замаскировать эту изначальную посылку, что читатель до конца остается заигнотизирован трудностью проблемы, встающей перед героями «Соляриса»: как установить контакт с «живой планетой». Впрочем, даже если бы Лем и акцентировал внимание на то, что перед нами не целиком разумная планета, а лишь существо-гигант, главная проблема книги («как войти с ним в контакт») никуда бы не исчезла. А вот во внешней драматичности сюжет явно бы потерял.

Однако основное интеллектуальное «мошенничество» не в этом. А в том, что герои Лема изначально знают — Океан планеты Солярис разумен. Хотя, учитывая косность человеческого мышления, никакие внешние улики, которые якобы подтолкнули ученых к этому выводу, вроде воздействия на движение планеты по орбите, в данном случае не сработали бы.

Ученые вообще склонны расценивать любые, даже самые сложные феномены, как проявление природных сил, а не разума. Даже если при этом приходится жертвовать элементарной логикой и здравым смыслом.

На самом деле, единственный критерий разумности, который подсознательно готовы принять люди — это стремление много мыслящего существа вступить в контакт. И возможность этот контакт осуществить. Все прочие критерии, вроде умения использовать орудия или создавать искусственные сооружения, не работают. Не пытаемся же мы установить контакт на Земле с птицами-ткачками, применяющими шипы деревьев для сшивания гнезд, или термитами, создающими огромные поселения-ульи. Поэтому и разговоры о разумности Океана Соляриса должны были возникнуть лишь после того, как он создал человекоподобные инструменты для контакта с людьми, вроде Хэри, копии возлюбленной главного героя. И все-таки, хотя критики и оценивают «Солярис» как пример результативного контакта, от текста веет явным пессимизмом. Истинное общение между столь неравноценными величинами как человек и разумный океан невозможно. И не по чьей-то злой воле, а потому что им просто не о чем говорить. У них нет общих тем и интересов. Впоследствии эту проблему принципиальной некоммуника-

бельности цивилизаций Лем развивал в других книгах с еще большим пессимизмом (например, в романе «Глас Божий»).

После «Соляриса» прочие произведения, рассказывающие о контакте с суперорганизмами размером с планету, выглядят в высшей степени легковесно. Например, у Д.Уайта в романе «Ответственная операция», входящем в цикл о Космическом госпитале, герои сталкиваются с подобным живым существом, покрывающим целую планету (только в отличие от Океана Соляриса оно скорее твердое, чем жидкое, больше напоминающее ковроподобных марсиан из «Звездоплывателей» Рони-старшего). И несмотря на все трудности коммуникации, доблестные космические медики его спасают и даже получают в ответ должную благодарности.

Помимо твердых и жидких всепланетных существ в фантастике попадаются и газообразные представители инопланетян, в одиночку занимающие целый мир. Так, в книге французских фантастов Ш. и Н.Эннеберг «Рождение богов» описан разумный туман, на который воздействуют сигналы мозга других мыслящих существ. Сходная ситуация возникает и в рассказе П.Амнуэля «Сегодня, завтра и всегда», где обладающий интеллектом воздух на планете Орестея использует гуманоидных существ как инструменты.

А.Азимов в романе «Немези-

да» изобразил сообщество разумных бактерий, обитающих на планете Эритро и обладающих коллективным разумом. Любопытным образом классик американской НФ обходит столь волнующую Лема проблему контакта «живой планеты» с людьми. Объединенный разум Эритро обладает способностью к телепатии, а потому проблемы коммуникации не возникает.

Роман Азимова является, скорее, переходным произведением от «живого мира» как суперорганизма к куда более распространенной вариации этой идеи — теме мыслящей биосферы. Действительно, важным подспорьем для фантастов, рисующих подобные планеты, оказывается идея сверхчувственной связи, позволяющая описывать так называемые «ульевые» или «коллективные» разумы.

Союз всех живущих

Самым подробным образом тему живых миров, представленных как телепатическое объединение разумов всех существ, обитающих на одной планете, разработал О.Стэплдон в «Создателе звезд». После него о биосфере, обладающей коллективным интеллектом, писали многие. Иногда перед читателями предстала просто картинка мыслящего леса, покрывающего собой всю поверхность планеты, как у А.Ван Вогта в «Отростке», в «Больше

и медлительнее империй» У.Ле Гуин или у К.Невилла в «Лесе Зила». В иных случаях писатели разрабатывали более сложную систему биосферы, члены которой чаще всего телепатически связаны друг с другом (например, в хорошо известном нашим читателям романе Г.Гаррисона «Неукротимая планета»). О «разумных биосферах» писали М.Лейнстер в «Одинокой планете», М.А.Фостер в «Волнах», Д.Писерchia в «Земля-дитя», Б.Стэблфорд в «Дикой земле». Собственно говоря, уже к середине 1950-х эта идея использовалась как антураж для приключенческих боевиков вроде «Живого мира» Э.Табба.

А вот в романе С.Лема «Непобедимый» действует не «интеллектуальная биосфера», а, скорее, «некротсфера». Здесь описаны инопланетные роботы, которые в ходе эволюции на планете Регис III превратились в металлических мошек, способных объединяться в разумную тучу и контролировать всю сушу.

У М.Суэнвика даже Земля обрательна в подобный «единомыслящий мир». В его «Вакуумных цветах» и «Пути прилива» все живое на нашей планете контролирует объединенный ульевый разум, в который оказалось вовлечено и человечество.

Мыслящая Вселенная

От одушевленных планет и телепатических гештальт-сооб-

ществ всего один шаг до разумных звезд. Конечно, представление о живых звездах существовало в литературе задолго до возникновения НФ. Так, напрямую отождествлял небесные светила и ангелов еще У.Блейк в своих поэмах. В фантастике же эту тему подробно разработал О.Стэплдон все в том же «Создателе звезд». В этом масштабном НФ-полотне автор описал даже войны между разумными звездами и планетами. Французский фантаст Ж.Клейн в романе «Звездный гамбит» изначально вроде бы также говорит о мыслящих звездах. Однако ближе к финалу в сюжет книги неожиданно вклинивается иная тема. Клейн начинает рассказывать об обитателях звезд, жителях огненных глубин космических тел, как у Э.Гамильтона в «Детях звезд», А.Кларка в «Из солнечного чрева» или С.Лема в «Правде» (впрочем, у польского фантаста ситуация представлена сложнее: если в начале рассказа возникший в ходе физического эксперимента огненный червь напоминает традиционных для НФ жителей звезд, то ближе к концу главный герой уже рассуждает о жизни и разуме Солнца).

В двух последних частях трилогии «Рифы космоса» («Дитя звезд» и «Блуждающая звезда») Ф.Пола и Д.Уильямсона описаны союзы разумных существ, которые возглавляют мыслящие звезды. В данном случае тематика

«мыслящих светил» соприкасается со старой идеей о стихийных духах, оживляющих, казалось бы, мертвые небесные объекты. Ведь в романах действуют, скорее, некие духовные существа, использующие звезды как материальные тела. В итоге в романе «Блуждающая звезда» такая сущность заселяется даже внутрь нашего Солнца. Очень похоже развивается тема и Ф.Херберт в романе «Звезда под бичом». Здесь сущность звезды может быть заключена в теле другого разумного существа.

Интересную вариацию предложили Г.Бенфорд и Г.Эклунд в повести «Если бы звезды были богами» (впоследствии из нее вырос полноценный роман с тем же названием). Американские фантасты изобразили инопланетные цивилизации, в прямом смысле боготворящие звезды, считая их мыслящими и благотворными существами. Повесть Бенфорда и Эклунда, в которой речь идет об экстравагантных верованиях, а не о точной реальности, кажется наиболее корректным решением данной подтемы. Ведь любые рассуждения о прямых контактах с разумными звездами кажутся слишком умозрительными на фоне проблем контакта с неравноценными биологическими или физическими объектами, которые поставил еще Лем. Если уж человеку трудно найти общий язык с разумным Океаном, то что же говорить о мыслящих звездах? Не

случайно у того же Стэплдона в контакт со звездами смогли вступить, да и то с огромным трудом, лишь планеты, объединенные в телепатический Сверхразум.

Но ограничений для полета фантазии, как известно, не существует. И фантасты весьма охотно описывали уже даже не звезды, а целые разумные туманности, галактики и вселенные. Первым идею живой галактики использовал Л.Мэннинг еще в 1934 году, описав в рассказе «Живая Галактика» контакт космических странников, экипажа «звездного ковчега», с мыслящим сообществом звезд. Э.Гамильтон пошел еще дальше, представив Млечный Путь изгоем среди собратьев. В рассказе «Проклятая Галактика» фантаст объяснил разбегание гигантских звездных систем, сопровождающееся эффектом Доплера, страхом перед болезнью, охватившей нашу Галактику. Болезнь эта называется жизнью... А вот А.Азимов в романе «Основание и Гея» выдвинул идею о том, что единственный путь, по которому развиваются галактики — это объединение населяющих их живых существ в общий разумный организм — Галаксию.

В мини-энциклопедии НФ-сюжетов «Создатель звезд» О.Стэплдона и в его же «Создателе туманностей», изданном посмертно, присутствуют не только интеллектуальные галактики. Ито-

гом развития мыслящих существ у Стэплдона становится разумная Вселенная. Но, описывая так называемый «момент истины космоса», фантаст становится поразительно невнятен. И это понятно. Если уж мы не можем осознать, как могут мыслить всепланетные организмы, то смешными выглядят наши претензии, чтобы вообразить разум целой Метагалактики.

От попытки наглядно изобразить такое мышление удачно ушел А. Кларк в «Конце детства». Здесь Сверхразум, контролирующей Вселенную, показан так, что читатель понимает: перед ним нечто величественное, но неопишное и неподвластное человеческому мышлению и восприятию. Другое произведение британского фантаста, повествующее о столкновении людей с космическим Сверхразумом, — роман «Город и звезды». Герои книги общаются с Малым Сверхразумом, которого зовут Вэйнамонд. Он пребывает везде и одновременно «фактически не существует нигде». Главные персонажи «Города и звезд» смогли вступить в контакт с Вэйнамондом, поскольку он еще не развился до конца и представляет собой «космического младенца». Как выясняется, истинный Сверхразум непримиримо враждебен материи, однажды он едва не уничтожил все живое в нашей Галактике.

О мыслящей Вселенной, убитой своими разумными симбионтами, устроившими Большой Взрыв, написал П. Амнуэль в известном рассказе «20 000 000 000 лет спустя». Конечно, изображенная им сентиментальная Вселенная вызывает сочувствие, но вряд ли выглядит сколько-нибудь правдоподобно. Вновь и вновь мы видим, как писатель-фантаст, затрагивая тему живых миров, вынужден скользить между двумя пропастями. При любом неверном ходе текст либо превращается в аллегорическую притчу с моралью в конце, либо автору в очередной раз приходится обсуждать проблему нереальности контакта между абсолютно чуждыми разумами.

Более или менее научно к теме попытался подойти известный английский астрофизик Ф. Хойл в классическом романе «Черное облако», изданном в 1957 году. В этом произведении в Солнечную систему вторгается мыслящее разумное газовое облако. Проблемы общения с ним порождают трагедию — главный герой погибает во время контакта, не в состоянии переработать информацию, полученную от гигантского инопланетянина.

Космическое облако, обладающее разумом, способно было потрясти воображение читателей, но выглядело чересчур непривычным. Поэтому в НФ и не возникло плеяды подобных разумных созданий. Впрочем, некоторые фан-

тасты использовали и еще более неожиданные формы разума. Например, П.Амнуэль в рассказе «Звено в цепи» описывает не только мыслящее межгалактическое газовое облако, но и разумное гравитационное поле!

На страницах НФ-книг интеллектом могут обладать и искусственные планеты. Здесь, как ни удивительно, стоящая перед писателями задача менее сложна, чем в классических вариантах. Хотя бы потому, что мышление таких миров должно походить на мышление их создателей — обычных существ из плоти и крови и вполне привычных размеров. Однако примеров подобных планет в НФ не так уж много, и все они находятся на периферии рассматриваемой темы.

Масштабнее всего описал искусственный Сверхразум А.Азимов в известном рассказе «Последний вопрос». Фантаст излагает историю эволюции сверхкомпьютера, в итоге сливающегося со Вселенной и становящегося Богом. У Д.Зинделла в сериале «Реквием по человечеству» действуют достигшие божественного могущества сверхлюди. Они используют в качестве тел искусственно созданные небесные объекты — поля астероидов, мини-планеты и т.п.

У Г.Альтова и Г.Бира описаны планеты-механизмы, а по сути — гигантские роботы, функционирующие по определенной програм-

ме. Только программа эта весьма различна: в «Порте Каменных бурь» Г.Альтова она служит для противодействия разбеганию галактик, в «Наковальне звезд» Г.Бира искусственные планеты представляют собой подлые роботехнические ловушки, созданные инопланетянами, «убийцами миров». В некоторых книгах, описывающих Вселенную «Вархаммера 40 000» (например, у Г.Ренни в «Перекрестке судеб»), появляются рукотворные планеты инопланетян-эльдаров. В этом случае изобретатели игровой системы и авторы новеллизаций синтезировали идею искусственных миров и стихийных духов. Ведь центром жизни и управления эльдарских планет является хранилище душ умерших инопланетян, заключенных в магические кристаллы.

И все-таки, несмотря на существующие вариации разумных миров, большинство фантастов продолжает блуждать между тремя вариантами ее «воплощения в жизнь»: аллегорическая притча, история о суперорганизме величиной с планету и рассказ о коллективном разуме биосферы. И писатель, вышедший за эти незримые пределы, несомненно совершит очередной прорыв в тематике НФ, без которого немислимо развитие данного направления в литературе.

Рецензии

**ФЭНТЕЗИ-2008:
Фантастические
повести
и рассказы**

*Москва: ЭКСМО,
2007. — 544 с.
(Серия
«Боевая магия»).*
20 100 экз.

Издательство ЭКСМО устроило очередной красочный и многотиражный смотр русской фэнтези. А. Зорич и И. Новак, А. Бессонов и А. Уланов, и многие другие. Мэтры жанра, вроде Г.Л. Олди, и взошедшие либо восходящие звезды.

Несколько довольно разрозненных наблюдений. В содержательном отношении сборник вовсе не ограничивается «боевой магией», хотя в серийный формат, кажется, все-таки большинство авторов уложилось. Значительная часть текстов — классическая фэнтези в мифологических «вторичных мирах»; лишь отдельные произведения могут быть причислены к «городской» (или «деревенской») фэнтези. Представлена и особо ценимая у нас альтернативная история. В то же время сохраняется давняя черта русской фэнтези — жанр этот «прозападный», авторов редко привлекает родная сторона, даже в качестве фона. А если они и заглядывают туда, то почти всегда получается стёб-юмор-сатира.

Довольно часто приходится слышать, что фэнтези пишут те, кому лень ради НФ зарываться в глубь технических и естественных наук. Так вот, почти все авторы сборника определенно обладают немалыми познаниями в гуманитарных сферах, что для хорошей фэнтези крайне важно. Особенно в «средней» и «малой» формах. Ибо так сложилось, что рассказ и короткая повесть традиционно привлекают читателя, умом неленивого и «продвинутого». Таковой читатель «второго уровня» по достоинству оценит, скажем, остроумное совмещение в одном сюжете Конана и Зигфрида (поелику знаком с историей Зигфрида). С другой стороны, он споткнется, допустим, на точном переносе (безо всяких следов литературной игры) позднесредневековой «охоты на ведьм» в раннесредневековую Византию или ее альтернативный дубль. Ну, так что же, в своем мире автор — хозяин, а использовать фантастический рассказ как учебник истории вряд ли возможно.

Сергей Алексеев

Елизавета
ДВОРЕЦКАЯ

**ГРОЗА
НАД ПОЛЕМ**

*СПб.: Крылов,
2007. — 416 с.*

*(Серия
«Mifantasy»).*
3500 экз.

**ТРОПЫ
НЕЗРИМЫХ**

*СПб.: Крылов,
2007. — 448 с.*

*(Серия
«Mifantasy»).*
3500 экз.

В рамках славяно-киевской фэнтези написано колоссальное количество мусора в духе «Древняя Русь в кольце фронтов».

Однако бывают счастливые исключения. Елизавета Дворецкая стала известна благодаря историческим романам и славяно-варяжской фэнтези. Книги у нее получались разного качества, однако свидетельством растущей популярности Дворецкой стали премии, полученные ею на жанровых конвентах.

Диалогия «Гроза над полем»/«Тропы незримых» возвышается над общей массой фэнтезийной литературы о древних славянах, как броненосец над буксиром. Во-первых, это ни на кого не похоже — ни на Никитинскую школу, ни на Марию Семенову с длинным шлейфом подражателей, ни на Ольгу Григорьеву. Во-вторых, из центра повествования выведена «боевка». Дух традиционной славяно-киевской фэнтези можно передать одной фразой: «А теперь, брате, пойдём и посмотрим, кто из нас зарубит больше ворогов». Так вот, от этой традиции диалогия Дворецкой очень далека. Батальные сцены в диалогии подаются дозированно, даже скупое. Самое же интересное — весьма правдоподобная реконструкция быта и веры восточных славян IX столетия. Да, есть, конечно, похищение женщин одного племени другим, есть борьба с разного рода сверхъестественными существами, есть столкновения с чужаками (соседние славяне и хазары), но гораздо важнее другое — медленно текущая, постепенно изменяющаяся жизнь рода. Романы Дворецкой можно назвать историко-мистическими, поскольку контакт с духами умерших людей и богами подан как часть повседневной жизни славян...

Видно, что автор знаком с трудами профессиональных историков, находками археологов и основными источниками по истории восточных славян. Реконструкция, хоть и не бесспорная, вышла логически продуманной и обоснованной.

Дмитрий Володихин

Даниэль КЛУГЕР

МУШКЕТЕР

*Москва: Текст,
2007 г. — 255 с.
3000 экз.*

Выдуманный Дюма д'Артаньян уже давно заместил в нашем представлении реального. Так почему бы не изобрести столь же убедительную биографию одному из его друзей?

О Портосе нам известно мало — меньше, чем об Арамисе или Атосе. Знаем, что был не родовит — иначе не добивался бы баронства. Что был из Пикардии (по обмолвке Атоса). Что хорошо знал испанский и сочувствовал гугенотам (из его собственных слов).

Историк Жан-Кристиан Птифис («Истинный д'Артаньян») утверждает, что Портоса звали Исаак — в честь отца Исаака де Порту, нотариуса при Беарнских Провинциальных штатах, что дед Портоса, Авраам, занимал должность распорядителя обедов («офицер кухни») при Наваррском дворе и что они были тайными протестантами. Дэниэль Клугер представляет нам своего Портоса.

Те, кто читал или слышал балладу Клугера «Об Исааке де Порту», уже поняли, в чем дело. Остальные же узнают, что отец Портоса бежал во Францию от испанской инквизиции; он вынужден был публично отречься от веры отцов, но продолжал тайно исповедовать иудаизм. Де Порту, таким образом, всего-навсего «беженец из Португалии»... Узнают, что глупость и тщеславие Портоса — всего лишь маска, поймут наконец, как он добился зачисления в мушкетеры и нашел своих друзей — Атоса и Арамиса.

Роман Клугера — изящная постмодернистская игра; не столько альтернативная история, сколько модная нынче «альтернативная литература» — вплоть до ироничных литературных ассоциаций касательно амонтильядо и анжуйского. Портос проезжает по владениям графа Жоффрея де Пейрака из «Анжелики» супругов Голон, а слуга Мушкетон в рассказе ссылается на шекспировского «Шейлока» и чуть ли не на дело Дрейфуса... Сама же история Портоса очень напоминает историю Джонна Кастелла из романа Райдера Хаггарда «Прекрасная Маргарет».

Мария Галина

Сюзанна КЛАРК

**ДАМЫ ИЗ
ГРЕЙС-АДЪЕ
И ДРУГИЕ
ИСТОРИИ**

Москва: АСТ,

2007. — 349 с.

Пер. с англ.

4000 экз.

История двух волшебников, рассказанная британкой Сюзанной Кларк в романе «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл», пришлось по душе читателям, с интересом следившим за похождениями чудаковатых джентльменов. Лейтмотивом этой магической истории стал сюжет о Короле-Вороне, величайшем чародее Альбиона и ученике самого Оберона.

Действительно, наше представление о британской магии будет не полным без историй и легенд о жителях бругов или «волшебном народце», как их величают деревенские жители.

Рецензируемый сборник не только дополнит и расширит ту информацию, которую поклонникам таланта Кларк удалось почерпнуть из романа. Истории, собранные под обложкой, откроют иную точку зрения на волшебный мир, нежели та, какой придерживался мистер Норрелл, скрывающийся от реальности в своей ненаглядной библиотеке.

Действие новелл происходит в той же вселенной, что и роман. Исключением является рассказ «Как герцог Велингтов потерял своего коня», повествующий о мире «Застенья», созданном Нилом Гейманом и Чарлзом Вессом. В заглавном рассказе перед читателями предстанет сам Джонатан Стрендж, находящийся в начале своей магической карьеры. Молодой волшебник на время покинет Лондон по совершенно не магическому делу, но в результате получит урок, который вряд ли смог бы преподать ему Гильберт Норрелл. Сюжетные линии то и дело оживляются отступлениями в виде сказок и легенд о древности Британии и Короле-Вороне, появляющемся как действующее лицо в ключительном тексте сборника «История о Джоне Аскглассе и углежоге из Камбрии».

Каждый рассказ — это еще одна ипостась английской магии, первобытной, стихийной и часто жестокой. Силу такого масштаба почти невозможно обуздать, загнать в рамки или систематизировать — предупреждает писательница.

Николай Калиниченко

Бен КАУНТЕР

**СЕРЫЕ
РЫЦАРИ**

СПб.: Азбука-классика, 2007. — 448 с.
Пер. с англ.
И. Савельевой.
(Серия «Warhammer 40 000»).
12 000 экз.

В критике к новеллизациям принято относиться презрительно. Действительно, ожидать, что при четко заданных параметрах автор совершит художественный прорыв, бессмысленно. Поэтому вдвойне приятно, когда писатели, работающие в такой области НФ, производят не откровенную халтуру, а добротные тексты.

Авторам межавторской серии «Вархаммер 40 000», созданной по известной игровой системе, удалось проделать редкий опыт: гармонично и непротиворечиво объединить в одном тексте «чистую» НФ, космооперу, фэнтези и «литературу ужасов». Реальность, о которой рассказывается в книгах вроде «Серых Рыцарей» Б.Каунтера, сотрясается от непрекращающейся войны: ее ведут за контроль над Галактикой человечество и его противники. И главным врагом людей оказываются демоны, приходящие в наш мир из мира потустороннего. Для борьбы с ними используются как духовная сила (молитвы священников и экстрасенсорные способности телепатов-псайкеров), так и обычное оружие, которым вооружены космодесантники, оберегающие Империю человека. Роман «Серые Рыцари» посвящен истории десантного ордена, специально подготовленного для сражений с демонами и прочей нечистью.

Среди книг сериала по части детективной интриги роман Каунтера, конечно же, уступает текстам, посвященным, например, деятельности Имперской инквизиции (цикл об инквизиторе Эйзенхорне Д.Абнетта). Зато в книге об ордене Серых Рыцарей значительно больше описаний военных столкновений и битв, столь ценимых любителями НФ-боевика и космооперы. Вообще по литературному уровню тексты сериала «Вархаммер 40 000» сравнимы с хорошей боевой НФ США 1950—1970-х. Авторы явно ее знают и не стесняются подражать классическим образцам. Без претензий на то, чтобы быть выдающимся произведением литературы, книга Каунтера тем не менее является вполне интересным и развлекательным чтением.

Глеб Елисеев

ОТГОЛОСКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Уильям ГИБСОН. СТРАНА ПРИЗРАКОВ. АСТ.

Уильям Гибсон — один из отцов-основателей киберпанка, чей первый роман «Нейромант» стал эталоном движения. Однако с каждой последующей книгой писатель все дальше отходил от киберпанковской эстетики. В его новой книге практически не встретишь ни компьютеров, ни виртуальной реальности, зато есть реальность локативная, необычайные способы использования технологий глобального позиционирования, реклама китайских автомобилей и другие приметы ближайшего будущего.

Слухи об экранизации «Нейроманта» вспыхивают и затухают с удивительным постоянством, но до реализации проекта по-прежнему далеко. На сегодняшний день существуют два кинофильма, поставленных по произведениям Гибсона, который, к слову, три года преподавал историю кино. Это всем известный «Джонни-Мнемоник» Роберта Лонго и «Отель «Новая Роза»» Абель Феррари. Сюжет «Джонни-Мнемоника» отнесен в будущее, пусть и недалекое, но заметно отличающееся от нашего времени и технологиями, и умонастроениями, но все это — лишь фон для остросюжетной истории, в которой фигурируют транснациональные корпорации, убийцы якудзы и боевые дельфины. Не обошлось

без японцев и во втором фильме, что неудивительно — в мире ранних рассказов Гибсона и трилогии «Нейроманта» якудза и дзайбацу всегда отводились видные роли.

Здесь необходимо сделать важную ремарку: «японизация» гибсоновской НФ не случайна — в годы, когда писались эти тексты, Америка переживала шок, связанный с культурной и экономической экспансией бывшего противника на американском рынке. Примером рефлексии этих общественных страхов в массовой культуре может служить и роман Майкла Крайтона «Восходящее солнце». А Гибсон всегда чутко улавливал общественные настроения и тенденции.

В свою очередь, Абель Феррара — яркий представитель незави-

симого кинематографа, уже обращавшийся в своем творчестве к НФ-сюжетам, сделал одну из экранизаций «Вторжения похитителей тел» Джека Финнея, — крупным планом выделил в ранней прозе Гибсона именно те черты, которые разовьются со временем. Сейчас упомянутые им черты выражены в книгах Гибсона весьма отчетливо. В отличие от экранизации «Джонни-Мнемоника», в камерном, сфокусированном во времени и пространстве «Отеле «Новая Роза» больше внимания уделяется эмоциям, диалогам и атмосфере, которая окружает героев.

В новых романах — «Распознавание образов» и «Страна призраков» — Уильям Гибсон в центр повествования ставит даже не столько персонажей, сколько их восприятие окружающего мира и происходящих событий. В сочетании с уже упоминавшимся чутьем к изменениям в обществе и культуре это предоставляет писателю возможность достоверно изобразить один из вариантов нашего близлежащего будущего.

В «Стране призраков» — три персонажа, от имени которых ведется повествование. Пожалуй, центральное место среди них занимает подвизавшаяся в качестве журналистки бывшая солистка некогда популярной рок-группы «Кефью». Еще один герой книги — выходец из семьи азиатского происхождения, эмигрировавшей с Кубы и замеченной в связях со спецслужбами. Третий — наркоман-ин-

теллектуал, захваченный то ли какой-то из тех самых спецслужб, то ли хорошо организованными преступниками в качестве дешифровальщика секретных сообщений на основе «волапука». Вскоре выясняется, что все трое сообразно своим ролям участвуют в охоте за контейнером с загадочным содержанием. Охота ведется с помощью «айподов» и технологий систем глобального позиционирования, а одним из игроков является уже знакомый читателю по «Распознаванию образов» владелец рекламного агентства «Синий муравей» Хьюберт Бигенд.

Как и в предыдущей книге, автор промаркировал повествование известными брэндами, надежно связав его с современностью. Однако теперь в центре истории не информация в виде видеофрагментов, а пространство и локативная реальность, предоставляющая возможность «привязывать» творения и элементы виртуальной реальности к определенным местам реального пространства, тем самым подменяя его виртуальностью.

Собственно фантастического здесь немного — уже сейчас пользователи навигационных систем наряду с отображением карт местности получают информацию о наличии поблизости объектов того или иного рода. Так что вопрос «информационного переукраивания» пространства возникнет на повестке дня для человечества (точнее «золотомиллиардной» его части) в самом скором времени.

И футурологическая точность «Страны призраков» существенно выше, чем того же «Нейроманта», в мире которого, как мы помним, не было мобильных телефонов. Вот только достигнуто это за счет смещения фокуса внимания автора на ближайшее (в пределах десятилетия) будущее.

Впрочем, Гибсон не единственный автор, сместивший подобным образом действие своих книг во времени. Схожую эволюцию пережил и еще один столп киберпанка — Брюс Стерлинг. Если действие его «Схизматрицы» и других произведений из известного цикла о шейперах и механистах происходило в далеком будущем, то его недавние романы, например, «Zeitgeist» и «Зенитный угол», описывают практически современность.

Вероятно, подобное перетягивание будущего в настоящее в творчестве бывших киберпанков вызвано тем, что американская действительность сегодня требует большего осмысления, нежели виртуальная реальность и глобальные перспективы всего человечества.

Уильям Гибсон, обладая обостренным восприятием духа времени, в художественной форме (Стерлинг делает это более технократично и системно) синтезирует будущее из тех его фрагментов и образов, которые распознает уже сегодня. Уместно будет привести здесь известную фразу Гибсона о том, что «будущее уже наступило, просто оно неравно-

мерно распределено». В то же время собрат по писательскому труду Нил Стивенсон, причисляемый одно время к киберпанку, в своем «барочном цикле» занялся анализом причин возникновения настоящего именно в наблюдаемой нами форме и забрался в этом дальше и глубже, нежели осмелились это сделать авторы «Машины различий».

Если «Распознавание образов» открыло в творчестве Гибсона новый этап, определяющийся прежде всего отдалением от фантастики и миграцией в сторону «основного потока», то «Страна призраков» зафиксировала и закрепила эти изменения.

Впрочем, подобный исход был предопределен. Еще в начале своей писательской карьеры в одном из интервью Гибсон говорил о том, что 95% книг, издающихся под ярлыком «научная фантастика», он просто не может читать, а наиболее любопытные вещи появляются на стыках жанров. Да и само отношение книги к жанру научной фантастики для него является прежде всего маркетинговым приемом. Применительно к книге самого Гибсона это означает, что читатели, которым она понравится, скорее всего, предпочитают книги «основного потока». Ведь «Страна призраков» и вышла в нежанровой серии. Однако, хотя она и существенно уступает «Нейроманту», настоящему любителю фантастики игнорировать ее не стоит.

Сергей ШИКАРЕВ

В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ — НА «ТИТАНИКЕ»

Писатель и критик Василий Мидянин предложил участникам нашего интернет-опроса окончательно разрешить вечный вопрос: «Кто виноват в кризисе отечественной фантастики?» Ответы распределились следующим образом:

Издатели, которым выгодно прививать читателю дурной вкус — 13%;

Книготорговцы, работающие с книгой, как с обычным товаром — 4%;

Критики, погрязшие в некомпетентности, клановых разборках и корпоративной солидарности — 1%;

Писатели, которые заботятся лишь о собственных тиражах и гонорах — 9%;

Читатели, которые голосуют рублем за низкопробные боевики — 16%;

Никто не виноват, ибо, согласно закону Старджона, 90% выпускаемой литературы является браком — 28%;

Никакого кризиса нет, эти панические настроения стабильно возникают раз в несколько лет — 28%.

Всего в голосовании приняли участие 702 человека.

Тема глубокого кризиса отечественной фантастики вот уже почти два десятка лет беспокоит читателей — с тех самых пор, как золотой век шестидесятых, серебряные семидесятые и бронзовые восьмидесятые превратились в черную дыру девяностых. Не перестает стучаться в сердца поклонников литературы о необычном пепел проклятого вопроса российской интеллигенции: кто виноват?..

Мне довелось примерить шкуру каждого из перечисленных в данном опросе «злодеев»: читателя, книготорговца, писателя, критика, издателя. Неоднократно

побывав по разные стороны баррикад и на личном опыте оценив правдоподобие многочисленных легенд, витающих над каждой из них, я по просьбе журнала «Если» разработал опрос, результаты которого представлены вашему вниманию.

Около трети проголосовавших сочло, что главный виновник сложившегося положения вещей — Старджон, заявивший когда-то, что 90% всего написанного — макулатура. Но если в советское время в фантастике ежегодно выходило три десятка книг, и 10% шедевров сияли среди них, словно бриллианты, то сейчас, когда

только дебютных романов на последней конференции «Звездный мост» в Харькове было заявлено больше ста, значительные произведения безнадежно теряются среди гималаев проходняка, однострочек и просто мусора. Качественные, серьезные, интересные фантастические тексты никуда не делись, вдумчивому читателю по-прежнему регулярно находится пища для ума, однако человек, плохо ориентирующийся в литературном процессе, пытающийся обнаружить такие произведения наугад, скорее всего, наткнется на дрянь — просто по теории вероятностей и закону больших чисел. И вполне закономерно окажется раздосадован.

Шестая часть опрошенных полагает, что во всем виновато глупое читательское большинство, голосующее рублем за примитивные, слабые тексты — лишь бы там стреляло и оглушительно бахало, как в долби-кинотеатре. И тем самым поднимающее тиражи плохим книгам и сталкивающее в финансовую яму книги достойные. Безусловно, в этом есть значительная доля правды, ибо и книготорговцы, и издатели, в первую очередь, ориентируются на читательский спрос и предпочитают заниматься таким товаром, который при прочих равных условиях лучше всего продается. Однако только этим невозможно объяснить чрезвычайно низкий средний уровень, установившийся в современной отечественной фантастике, — ведь наряду с со-

вершенно дикими текстами лидерами продаж становятся и довольно приличные, крепкие, профессиональные боевики, которые вполне можно читать без внутреннего содрогания.

Каждый восьмой полагает, что кризис порождает хищные издатели, намеренно оглупляющие читателя и прививающие ему низменный вкус: жвачным якобы проще сбывать низкопробное чтиво, которое, в свою очередь, легче лепить на скорую руку. Честно говоря, я полагал, что данный вариант будет пользоваться куда большей популярностью. Гильдия книгоиздателей — сообщество довольно закрытое, инсайдерской информации оттуда поступает мало, отчего она обрастает причудливыми мифами и городскими легендами. Безусловно, издатели не ангелы, тем более в наше непростое время, поскольку главной целью любого бизнеса является прибыль; в погоне за нею бизнесмены способны на весьма неблагоприятные действия. Однако излишняя демонизация издательств, приписывание им одновременно и абсолютной тупости, и полного неумения работать с книгой, и коварных макиавеллиевских замыслов, масонских стратегических планов, рассчитанных на годы и десятилетия, тоже едва ли поможет верно оценить складывающуюся картину.

Несомненно, издательства повинны в одной из самых серьезных причин кризиса жанровой словесности — затоваривании.

В поисках новых имен и потенциальных звезд они все более и более расширяют экстенсивное производство. В 2006 году было выпущено столько новых фантастических книг, что для того, чтобы прочитать их все, читателю пришлось бы глотать по полторы штуки в день. Разумеется, физически невозможно создать за такой промежуток времени столько шедевров и даже просто хороших произведений, чтобы наполнить бездонные издательские серии. Подобная политика, безусловно, работает на принцип Старджона.

Что касается популярной теории, будто издательствам выгодно оглуплять читателя, то это не более чем легенда. Практика показывает, что хорошую прибыль можно извлекать не только из однодневок. Например, к выходу телесериалов по произведениям Достоевского, Шолохова, Булгакова, Шаламова, Солженицына их книги с большим успехом были выпущены и реализованы многими издательствами. Стругацкие, Булычёв, Крапивин, классики американской фантастики по-прежнему остаются мощными брендами на отечественном рынке. На самом деле издателям абсолютно все равно, на чем делать деньги, был бы спрос. И если некоторые действительно намеренно занижают планку литературного качества, наивно полагая, что так проще работать, то другие, напротив, позиционируют себя как производители умной литературы, в том числе и фантастики.

Восемь с половиной процентов читателей полагают, что в кризисе виноваты авторы, желающие «денег по-легкому срубить». Как и прочие варианты-лидеры, этот тоже в какой-то степени справедлив. Развитие компьютерных технологий привело к тому, что быстренько настучать и беспрепятственно обнародовать собственное гениальное творение, не заботясь о минимальной вычитке, оказалось предельно легко; хуже того, массовое размещение в интернете текстов, которые несколько десятилетий назад остались бы пылиться под кроватью в виде пары общих тетрадок, породило новый феномен — полуграмотные, слабые, беспомощные романы, опирающиеся лишь на узнаваемые пароли «эльф — космический десантник — рыцарь — агрессивные пришельцы — орк», неожиданно стали весьма востребованными у значительной части поколения МТА, никогда в жизни не читавшего ничего, кроме подобных самодельных текстов и чудовищных подстрочных переводов плохой западной фантастики, в огромных количествах выходявших в начале девяностых.

И самое досадное, что некоторые серьезные писатели, почувствовав конъюнктуру и намучившись со своими шедеврами, не востребовавшими массовой публикой, начали подстраиваться под «фантастический мейнстрим», вольно или невольно снижая качество текстов. И вызывая тем самым закономерный ропот интеллектуаль-

ных читателей, полагающих, что намеренно опускающие планку авторы — безусловные виновники кризиса в фантастике.

Очень немногие сочли, будто в кризисе виноваты книготорговцы, хотя постоянно раздаются голоса, что они не умеют, не хотят и не любят продавать фантастику. Между тем от подачи книг зависит очень многое: хотя бы то, чтобы читатель смог найти интересное именно его произведение. Увы, привычная картина в книжных магазинах: сплошной монолитный ковер пестрых корешков, продавцы, не умеющие ответить на простейший вопрос, и компьютерная система, в которой ничего невозможно найти. Впрочем, книжные магазины действительно являются не основными виновниками, а лишь наглядной иллюстрацией одной из причин кризиса — масштабного затоваривания фантастической литературой.

И совсем единицы полагают, что к кризису приложили руку критики и обозреватели, хотя проведенный недавно интернет-опрос показал: подавляющее большинство читателей предпочитает черпать информацию о новых книгах из рецензий в периодических изданиях. Видимо, для того, чтобы определиться с выбором, читателю хватает краткого пересказа книги, потому что каналитической части рецензий у многих большое количество претензий — критики, в основной массе расплзшиеся по «кружкам», фэнским объединениям и дружеским кучкам, слыш-

ком часто руководствуются в своих текстах личными и политическими предпочтениями. Это приводит к тому, что объективные критерии добротного текста размываются либо подменяются предельно субъективными; авторитет критики тает, читатель теряет важные ориентиры литературного качества.

Единственный результат, который вызвал у меня некоторое недоумение, принадлежит варианту «никакого кризиса нет». За этот ответ проголосовала почти треть принявших участие в опросе. Впрочем, куда-то ведь деваются огромные тиражи чудовищных фантастических книг, далеко не все они мертво оседают на складах издательств и на лотках «Всё по 20 рублей». Кто-то ведь пишет в сетевых библиотеках длинные простыни похвал беспомощным романам, которые и в руки-то взять гадко. Следовательно, существует и благодарная аудитория, массово поглощающая подобную литературу и наивно полагающая, что это и есть настоящая фантастика, что все у нас хорошо: гномы зыкинско бьются со звездным десантом, а клёвые боевые корабли четкашно бороздят просторы русского космоса. И значит, радостными толпами движемся дальше: никакого кризиса нет, на верхней палубе играет оркестр, горит иллюминация, «Титаник» уверенно движется к цели.

Василий МИДЯНИН

ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ

Мы не случайно решили дать экспертизу темы к НФ-статистике. Вопрос, заданный Василием Мидяниным интернет-пользователям, оказался настолько острым, что без дополнительной экспертной оценки тут явно не обойтись. Редакция предложила двум писателям и критику выбрать любой из вариантов ответа, фигурирующих в анкете, и аргументировать свой выбор.

Юрий БУРНОСОВ:

Лично я полагаю, что во всем виноваты читатели, «которые голосуют рублем за низкопробные боевики». И не только поэтому. В конце сороковых годов прошлого века поэт Липкин и писатели Гроссман и Платонов беседовали как-то о том, что издавать стали слишком много книжного мусора. История, как видите, не нова, но тогдашний мусор при учете цензуры, редактур и т.п. все же таким мусором, как нынешний, не был. Да и стоил подешевле, как ни крути. Однако не в этом дело, а в том, что Платонов коротко и красиво обозначил причину появления этого мусора: «В литературу попер читатель».

То же самое происходит сейчас. Начитавшись разного барахла, определенный процент одноклеточных читателей понимает: «И я так могу, чего же я сию?!» Особенно когда видит, что его любимой книжке поют дифирамбы специальные критики и тираж у нее — ого-го! И читатель прет, а издателью-то без разницы, что печатать: провальная книжка отобьется за счет хита продаж, это ж не девяносто шестой год какой-нибудь. Да и из дерьма можно сделать конфетку, если потратиться на рекламные перетяжки или проплатить ряд статей о том, что роман Пупкина — «суперинтеллектуальный бестселлер».

Мне, кстати, особенно нравится, что у нас книги стали объявлять бестселлерами еще до того, как они попадают на прилавки. Читателю ведь надо заранее сказать, что перед ним бестселлер, чтобы он побежал и купил. И прочел, и понял то, что прочел. Наглядный пример, если хотите — «Метро 2033», типично читательская книга. От читателя — для читателей. Вот такое пипл хавает, только успевай подавать.

Самое печальное тут, что читателя воспитывать никто не собирается — невыгодно. А сам он воспитываться не желает, да к тому же активно лезет в писатели. Процесс, наверное, необратимый. Разве что ждать, когда читателей останется меньше, чем писателей. Шутка, ко-

нечно, но лично я в книжных магазинах давно уже покупаю либо переводную, либо специальную литературу. И ничего, не умер от того, что не прочел очередной наш «бестселлер» про героев против магии или про бывшего спецназовца, спасающего Вселенную.

Александр РОЙФЕ:

О кризисе отечественной фантастики можно рассуждать бесконечно, и на каждый аргумент «за» найдется свой аргумент «против». Но есть такая сфера, где кризис предельно очевиден, — это состояние фантастической критики. И лучше всего об этом говорит тот убогий один процент, который набрали критикующие в соревновании за почетное право считаться основными виновниками текущего «кризиса». Дорогие коллеги, наш результат немногим лучше, чем у СПС на выборах в Государственную Думу! Мы почти незаметны, а может ли быть что-то более неприятное для пишущего человека? Если мы так мало влияем на умы читателей — зачем мы вообще нужны?

Но тут главное — не перепутать. Читателям мы не нужны по одной причине, писателям — по другой, а издателям — по третьей. Мы не нужны издателям, когда позволяем себе судить об их продукции без пиетета, когда, игнорируя их посулы завалить заказами на предисловия-послесловия, зачем-то в угоду абстрактному эстетическому идеалу начинаем разбирать по косточкам беспомощные, пусть и кассовые тексты. Писателям же мы не нужны во всех без исключения случаях, когда забываем признаться в восхищении, которое у нас обязательно должна вызывать их неземная проза. Ну, мы-то с вами знаем, что поводов восхищаться их прозой в действительности раз, два — и обчелся...

С читателями сложнее. Их, вообще-то говоря, наши взаимоотношения с пишущими и издающими совершенно не волнуют. Но они никогда не простят нам, если пишем мы серо и скучно, так, чтобы нельзя было читать не из-под палки. Боюсь, что читатели требуют от нас прежде всего литературного таланта. Они готовы согласиться с любыми нашими выкладками, но хотят, чтобы мы «выкладывались» красиво. Положа руку на сердце: все ли из нас на это способны?

Не мне вам объяснять, коллеги, что всем трем категориям одновременно угодить нельзя. Надо как-то определяться. И я бы призвал определяться в пользу читателей. Только так можно будет полноценно участвовать в литературной жизни. Хотя уверенности, что к моему призыву прислушаются, у меня нет. Вот открыл недавно одну антологию в яркой

обложке, а в ней некий критик на голубом глазу объявляет молодого и не очень-то умелого фантаста наследником Лермонтова и Льва Толстого. Тематика-де у них совпадает... И почему тогда Дарью Донцову в наследницы Достоевского не записать? У Федора Михалыча ведь тоже об убийствах говорится!

И не то чтобы этот критик ничего не смыслил в предмете — прекрасно он знает, насколько не прав. Но гонорар, похоже, совсем глаза ему застил. И несчастный один процент «влиятельности» критического цеха зря стучит в его холодное сердце...

Олег ДИВОВ:

Глядя на ценники в книжных магазинах, люди говорят: «Издатель безумел, почему все так дорого?!» Иногда еще ругают жадных авторов.

Между тем отпускная цена на серийную фантастику в ЭКСМО около 80 рублей. Все, что «накручено» сверху, вы платите посредникам, задача которых — довести книги до торговых точек и разложить по полкам.

Мнение посредников о том, чего вам надо и за сколько вы готовы это купить — решающее. Оно формирует витрину русской фантастики.

Витрина нынче странная. Сплошь «новые бестселлеры», назначенные таковыми еще до начала продаж. Качество товара не играет роли. Главное — чтобы все было свеженькое.

Это грустная история в целом, но самое грустное вот: никто не заинтересован в длительном жизненном цикле отдельно взятой книги. Лонгселлеры не делают погоды на рынке. На рынке правят бал ротация, вал, поток.

В свое время у торговцев-лоточников было правило: держать несколько «статусных» книг, а остальной ассортимент обновлять как можно чаще. Не купили что-то — да и черт с ним, другое купят. Нельзя ждать, пока читатель «распробует» товар, это рискованная стратегия. Зато свеженькое точно возмут.

Некоторые из лоточников теперь руководят торговыми сетями — на тех же принципах. Больше свежих книг!

Издатель может продать оптовикам одну и ту же книгу многократно. Для этого он должен изворачиваться и хитрить. Я уже сосчитать не могу, сколько раз переиздана моя «Выбраковка». Раньше ее просто допечатывали. Теперь она в допечатке никому не нужна, оптовик воротит нос. А вот с обновленным дизайном «Выбраковку», это ветхозаветное

старье, охотно берут, и она снова расходуется. Хотя содержание книги за последние девять лет не изменилось.

Со стороны ситуация выглядит так: книжную торговлю, со всей ее уникальной спецификой, взяли и директивным методом приравняли к торговле колбасой. Свеженького!

Что может читатель противопоставить этой уравниловке? Казалось бы, он голосует за книги рублем. За хорошие книги, естественно. Но давайте посмотрим правде в ее недобрые глаза. Спрос определяет вовсе не потребитель-интеллектуал, не разборчивый читатель, а совсем другой. Запойный. Тот, кто покупает много и часто. Кому надо побольше свежих книг.

И вот с таким читателем — беда. Один мой знакомый, как раз из числа запойных потребителей фантастики, недавно писал у себя в ЖЖ, рецензируя некую книгу: язык безобразный, персонажи картонные, но представляете — читается легко!.. Вообще-то, слабый текст не может восприниматься «легко» по определению. От него остается чувство стыда за автора. Это не «легко», это противно. Но времена изменились, критерии оценки текста тоже. О том, что будет именно так, нас еще в 1999-м предупреждал со страниц «Если» Сергей Переслегин. Приехали?

Сплошь и рядом люди, которые еще вчера не стали бы покупать графоманскую белиберду, относятся к ней все снисходительнее. А новое поколение уже полностью дезориентировано. «Яркий образный язык» из отзывов читателей на поверку оказывается набором красивеньких клише литературной попсы полувековой давности. Вычурная фраза, напыщенные метафоры уже идут за высокий стиль. Клише, штампы, пузозвонство: вы это покупаете? Ничего, за вас купят другие.

Ответить на такой читательский запрос проще простого, и торговля отвечает. Сообразно запросу, она уже откомпостировала мозги издателям, а авторов и просить не надо, их много разных, хватит на всех. Это кризис фантастики? Отнюдь. Это нормальное состояние развлекательного жанра, нишу которого захватила, на свою беду, русская фантастика. Соответственно, изначально сниженные критерии «развлекалова» переносятся на фантастику в целом.

И те, кто пророчит обрушение рынка фантастики, ошибаются. Такого рынка в чистом виде больше нет.

Есть длиннющий колбасный ряд, в котором изредка попадает фантастический сервелат. Обычно нарезкой.

На бутерброды.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБОВЬ

«Все, что нам нужно, — это любовь». Так завещал нам великий Леннон, и под его словами, несомненно, подписался бы и герой данного очерка — американский писатель-фантаст Теодор Старджон, которому в феврале исполнилось бы 90 лет. Он принадлежал к легендарной плеяде писателей, чью эпоху, все более уходящую в историю, по праву называют «Золотым веком» англоязычной фантастики. Хотя принадлежал чисто формально — точнее было бы сказать: «он тоже жил и творил в то время». Потому что мало было в истории этой литературы авторов столь же независимых от общественного мнения и общепринятых норм, от моды, табу, авторитетов и групповых пристрастий, как Старджон.

Свободна в его произведениях и любовь. Она непривычна, она парадоксальна, фантастична, доведена до абсурда, вывернута наизнанку. И все же это именно любовь, а не то, что многие подумали. Более того, Любовь с большой буквы, приобретающая у писателя почти религиозный смысл. Что само по себе парадокс, поскольку писатель был известным скептиком и иконоборцем.

Он прожил жизнь и писал фантастику не так, «как надо». Поэтому читателя не должно удивлять, что рассказ о жизни и творчестве этого человека я начну с некролога, написанного его младшим товарищем по перу Харланом Эллисоном — таким же «возмутителем спокойствия».

Весной 1985 года Старджон уже знал, что умирает. Опухоль в горле, отягощенная недавно пе-

ренесенной пневмонией, — какие тут иллюзии... Он еще успел слетать перед смертью на Гавайи, проститься с райской природой тропиков, в которых некогда провел лучшие годы жизни. А затем вернулся домой, попросил друга Эллисона сочинить некролог и закончил свой жизненный путь в кругу тех, кого любил — своей последней жены и всех семерых детей от разных браков.

Эллисон написал в некрологе: «Его ослепительный талант останется зримым напоминанием, что этот жалкий жанр грез и болезненных видений еще может иногда называться литературой... Для кого-то он представлял собой живое святотатство на грани непристойного фаллического символа, вроде единорога в райском саду. Для других был расточительным гением, около десятка

лет занимавшим первые строчки в списках самых блистательных писателей нашей страны — независимо от того, к какой категории отнести его творчество... Для молодых писателей он стал своего рода иконой; для стариков, живых свидетелей его непутевой, не вписавшейся ни в какие рамки жизни, олицетворял собой несбывшиеся грезы... Немного найдется писателей, чья собственная жизнь стала таким же произведением искусства, как и их литература. Он вовсе не был мифическим существом; скорее — легендарным. Там, где ступал он, всегда возникало завихрение воздуха».

За почти полувековую жизнь в научной фантастике Теодор Старджон не собрал впечатляющую коллекцию литературных премий. И шумного, сенсационного, истинно американского успеха тоже не было. Может быть, причиной тому — его вечная манера держаться особняком, петь своим голосом, демонстративно игнорируя хор. Для «своих», для той внутрикорпоративной тусовки, которую даже вполне лояльные к ней писатели и фэны нет-нет, да и обзовут «литературным гетто», он всегда оставался чуть более изысканным, многословным и психологичным, чем полагалось типичному автору science fiction — и менее, что ли, прямолинейным, «сюжетным», динамичным. Для мира литературного

мейнстрима — чуть более фантастичным, парадоксальным и во всех отношениях немодным.

* * *

Когда в семье бизнесмена Эдварда Уолдо, торговавшего красками и смазочными материалами на Стейтен-Айленде, появился на свет второй сынишка, мальчика в честь отца назвали Эдвардом Хэмилтоном. Произошло это 26 февраля 1918 года.

Отец его вел род от французских и голландских первопоселенцев, отправившихся искать счастья в Новый Свет еще в XVII веке. Трудно сказать, как бы сложилась судьба будущего писателя, если бы отец вскоре не бросил семью; мальчику тогда не исполнилось и шести лет. Фактически, главную роль в его воспитании всегда играла мать — Кристин Дикер. Она сама писала любительские пьесы, сочиняла стихи, рисовала и преподавала литературу в школе. Очевидно, что всеми своими художественными пристрастиями будущий Теодор Старджон всецело обязан ей.

А вторым обстоятельством, во многом определившим бунтарский, иконоборческий характер его сочинений, стала религия. Точнее — «перебор» ее в семейной генеалогии. По линии отца — восемь священнослужителей различных рангов, вплоть до архиепископов; да и тетка по

материнской линии тоже была за мужем за английским священником! Не мудрено, что уже с малолетства Эдвард вместе со старшим братом прогуливал воскресные службы, пользуясь родительской привычкой поздно вставать по выходным. Братья предпочитали проводить время за чтением юмористического журнала, а к вечеру сочиняли более или менее правдоподобную легенду о том, как прошла утренняя проповедь. В сочинении красочных и убедительных версий особенно преуспел младший брат — но о писательской карьере он тогда не думал.

Когда мальчику исполнилось девять лет, родители окончательно оформили развод, а спустя два года в жизни Эдварда возник отчим. С ним-то, ученым-литературоведом Уильямом Старджоном, заведовавшим кафедрой в местном колледже, у мальчика и начались проблемы. Не то чтобы отчим не любил пасынков или уделял мало внимания их воспитанию. Вовсе нет! Он даже пошел на официальное усыновление Эдварда, которому давно нравилось имя Тед; так, приняв новое крещение, юноша на всю оставшуюся жизнь стал Теодором Хэмилтоном Старджоном. Но... как и в случае с религией, снова случился «перебор». На сей раз — с любовью отчима к литературе.

Это была настоящая страсть — фанатичная, всепоглощающая, не

терпящая возражений и какой-либо конкуренции. Братья же, хотя и любили читать, особой склонностью к наукам и усидчивостью не отличались. И прежде всего Эдвард: сколько он себя помнил, его всегда отличала особая любовь к непослушанию, выросшая в отличительную черту, своего рода фирменный знак будущего писателя Старджона.

Короче, его с детства перекормили всевозможными заповедями и нормами, правилами приличия и запретами. И когда литература предоставила возможность в полной мере выразить собственную сущность, оказалось: первое и главное, на что ополчился писатель Теодор Старджон, — это Норма. А более эффективного оружия для войны с нею, чем НФ, не найти!

Впрочем, это будет позже. Пока же перед выпускником средней школы, проучившимся короткое время и в частной семинарии, встал вопрос выбора жизненного пути. К тому времени семья переехала в соседнюю Филадельфию, и экзамены в местную high school стали для 12-летнего подростка сущим адом. Надо знать фанатичную зацикленность американских учебных заведений на спорте, чтобы понять чувства, испытанные худым, хилым подростком при виде более накачанных сверстников! А кроме того, ему совершенно не хотелось учиться.

Как бы то ни было, экзамены

он сдал успешно. Что же касается взаимоотношений с одноклассниками, то все волшебным образом изменилось в один прекрасный день, когда молодой Старджон любопытства ради заглянул в гимнастический зал, где как раз тренировались члены школьной сборной. Вид параллельных брусьев и того, что на них выделявали его сверстники, сразил его наповал. Старджон решил во что бы то ни стало научиться делать то же самое.

С иступлением религиозного фанатика он отныне вставал с постели в пять утра, заканчивая тренировки поздним вечером. Результаты не замедлили сказаться: не прошло и года, как он прибавил в весе почти 30 килограммов и накачал изрядные мускулы. По крайней мере, шутки и подначки в классе на его счет разом прекратились. На втором году обучения он уже был капитаном школьной гимнастической команды. Но тут случилось страшное. Однажды утром 15-летний юноша почувствовал себя плохо. Через двое суток Тед уже не вставал с постели. Диагноз врачей не сулил ничего хорошего — суставной ревматизм. И хотя со временем Старджон вылечился, на серьезных занятиях спортом можно было поставить крест. Сказать, что это был крах всех надежд, значит ничего не сказать. Хуже того, неприятности начались и в семье. Отчим совсем поме-

шался на своей любви к литературе — хотя дома имелось радио, детям его слушать не позволялось, вместо этого им было вменено в обязанность ежевечернее полуторачасовое чтение в семейной библиотеке. Правда, именно тогда среди «серьезной» литературы на глаза Старджону-младшему впервые попались и такие сочинения, как «Война миров» Уэллса и «20 000 лье под водой» Жюль Верна.

После окончания школы путь Теда лежал в колледж. На сей раз отчиму было заявлено твердо и непреклонно: никакой тяги к наукам его пасынок не испытывает. А манит его другая стихия — морская.

Уже тогда молодой Теодор Старджон, успевший испытать жестокое разочарование, понял, что превыше всего на свете ценит свободу. Свободу передвижения, мысли, самовыражения. Поэтому ноги сами привели его в Мореходное училище штата Пенсильвания. Подаренных бабушкой к окончанию школы ста долларов почти хватало на плату за обучение, и Тед поступил в училище, где ему привили почтение к дисциплине и умение вкалывать так, что чертям становилось тошно. Может, из него и вышел бы неплохой морской офицер, однако незадолго до выпуска Старджон неожиданно для всех бросил учебу и нанялся на первую же посудину в порту простым матросом. Ему тогда исполнилось 17 лет.

* * *

В плаваниях он провел три года. А потом на короткое время осел на одном из Багамских островов. Работа была непыльной — управляющий отеля, расположенного в тропическом курортном раю! Впрочем, он никогда не чурался любой работы. В разные периоды жизни Старджон крутил баранку грузовика, чинил электроаппаратуру, работал поваром, автомехаником, столяром, мусорщиком, стекольщиком, разнорабочим в цирке... Во время войны (в армию его не взяли по состоянию здоровья) трудился в тылу, два года провел в Пуэрто-Рико — рабочим на военном аэродроме, докером, бульдозеристом. Затем снял дом на Санта-Круссе — крупнейшем из Виргинских островов, позже ставшем местом действия одного из лучших рассказов писателя, «Крошка и чудовище». А по возвращении в Штаты в 1944 году попробовал себя на «агентском» поприще — работал сначала в рекламном агентстве, потом в литературном. Еще он подвизался в журнале «Time», где вел колонку книжных рецензий... Столь же часто, как профессии, Старджон менял и места жительства...

Ну куда еще — с таким богатым опытом и такой страстной потребностью делать все «напоперек» — могла привести его извилистая жизненная колея, кроме научной фантастики!

Писать он начал, плавая по морьям-океанам. Его первыми профессиональными публикациями стали микрорассказики, которые он успел настрочить для некоего газетного синдиката во время краткой стоянки в порту. Но что это за опусы и где именно напечатаны, писатель сам забыл напрочь. Зато точно помнил, что за все получил, страшно сказать, целых пять долларов. В те юные годы первый гонорар настолько потряс его, что Старджон дал себе зарок — когда-нибудь полностью забросить всякую иную работу, кроме литературного труда. Это вскоре и произошло.

Он дебютировал в НФ в звездном 1939 году рассказом «Дитя эфира». В звездном журнале — кэмпбелловском «Astounding Science Fiction» — и в компании таких же звезд-дебютантов: Роберта Хайнлайна, Айзека Азимова, Альфреда Ван Вогта, Лестера дель Рея, Альфреда Бестера, Спрэга де Кампа. А к пятидесятым годам Теодор Старджон стал одним из самых ярких светил в этом созвездии талантов «кэмпбелловского призыва».

Если попытаться одним словом объяснить, чем именно выделялось творчество Старджона, то слово это будет — человечность. Не в смысле «гуманизма» (многие его произведения более чем мрачны и пессимистичны во всем, что касается перспектив

и «достижений» вида Homo sapiens), а в смысле постоянного и пристального интереса к подлинно человеческим качествам: любви, ненависти, любопытству, сочувствию, жестокости, эгоизму, способности к самопожертвованию, вере или безверию... Причем все эти качества Старджон не просто констатирует и фиксирует, а испытывает «на прочность». Здесь он работает, как и положено уважающему себя научному фантасту: ставит героев в неожиданные, парадоксальные, а то и вовсе небывалые ситуации — и смотрит, как поведут себя обыкновенные люди в необыкновенных условиях.

И уж конечно, для него, исследователя человеческого в нечеловеческом, не существует каких-либо норм и табу. В этом постоянном и принципиальном иконоборчестве Старджон задолго до «Новой волны» предварил многие откровения тогдашних молодых бунтарей. Разве что разрушал он догмы и святыни с меньшим сладострастием, меньше производил шума и почти совсем не тяготел к внешним эффектам и рассчитанному на откровенный скандал эпатажу.

В американскую фантастику Теодор Старджон (намного опередив Фармера и Дилэни) вошел прежде всего как ниспровергатель сексуальных предрассудков и штампов. Только я бы добавил: его в меньшей степени интересо-

вали — и мучили, и интриговали, и завораживали! — именно секс («биология»), эротика («искусство»), тем паче порнография («масс-продукция»). А в гораздо большей — любовь.

Слышу хор разочарованных: подумаешь, новость! Кто ж из скрипевших пером прошел мимо любви! Вся художественная литература одной ей и посвящена, если вдуматься...

Верно. Любви, которая есть и о которой, если сам не испытал, по крайней мере наслышан любовью из живущих на планете. Старджон же заинтригован как раз теми проявлениями любви, которые нам вовсе не известны. Но с нами мы, вполне вероятно, когда-нибудь столкнемся — в будущем на Земле, в иных измерениях или иных мирах, в сновидениях и кошмарах.

Пресловутая «нетрадиционная ориентация» — но необычная, инозвездная, настолько заворожившая и убаюкавшая землян, что они поначалу ничего и не поняли? Пожалуйста, рассказы «Мир вполне мог погибнуть» (1953; в русском переводе — «Благая потеря») и «Случай с зеленой мартышкой» (1957). Инцест, ставший основой для безоблачной — удавшейся — утопии? Перечитайте новеллу «Окажись все мужчины братья, ты бы выдал сестру за одного из них?» (1967). В рассказе «Сексу вопреки» (1952) инопланетянин (-нка), бисексуал и симбиот,

счастливы, хотя и в трагических обстоятельствах, «просвещает» двух землян-влюбленных, не подзревавших об иных возможностях достижения взаимного счастья, кроме той самой — общеизвестной... А в слабо закамуфлированных под фантастику лирических новеллах «Трио на фоне бури» (1955) и «Правило трех» (1951) речь, как нетрудно догадаться, идет о реальных, хотя и запутанных любовных треугольниках, которые никак не развязать без помощи тех же пришельцев...

Многие рассказы Старджона не лишены оттенка сентиментальности, отчего чтение их сегодня превращается в изысканное и многими желанное ретро. Любовь в этих новеллах — воистину сила, что движет мирами. Побеждает рак в короткой повести «Раз заботишься, значит, любишь» (1962)*. Соединяет два изнывающих от тоски сердца — земное с инопланетным — в «Летающей тарелке одиночества» (1953); и даже оказывается органично связана с телепатией — в «Прикосновении твоих рук» (1953) и «Необходимости» (1960)...

* * *

На одной из конвенций Старджон произнес целый монолог

о любви, сравнив ее с состоянием, «когда тебе становится абсолютно необходимо еще чье-то счастье, помимо собственного».

Истинная человечность может проявиться, как уже было сказано, и в ситуациях нечеловеческих. Например, во взаимоотношениях человека с теми, кого он приручил. Мне не известно, была ли когда-нибудь у писателя собака, однако после прочтения рассказа «Крошка и чудовище» (1947) последние сомнения развеялись. Конечно, была!

Теплота человеческих отношений, взаимопонимание (хотя и не всегда легкое и беспроблемное), нескрываемые чувства и эмоции переполняют новеллы Старджона. Оказывается, мечтательность и фантазия в состоянии оживить человека даже после тысячелетнего сна, как это происходит в рассказе «Кейс и мечтатель» (1972); обыкновенное чувство юмора — предотвратить конфликт между цивилизациями, что и продемонстрировал герой «Особой способности» (1951). Разумные жители искусственной микровселенной в притче об ученом-Создателе — «Бог микрокосмоса» (1941) — эволюционировали не только интеллектуально, но и нравственно, придя на по-

* Впрочем, он же излечивается и с помощью искусства — хотя, по мнению многих, это просто другое название любви. О подобном «искусстволубии» (или «любеискусстве») — один из самых известных рассказов Старджона, принесший ему сразу две высших премии, «Хьюго» и «Небьюлу», — «Медленная скульптура» (1970). (Прим. авт.)

мощь попавшему в беду Творцу. В собственном творении возрождается и трагически погибший музыкант — герой пронзительной новеллы «Умри, маэстро, умри!» (1947). А обитатели одной из самых запоминающихся утопий, описанной в короткой повести «Искусники планеты Ксанаду» (1956), овладели, по сути, всего одним искусством — но каким! Искусством общения — в него входит и взаимопонимание, и умение слушать, и поставить себя на место другого, и разделить боль, и научиться, и научиться...

Однако не следует думать, что Теодор Старджон всю свою писательскую жизнь разглядывал человеческую натуру исключительно в розовых очках. Многие его новеллы наполнены не светом, а мраком, и автор не скрывает влияния на него литературы ужасов и психоаналитических открытий о темных — но опять же человеческих — сторонах нашей души. Такова классическая история «одержимой» машины — «Убийдозер!» (1944): ее герой, inferнальный пришелец, превращает земной механизм в покорного исполнителя своих черных замыслов. В «Медвежонке профессора» (1948) та же роль предназначена злой игрушке, управляемой мозгом невинного ребенка. А то, что дети вовсе не обязательно должны становиться героями «ужаси-

ков», демонстрирует история звездного Маугли из рассказа «Ракета Мяуса» (1946). В самый разгар холодной войны Старджон написал собственный вариант ядерного Апокалипсиса — мрачный и трагический рассказ «Гром и розы» (1947). Реквием на атомном пепелище — какие уж тут розовые очки...

* * *

С романами Старджону повезло меньше — хотя из шести написанных один, по крайней мере, ныне безоговорочно причислен к классике жанра. Дело не в том, что они банальны или скучны; скорее, наоборот — слишком самобытны, порой вызывающи, слишком переполнены непривычными, какими-то колючими и дискомфортными идеями, чтобы потратить среднестатистической читающей публике. Хотя нужно признать и другое. То, что с таким блеском удавалось писателю в короткой форме, при переходе к книжному формату часто оборачивалось любопытными и провоцирующими лекциями и трактатами, но не более того...

Самый известный роман Старджона назван программно — «Больше, чем люди» (1953). Он принес писателю высшую тогда, до появления премии «Хьюго», награду — Международную премию по фантастике. Старджон одним из первых заговорил о коллективном разуме,

как новой ступени эволюции — идея, развитая так называемой гештальтпсихологией и ставшая модной в 1920—1930 годы. Впоследствии о том же писали многие, и порой более изысканно, но Старджон был одним из первых, если не самым первым. В романе конфликт пятерки «ненормальных» детей, образующих своего рода гештальт-организм, и «нормального» общества обострен еще и тем, что по отдельности каждая единица этого нового вида Homo gestalt не только не «суперкинд», но по сути урод, пария. Обреченный, как минимум, на одиночество и неприкаянность. Клинический идиот, социопат, две немые девушки, не по годам развитый искусный манипулятор; и самый беспомощный из всех — младенец-монголоид с синдромом Дауна... По отдельности — жалкие и беспомощные, отчужденные от общества люди. Вместе — суперорганизм, созвездие гениев, новая ступень эволюции. Может быть, новая надежда для человечества. Причем не только с точки зрения биологии, физиологии или психологии! «Больше, чем люди» сообща успешно преодолевают препятствия, которые веками разобщали, разъединяли «нормальных» людей — расовые предрассудки, социальную немоту, эмоциональную тупость и примитивизм, зависть, ксенофобию, различные и часто враж-

дующие между собой взгляды на секс, религию, нравственные нормы. Ведь неслучайно же третья, заключительная часть романа названа одним словом: «Мораль»!

И снова Старджон не был бы Старджоном, если бы с холодным профессионализмом прозектора просто представил нашему вниманию занятую кунсткамеру уродцев. Напротив, он страстно и увлеченно рассказывает истории жизни людей, личностей. До момента «слияния» их индивидуальные судьбы не назовешь удачливыми, но зато в новом качестве они нашли не только обезопасившую их всех социальную нишу, но и долгожданную любовь, понимание, цель жизни.

Его лучшие произведения не об обитателях иных миров, а о нас с вами. Живущих друг с другом, старающихся найти взаимопонимание, а значит, обрести Любовь. И мне хотелось бы закончить статью об одном из самых глубоких и пронизательных в этом вопросе «специалистов» его собственным признанием в любви. Обращенным к нам — благодарным читателям: «Я писал обо всем, что мне хотелось обнаружить, раскопать в людях, обо всем, что мне нужно было в них понять. Я писал о вас. Поэтому смею надеяться, что вы мне поверите: я люблю вас».

Курсор

Питер Джексон

наконец помирился с кинокомпанией New Line Cinema (громкий скандал случился по финансовым причинам — из-за дележки прибыли трилогии «Властелин Колец»), и это означает, что он все-таки примет участие в масштабнейшей экранизации еще одного романа Профессора — «Хоббит». Правда, в качестве не режиссера, а лишь продюсера. На место постановщика молва прочит Сэма Рейми, Гильермо дель Торо или Альфонсо Куарона.

Культовый роман

Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» завоевывает московскую сцену. Театр под руководством Александра Калягина «Et Cetera» взялся за постановку пьесы по мотивам знаменитой книги. Режиссер спектакля — Адольф Шапиро, главную роль Монтэга исполняет эстонский актер и режиссер Эльмо Юганен, в роли Битти — Виктор Вержбицкий, известный любителям фантастики по роли Завулона в «Дозорах».

Режиссер Питер Берг

подтвердил, что слухи о новой экранизации романа Фрэнка Герберта «Дюна» отнюдь не беспочвенны. Он приступит к работе над картиной, когда завершится забастовка сценаристов. Это будет не только новая киноверсия романа, но и своеобразный римейк фильма Дэвида Линча.

За Шреком

последует «Планета 51». Соавтор всех трех «Шреков» Джо Стиллман создал сценарий анимационного фильма, повествующий о некоей планете, жители которой страшно боятся пришельцев из космоса. Однажды на планету попадает земной астронавт — и приходится ему там несладко. Самое интересное, что выпустить мультфильм решила студия New Line Cinema, никогда раньше не грешившая анимацией. Режиссер — Хорхе Бланко, релиз намечен на 2009 год.

Фантастические аукционы

бьют рекорды. Так, рукописная книга Джоан Роулинг с ее личными иллюстрациями «The Tales of Beedle the Bard» была продана на аукционе «Сотби» владельцам интернет-магазина Amazon.com за 1,95 миллиона фунтов стерлингов. Книга «Сказки Бидля» упоминается в заключительном романе о Гарри Поттере. Деньги от продажи писательница направит в свой благотворительный фонд. А тем временем на Amazon.com уже выкладываются отдельные сказки из книги. Параллельно в Голливуде проходил аукцион предметов из фантастических фильмов. Металлический скелет термина-

тора T-800 из фильма «Терминатор: Судный день» ушел за полмиллиона долларов, голова тиранозавра из «Парка юрского периода» за 126 тысяч. Здесь же можно было приобрести миниатюрные фигурки Чужих, накидку Супермена, плащ Нео и другие артефакты.

На фоне

расцвета фантастических сериалов некоторые из них все же закрываются. Создатель сериала «4400» Скотт Петерс объявил об окончании производства на официальном сайте. Цикл просуществовал четыре сезона. Чуть больше, шесть сезонов, «прожил» сериал по мотивам книги Стивена Кинга «Мертвая зона», ныне канал USA Network официально закрыл его.

Артур Кларк

принимал поздравления по поводу своего 90-летнего юбилея. Среди многочисленных подарков присутствует и почетная медаль от Федерации космонавтов России. Медаль на праздновании юбилея, состоявшемся в столице Шри-Ланки Коломбо, вручил Алексей Леонов — человек, совершивший первый выход в открытый космос. Прикованный к инвалидному креслу Артур Кларк продолжает писать книгу «Последняя теорема». У писателя есть три главных желания: достижение мира в Шри-Ланке, обнаружение свидетельств существования внеземных цивилизаций и переход человечества на чистые виды топлива.

После окончания

бессрочной забастовки сценаристов на студии 20th Century Fox завершится работа над первым вариантом сценария блокбастера «Сумеречный Дозор» по мотивам книги Сергея Лукьяненко. В голливудской компании считают, что премьера фильма может состояться уже в 2009 году. Сергей Лукьяненко не занимался сценарием, к этой работе студия Fox привлекла сценариста, имя которого не разглашается. Фильм будет связан с книгой (как и с предыдущими лентами) лишь формально. Наряду с русским героем появится и американец, да и действие будет происходить в разных городах мира. В качестве режиссера был приглашен Тимур Бекмамбетов, однако неожиданный перенос сроков премьеры первого крупного голливудского проекта Бекмамбетова, киноверсии комикса «Особо опасен!», может стать препятствием.

Агентство F-прессе

АМНУЭЛЬ Павел Рафаилович

Писатель и ученый-астроном Павел Амнуэль родился в 1944 году в Баку. Окончил физический факультет Азербайджанского государственного университета; кандидат физико-математических наук.

В течение многих лет Павел Амнуэль был сотрудником Шемахинской астрофизической обсерватории, работал в Бакинском Институте физики. Автор более шестидесяти научных работ в области релятивистской астрофизики, а также методики развития творческого воображения, используемой как часть ТРИЗ — теории решения изобретательских задач, созданной известным советским изобретателем и писателем-фантастом Г.С.Альтшуллером (Г.Альтовым). С 1990 года живет в Израиле.

Как писатель-фантаст дебютировал в 1959-м в журнале «Техника—молодежи» с рассказом «Икария Альфа» и с тех пор редко отходил от «твердой» НФ. Его перу принадлежат книги «Сегодня, завтра и всегда» (1984), «Капли звездного света» (1990), «Приговоренные к высшей мере» (1990), «День последний — день первый» (1993), «Люди Кода» (1997; 2006), «Все разумное» (2002). В 2007 году вышел новый сборник повестей «Что там за дверь?». Известен также произведениями детективного жанра. Кроме того, писатель активно выступает с публицистическими материалами по различным проблемам науки и фантастики.

Лауреат приза «Великое кольцо» (1982).

БЕЙКЕР Кейдж (BAKER, Kage)

Американская писательница и художница Кейдж Бейкер родилась в 1952 году в Голливуде. После окончания школы занималась живописью, работала в различных религиозных объединениях, в театре (писала пьесы, пробовала себя в режиссуре), а с середины 1990-х обратилась к НФ и фэнтези.

Литературным дебютом стал рассказ под любопытным названием «Факты, относящиеся к аресту д-ра Калугина» (1997). За последующие четыре года Бейкер опубликовала трилогию «Компания» — «В саду Идена» (1997), «Небесный койот» (1999) и «Мендоза в Голливуде» (2000), впоследствии разросшуюся до многотомной серии. Всего на счету писательницы десятков романов и более полусотни рассказов и повестей, ряд которых номинировался на различные жанровые премии. В частности, роман «Наковальня мира» (2005) стал финалистом Мифозэпической премии, повесть «Сын, следи за временем» (1995) вошла в шорт-лист «Хьюго», а известная читателям «Если» повесть «Мадам Айгюптос» была названа среди лучших произведений года журналом «Локус». Повесть «Королева Марса» (2003), чьим продолжением является «Мальстрем», номинирована на обе высшие премии, «Хьюго» и «Небьюла», и завоевала Премию имени Теодора Старджона.

Бейкер живет в сельском коттедже в Калифорнии, разводит цветы, наблюдает за птицами, нянчит племянниц и племянников, читает, рисует, пишет — и, по ее словам, полностью счастлива.

БЕНФОРД Грегори (BENFORD, Gregory)

Один из ведущих авторов американской научной фантастики последних трех десятилетий, писатель и ученый-физик, специалист в астрофизике и физике плазмы Грегори Бенфорд родился в 1941 году в городе Мобиле (штат Алабама). Окончив Университет штата Оклахома и защитив диссертацию в Университете штата Калифорния в Сан-Диего, Бенфорд работал по специальности во многих университетах и научных учреждениях США (в том числе в знаменитой лаборатории Лоуренса в Ливерморе и в НАСА) и не прекращал плодотворной научной деятельности, даже когда стал именитым и высокооплачиваемым профессиональным писателем. С середины 1980-х годов и по настоящее время Бенфорд занимает должность профессора физики в Университете штата Калифорния в Ирвайне, одновременно являясь советником НАСА, министерства энергетики и президентского Совета по космической политике.

После краткого периода активной «фэновской» жизни Бенфорд в 1965 году написал свой первый научно-фантастический рассказ «Стоя». С тех пор ведущий представитель «твердой» НФ опубликовал 25 романов, многие из которых становились бестселлерами. Среди последних — один из лучших фантастических романов о науке «Ландшафт времени» (1980), роман-продолжение азимовской серии об Основании — «Ужас Основания» (1997), а также две трилогии под общим названием «Океан»: «В океане ночи» (1977), «Через море солнц» (1984), «Великая небесная река» (1987), «Приливы света» (1989), «Яростный залив» (1994), «Плавание в светлую вечность» (1995). Среди последних романов Бенфорда выделяются «Марсианские гонки» (1999), «Пожирательница» (2000), «За границами бесконечности» (2004). Писатель является автором более сотни рассказов, лучшие из которых включены в четыре авторских сборника; он же выступил составителем десяти тематических антологий.

Грегори Бенфорд — дважды лауреат премии «Небьюла», Мемориальной премии имени Джона Кэмпбелла, австралийской «Дитмар» и Британской премии по научной фантастике.

КАГАНОВ Леонид Александрович

Московский писатель и сценарист Леонид Каганов родился в 1972 году в Москве в семье инженеров. По окончании Московского техникума автоматики и телемеханики получил два высших образования — в Московском

горном университете и на факультете психологии МГУ. По собственному признанию, с детства мечтал стать писателем. В печати Л.Каганов выступает с 1995-го и с тех пор существует исключительно за счет творческой деятельности. Участвовал в создании сценариев многих телепередач и телесериалов, в том числе «О.С.П.-студия» и «Назло рекордам!».

Печатный дебют в жанре состоялся в 1998 году — это был рассказ «Глеб Альтшифтер». В 2002 году выпустил сборник фантастической прозы «Коммутация», который вывел писателя в число лучших рассказчиков отечественной фантастики. Сборник получил целый букет жанровых премий: «Интерпресскон», «Старт» и «Звездный мост» (все — как лучший дебют года). В премиальном списке Л.Каганова значатся также «Бронзовый Роскон», «Странник» и «Бронзовая улитка».

В 2003-м вышел первый (и пока единственный) фантастический роман писателя «Харизма». Но уже следующая книга — сборник «День академика Похеля» (2004) — представила новую коллекцию произведений малой формы. С тех пор Л.Каганов выпустил еще несколько сборников: «Эпос хищника» (2006), «Дай Бог каждому» (2006) и «Дефицит белка» (2007).

КАСМАН Алекс (KASMAN, Alex)

Американский математик и писатель Алекс Касман родился в 1972 году и закончил Бостонский университет, где защитил диссертацию по математике. Первый НФ-рассказ автора — «Бессмысленная эффективность» — появился в 2005-м, а спустя два года вышел авторский сборник «Условия реальности», в который вошли 16 рассказов, объединенных темой «математическая проза».

Занимая должность профессора математического факультета Чарльстонского колледжа (штат Южная Каролина), Касман является также автором, вероятно, самой полной и обстоятельной библиографии «математической прозы», значительную часть которой, естественно, составляет фантастическая литература.

МИЛЛЕР Энн (MILLER, Ann)

Рассказ «Взгляд в прошлое» (2007), опубликованный в этом номере журнала, является прозаическим дебютом поэтессы Энн Миллер (не путать с известным автором фэнтези Лесли Энн Миллер).

Она выросла на ранчо в штате Колорадо, закончила колледж с дипломом юриста и являлась сотрудником юридической службы по делам бедных. Кроме того, вплоть до прошлого года она работала в библиотеке Универси-

тета штата Колорадо в Боулдере (в том, что автор «Взгляда в прошлое» любит книги, читатель рассказа смог убедиться сам). В настоящее время заканчивает первый фантастический роман.

МИХАЙЛОВ Владимир Дмитриевич

Классик отечественной НФ-прозы Владимир Михайлов родился 24 апреля 1929 года в Москве, однако после ареста родителей ему пришлось перебраться в Ригу к родственникам, где он прожил до начала 1990-х. Некоторое время учился на юридическом факультете Латвийского университета, однако полное высшее образование получил на филологическом факультете того же университета. После учебы некоторое время работал в журнале «Дадзис», а в 1963 году возглавил самую уважаемую республиканскую газету «Литература и искусство», но спустя несколько лет его сняли с должности «за излишний либерализм». С журналистикой связана и еще одна страница в биографии писателя. В 1980-е В.Михайлов был назначен главным редактором литературного журнала «Даугава», которое стало активно публиковать НФ-прозу.

Печататься В.Д.Михайлов начал в 1950-х — как поэт и журналист, а в 1962-м в «Искателе» дебютировал как писатель с фантастической повестью «Особая необходимость». Первые книги фантаста — «Особая необходимость» (1963), «Люди Приземелья» (1966), «Люди и корабли» (1967), «Ручей на Япете» (1971) — вывели Михайлова в число ведущих авторов «твердой» НФ. Однако подлинную популярность писатель приобрел после выхода ставших классикой романов социальной НФ — «Дверь с той стороны» (1974) и особенно «Сторож брату моему» (1976). Последний положил начало самому известному циклу писателя — о капитане Ульдемире (в конце 1990-х именем этого литературного героя астрономы назвали одну из звезд).

Диапазон творчества фантаста простирается от социальной и философской фантастики до НФ-детектива. За более чем 40-летнюю творческую деятельность В.Д.Михайлов, обладатель многих жанровых премий и титулов (в том числе звания «Паладин Фантастики»), выпустил более 30 книг. Назовем наиболее известные: «Тогда придите и рассудим» (1983), «Один на дороге» (1987), «Не возвращайтесь по своим следам» (1991), «Ночь черного хрустала» (1991), «Восточный конвой» (1996), «Приют ветеранов» (1996), «Посольский десант» (1996), «Вариант И» (1997), «Наследники Ассарта» (1998), «Кольцо Уракары» (2000), «Завет Сургана» (2002), «Тело угрозы» (2004), «Медные трубы Ардига» (2004), «Решение номер три» (2005), «Может быть, найдется там десять?» (2006).

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 65 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.**

Цена действительна только на номера 2008 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 390 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 390 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 127015, г. Москва, Большая Новодмитровская ул., д. 36/4.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел./факс: (495) 642-97-55

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ПОДПИСКА-2008

«Роспечатать:
газеты,
журналы»

**ГАЗЕТЫ
ЖУРНАЛЫ**

2008

Первое полугодие

Агентство «РОСПЕЧАТЬ»[®]

ПОДПИСКА НА РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

 Агентство по массовым коммуникациям и информации № 01	 Федеральное агентство технического регулирования № 02	 КАДРОВЫЙ Федеральное агентство по труду и занятости № 03
--	--	--

ПОДПИСКА-2008
— ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ —

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

- 1 Российские и зарубежные газеты и журналы
- 2 Книжки и учебники

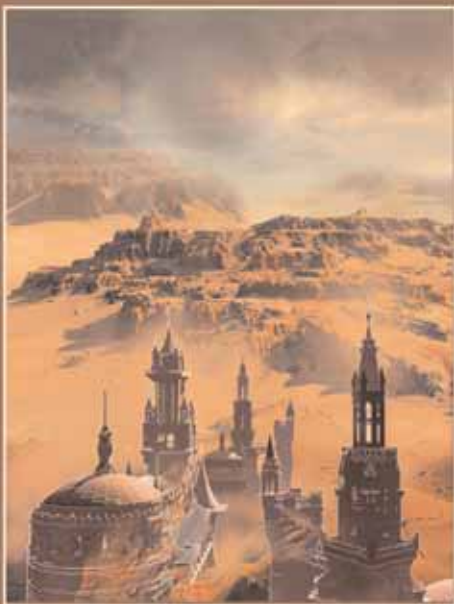
ПРЕССА РОССИИ

1 ГАЗЕТЫ
И ЖУРНАЛЫ
ТОМ

«Пресса
России»

**Для тех читателей,
кто предпочитает традиционный путь,
текущую подписку на «Если»
можно оформить по каталогам –
с любого месяца и на любой срок.
Стоимость одного номера – 57 рублей.**

**Подписка ведется
во всех отделениях связи.**

КЕЙДЖ БЕЙКЕР МАЛЬСТРЕМ

Богиня наградила тебя просто непристойным количеством наличных, а ты не можешь найти им иного применения, чем покупать заплесневелые древние слова. Учти, ты создаешь город собственными руками, пусть и в пикселях. Это власть! Это сила! Тебе хочется творчества, верно? Воздвигай здания и не щади собственного воображения: карнизы, лепнина, пышные украшения, да хоть позолота! Плевать мне, как они выглядят!

Исполненный возмущения и обиженный до глубины души мистер Мортон ретировался в свой чертежный терминал, где спроектировал целый городской квартал в стиле неоготического рококо. Благодаря марсианскому тяготению он мог делать свои изысканные шпили и башни еще более парящими, изящными и сказочными. Несколько уравнений дали поразительные результаты. Поэтому сейчас он был почти счастлив, конструируя муниципальный мусорообработывающий завод небесной красоты.

9 771680 645003

ISSN 1680-645X

08002

>